

www.devec.ru

Развитие и Экономика

март 2014

9

Что есть Россия?

Узнаваемая классика

концерт-путеводитель

Сергей Белкин

**Книга составлена как концерт-путеводитель.
Открывает «концерт» Моцарт, далее идут Глинка,
Шопен, Прокофьев, Чайковский... В книге-концерте
представлено 280 популярных музыкальных
произведений 84-х композиторов с информацией
о каждом из них.**

Издание и распространение книги «Узнаваемая классика»
С. Белкина является совместным благотворительным
проектом автора, «Миллениум Банка» и Фонда Святого
Всехвального апостола Андрея Первозванного.

Заявки от библиотек, учебных заведений, учреждений культуры,
общественных объединений и организаций направлять по адресу:
129090, Москва, Протопоповский пер., д.19, стр.10,
«Миллениум Банк».

СОДЕРЖАНИЕ

март 2014 | №9

КОЛОНКА УЧРЕДИТЕЛЕЙ

- 4 М.Ю. Байдаков, С.Н. Белкин
Целостное развитие

- 6 Д.А. Андреев, С.Н. Белкин
Открывая номер

12

- 12 В.И. Курашов
Что есть Россия?
Философская точка зрения

- 26 В.В. Малявин
Заповедное место и грядущая всемирность

- 48 С.Н. Белкин
Нерусский русский и русский нерусский

26

ФИЛОСОФИЯ РАЗВИТИЯ

Развитие и Экономика

Научный и общественно-политический альманах

Учредители:
М.Ю. Байдаков, С.Н. Белкин

Издатель: М.Ю. Байдаков

Главный редактор: Сергей Белкин

Первый заместитель главного редактора: Дмитрий Андреев

Заместитель главного редактора:
Вадим Прозоров

Арт-директор: Олег Фирсов

Секретарь редакции:
Елена Колесникова

Адрес:

129090, г. Москва, Протопоповский
переулок, дом 19, стр. 10.

Тел.: +7 (495) 788-98-68

Факс: +7 (495) 788-98-69

www.devec.ru

info@devec.ru

Издание зарегистрировано
в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ
№ ФС77-44936 от 4 мая 2011 г.

ISSN 2304-3962

Печать: «Немецкая фабрика печати»
Тираж: 2500 экз.

Дата выхода в свет: 14 марта 2014

© М.Ю. Байдаков, С.Н. Белкин
Перепечатка материалов возможна
только с разрешения редакции.
При использовании материалов
альманаха «Развитие и экономика»
в любой форме ссылка на альманах
«Развитие и экономика» обязательна.

Распространяется почтовой
рассылкой по собственной базе
данных, а также на форумах,
конференциях, круглых столах и т.п.
Заявку на включение в список
рассылки направлять в редакцию.
Оформить заявку можно на сайте
www.devec.ru

Партнер: Международный
общественный форум
«Диалог цивилизаций»

80

политика и развитие

60

А.Г. Рар

Последний форум «Петербургского диалога» оживил связь между Германией и Россией

64

А.П. Ярков

Русские и ислам: проблемы совместимости и взаимного выживания в условиях Сибири

80

Е.А. Федоров

«Если Россия освободится от внешнего управления, то она автоматически станет державой номер один»

Интервью депутата Государственной Думы, члена фракции «Единая Россия» и члена думского комитета по бюджету и налогам альманаху «Развитие и экономика»

теория развития

96

Е.В. Балацкий

Технологии и институты: замыкание контура взаимосвязей

106

И.А. Гундаров

О культуре управления государством по критерию качества жизни

история развития

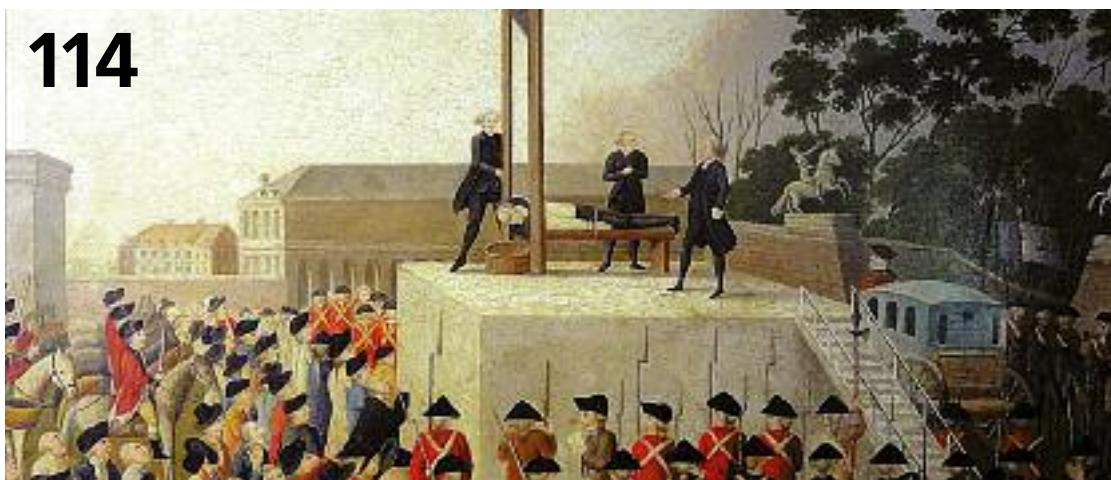
114

К.А. Свасьян

История тамплиеров

В память об одном опустевшем храме

114

культура и развитие

- 130** Б.В. Межуев, А.И. Неклесса, С.Ф. Черняховский
Попытка бегства с Олимпа, или Обитаемый остров Россия
Беседа в редакции

- 152** О.И. Ибраимов
Крест и плаха
Чингиз Айтматов как последний писатель империи

- 160** В.К. Батурин
Достоевский: девять актуальных мыслей об истинном развитии России

130**спорт и развитие**

- 166** Ю.А. Борисёнок
«Сочинская Олимпиада станет доказательством того, что существует новая Россия, которая может даже в субтропиках провести зимние игры»
Интервью кандидата исторических наук, главного редактора журнала «Родина», одного из авторов книги «История российского спорта» альманаху «Развитие и экономика»

- 186** А.Н. Белкин
Лужники: осторожно, реконструкция!

постаналитика

- 190** Д.А. Андреев
Код Выдрина

- 204** Аннотированное оглавление на английском языке

анонс

- 208** Итоги и перспективы

annotated table of contents

**Михаил Юрьевич
Байдаков –**

издатель альманаха «Развитие и экономика», председатель правления «Миллениум Банка», президент Фонда Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного

**Сергей Николаевич
Белкин –**

главный редактор альманаха и портала «Развитие и экономика»

Целостное развитие

Долгим, сложным, запутанным, жертвенным путем идет Россия по своей судьбе, то теряя ориентиры, то вновь их обретая, то забывая, откуда и куда она движется, то вспоминая — а то и придумывая заново. Вот уже не один десяток лет идет процесс перемешивания прошлого и затуманивания будущего. Бредет страна — то ли по инерции, то ли на чужой зов, то ли по наитию, но веря, что выращивает внутри себя ведуна-прорицателя, который промыслит будущее и укажет к нему путь. Копятся силы духовные, обретаются знания, взрослеет «сын ошибок трудных» — опыт. Хотелось бы, чтобы пришла и пора со-зидания — радостного, целеустремленного, успешного. Но в начале должно быть — Слово! Ждет Россия и от России ждут — Слова: идеи, образа будущего, концепции, доктрины. Несмотря ни на что, Россия — как бы и кем бы ни была оболгана и сфальсифицирована ее история, какой бы глубины ущерб ни был ей нанесен — остается для кого-то прозрачной, а для кого-то явной и единственной надеждой. Надеждой на возрождение нравственной точки опоры в мутном потоке всеобщего разложения и деградации, алчности,

цинизма, эгоизма, утраты в человеке человеческого, духовного, победы в нем животно-потребительского.

Одним из влиятельных мировых дискурсов является рассмотрение истории в рамках вековых парадигм бытия — Модерна, Постмодерна, Контрмодерна, Сверхмодерна. Разговоры о происходящем в мире врачаются вокруг тезисов о «конце истории» и о «столкновении цивилизаций». Ведутся яростные споры как с самими тезисами, так и с основаниями, на которых они выстраивались. На фоне споров и анализов зреет ощущение приближения «чего-то» с «чем-то», интеллектуальное ощупывание пространства возвещает о существовании границы, за которой начинается — или может начаться — нечто совершенно иное, какая-то новая жизнь, построенная на новых принципах бытия.

Какой способ жизнеустройства может предложить Россия миру, исходя из опыта проверок на самой себе множества рецептов, доктрин и моделей? Что познала Россия, пройдя сквозь тернии веков собственной судьбы, что она не растеряла, что осознала как главное, ради чего стоит жить, что оценила как неприемлемое, чем не хочет поступаться, чем готова делиться?

Россия – единственная в мире страна, устроенная почти так же сложно, как устроен целый мир. Здесь веками живут на собственной земле народы, говорящие на разных языках, придерживающиеся разных религиозных взглядов, сохраняющие особенности национальных менталитетов, пережившие периоды взаимной вражды и дружбы, желаний разбежаться и объединиться. Нет еще одной такой страны, которая проводила бы над собой столь масштабные эксперименты по радикальной смене устоев бытия, подвергla бы испытаниям «на разрыв» внутренние и внешние отношения, верования, меняла бы цели и смыслы жизни. И при этом – оставалась бы сама собой, Россией: цельной в чем-то главном, неизбывном и не просто жизнеспособной, а способной к развитию.

Россия владеет огромным экспериментальным материалом использования различных политico-экономических моделей, осталось его осмыслить, осознать и выработать стратегию собственного развития. Наша память, наши сердца помнят боль утрат и радость побед. Наша совесть прошла через испытания, разочарования, стыд,ожаления – но осталась живым, чувствительным органом нашей нравственности. Органом, который только и сможет сделать правильный выбор из множества искушений, предлагаемых нам извне и рождающихся в наших собственных умах.

Россия на пороге рождения новой парадигмы развития, причем не просто выдуманной кабинетной модели, составленной из разных экономических и социальных технологий, а выстраданного образа жизнеустройства, суть которого можно выразить в двух словах – целостность в многообразии.

Россия – целостный мир, обладающий общим для всех ценностным ядром и в то же время содержащий в себе множество несовпадающих друг с другом ценностных подсистем. Это и этнокультурные, и религиозные, и социально-политические подсистемы взглядов, вкусов, предпочтений, существующие друг с другом в симбиозе живой, противоречивой целостности. Сегодня эти подсистемы еще не нашли точных сопряжений, еще сильна инерция бескомпромиссности, еще действуют силы отталкивания приверженцев «единственно верных» учений. Но уже ясно, что через обретение общей для всех наднациональной, надрелигиозной цели, прошедшей через нравственные фильтры всех подсистем, может быть обретено единение другого уровня сложности – цивилизационного – и другой степени гармонии – симфонии. Россия должна осознать себя как единое целое, но не глобализированное в рамках одной для всех «единственно верной» парадигмы, а как целостность в многообразии.

Важно увидеть сущностное отличие концепта «целостность в многообразии» от старинной максимы «единство в многообразии», ставшей, в частности, девизом Европейского союза.

Отличие «единства» от «целостности» не кажется очевидным, эти понятия часто воспринимаются почти как синонимы. Но это не так.

Единство, единение – это характеристика способа взаимодействия составных частей, установленного для достижения единства согласованных действий. Такой способ взаимодействия может образовывать как целост-

ную систему, так и некую часть целого, добивающуюся своих – отличных от целого – целей. С очевидностью это отличие проявляется на примере политических партий: партии внутренне едины, объединены на основе общей программы и правил поведения. При этом каждая партия – даже по своей этимологии – есть некая часть целого. Противоположный пример – единство, формирующее целостность, – это природа, вселенная, все части которой взаимодействуют согласованно, образуя целостный мир, пребывающий в божественной гармонии.

Ни сам Евросоюз, ни его лозунг «единство в многообразии» не могут претендовать на формирование организменной целостности. Прежде всего в силу того, что практика формирования их ценностного мира не просто предполагает, а ставит на одно из первых мест отказ от того, что мы называем традиционными ценностями. Членам Евросоюза предложено, например, быть едиными в разрушении традиционной семьи и утверждении семьи однополой, быть едиными в растворении национальной идентичности в культуре «общеверопейского дома», скорректировать собственные ценности в соответствии с «общечеловеческими» и т.д.

Мы, Россия, знаем, что подобные «эксперименты» с традиционными ценностями чреваты разрушением общества и государства. Традиционные ценности не обязательно оказываются препятствием для пресловутого «прогресса», но они всегда являются системой безопасности, страховкой от деградации и вырождения, которые иногда выдают себя за «прогресс» и развитие.

Целостность народа непременно включает в себя традиционные ценности. Целостность такого сложного социума, как народ России, включает в себя традиционные ценности всех «составных частей», способных вступить друг с другом в гармоничные взаимоотношения: в этом и состоит целостное развитие. Противоположные варианты – непримиримая борьба ценностей, ведущая к распаду целостности, или искусственно созданная силовая оболочка – в форме идеологии или перед лицом общего врача – временно удержат «составные части» в иллюзорной целостности, на самом деле являющейся не более чем единством.

Россия, предлагая миру концепт «целостность в многообразии», предлагает и динамику процесса – целостное развитие. Здесь два ключевых понятия. С одной стороны, целостность мира, человечества, сохраняющего многообразие культур. С другой стороны, развитие – как процесс удовлетворения насыщаемых материальных и постоянно возрастающих духовных, творческих, как процесс реализации собственного предназначения, и иных потребностей. И тогда в России зазвучит мощная и прекрасная симфония народов – симфония, у которой есть партитура, есть и отдельные партии, собственные голоса каждого участника величественной гармонии развития. «Целостность» при этом относится как ко всему миру, так и к отдельным государствам, народам, стремящимся сохранить собственные ценности.

Целостное развитие может стать брендом, доктриной России. Именно такая парадигма бытия способна оказаться бесценным даром России миру, который погружается во тьму самоуничтожения. Но дар тоже должен быть целостным: в начале – Слово, а за ним – Дело.

Дмитрий Александрович Андреев –
первый заместитель главного редактора
альманаха «Развитие и экономика»

Сергей Николаевич Белкин –
главный редактор альманаха и портала
«Развитие и экономика»

Открывая номер

илософский анализ проблемы развития призван исследовать фундаментальные смыслы, среди которых такие принципиальные понятия и концепции, как смысл жизни, ценности, национальный менталитет. В этом номере мы помещаем статью одного из видных философов России Владимира Курашова, в которой рассмотрен выведенный в заглавие предельно амбициозный вопрос: «Что есть Россия?» В поисках ответа автор разбирает отличия патриотизма от национализма, рассматривает сущность того, что принято называть национальной идеей. В статье перечисляются и объясняются наиболее типичные особенности русской ментальности,дается интересное обоснование целостности России – как «следствия духовного единства народа». Хочется отметить весьма важное наблюдение автора: «Природа народа, сущность его идентичности – метафизический объект, то есть объект, в существовании которого мы убеждены, но вместе с тем осознаем невозможность его познания научными методами, в пределах возможного опыта».

Сложнейшая и тончайшая диалектика целостности, соотнесение идентичности с чуждостью, поиск и опознание чуждости в себе самом простираются от пространства личности до пространства социума. Именно в этом противоречии и в этой гармонии скрыта тайна источника всякого развития. Западная ментальность оказывается неспособной достичь единства противоположностей, ее единственный реальный инструмент – анализ. Синтез же является лишь сборкой ранее расщепленного, но не рождением новой живой целостности. Обретение ощущения целостности бытия дало бы ключ к выходу из тупика Модерна и бездны Постмодерна.

Новый – для европейского рационализма – метод постижения, который уже нельзя назвать рефлексией, ибо он ей сущностно противоположен, стоит поискать в интеллектуально-чувственном опыте Востока. Текст Владимира Малявина, который следует отнести к жанру философского эссе, погружает нас в мир предельных глубин. Разговаривая с читателем образным языком скорее ассоциаций, нежели протокольных описаний места происшествия, автор при-

зыает ощутить вместе с ним переменчивую сложность мира, тщетность глобальных технологий – в том числе «проекта Модерн» – для постижения созданных им же рациональных образов-моделей бытия. Автор вводит нас в мир китайской философской традиции, использующей взгляд внутрь себя, устремление «к точке центрированности бытия», что, может, и должно стать, говоря уже упрощенным рациональным языком, способом генерации самоподобия, каковая есть важнейший элемент развития.

Главный редактор альманаха Сергей Белкин обращается к предельно напряженной и политизированной в настоящее время теме – национальной идентификации русских. Автор подчеркивает фундаментальное отличие одних и тех же понятий, используемых как концепты в разных областях знаний и практической деятельности: бытовое и даже научное содержание термина может просто не работать в сфере практической политики. В статье предлагается своего рода deductивный подход к тому, как должна выстраиваться русская национальная самоидентификация. Сергей Белкин считает, что эта проблема лишь тогда получит шанс конструктивного разрешения, когда станет составной частью более общей проблемы – формулирования созидательного целеполагания для всего общества. Такого целеполагания, которое, учтя весь позитивный опыт прошлого, окажется способным обеспечить превращение народа в нечто гораздо более целостное, нежели то, чем он является сейчас. Вот в таком энергетическом поле проблема самооощущения русских – как ключевого этнического интегратора нашего многонационального народа – и сможет найти единственно верное разрешение. Политическая жизнь планеты с каждым днем становится все более динамичной, количество и значимость влиятельных событий возрастают с тревожной скоростью. Тревожной – потому что политическая лихорадка часто предшествует не самым благоприятным мировым процессам. Альманах не ставит своей целью ни отслеживание политических событий, ни их аналитику в режиме реального времени. Мы видим свою роль в анализе долгодействующих факторов, в выявлении фундаментальных процессов политической трансформации мира. К таким процессам и факторам относятся долгосрочные взаимодействия России с крупнейшими мировыми центрами силы и нашими влиятельными партнераами, к которым, несомненно, относится Германия. В связи с этим замеченные Александром Раром тенденции перемен в наших отношениях, проявившиеся в ходе очередного форума германо-российской общественной организации «Петербургский диалог», заслуживают внимания. Автор отмечает, что сама сквозная тональность выступлений немецких участников форума, в том

числе и весьма влиятельных в политических кругах Германии, заметно отличалась от риторики, господствовавшей еще совсем недавно. Между тем нельзя не отметить и предельную сдержанность авторского оптимизма – в публикации говорится не столько о потеплении отношений между Германией и Россией, сколько о наличии условий для подобной перемены, среди которых называется и заинтересованность в улучшении двусторонних отношений нового руководителя германского внешнеполитического ведомства Франка-Вальтера Штайнмайера.

К числу сложных проблем нашей сегодняшней действительности – проблем, требующих скрупулезного проговаривания, обсуждения, внимательного и аккуратного согласования разных точек зрения и одновременно бескомпромиссного дезавуирования любых деструктивных спекуляций на сей счет, – относятся межконфессиональные отношения. И в первую очередь отношения между двумя самыми представительными в нашей стране конфессиональными общностями – православными и мусульманами. Об этом – точнее о том, как эти отношения строились в Сибири начиная с ее присоединения и продолжают выстраиваться по сей день, – статья Александра Яркова. Автор доказывает, что в этом российском макрорегионе накоплен уникальный опыт бесконфликтного сосуществования представителей обеих общин. И даже не сосуществования, а глубокого взаимного проникновения, сращивания в нечто цельное. Этот опыт резко контрастирует с опытом православно-мусульманских отношений на Северном Кавказе, которые на протяжении всех полутора веков после завершения Кавказской войны оставляли желать лучшего. Между тем определенные острые углы имеются и у этого позитивного опыта. В частности, его непосредственным результатом является возникновение феномена русских по своему этническому происхождению мусульман, которые часто становятся адептами радикальных форм ислама.

Взаимодействие России с внешним миром является одним из самых главных факторов (зачастую – определяющим фактором) ее собственного развития. Так было всегда, так происходит и сейчас. Строки – и мысли – Тютчева, сказанные полтора века тому назад, остаются актуальными:

*Давно на почве европейской,
Где ложь так пышно разрослась,
Давно наукой фарисейской
Двойная правда создалась:
Для них – закон и равноправность,
Для нас – насилие и обман,
И закрепила стародавность
Их как наследие славян.*

Мировая политика всегда остается одной из самых важных и популярных тем публицистики. Одной из черт, привлекающих внимание и авторов, и читателей, является высокая степень информационной закрытости, характерной для деятельности и внешнеполитических ведомств, и специальных служб всех государств. В этом состоит естественная и оправданная специфика международного соперничества стран и ТНК. Скрытие своих истинных намерений, создание видимости преследования ложных целей, неофициальные взаимодействия и тайное координирование действий – всё это составляет старинный и неизменный арсенал мировой политики. Политики и руководители ТНК затрачивают немалые усилия для выявления скрытых договоренностей и намерений соперников ради выработки наиболее эффективной тактики достижения собственных целей. Всё это порождает весьма привлекательную для журналистов и публичных политиков среду для домыслов и драматизации происходящего. Публицистика и аналитика, посвященные вопросам тайной дипломатии и выявлению истинных целей и закулисных альянсов лидеров мировой политики, не только пользуются естественной популярностью, но и применяются как один из инструментов этой самой мировой политики. Было бы ошибкой игнорировать подобные материалы, относя все их к заведомо недоброкачественной, низкопробной продукции «желтой прессы» или отмахиваясь от необходимости анализа проблемы с помощью примитивного навешивания ярлыка «теория заговора». Полноты картины происходящего достичь невозможно без рассмотрения всех доступных наблюдению проявлений мировой политики, в том числе и тех, которые осуществляются для создания ложных целей. Важно при этом замечать взаимосвязь явлений и стараться отличать роль и место тех или иных информационных событий в сложном переплетении взаимодействий мировой политической жизни.

Проблема самостоятельности определения России своего пути всегда находилась в центре внимания альманаха, будучи сформулированной как проблема субъектности развития. Мы будем и в дальнейшем обращаться к фундаментальным аспектам этой проблемы, исследуя как меру зависимости, так и меру свободы в выборе национальной стратегии и ее целей. Несомненно, при этом одним из важных факторов был и будет фактор внешних ограничений, степень свободы, минимально необходимая для продуктивной стратегии развития.

Традиционной – и для бытовых перебранок, и для телевизионных ток-шоу – темой является вопрос о степени зависимости России от мировой финансовой элиты, персонифицированной в образе меме под условным названием «США». Наличие

такой зависимости признают все, отличаются лишь приписываемые ей степени и эмоционально-лексический набор описаний. Рационально-умеренный взгляд соглашается с фактом экономических и политических взаимодействий в глобализированном мире, признавая необходимость разного рода уступок, в том числе и таких, которые могут быть восприняты как ограничение суверенитета – ограничение, компенсирующееся, однако, обретением целого ряда благ и возможностей. В качестве альтернативы видится полная автаркия с погружением страны в режим дремучей либо блистательной самобытности. Другим полюсом взглядов на степень зависимости России от США является утверждение о фактической колонизации страны, о режиме внешнего управления, отсутствии суверенитета и всяких перспектив самостоятельного развития. Приверженцы этой точки зрения обычно используют лексику революционной агитации масс, которые следят воодушевить на восстание против колонизаторов. Именно этот жанр по понятным причинам чаще других привлекает средства массовой информации, что не может не формировать черты соответствующего амплуа у востребованных экспертов. Несмотря на то что агитационные призывы не являются ни стилем, ни целью альманаха, мы публикуем интервью с думским депутатом от «Единой России» Евгением Федоровым, в котором содержится немало фундаментально важных суждений, высказываемых порой в гротесковой манере. Считаем важным предоставить читателям возможность познакомиться с проблемой в такой формулировке – как потому, что отмечены действительно важные факты, так и потому, что политик является представителем высшего слоя законодательной власти, правящей партии. Это обстоятельство придает анализу дополнительный и весьма важный «признак источника». Евгений Федоров утверждает, что Россия – несуворенное государство, управляемое извне Соединенными Штатами. В интервью приводятся различные свидетельства этого в политической и экономической практике. Более того, собеседник альманаха подробно разбирает формулировки статей Конституции, в которых, по его мнению, содержатся прямые указания на «внешнее управление» – на приоритет так называемых общепризнанных – то есть международных – правовых норм над нормами национальными. Депутат излагает целостную программу действий, с помощью которых, как он считает, возможно восстановление суверенитета России. Главные из таких мер – подготовка новой Конституции и ее принятие на всенародном референдуме, а также расширение общественного патриотического движения. Мировая финансово-экономическая система с самых первых номеров альманаха стала одним из постоянных объектов анализа. В публикуемой в

в этом номере статья Евгения Балацкого утверждается, что современная экономическая теория способна объяснить процессы, протекающие как в обществе, так и в природном комплексе, а также их взаимодействие и взаимное влияние. Автор, однако, подчеркивает, что для этого следует выбрать соответствующий подход, описание которого приводится в тексте. В материале доказывается, что в настоящее время факторами, определяющими развитие глобальной мировой системы, являются технологии и институты. Они задают определенную систему координат для развития, в которой происходит парадоксальный феномен: не только физические риски переформатируются в риски социальные, но и наблюдается обратный процесс – социальные риски обрачиваются физическими рисками. В публикации приводятся примеры подобной инверсии. Исследователь идет дальше и увязывает перетекание рисков социальных в риски физические с двумя факторами – экономическим ростом, а также демографической динамикой. Фактически концептуальный пафос статьи сводится к обоснованию необходимости уменьшения численности населения для своего рода тонкой настройки баланса рисков, ибо, по мнению автора, альтернативного пути решения этой проблемы не существует.

В статье Игоря Гундарова обосновывается необходимость превращения понятия «качество жизни» в критерий оценки практической политики. Автор сначала подробно объясняет само это понятие – его возникновение, вхождение в социогуманитарный обиход, сферы приложения, попытки – в том числе и с подачи самого автора и его коллег – придания ему некоего нормотворческого характера. Затем в материале приводятся конкретные предложения, как «оживить» этот критерий, то есть встроить его – в качестве непременного пункта отчетности – в имеющуюся властную систему. Наконец, в заключительной части материала показывается, какой практический эффект для развития страны может принести такое «перепрограммирование» действующих контрольных механизмов. Публикация, безусловно, поднимает чрезвычайно важную проблему, потому что общепринятых критериев оценки развития уже недостаточно – они неспособны адекватно учитывать все те новые вызовы человеческой жизни, которые привнесли с собой глобализация и тотальная виртуализация. Требуется корректировка всей системы координат, в соответствии с которой следует оценивать жизнь как отдельного человека, так и социума в целом. Вместе с тем конкретные предложения Игоря Гундарова о том, как «оживить» эту обновленную систему координат в действующий механизм государственного управления, выглядят во многом умозрительными.

В новой статье Карена Свасьяна, в которой обозначаются основные вехи истории тамплиеров и подробно освещается расправа над ними в начале XIV века, описывается и анализируется важная часть сложного пути духовного развития человечества. Материал, как и все предыдущие публикации автора в нашем альманахе, является многоуровневым. Его нельзя назвать сугубо историческим очерком. Да и сам Карен Свасьян неоднократно указывает в своей работе на невозможность разобраться в феномене тамплиеров, понять причины их конфликта с французским королем и – главное – оценить, что было правдой, а что являлось чистой воды вымыслом в предъявленных ордену обвинениях, отталкиваясь лишь от академических исторических штудий. И автор в работе дает своего рода мастер-класс, демонстрируя, какие возможности для исторической реконструкции предоставляют выход за пределы источника, обращение к социокультурным кодам эпохи, учет специфических катакомб человеческой психики. Безусловно, представленная концепция – это лишь одна из возможных версий случившегося, но выглядит эта версия весьма убедительной. Напомним, что в марте исполняется 700 лет со дня казни руководителя Ордена тамплиеров Жака де Моле. Любопытно, как на этот юбилей отреагируют наши СМИ и блогосфера, падкие на всякого рода конспирологические загадки.

Текущий – 2014-й – год объявлен у нас в стране Годом культуры. Полагаем, что связанные с этим проблемы найдут отражение во всех последующих номерах года. Первый номер года мы открываем публикациями, связанными с анализом литературных произведений, которые выходят далеко за рамки собственно художественной литературы, являясь формой социального проектирования и нравоучения.

Первая публикация – беседа, организованная редакцией альманаха и посвященная творчеству братьев Стругацких, в которой приняли участие Борис Межуев, Александр Неклесса и Сергей Черняховский. В ходе ее анализировалось отражение в наиболее известных произведениях писателей современной им советской действительности, разбирались нарисованные фантастами сценарии будущего нашей страны и мира в целом – и оценивалась их прогностическая верность. Участники обсуждения представили собственные объяснения, почему литературное наследие Стругацких оказалось столь актуальным и в современной России. Предлагаем читателям альманаха стенограмму этого разговора и надеемся, что перечисленные проблемы, рассмотренные сквозь подобного рода оптику для наблюдения будущего, еще будут обсуждаться в нашем издании.

Вторая «литературная» статья приурочена к недавно прошедшему 75-летию со дня рождения

выдающегося писателя Чингиза Айтматова. О его творчестве на страницах альманаха размышляет Осмонакун Ибраимов. В статье показано, что жизнь писателя была яркой, но полной противоречий – Айтматов искренне отстаивал советские идеалы, но вместе с тем не мог не осознавать очевидных изъянов режима, которые он изведал на собственной трагической биографии. И тем не менее даже после распада СССР он не смог – заметим, кстати, вдобавок к сказанному в публикации, что в отличие от многих других национальных писателей, сделавших в советские времена блестящие карьеры, – отбросить эти советские идеалы. Исчезнение державы он переживал долго и мучительно. В статье Айтматов метко называется «последним писателем империи». Это как бы один – политический – пласт его творчества. Однако автор считает этот пласт – при всей его значимости – все-таки не самым важным для Айтматова. Главный идеиный пласт произведений Айтматова – другой. Величие писателя в том, что в его произведениях – особенно поздних – ярко выписана главная нравственная проблема, присущая всем эпохам и народам, – проблема, как образно говорит исследователь, «спасения в человеке Человека».

Третья «литературная» статья рассматривает проблему развития ретроспективно – как бы взглядываясь в настоящее и будущее из прошлого, оценивая, как мысли и суждения, высказанные десятилетия – а то и столетия – назад, «работают» на объяснение переживаемого в настоящее время момента, как они могут помочь именно сегодня найти верные алгоритмы развития. На эту тему размышляет Владимир Батурин, отталкиваясь от высказываний Достоевского о власти, о Церкви, о нигилизме, об особенностях развития России, о национальной идее и на другие темы. В принципе автором сделана добротная заготовка для следующего шага – продумывания того, как адаптировать систематизированные им идеи писателя к вызовам современности. Простого указания на то, как актуально сейчас то или иное замечание, сделанное более века назад, конечно, недостаточно. Опознавание такой актуальности – это еще не адаптация, а важный, необходимый, но все же подготовительный шаг к ней. В выявлении сквозных констант нашей истории и в объяснении, отталкиваясь от них, того самого особого пути, по которому развивается Россия, заключается одна из задач, которые пытаются решить альманах. Подобная работа должна быть не описательной, а аналитической. Поэтому мы надеемся, что автор составит из выбранных им смысловых конструкций более точный «перевод» с языка Достоевского на язык современный.

Зрелица необходимо анализировать как социально значимый фактор, стремясь при этом не

отставать от понимания закономерностей стремительного развития индустрии развлечений и ее технологий. Спорт – многоликое социальное явление, оборачивающееся к обществу то ликом Зрелица, то ликом Экономики, то ликом Политики, то ликом Самореализации личности. Каждая из названных ипостасей ощутимо влияет на все стороны жизни. Особенно это ощущается в периоды проведения самых главных спортивных событий – Олимпиад. Обращаясь к теме «Сочи-2014», серьезным и ответственным аналитикам следует сохранять олимпийское спокойствие, рассматривая иные суеверные действия либо как свидетельства человеческих слабостей, либо как проявления глубинных течений мировой политики. Напомним, что фразеологизм «олимпийское спокойствие» первоначально возник как описание состояния древнегреческих богов, обитающих в заоблачной выси горы Олимп. Впоследствии он стал обозначением спокойной рассудительности людей, знающих собственную силу и уверенных в своей правоте.

Историк спорта и главный редактор журнала «Родина» Юрий Борисёнок в интервью альманаху рассказывает о первых шагах нашей страны – тогда еще Российской империи – в олимпийском движении, о возвращении в него – уже Советского Союза – после Второй мировой войны. Значительное внимание в интервью уделено Олимпиаде-80 в Москве и играм в Сочи. Эксперт говорит об объективных трудностях, которые в настоящее время испытывает Россия в зимних видах спорта, поскольку многими из них у нас даже никто не занимается. Собеседник альманаха затрагивает и широкий круг вопросов, связанных с общественным восприятием большого спорта. Историк отмечает, что, как и на Западе, в нашем сегодняшнем обществе утверждается отношение к большому зрелиценному спорту как к чему-то обыденному, повседневному, как к элементу информационной реальности, к которой привык среднестатистический россиянин. Предстоящие в ближайшие годы в нашей стране крупные международные спортивные мероприятия лишь укрепят подобное отношение, восприятие этих соревнований как исключительных и неповторимых праздников пройдет, но вместе с тем и у нас, и на Западе привыкнут рассматривать Россию как крупнейшую спортивную державу.

Сочинская Олимпиада с самого начала, с момента выбора места проведения, вышла за рамки спортивного информационного повода, превратившись в повод для агрессивной критики и политических спекуляций. Слаженность и масштабность негативных оценок самого факта проведения зимних Олимпийских игр в Сочи вызывают не просто удивление, а ощущение хорошо организованных политических кампаний и провокаций. Наряду с профессиональными борца-

ми с «путинским режимом» в критический пафос и стремление к разного рода разоблачениям впали и широкие круги журналистов и экспертов. Несмотря на явную избыточность подобных материалов, нельзя ни отворачиваться от них, ни делать вид, что всё сказанное — всего лишь политическая пропаганда. Подлинная любовь, в том числе и любовь к Родине, не бывает слепой, а настоящие патриоты отличают аргументированную критику от злопыхательства. И мы не должны лишать себя и всех граждан страны возможности гордиться достижениями в политике, в спорте, в умелом проведении крупных спортивных состязаний, в строительстве крупных объектов и создании с нуля мощной инфраструктуры спортивного и культурно-оздоровительного кластера, каковым обещает стать обновленный регион Сочи. Вскрывая факты коррупции, отмечая недостатки, обсуждая случаи нецелевого расходования государственных средств, не следует впадать в тотальное очернение всего происходящего, ставшее кормушкой для целой армии журналистов, публицистов и политических активистов.

Появление статьи Александра Белкина о главном московском спортивном комплексе в Лужниках, который скоро будет отмечать свой 60-летний юбилей, обусловлено озабоченностью автора процессом развития в нашей стране архитектуры и градостроительства. Автор приводит краткую историю этого стадионного городка, рассказывает о том, как было принято решение возводить его именно здесь, в излучине Москвы-реки. В статье цитируются фрагменты из воспоминаний лиц, непосредственно проектировавших и осуществлявших это масштабное строительство. В очерке перечисляются наиболее яркие спортивные и культурные события, проходившие в Лужниках за эти неполные 60 лет, в том числе и московская Олимпиада 1980 года. Между тем главный пафос публикации все-таки в другом. Александр Белкин, сам профессиональный архитектор, высказывает тревогу по поводу будущего Лужников в связи с их реконструкцией, намечающейся к Чемпионату мира по футболу 2018 года. Его беспокоит даже не столько замысел обновления спортивного городка, приведения его в соответствие с современными требованиями к спортивным сооружениям, сколько очевидная трудность согласования проекта реконструкции со всеми — ныне многочисленными — собственниками комплекса в Лужниках. Именно эта проблема явилась в последние годы причиной многих невосполнимых архитектурных утрат. Нельзя допустить, чтобы из-за такой неспособности собственников договориться друг с другом мы потеряли и Лужники. В этом номере мы коснулись темы спорта с точки зрения подготовки к Олимпийским играм, в

ходе которой на первый план выходят вопросы политики и — отчасти — экономики. Однако спорт как зрелище, как часть культуры — к тому же культуры массовой — еще ждет своего рассмотрения на страницах альманаха. В будущем мы постараемся обсудить важнейший вопрос: в каком виде и с какими целями должны существовать спорт, спортивные соревнования и, наконец, массовая физическая культура, чтобы способствовать развитию страны, а не служить лишь средством наживы и не быть средой деградации нравственности.

Политологи, в отличие от других мыслителей в области социальных и гуманитарных дисциплин, имеют возможность постоянно проверять правильность собственных аналитических построений, сравнивая их с текущим политическим процессом. Ошибочные объяснения и неработающие прогнозы выявляются довольно быстро. Разумеется, не сразу, как в технике или в естественных науках, но по сравнению, скажем, с историей или даже социологией — практически моментально. В статье первого заместителя главного редактора альманаха разбираются изданные несколько лет назад книги эксперта с Украины Дмитрия Выдриня. В них характеризуется сложившийся в этом постсоветском государстве режим, анализируется расстановка основных политических сил и делаются прогнозы о возможном будущем ключевых фигур действующей власти и оппозиции. Продолжающийся на Украине с конца прошлого года политический кризис дает возможность проверить, насколько адекватными были в свое время оценки этого киевского политолога. Таким образом, статья становится уже не просто рецензией этих книг, а анализом происходящего в настоящий момент у наших соседей глазами одного из ведущих украинских экспертов — и одновременно оценкой квалификации этого эксперта.

Мы видим свою задачу в создании такого информационного, смыслового поля, которое содействовало бы не только пониманию проблемы, но и установлению прямых функциональных связей между смыслами — что есть удел науки и религии — и их реализацией — каковая есть удел практической политики и обыденной жизни каждого человека. Эта задача сама по себе представляет немалую сложность, усугубляющуюся отсутствием идеологического управления и соответствующих институтов. Образы будущего множатся, возможные траектории социального движения плодятся, критерии развития утрачивают определенность. Нужна незаурядная интеллектуальная мощь и высокая степень научного и политического мужества, чтобы продолжать поиск собственного пути, в котором не утрачиваются ни традиционные ценности, ни достижения науки, техники и культуры.

Владимир Игнатьевич Курашов –

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии
и истории науки Казанского национального
исследовательского технологического
университета

Что есть Россия?

Философская точка зрения

О любви к Родине, патриотизме и национализме

Любовь к Родине — то, что естественно присутствует в душе каждого нормального человека. Любовь не может возникнуть по принуждению, но она может быть скрыта суетой по-вседневности, например, потребительским мышлением.

Говоря о любви к Родине, следует сказать о патриотизме. Патриотизм — это, конечно, любовь к Родине. Удачное, на мой взгляд, дополнительное разъяснение понятия «патриотизм» дал Гегель в «Философии права». Он заметил, что обычно под патриотизмом понимают чувство, проявляющееся в критических для

государства ситуациях, когда дают о себе знать героические составляющие народного характера. На самом деле патриотизм, кроме таких крайних случаев, есть особое повседневное умонастроение. Это умонастроение выражает дух единого государства, его онтологические основы.

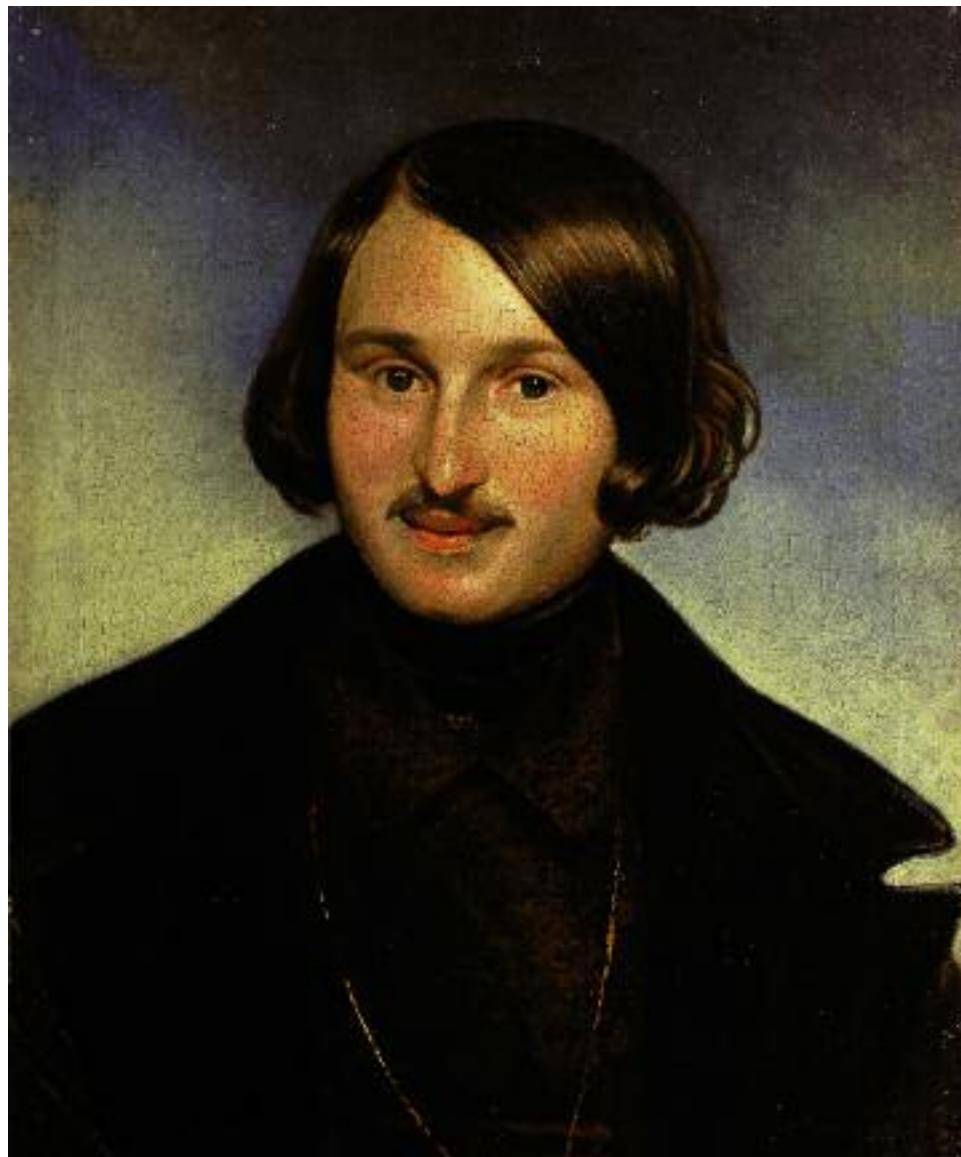
Нам в России разными способами внушают, что патриотизм — это архаизм. Вместе с тем в США, Франции, Израиле чувство патриотизма чрезвычайно глубоко, а патриотическая пропаганда исключительно сильна.

Часто путают понятия «национальная гордость» и «национализм». Национальная гордость — благород-

ное патриотическое чувство любви и уважения к достижениям своей нации, своего государства. Национализм – убежденность части представителей какого-либо народа в том, что уже только по генетическому признаку или этническому родству этот народ превосходит другие народы по интеллекту, доброте, чувству прекрасного, трудолюбию, чистоплотности и т.п.

Национализм имеет отнюдь не этническое и религиозное основания – это способ самоутверждения людей, далеких от духовных ценностей – истины, добра и красоты. Национализм является основой вражды между народами и причиной конфликтов вплоть до кровопролития. Борьба с национализмом – одно из направлений поддержания стабильности государственной жизни.

Национализм как явление определяется тремя основными факторами. Первый фактор – индивидуально-психологический: националистами становятся люди, не проявившие себя ни в какой достойной и уважаемой области деятельности (неважно в чем: в портновском деле, в науке, искусстве, политике), и им не остается ничего иного, как твердить о достоинствах своей нации. Второй фактор связан с первым: национальная идентичность определяется такими людьми только по генетическому (биологическому, «кровному») – словом, животному – признаку. Третий фактор, в свою очередь, определяется предыдущими: ограниченные и несамодостаточные люди создают миф-идеологию с преувеличением достоинств своей нации, причем чаще всего со сравнительными характеристиками превосходства своей нации по отношению к другим. Как написано в «Философском словаре» под редакцией Эрнеста Радлова,

Николай Гоголь:

«Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и все, что ни есть в России. К этой любви нас ведет теперь Сам Бог. Без болезней и страданий, которые в таком множестве накопились внутри ее и которых виною мы сами, не почувствовал бы никто из нас к ней состраданья. А состраданье есть уже начало любви».

изданном еще в 1914 году, «понятие “национальность”, узко понятое, ведет к национализму, противоречащему лучшим идеалам человечества». Генетическая характеристика не имеет существенного отношения к национальной идентичности. Можно привести тысячи примеров, когда люди, имеющие чужеродные корни, но родившиеся или выросшие в соответствующем национальном окружении, являются подлинными предста-

вителями этого окружения. Африканская кровь Пушкина не помешала ему стать великим русским национальным поэтом и одним из творцов русского литературного языка. Высокие этические нормы и уровень интеллекта не могут быть свойственными только отдельным нациям, они присущи всем народам в равной степени. Эта установка dezavuiрует шовинизм. Национальная идентичность не может выражаться в превосход-

Иван Билибин. Иллюстрация к сказке «Поди туда – не знаю куда». Андрей-стрелок и Стрельчиха. 1919 год

Народная сказка есть выражение духа народа, и она есть «заговор» на будущее, то есть «заговор» на сохранение национального характера.

стве одного народа над другим по умственным способностям и по умению нести добро. Более и менее умными, более и менее добрыми могут быть только отдельные люди. И то только могут, поскольку «не судите, да не судимы будете» (Матф. 7:1). Другое дело –

выделение особенностей народа по направлениям интеллектуальной деятельности, по предпочтениям жанров, техники и форм изобразительных средств в искусстве, по традициям жизнеустройства, взаимоотношениям в семье, взаимоотношениям поддан-

ных и власть имущих, отношению к власти и политике, по приверженности к строгому укладу или к свободному жизнеустройству. Выявление таких отличий между этносами нельзя назвать негуманным или националистическим, поскольку как люди, так и этносы неодинаковы по своему природному предназначению в смысле их миссии (но, безусловно, они все равны в религиозно-этическом отношении, в отношении к доброму и злу, к любви и дружбе, в сопричастности высшему Началу мироздания).

Любовь к матери и Родине естественна и не определяется практическими соображениями. Мы любим своих родителей и Родину не столько за то хорошее, что мы получили от них в нашей жизни, сколько за то, что мы от них произошли. Мы есть преемственная часть нашей родословной, и не любить родителей и Родину – это также ненормально, как не любить самого себя. Как сказано, «возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Матф. 22:39), то есть если мы не любим себя, то у нас нет причины любить других людей.

Приведу слова Гоголя: «Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и все, что ни есть в России. К этой любви нас ведет теперь Сам Бог. Без болезней и страданий, которые в таком множестве накопились внутри ее и которых виною мы сами, не почувствовал бы никто из нас к ней состраданья. А состраданье есть уже начало любви». А Розанов писал: «Счастливую и веселую родину любить невелика вещь. Мы ее должны любить именно когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, даже порочна». Что касается любви к другим народам, то здесь также первична любовь к своему народу. Не умея любить свой народ и себя вместе с ним, не смо-

жешь полюбить и другой народ.

О национальной идее и российской ментальности

Национальная идея – сущность нации: то, что является главным в национальной идентичности, то, что определяет узнаваемость нации при всей исторической изменчивости ее существования.

Понятия «идея нации», «сущность нации», «природа нации» содержат почти один и тот же смысл сущности нации. К сожалению, в современной России нет ясно сформулированной и общепризнанной концепции национальной идеи, отсюда – несовершенство национальной политики. Когда национальная идея познается и высказывается в понятной для многих форме, можно говорить о выявлении народом своей идентичности, о пробуждении национального, или этнического, самосознания.

Если в государстве изживаются национальная идея и вообще какие-либо идеи духовного сплочения, то без нравственного ветрила остается и становится главной одна общечеловеческая идея – нажива.

Труд, посвященный национальной российской идеи, сталкивается с проблемами его восприятия и приятия народами, исповедующими иные, чем православие, и иные, чем христианство, религии. Другие народы не станут возражать, что православие – одна из ипостасей российской идентичности, но для них истинно то, во что они верят. Следовательно, миссия России как распространительницы православия в мире далеко не всеми принимается. К счастью, здесь нет проблем. Так как христианство обращается к каждому человеку с тем, чтобы он спасся в первую

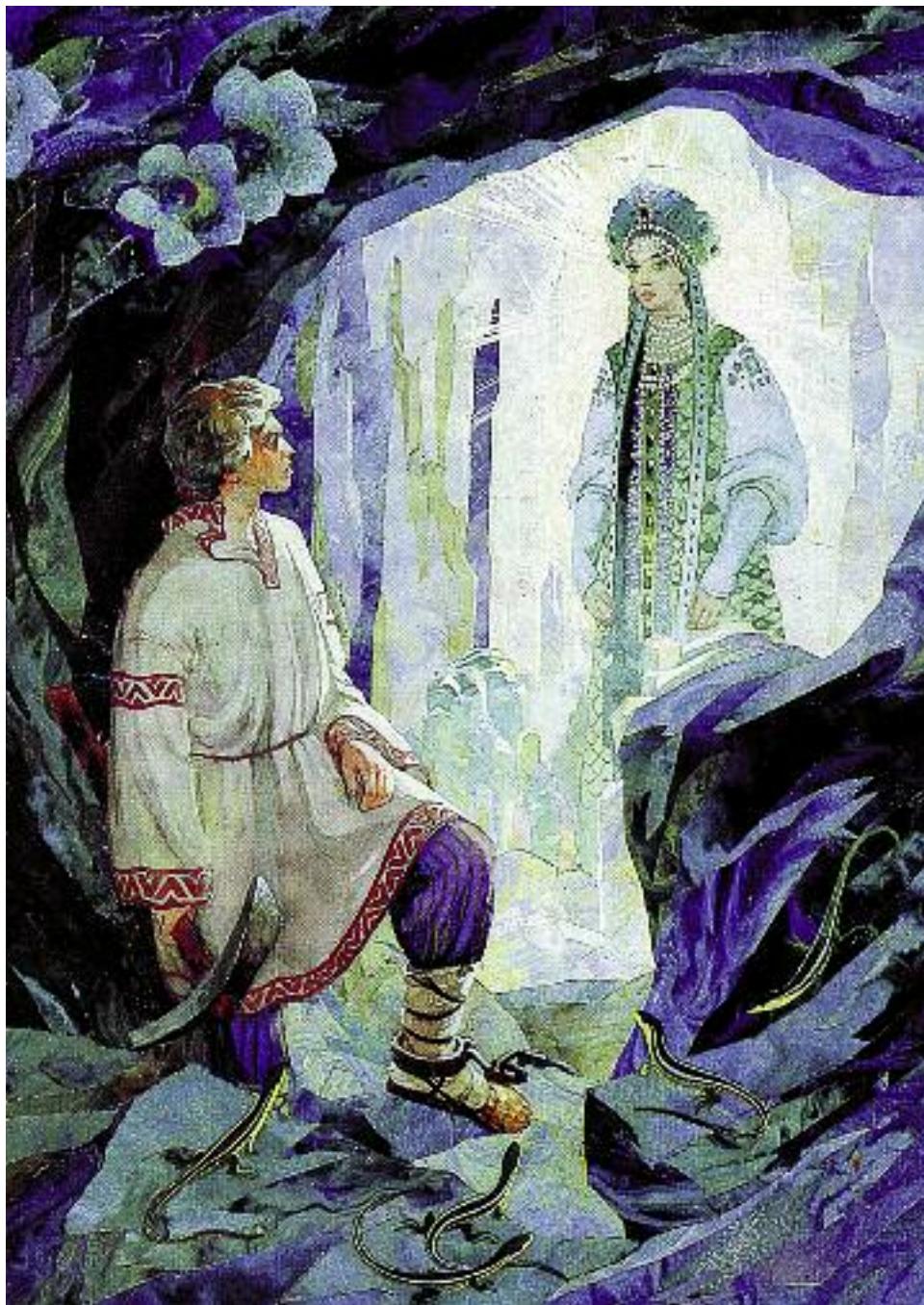
очередь сам, то вполне естественно, что миссия России – хранение, а не распространение православия. По истории видно, что Русская православная церковь менее активна в миссионерской деятельности, чем Католическая или Протестантская церкви.

Ясное осознание своего «я» и его основ, то есть своей целостности, может обеспечить стабильную здоровую жизнь, устойчивую к случайным и преднамеренным дезорганизующим воздействиям как отдельного человека, так и народа. Смещения национального «я» или внушение народу чувства нелюбви к самому себе вредны для здоровья народа. Кстати, показательно, что русское слово «целить» имеет изначальный смысл «делать целым», то есть восстанавливать целостность организма. Народ может ясно не познать и не осознать свою природу, но может жить в соответствии с ней, если он знает предания, фольклор, поддерживает традиции. Тогда дух народа не покинет его и будет его незримым путеводителем. Именно традиции и предания раскрывают национальную ментальность и определяют национальную идентичность.

Природа народа, сущность его идентичности – метафизический объект, то есть объект, в существовании которого мы убеждены, но вместе с тем осознаем невозможность его познания научными методами, в пределах возможного опыта. Отсюда следует, что нам чрезвычайно трудно выявить предикаты такого объекта, как природа нации, хотя и не надо отказываться от познания его. Здесь успокаивает уверенность в единой природе того или иного этноса (народа, нации). Безотносительно к тому, познали мы ее или нет, она определяет органичную целостность народа, его имманентное единство.

Инвариантами национальной уникальности (идентичности) являются своеобразные ментальность, традиции и миссия. Ментальность – это особенности стиля мышления и мировосприятия. Без своеобразия ментальности нет и нации как особой целостности в человеческом сообществе. Источник понимания ментальности народа – это национальная духовная культура: фольклор, философия, искусство, произведения национальных мыслителей. Проблема здесь только в выделении национального и интернационального в каждой из названных сфер. Носителями национального духа, на которых взращивается национальная ментальность, являются все составляющие духовной культуры. Это язык, фольклор, религия, философия, изобразительное искусство, литература, музыка, архитектура. Наиболее «чистый объект» – национальный фольклор, который выражает общие духовные черты народа, и если в фольклоре что-то заимствуется, то только то, что соответствует его природе. Национальная ментальность выражается в традициях и раскрывается на их основе. Традиции же – это исторически выверенное выражение духа народа. А если это так, то национальная ментальность – это необходимый «воздух» нации.

Наилучшим образом душа народа, надо думать, представлена в результатах его коллективного творчества, прошедшего через века и проверенного временем. Фундаментальной эмпирической основой для исследования национальной ментальности является коллективное анонимное творческое самовыражение народа – фольклор, то есть мифы и сказки, пословицы и поговорки. Иными словами – выразители и носители природы и духа народа. Шеллинг во-

Весьма ярко русский дух проявляется в сказках (сказах) Павла Бажова. Вот как он выражает русский эстетический идеал в сказке «Каменный цветок»: «То и горе, что похаять нечем, — говорит мастер Данила о малахитовой вазе, которую он сделал по столичному чертежу, — гладко да ровно, узор чистый, резьба по чертежу, а красота где? Вон цветок... самый что ни есть плохонький, а глядишь на него — сердце радуется. Ну, а эта чаша кого обрадует? На что она? Кто поглядит, всяк, как вон Катенька, подивится, какой-де у мастера глаз да рука, как у него терпенья хватило нигде камень не обломить».

обще полагал, что народ не создает мифы, а «зарождается» одновременно с ними.

Народная волшебная сказка — фундаментальный эмпирический материал для понима-

ния народной души, духовных основ нации. В сказке в образно-символической форме («сказка — ложь, да в ней намек») две ипостаси духовной народной жизни — душа и ум, или психика и интеллект — связаны между собой предельно органично. Выявляя и систематизируя философские смыслы народной сказки, мы выявляем психологическую особенность мышления народа, то есть его ментальность.

Народная мудрость и народные озарения, содержащиеся в сказках, не только реальны, но и являются сущностью — или идею — народа и выражаются в его ментальности. В сказках речь идет об идеях и чувствах, присущих природе народа в целом в течение всего времени его существования.

Каждый текст создается для прочтения в будущем. Следовательно, каждый текст, переходя в будущее, влияет на него. Народная сказка есть выражение духа народа, и она есть «заговор» на будущее, то есть «заговор» на сохранение национального характера.

Другими словами влияние народной сказки (вообще фольклора, национальной мудрости) на наше национальное сознание не может быть полностью выявлено, но это влияние существует, и оно идет на пользу нации: ведь в народе остаются только те сказки, с которыми живут многие поколения.

Православная традиция России поддерживается созерцательно-творческим российским менталитетом с характерным стремлением к прорыву за пределы обыденской заданности. Это ярко выражено в нарицательных образах фольклорных иванов-дураков и емелюшек.

Оправдание жизненной мудрости героев русских народных сказок — Ивана-дурака и Емелюшки — не требует боль-

ших усилий. Иван-дурак не как все. Он любит размышлять, созерцать мир – он мудрец, непонятный обычаям. Иван-дурак не любит ходить по воду или колоть дрова, но это не выражение русской лени, так как любой народ не любит рутинную работу. Однако в каждом народе есть мудрецы, для которых духовная жизнь важнее физической жизни тела. Иван-дурак поступает не как все: едет не туда, покупает не то, говорит не как принято. Поэтому он прорывается через заданный обычайным опытом ход действий. В награду он получает не столько богатство, сколько подтверждение правильности своего подхода к жизни. Несмотря на свободу в мыслях и действиях, Иван-дурак верен заветам родителей. Герои русских сказок – иваны, емели, царевичи и добры молодцы – выбирают на распутье рискованный путь, который приблизит их к первичному во-

Пространство российской деревянной архитектуры органично сочетает идею частной жизни и жизни в общении («в миру»).

просу человеческого существования: «В чем смысл жизни?» В своих поисках они не боятся риска, приговаривая, что «семи смертям не бывать, а одной не миновать», «Бог не оставит, свинья не съест». Человеку свойственно планировать свое будущее как продолжение состоявшегося прошлого и переживаемого настоящего. В таком случае «лучшее» – это просто нечто, лучше известного. Русскому человеку свойственно ожидать лучшее, которое не вытекает из его наличного опыта, это и есть метафизическое стремление к лучшему. Такая идея неоднократно воспроизводится в русских сказках, когда, например, младшая дочь желает, чтобы отец привез ей либо пепрышко Финиста – Ясного Сокола, либо чудный аленьевский цветочек.

Взрослые не читают сказок не только потому, что им внушили мысль, мол, сказки читают в детстве, но и потому, что взрослые, «рекрутированные» ценностями общества материального потребления, уже «закрыты» для мудрости. Но все же когда бы мы ни слушали или ни читали русские народные сказки – они в нашем сознании. Если кто-либо с ними не был знаком во все – он не вполне русский. Весьма ярко русский дух проявляется в сказках (сказах) Павла Бажова. Вот как он выражает русский эстетический идеал в сказке «Каменный цветок»: «То и горе, что похаять нечем, – говорит мастер Данила о малахитовой вазе, которую он сделал по столичному чертежу, – гладко да ровно, узор чистый, резьба по чертежу, а красота где? Вон

Целые тома, издаваемые по психологии общения, может заменить короткая сказка «Гуси-лебеди», в которой выражается русская народная мудрость: относись внимательно ко всякому, с кем общашься, и получишь то, чего желаешь, и даже сверх того – вот коренной смысл сказки.

цветок... самый что ни есть плохонький, а глядишь на него – сердце радуется. Ну, а эта чаша кого обрадует? На что она? Кто поглядит, всяк, как вон Катенька, подивится, какой-де у мастера глаз да рука, как у него терпенья хватило нигде камень не обломить». Данилушка выражает отнюдь не натуралистический идеал, а

идеал жизненности, который может быть выражен внешне несовершенными формами. Это, замечу, относится и к выразительности научно-философских текстов. Сведение философского слова к логическим формам выхолащивает выразительность мысли. Поэтому континентальная философия (русская религиозная

философия, французский и немецкий экзистенциализм) отличается от островной английской и североамериканской философии (эмпиризма, позитивизма, прагматизма, аналитической философии), а философия в искусстве и философские национальные ориентации заметно связаны.

Если русский не работает, то он размышляет. Я специально употребил некорректное выражение, чтобы выделить мысль: есть физическая работа, есть умственная работа – следовательно, не работают только люди, ведущие растительно-паразитический образ жизни. Русских таковыми никак не назовешь, и если умозрение, созерцание, размышления они часто предпочитают вкалыванию, то почему это плохо и какое отношение это имеет к лености? Приведу слова из письма о. Павла Флоренского, написанного 15 июня 1910 г.: «Быть гостем в деревне – это значит быть обреченным на безделие. Так и я: провожу весь день, не имея ни минуты свободной: а если спросишь себя, что же делал, то не знаешь, что ответить. Вы сами знаете, что праздноемкость у нас, русских, весьма велика, а от гостя в деревне и по положению, и по этикету требуется праздноемкость максимальная. Правда, я думаю (курсив мой. – В.К.) много и упорно».

Характерные черты русской ментальности

Обозначим лишь некоторые – наиболее значимые:

- ◆ постановка вопроса о смысле жизни и постоянный поиск ответа на него;
- ◆ философская созерцательность с явной тенденцией к метафизическим размышлением, а также к практической «метафизике целей и ожиданий» и «метафизике поступка»;

- ◆ установка на решение принципиальных жизненных задач нетрадиционным образом;
- ◆ приоритет силы духа над силой физической;
- ◆ значительно более высокая ценность общения, любви, верности заветам старших, сострадания к людям и животным по сравнению с богатством и властью;
- ◆ убежденность в воздаянии счастьем за терпение, милость, сострадание, стойкость;
- ◆ утверждение свободы как основы счастья.

Понятие «счастье» в русской душе и ментальности не связано с обладанием властью и материальным достатком. Это одна из особенностей русского народа. Награда за нестяжание богатства и славы героям русских волшебных сказок, которая приходит к ним в виде богатств, имеет скорее метафорический смысл: награда – это метафора благодати, счастья, а не буквально деньги и власть.

Сохранение традиций, а вместе с этим утверждение национальной ментальности – вопрос национальной безопасности любого народа в смысле как здоровья нации, так и ее сохранения при жизни в среде чуждых (не путать с враждебными!) душевно-интеллектуальных складов других народов.

Можно сказать, что как у человека есть душа и тело, так и народ обладает телом, душой и соответствующими болезнями. Существуют психосоматические болезни, когда душевное состояние человека влияет на его физическое состояние. И душевное состояние народа может приводить к физическим болезням или выздоровлению его составляющих – людей. Как у человека нарушение самоидентификации (смещение «я») приводит к душевным расстройствам, так и нарушение самоиден-

тификации народа приводит его к душевному расстройству.

Культивирование почвенных основ национальной ментальности внутри государства способствует единству (соборности) народа значительно больше, чем государственно-бюрократические структуры. Распространение этих основ в других государствах – мощное средство внешней политики, которое способствует духовному утверждению народа в среде других народов. Отсюда граждане, которые работают за границей и пропагандируют традиции, искусство, язык своего народа, способствуют выполнению важной миссии укрепления национальной безопасности Отчизны во внешней международной сфере. Они, можно сказать, улучшают экологию своего народа. Поддержание и раскрытие национальных традиций всех народов России – принципиальный вопрос национальной безопасности.

Отечественная деревянная архитектура – принципиальный фактор формирования российского самосознания

Особая тема – отечественная архитектура. Архитектура всегда с нами – человек может не ходить в музеи и концертные залы, может даже не читать книги, но он не может миновать архитектуру. Особо значима для российского самосознания и воспитания патриотизма наша деревянная архитектура. Она является уникальным эстетическим явлением культуры. Дом, изба, избушка на курьих ножках, избушка лубянская (как противоположность избушки ледяной). На конец, домовина (гроб)... Эти «древесные» понятия выступают как архетипы народно-

го сознания. Сознания, сформировавшегося в таком своеобразном природном месте, как Россия. Лес и его умирание, деревянная постройка и ее ветшание – явления цикличности природы, становления и разрушения, с которыми человек органично сочетается, с одной стороны, и противостоит им, создавая извечно прекрасное, – с другой.

Перечитывая сборник русских поэтов Серебряного века, я отметил, что какими бы разными они ни были и о чем бы ни писали, во многих стихотворениях представлены образы вечера и ночи, березы, ароматной черемухи, шума ветра и дождя. Вот строки из сонета Иннокентия Анненского «Ноябрь»:

*Как тускло пурпурное пламя,
Как мертвы желтые утра!
Как сеть ветвей в оконной раме
Все та же сегодня, что вчера...
В тумане солнце, как в неволе,
Скорей бы сани, сумрак, поле,
Следить круженье облаков
Да, упиваясь медным свистом,
В безбрежной зыбкости снегов
Скользить по линиям волнистым...*

В каменно-железобетонной высотке мы не увидим «сеть ветвей в оконной раме», не услышим шелеста листвьев и постукивания веток о стекло. Такое жилье более или менее удобно для тела, но оно – не лучшее обиталище для души. Пространство российской деревянной архитектуры органично сочетает идею частной жизни и жизни в общении («в мире»).

Сейчас пошло поветрие вместо сохранения и реставрации историко-культурного наследия либо делать бутафорские «реставрации», когда за фасадом скрывается доходный дом из железобетона, либо соружать «красоты-новоделы» в стиле театральных стилизованных декораций. Это вос-

принимают туристы, но это есть уход от исторической правды, то есть своеобразная форма лжи о нашем прошлом. Россия — громадная страна, самая большая страна в мире. И конечно, сохранение и приумножение деревянной архитектуры вполне возможно. У нас хватает ресурсов и денег, а в территориальном отношении если уж Америка до сих пор двухэтажная, то, естественно, и в России это возможно. Невольно обращает на себя внимание возрождение языческого культа фаллоса в архитектуре современной России. В частности, это проявляется в проектировании и строительстве небоскребов в городах, где таковое строительство нарушает историко-архитектурный облик и где можно найти место для больших бизнес-центров и административных сооружений — либо невысоких в центральной части, либо высоких на окраине. Пример Нью-Йорка — иное дело. Там строительство небоскребов было вызвано преимущественно экономическими соображениями, а кроме того в этом городе Нового Света не стоял остро вопрос об искажении его историко-архитектурного облика. Для России строительство небоскребов — совершенно ненужная вещь в любом смысле: информационном, транспортном, экономическом.

Целостность России есть следствие духовного единства народа

Единство и устойчивость большого государства — такого, например, как Россия, — невозможны только на основании государственно-бюрократической надстройки, то есть надстройки с силовыми и принудительными функциями. Большое число людей на большой территории не могут удерживаться только властью,

их целостность возможна в первую очередь за счет духовного единства.

Общинность русских — это не столько коллективизм как таковой, сколько именно общение, однокоренное со словом «общность». Частое и открытое общение — характерная черта русской натуры. В современном русском фольклоре есть анекдот, в котором двое мужиков пригласили третьего распить бутылку на троих и восклицают с недоумением: «А поговорить?!» — когда приглашенный третий собрался сразу после выпивки уйти. Высокая значимость близости и близкого общения в сильной образной форме выражена в сказке «Гуси-лебеди». Целые тома, издаваемые по психологии общения, может заменить эта короткая сказка. Когда девочка выкрала братца и побежала назад, всякий раз, когда ее нагоняли гуси-лебеди, ей помогали молочная река, яблоня, печка, но при условии, что девочка отведывала их угощения. В этом выражается русская народная мудрость: относись внимательно ко всякому, с кем общаешься, и получишь то, чего желаешь, и даже сверх того — вот коренной смысл сказки.

Стоит сказать о русской смеховой культуре на уровне государственной жизни. В преемственной связи русская смеховая культура прослеживается и в народном, фольклорном, смехе, и в шутовском поведении Ивана Грозного, и в издевательском смехе протопопа Аввакума, и в шутовских собраниях Петра I. Уверен, что популярность Владимира Жириновского связана именно с тем, что он интуитивно или сознательно тонко выступает как выразитель утрачиваемой смеховой русской культуры. Речи и поведение Жириновского — балаганность (карнавальность), гротеск, шутовство, ошарашивающая

прямота — находят отклик в архетипах смеховой культуры жителей России.

Русская земля велика, и ее географический размах неотделим от истории русского народа и его идентичности. Смыслы слов «русская земля» и «русский народ» близки. В Древней Руси выражение «русская земля» обозначало и территорию, и российский этнос. Созерцание жизни на бескрайних просторах — мудрость российского этноса. То, что «доброхоты» относят к свидетельствам лености русских, есть по существу способ высвобождения времени для бесед, размышлений, мыслительного созерцания в ущерб не столь важным суэтным делам. Думаю, эта сущностная черта российского этноса в немалой степени обусловила его заботу о своей физической защищенности на большой территории с богатейшими ресурсами.

В России, можно сказать, живет один из самых мудрых этносов. Об этом свидетельствует уже тот неоспоримый факт, что Россия, несмотря на катаклизмы, продолжает оставаться самой большой по территории и ресурсам страной, а следовательно, и самой богатой. Именно земля и природные ресурсы — самое выгодное вложение. Это всегда давало нашему народу возможность более вдумчиво, философски относиться к жизни. Он никогда не был ленив и бездеятелен, как это пытаются порой представить, но он и не был склонным оказываться винтиком в механизме безудержной гонки производства ради материального потребления. Даже при отстающей технологии совокупные природные и духовные ресурсы страны свидетельствуют о том, что российский народ, бесспорно, один из самых мудрых, он приумножал богатства в созидательном и ратном труде.

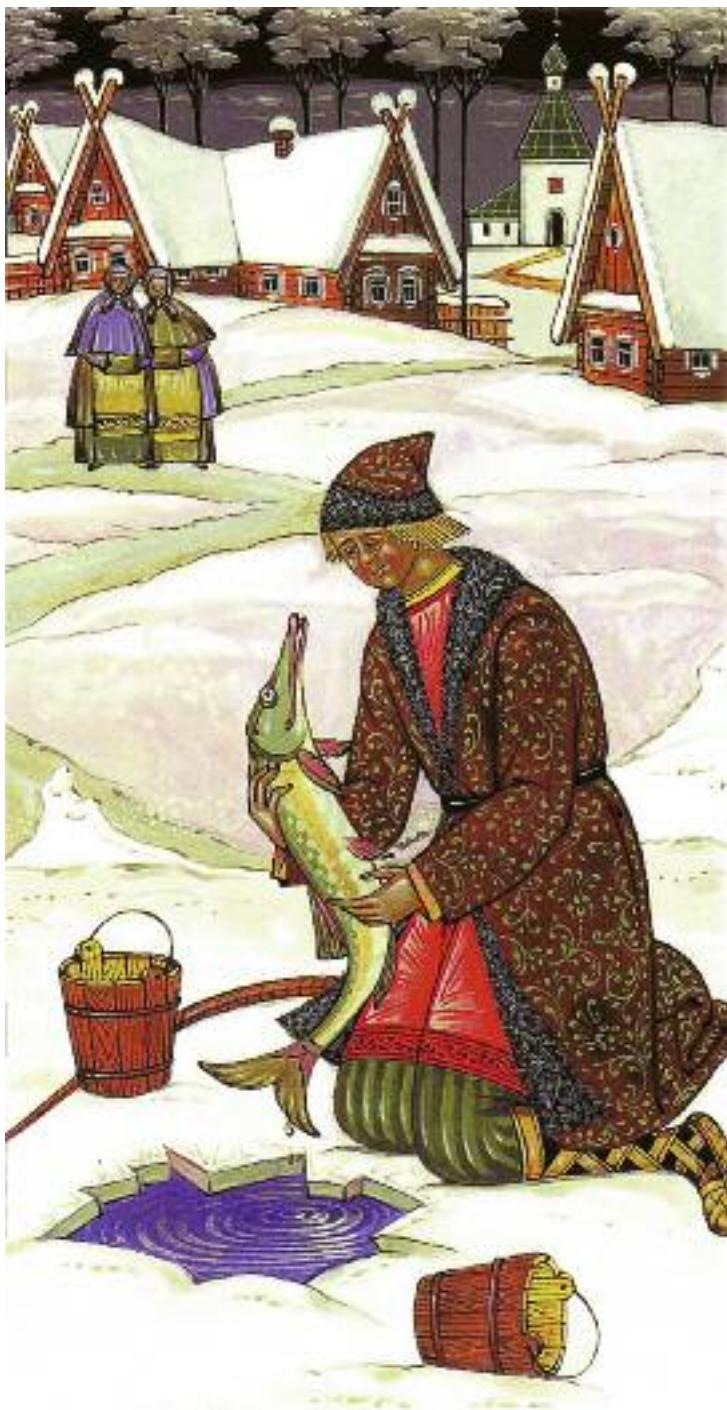
Виктор Васнецов. С квартиры на квартиру. 1876 год

В нестабильной России во всей ее истории после крещения Руси неизменной и связующей народ духовной ипостасью была Православная церковь при всех переменах государственно-политических институтов и социально-экономической жизни. А это свидетельствует о том, что только религия может пройти через века как неизменная ипостась духовной связи людей. Это особенно важно для громадной России, где одними силовыми методами целостность государства не сохранишь. Даже Сталин создал культ и массовую идеологию, без которых на одном страхе он не смог бы быть вождем огромной страны и пассионарного народа. И нет тени сомнений в том, что право-

«Бедные люди» не только тема времен Федора Михайловича, но и тема нашей современности. Проблемы бедных людей у нас в СМИ мало освещаются и замещаются бедами людей, которые свойственны гражданам любого достатка, то есть преимущественно криминальной хроникой, – хитроумный ход увода от проблем малоимущего большинства России.

славие – органическая сущностная основа России. При этом совсем не обязательно для сохранения духовных основ целостности России, чтобы православие было государственной религией или чтобы все россияне были православными. Главное, чтобы незамутненная духовная атмосфера христианской веры охватывала всю территорию. Человек, например, не может жить без сердца и кровеносной системы, хотя система

кровообращения не единственная система организма человека. Сказанное несколько не противоречит идеи свободы совести и мирного духа во взаимоотношениях различных конфессий. Вопрос о полноценном культурно-духовном развитии народов с различными вероисповеданиями – принципиальный вопрос стабильности многонационального и межконфессионального государства.

Русский народ протестует против подавления свободы культуры труда как в западном буржуазном, так и в советском коммунистическом обществах. Здесь под трудом я понимаю труд как таковой, без удовольствия, радости и творчества, то есть труд, называемый в физике «работа».

О национальной безопасности и военной доктрине

«Бедная свобода» на Родине значительно важнее для русского человека, чем «богатая несвобода» на чужбине.

Какой бы ни была риторика политиков, совершенно очевидно, что для наиболее сильных стран вряд ли желательно, чтобы Россия была сильной в военном отношении, производящей конкурентоспособные

промышленные и сельскохозяйственные товары, распространяющей свои языки и культуру в другие страны — как это происходит с английским языком и североамериканской культурой. Поэтому если даже не на уровне сознания, то на уровне, если можно так выразиться, «государственного бессознательного» ясно, что каждое государство заботится о своем процветании — в том числе за счет других. Можно много говорить об этике межгосударственных отношений, можно говорить о взаимных интересах — все это есть, но если взаимные интересы невозможны, государство действует, исходя из уже только национальных интересов.

Северное расположение и большая территория обеспечивают России большую безопасность и в экологическом отношении. Грядущее потепление климата будет весьма неблагоприятным для теплых и низинных стран, в то время как в России он станет более мягким, и ее затопление при таянии арктических ледников не будет столь катастрофическим. В этом смысле Россия может стать новым земным Эдемом.

Другой защитный пояс России — большая территория и немеримые ресурсы. Правда, российские компрадоры и временщики вместе с западными «партнерами» энергично этот пояс ослабляют.

Разрушение географических, а также духовных границ чревато если не гибелю народа, то его вырождением как целостного культурно-духовного организма.

Война, конечно, непростой феномен жизни человечества уже только потому, что при всей цивилизованности народов войны не утихают.

Война может рассматриваться в трех измерениях. Во-первых, в материально-физическем измерении (войска, пушки, бом-

бы, ракеты). Во-вторых, в измении душевной жизни людей (насаждение данному народу несвойственных ему инокультурных элементов). В-третьих, в измерении духовной жизни (внедрение чуждых духовных ценностей с вымыvанием национальной ментальности). Война в третьем измерении наиболее опасна, поскольку физическая война может привести только к физическому порабощению народа, в то время как война, разрушающая менталитет, способна уничтожить народ как уникальную духовную целостность, если даже индивиды, его представляющие, в физическом смысле останутся живыми людьми.

Сказанное является, по сути, методологическими принципами национальной безопасности и так называемых национальных военных доктрина. Военная доктрина России должна рассматривать войну в названных трех измерениях. Тогда будет действительно целостная и эффективная военная доктрина России.

Важно подчеркнуть, что обладание большой территорией не связано обязательно с имперскими амбициями и имперской политикой. Как говорят, если собаке дать плохое имя, то потом ее можно спокойно убить. Поэтому стоит задаться вопросом: кому выгодно было называть нашу страну «империей, которая обязательно должна развалиться»? Почему бы не назвать ее, пусть даже используя клише эпохи «развитого социализма», «устойчивой исторически сложившейся общностью» или «восточноевропейским общим домом»? Всякий дом несовершенен, но от этого необходимость его ломки неочевидна. Наша страна не была империей, потому что во всех известных в истории человечества империях метрополия жила лучше своих вассалов. Только в России во

многих случаях было наоборот. Что делать в первую очередь для укрепления внутренней стабильности страны? Решить, наконец, проблему не оправданного каким-либо особым служением государству многократного имущественного превосходства самозваного «креативного меньшинства». К сожалению, «бедные люди» не только тема времен Федора Михайловича, но и тема нашей современности. Проблемы бедных людей у нас в СМИ мало освещаются и замещаются бедами людей, которые свойственны гражданам любого достатка, то есть преимущественно криминальной хроникой, — хитроумный ход увода от проблем маломуниципального большинства России. Вспомним «Элегию» Некрасова:

*Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая «страдания народа»
И что поэзия забыть ее должна,
Не верьте, юноши! Не стареет она.*

Извечная проблема обустройства России и исходы большинства ее реформ

Много написано о том, что делать и как обустроить Россию, немало было и есть практических «деланий» и «обустройств». Успехи незаметны. В чем причина? Российский народ по природе своей более аполитичен, чем политичен (я не согласен с антиномией Бердяева, что русские и аполитичны, и политичны в равной степени). В той сфере, которую мы называем политикой, русский народ живет по христианскому принципу «кесарево кесарю, а Божие Богу» (Матф. 22:21). О том, что русские по ментальности не любят вхождения во власть, сторонятся этого, не стяжают власть, эм-

пиически свидетельствует не только история русского народа, но и народная мудрость. Слова «каган», «князь», «царь», «монарх», «император», «генсек» происходят не от русских корней. В русских народных сказках есть немало примеров того, что человек с русской ментальностью не стремится к власти, даже если она ему дается в руки.

Всплески спонтанной душевой жизни русского народа — русские бунты и революции, бессмысленные и беспощадные, — не суть выражение политичности русских.

Даже наиболее успешные примеры реформаторства могут оказаться сомнительными при их системном анализе. Например, мы еще не имеем убедительного доказательства (оно и невозможно), подтверждающего полезность реформ Петра I для всей истории России. Мы знаем о положительных сдвигах, произошедших благодаря реформам Петра I. Но, быть может, еще большие положительные сдвиги имели бы место без их внедрения. Не исключено, что традиционным и естественным путем в России развивалось бы что-то лучшее, и она стала бы не менее великой, не менее морской, не менее просвещенной и научной державой. Быть может, вместо Санкт-Петербурга в другом месте Отечества стоял бы прекрасный русский город, построенный не в западном стиле, к тому же не на костях и крови. Преклонение перед достоинствами западного уклада жизни заложено у нас с петровских времен. Это породило неизжитое до сих пор противостояние западников и славянофилов. С этих времен засел в нас космополитизм, так любезный обществу потребления и торговли всем и вся. У нас с таким пафосом говорят о достоинствах автомобилей иностранного производства,

Николай Рерих. Мост славы. 1923 год

Россия – одна из лучших (если не лучшая) стран для душевного комфорта человека, следовательно, вообще для человеческой жизни. То есть Россия в определенной степени при всех ее бедах и неустроенности является Беловодьем, землей, благоприятной для жизни в душевно-духовных измерениях.

как будто деды, отцы говорящего и он сам умом, душой и телом причастны к созданию этих авто, а отечественные авто создавали как будто некие чуждые нам, но все же, увы, соотечественники. Кто заботится о родной стране, тот думает и делает то, чтобы отечественная промышленность в наибольшем числе отраслей была конкурентоспособной, а не занимается ехидными насмешками в адрес своей же собственной (но, увы, нелюбимой) родины. Нет иного пути выживания.

Почему же тогда некоторые реформы удаются? Думаю, чаще всего – по закону случая, а отнюдь не в связи с мудрыми предвидениями реформаторов.

Теперь посмотрим с другой стороны на причины извечной нестабильности социально-экономического уклада России. Как обыватель со своей

организованной и законсервированной жизнью отличается от порывистого, открытого к жизни человека, находящегося в постоянном познании самого себя и поиске своей идентичности, так и Россия отличается от благодушествующих западных государств с «подлинной демократией» и «устойчивым развитием». Русский народ протестует против подавления свободы культом труда как в западном буржуазном, так и в советском коммунистическом обществах. Здесь под трудом я понимаю труд как таковой, без удовольствия, радости и творчества, то есть труд, называемый в физике «работа». У российского государства два полюса – народ и правительство. Россия – страна непрерывного поиска смысла жизни народом и почти непрерывного реформаторства, учиняемого правительством. В итоге приходится сделать вывод, хо-

чется нам этого или нет, что постоянные изменения государственных институтов и всей государственности в России являются неотъемлемой чертой ее прошлого и неизбежны в ее будущем. Указанный феномен российской идентичности обусловлен взаимосвязью двух факторов. В онтологической части это – установка россиян на непрерывный поиск индивидуального и национального смыслов жизни (личной и национальной идеи), в феноменологической части – волонтеризм власти, входящий в которую так немило русскому народу. Скажу с уверенностью, что неустойчивость с поисками смысла жизни лучше устойчивости без поисков смысла.

С чего начинается Родина? – вот в чем вопрос.

Как хорошо сказал Пушкин:

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отческим гробам.*

«Любовь к родному пепелищу» – это, конечно, любовь и интерес к отечественной истории, преданиям старины глубоко-

бокой. Без памяти нет нормального человека, как нет и нормального народа. «Любовь к отеческим гробам» – это, конечно, любовь к предкам: к матери и отцу, к бабушкам и дедушкам – словом, ко всем пращурам.

Жизнь в родном культурном окружении – национальные песни и танцы, кушанья и напитки, народные герои и святые места, «дым отечества»... Кто-то может жить вне всего этого, но это пресная жизнь без того жизнеутверждающего и прекрасного, что дает хотя бы один только фольклор. На концерте хора имени Митрофана Пятницкого такой человек увидит только хореографическое мастерство и услышит лишь профессиональное хоровое пение, но не сможет почувствовать самого важного – как в целостном представлении дышит и живет вся Россия. Лавра, основанная преподобным Сергием Радонежским, является религиозным национально-духовным центром России. Лавра в лице преподобного вдохновила на ратный подвиг русских на Куликовом поле. В лавре находится церковь святой Троицы с боговдохновенной архитектурой. Лавра и преподобный Сергий вдохновили преподобного Андрея Рублева на творение иконы «Троица». Таким образом, лавра и преподобный Сергий Радонежский, «Троица» и преподобный Андрей Рублев – первый и второй символы русского духа.

Выбор православия князем Владимиром неслучаян, это Богом данный путь для России. Православие объединило Россию вначале духовно, а затем и в государственно-политическом отношении. Российский народ осознал одну из ипостасей своего этического «я». Процесс духовно-нравственного и государственно-политического объединения России символически связан

с именами святого равноапостольного князя Владимира и преподобного Сергия Радонежского. Киевская Русь в лице святого равноапостольного князя Владимира дала русским христианство, Московская Русь в лице преподобного Сергия Радонежского дала русским духовное возрождение и национальную свободу. Святой равноапостольный князь Владимир и преподобный Сергий Радонежский – это не только символы российского единства, но они и сами по себе суть Идея России в онтологическом понимании.

Помимо фольклора как носителя национального духа есть и гениальные (напомню, «гений» в переводе с латинского – дух, покровительствующий народу) носители и выразители национальной идеи. Среди них Александр Пушкин, Николай Гоголь, Федор Достоевский, целый ряд русских композиторов. Есть герои – защитники Отечества: Дмитрий Донской, Александр Невский, Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский, Александр Суворов, Михаил Кутузов, Павел Нахимов. Есть святые – например, преподобные Сергий Радонежский и Серафим Саровский. Есть города и столицы, храмы и монастыри, терема и палаты, дворцы и срубы-пятистенники. Имена носителей и выразителей национального духа – гениальных писателей, поэтов, композиторов, художников, выдающихся защитников России, святых людей и мест – становятся неотъемлемыми символами, связанными с глубинными смыслами национального самосознания. Предание их забвению, к чему обычно прибегали захватчики в нашей стране – западничество и космополитизм, – ослабляло российское самосознание, а вместе с этим приводило к ослаблению чувства

национальной идентичности. Столица государства всегда является символом нации. Для нашего государства в исторической последовательности это – Киев, Москва, Санкт-Петербург и вновь Москва. Когда мы думаем о России, Пушкин всегда рядом:

*Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отзвалось!*

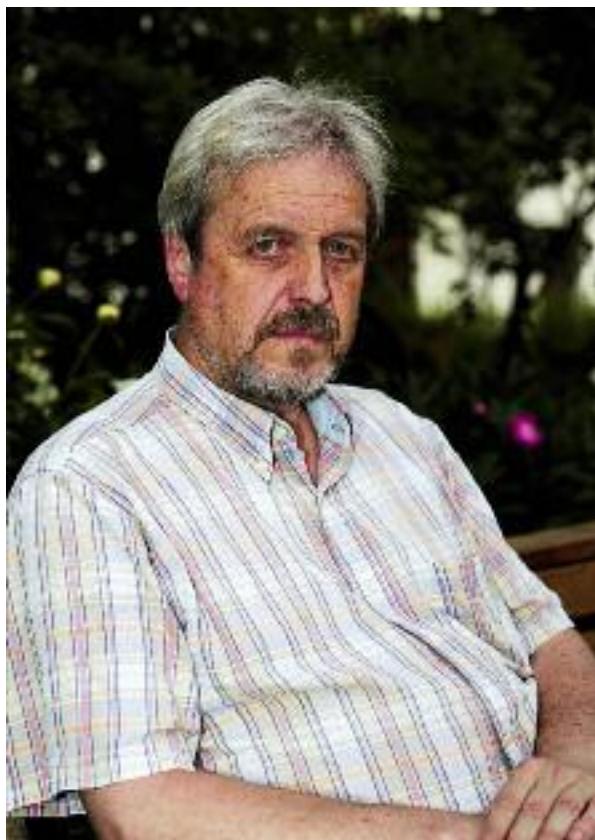
Кушанья – неотъемлемый элемент национальной культуры и фактор сохранения традиций. Таинство совместной трапезы – это важнейшая часть единения людей. Кушанья и напитки – не только сами по себе, но и в традиционной связи с обрядами, песнями, танцами – выполняют связующую функцию различных ипостасей национальной культуры. Русские квас, пироги, пельмени или татарские кыстыбый, перемячи и губадия – неотъемлемые составляющие национальной культуры.

Тот не вполне русский, кто ни разу не пил водки и не закусывал ее квашеной капустой.

Тот не вполне русский, кто в детстве не слушал русских народных волшебных сказок.

Тот не вполне русский, кто стремится к власти не как к средству, а как к цели.

Россия – одна из лучших (если не лучшая) стран для душевного комфорта человека, следовательно, вообще для человеческой жизни. То есть Россия в определенной степени при всех ее бедах и неустроенности является Беловодьем, землей, благоприятной для жизни в духовно-духовных измерениях. Динамичная ситуация выбора в состоянии кризиса, надо думать, для русских важнее, чем сам выбор. Это ситуация, когда сила духа намного превосходит культовое ублажение тела.

Владимир Вячеславович Малевин –

философ, историк, китаевед, доктор
исторических наук, профессор Института
изучения Европы Тамканского университета
(Тайвань)

Заповедное место и грядущая всемирность

*Александру Александровичу Шевцову –
главе и душе Заповедника русской культуры*

Еще раз о глобальности

Кажется, то, что принято называть современной глобализацией, в самом деле обозначило завершающий аккорд, «точку омега» того, что на Западе понимали под мировой историей. Завершение есть не конец, а напротив, восполнение вещей, исполнение обетов, выявление доселе скрытого, достижение предела развития в его прежних формах и перевертывание ситуации, полная смена вектора движения. Река истории, словно натолкнувшись на невидимую преграду, вздулась, пошла бурными и устремилась ввысь и вглубь в поисках выхода. Человечество вступило в мир пост- и мета-: Пост-

модерна, постполитики, постсекулярности и т.п., одним словом – постразвития, уводящего в незримые пространства метаистории. Этот резкий поворот не может не напоминать отчасти поворот назад, возвращение к началу пути.

Ни в чем современная ситуация завершения-переворота истории не предъявлена так ясно и наглядно, как в интересе к неведомому и экзотическому, иному и чужому образу мира и человечества. Современный человек, заметил Зигмунт Бауман, «ищет не общее будущее, а иное настоящее». Культурный и экстремальный туризм стал знамением эпохи. Как ни парадоксально, религиоз-

ные святыни и культурные достопримечательности, в наибольшей степени представляющие неповторимое лицо своей духовной традиции, стали местами всемирного паломничества. Оказывается, нет ничего более глобального, чем уникально-локальное.

За этим открытием, несомненно, стоит работа современного «информационного» капитализма, который научился превращать в товар само сознание, всякую идентичность – индивидуальную, национальную, культурную. А поскольку идентичность укоренена в чаянии того, чем человек еще не является и чем еще не обладает, капитал, в сущности, научился торговать пустотой, грезами и воспоминаниями, прообразом коих и выступают бренды, это главное условие коммерческого успеха на перенасыщенном товарами рынке. Пустота, не требующая материальных вложений, но дающая наибольшую отдачу, есть самая капиталистическая субстанция.

Между тем если экономика, как говорил советский классик, должна быть экономной, то экзотика должна быть экзотичной. Здесь мы наталкиваемся, пожалуй, на главный узел противоречий современной эпохи, многое в котором определяет сама природа электронного образа. Последний творится стремительным чередованием двух полюсов бытия – вплоть до их взаимного наложения. Следовательно, речь идет о реальности, которая удостоверяет свою неуничтожимость тем, что заслоняет, скрывает себя, перетекает в иной бытие, является экраном самой себя. В свете этой реальности сила проявляется в рассеянии, пребывает в своем отсутствии.

В эпоху информационных технологий капитал колонизировал виртуальное измерение опыта, превратив реальность в гиперреальность телекомму-

Ностальгия по культурным корням – фирменный знак Модерна. «Чудо, которым была Индия», «Россия, которую мы потеряли»...

никаций и добившись окончательного слияния действительности и воображения в бытии электронного симулянта. Последний есть воплощенное само-различие, «разъединяющий синтез» (Делёз) всего и вся, сам себя подменяющий. Сознание растет и крепнет от этой субстанции, потому что оно есть в той мере, в какой уступает самому себе; оно не содержитительно, а функционально, его природа – чистое осознавание, осознание

ничего никем. Есть доля истины в дерзком утверждении Жана Бодрийяра, что мир благовременно спасен в этом автопоэзисе виртуальной пле- сени «электрического сна на- яву».

Смычка экзотики и потреби- тельства – совершенно нело- гичная, неразумная – обра- зует знаменитый товарный фетишизм, который в наши дни принял вид электронной гиперреальности. Этот гла- мурный натурализм на самом

Николай Рерих. Властильтель ночи. 1918 год

В России открытие родины всегда было серьезным и почти всенародным делом, так что русские в своих поисках «неведомого Отечества» (кстати, любимое занятие одного из первых русских юродивых Прокопия Устюжского) дошли до Тихого океана. Такая уж у русских Родина: чтобы за далью открывалась родная даль, чтобы были и заколдованный лес, и заповедное место.

деле знаменует полную отдельность планетарного человека от чего бы то ни было реального. Именно господство симулякром позволяет распорядителям электронных СМИ — журналистам, рекламщикам, пропагандистам — утверждать, что они произвольно фабрикуют реальность, но утверждать, как мы увидим ниже, с чрезмерной дозой самонадеянности.

Человек жаждет того, чего у него нет. Его идентичность принадлежит никогда не проживавшему прошлому и неизвестному будущему. То и другое услужливо подсовываются ему медиаобразами или безжалостно препарируются современным «марке-

тингом души». Но ни то ни другое не может устраниТЬ различия между открытостью бытия и его предметностью, пустотой сосуда и его содержимым. В железобетонной телекартинке, заменившей мир, всегда есть трещина, в которой зияет бездна свободы. Бесполезно поэтому морализировать по поводу всеобщей симулятивности современной жизни и тем более пытаться разогнать эти «сумерки просвещения» свечой критических исследований. Нынешнее поколение с пеленок вскормлено симуляцией реальности, как искусственным молоком, и отодрать эту маску от своего лица может разве что вместе с собственной ко-

жей. Но можно надеяться, что воцарившийся ныне нигилизм — как ему и положено — в своем пределе взорвет сам себя, даст способ перевернуть ситуацию. Сказано ведь, что спасение приходит в момент величайшей опасности...

Все дело, конечно, в оптике видения. Можно довольствоваться малой частью своего бытия, которая опознана. И можно принять полноту бытия и позволить себе быть тайной мира. Чтобы видеть мир, требуется не усилие, а как раз освобождение от усилий. Ибо нет ничего более естественного для живого существа, чем видеть, воспринимать, сообщаться с миром. Что остается, когда все оставлено (в том числе оставлено в покое)? Решительно все, но это значит — инобытиность всего. Не предмет, не субстанция, не идея, не форма, не сущность. Нерукотворное. Неуловимое, но внушающее незыблемое доверие. Поистине наша личная и коллективная идентичность какими-то тайными, но неразрывными узами связана с *родной чуждостью* в нас и с нашим, говоря старорусским языком, *странноприимством*. Эту открытость миру не может подменить и тем более отменить даже океан симулякром.

Историки культуры хорошо знают, что образы идентичности приходят из недосягаемого прошлого. Ностальгия по культурным корням — фирменный знак Модерна. «Чудо, которым была Индия», «Россия, которую мы потеряли»... Современный туризм — второй по обороту капитала бизнес в мире — питается как раз этим неистребимым желанием человека открыть окружающее его пространство. И притом не только далекие удивительные страны, но и собственную — вроде бы, хорошо знакомую — родину. Японцев трудно заподозрить в недостатке национального самосо-

знания, но в Японии вот уже третье десятилетие не прекращается массовая кампания по «открытию Японии»: рядовому японцу предлагается сесть в поезд и сойти на первой попавшейся станции, чтобы, наконец, узнать по-настоящему родную землю. «Япония – экзотическая страна», – гласит девиз этой кампании, которая, помимо прочего или даже в первую очередь, служит коммерческим интересам железной дороги и туристического бизнеса. Но речь идет именно о желании открыть родину и даже о самом предвосхищении открытия. Действительная Япония, как всякая действительность, пожалуй, испортит этот предвкушаемый праздник души.

Неудивительно в таком случае, что, например, в Европе также жажда иного настоящего утоляется скорее платонически. Достаточно вспомнить непрекращающиеся со времен Хайдеггера разговоры о «другом начале» европейской мысли или «другом векторе» (во французском оригинале Жака Дерриды – *l'autre cap*) развития Европы. В способности Европы не просто открывать, но вырабатывать свою инаковость постмодернистские философы теперь усматривают ее универсальность. И как не отметить, что если в Японии и Европе открытие родины – приятный пикник или увлекательный разговор, то в России это всегда было серьезным и почти всенародным делом, так что русские в своих поисках «неведомого Отечества» (кстати, любимое занятие одного из первых русских юродивых Прокопия Устюжского) дошли до Тихого океана. Такая уж у русских Родина: чтобы за далью открывалась *родная* даль, чтобы были и заколдованный лес, и заповедное место.

Современный глобальный капитализм торгует экзотикой

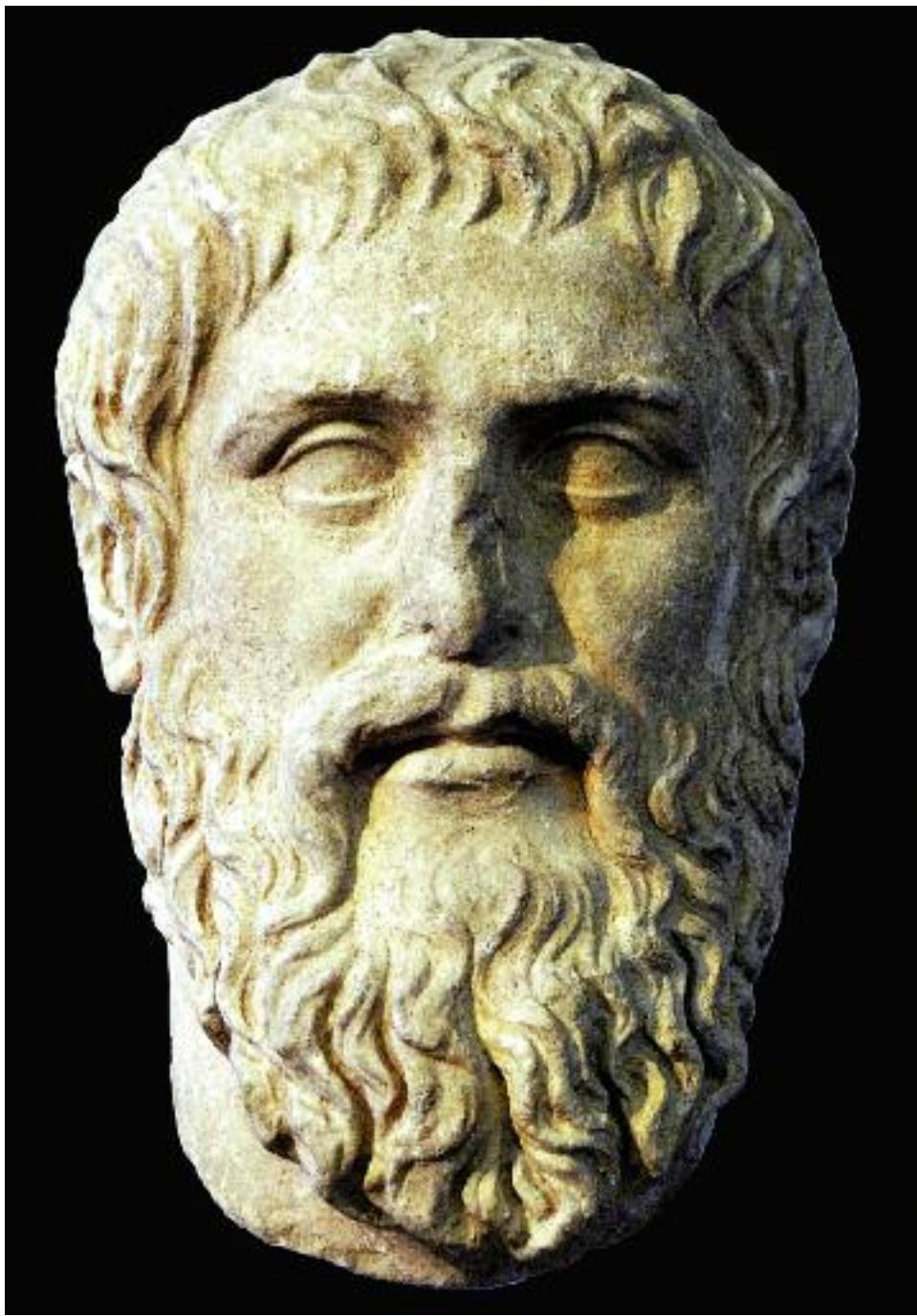
довольно-таки мошенническим образом: он обещает неведомое и чудесное, а предлагает гламурную фальшивку. Быть может, его сила как раз и заключается в способности высвобождать и приручать наполняющее человеческую душу желание. Еще предстоит выяснить, является ли таинственная инаковость сознания подлинной основой капиталистического предпринимательства или именно она похоронит капитализм или, по крайней мере, сможет держать его под контролем. Но очевидно, что пресловутая «макдонализация» встречает все большее сопротивление в мире и все больше становится символом провинциализма Запада, тогда как роль глобальных центров успешно примеривают на себя мегаполисы крупнейших стран Азии, сочетающие ультрасовременный урбанистический пейзаж с символами культурной самобытности.

В основе западной концепции практики лежит представление о том, что человеческому труду предшествуют некая идеальная модель или ясный образ результата этого труда. В обоих случаях мы имеем дело со сведением человеческих действий или человеческой общности к трансцендентному принципу или идее, имеющей характер предвидения и даже пророчества. Такая установка мысли диктует жесткую взаимную обусловленность порядков языка и бытия, субъекта и объекта, идеального и материального, рациональности и эмпирического опыта, что со времен Канта составляет содержание схематизма сознания. Этот схематизм является, можно сказать, главным мифом Модерна. Конец Модерна есть полное совпадение объекта и субъекта, что равнозначно абсолютной фикции реальности.

Нет необходимости давать здесь критическую оценку мифу Модерна. Врожденный догматизм и историческая ограниченность последнего сегодня хорошо известны и даже очевидны. Заметим только, что этот миф действительно придает западной истории (или сам воспринял от нее) апокалиптический пафос, ибо объявляет существенным свойством человека его коначность. Американские пангирики глобализации – странное недоразумение, которое можно списать разве что на неисправимую наивность Нового Света или, что кажется более достоверным, изначальную апокалиптичность, то есть завершенность в указанном выше смысле, американского сознания.

Что касается Европы, то у этой цитадели западного мира уже почти не осталось защитников. Отчасти, возможно, потому что она и не нуждается в защите: техника как информационная среда уже отделась от собственно гуманистического измерения практики и развивается автономно. Но главная причина заключается, конечно, в невозможности защищать Европу прежними средствами. Глобальные притязания Европы теперь можно обосновывать ссылками на ее исключительность.

Без всякой иронии можно сказать, что Европа получила то, что хотела: полное совпадение мысли и бытия, субъекта и объекта. И тут же выяснилось, что это совпадение совершенно невозможно и нежизненно, что Европа стремилась к собственному пределу, который отрицает и разрушает ее. Идея подчинения копии оригиналу, образа прообразу или, по-гречески, типа архетипу неисправимо догматична и не может получить никакого философского разрешения, о чем со всей наглядностью свидетельствуют иконоборческие споры,

Произошла кардинальная смена установок европейской мысли: вместо мышления о сущностях, оперирующего логикой тождества и различия, пришло мышление, имеющее своим предметом перемены, самоотрицание, событие. Здесь мысль остро нуждается в понятии, которое могло бы обосновать посредование как фундаментальный принцип бытия. И такое понятие появляется уже у Платона в диалоге «Тимей». Оно представлено словом «хора», которое означает в «Тимее» мать, кормилицу и, наконец, место, вмещающее в себя образы.

не утихающие поныне. Репрезентация, говорит Делёз, есть «трансцендентальная иллюзия». А в историческом плане

модернистское мировоззрение ведет, по убийственному, но точному определению Хайдеггера, к «опустошению Земли».

Таким образом, вожделенная цель европейской мысли была достигнута непомерно дорогой ценой: вся конструкция европейской интеллектуальной традиции оказалась взорвана изнутри. Произошла кардинальная смена установок мысли: вместо мышления о сущностях, оперирующего логикой тождества и различия, пришло мышление, имеющее своим предметом перемены, самоотрицание, событие. В его свете вещи являются собой в той мере, в какой они есть нечто другое. Здесь мысль остро нуждается в понятии, которое могло бы обосновать посредование как фундаментальный принцип бытия. И такое понятие появляется уже у Платона в диалоге «Тимей». Оно представлено словом «хора», которое означает в «Тимее» мать, кормилицу и, наконец, место, вмещающее в себя образы. Конечно, это понятие было не столько создано Платоном, сколько подсказано ему древними мифами, где мир творится расчленением, рассеянием перво человека и чаще всего — матери-земли. Еще одно принятое в Античности название для этой реальности — гиле, мать-чаща. Ему созвучен русский образ матери-пустыни, если понимать пустыню на русский лад — как лесную пустыню.

Как прообраз священства мира хора воплощает неоднородность и, следовательно, непрозрачность пространства, мрак границы всякого видения. Как условие всего сущего хора есть мать-матрица мира и вместилище всех вещей. В ее свете быть вместе означает быть в-месте и вместе другого. Сама хора не имеет ни формы, ни сущности и притом странным образом одновременно все рождает и все вмещает, то есть всему предшествует, но и всему последует. В одном античном тексте о гиле говорится, что она «отде-

лилась от своего бесцельного тела в формы». Речь идет о реальности, которая, являя себя, облекаясь в некий образ, остается или даже становится собой. Следовательно, это праместо есть принцип самоподобия в различии. Оно присутствует в своем отсутствии. Недаром Платон отмечает, что хора «постигается как бы в сне».

Мотив места-матрицы очень важен в восточной мысли, не знавшей противостояния умозрительного и эмпирического. В «Дао-Дэ цзине» высшая реальность именуется «матерью Поднебесной», «сокровенной родительницей», а принцип подобия (следовательно, чистой явленности) ставится даже прежде божеств. В буддизме Будда есть тот, кто «приходит в подобии». Культурная практика на Востоке вообще сводится к производству подобия: поклоняться богам, по завету Конфуция, нужно «так, как если бы они присутствовали», мудрый «ходит как ходит, стоит как стоит» и т.д. Природа письма, по мнению китайцев, тоже есть «подобие», которое воплощено в размножении потомства, питаемого молоком общей матери. Аналогичным образом творчество в Китае вдохновляется ме-чтой, упоительной грезой о рассеивании всего и вся в потоке жизни: в живописи Китая ключевая метафора – тающая дымка, в музыке – замирающий звук. Соответственно первостепенное значение приобретают не сами вещи, а их эстетическая аура, ускользающая между-бытиность как своего рода антракт (именно: *entre-acte*), пауза в мировом ритме, точка одновременно интенсивного переживания и бесконечно глубокого покоя. Именно подобие есть та реальность, которая, как сознание, усиливается сама собой и сама от себя возрастает посредством потери, оставления

себя. Подобие хранит в себе трещину бытия, в которой зияет бездна свободы, и таится всегда отсутствующая целостность нашего (никогда не частного или только индивидуального) тела.

Уместно напомнить, что и на Западе самоисчерпание интеллектуализма воскресило имманентное откровение подобия. У Пруста растворение сознания в «непроизвольной памяти» выявляет «мир, превратившийся в собственное подобие» (Беньямин). У Хайдеггера логос оказывается бесконечно воспроизводимой «структурой подобия», *Als-Struktur*. Для Барта вечносущее дает знать о себе в «угасании голоса». Для Бодрийара, как уже говорилось, мир спасен в самоподобии как «прибавочном значении» всего сущего. Во всех случаях подобие предстает формой чистой временности, добытойным различием, которые служат общей матрицей бытия, сознания и языка.

Итак, по современному миру бродит призрак не столько коммунизма, сколько первозданного, только подобного себе и потому скрывающегося в самом своем явлении места. Сегодня особенно важно осознать это первичное откровение Земли, которое предстает вечно скрытым, всегда «потерянным», но непреходящим истоком истории – ее первичным фантазмом. Нужно сделать предметом исторического исследования формы проявления этой фантомной реальности в культуре и ее усвоения личным и общественным сознанием. Такая работа будет благодатна для России, ибо в условиях ускоренного капиталистического развития и ослабления идеологических зажимов русские будут все настойчивее вызывать из небытия «родных призраков», образы России будут быстро множиться. Для этой

смены ориентиров не требуется никаких «проектов» и «бюджетов», тем более никакой пропаганды. Достаточно спонтанного высвобождения сознания. Вот где главный ресурс брендования России, о котором сейчас так много говорят.

Древний даосский философ Чжуан-цзы отметил существенную черту этой подлинно жизненной (ибо существенно динамической, самоизменчивой) реальности. Он сказал, что люди независимо от их дел и мнений живут в «небесной оставленности» или «оставленности небес». (Древнекитайский язык допускает обе трактовки.) Превращение, всегда спонтанное событие – это реальность, которая неподвластна хватке рефлексии, оставляет сама себя и в конечном счете пред-оставляет миру пребывать, пере-бывать, преодолевать себя в оставленности самому себе. Не таково ли бездонное, распахнутое всему миру, всевместительное небо? Чжуан-цзы утверждал также, что мир – это «раскинутая сеть, в которой не найти начала», так что вещи «вмещают друг друга». В другом месте своей книги он советует ради обретения душевного покоя «спрятать мир в мире», приравнивая реальность все к тому же вместелищу. Мир метаморфоз, как видим, не просто сложен, но складывается в себя и из себя. В нем малейшее превращение равнозначно мировому перевороту. В нем нет ничего ближе того, что отстоит дальше всего. В нем самое родное и интимное оказывается самым непредставимым, как «другая Европа» или «другая Россия». В нем пустота неба каким-то образом сопряжена с твердью земли и преемственна ей. Небо и земля – вот что остается во всякой оставленности и на первый взгляд парадоксальным, но в действительности

необходимым образом обеспечивает лихорадочный бег цифровой гиперреальности. Между современной технической и экологическим уклоном современной мысли существует глубокая, еще не разгаданная до конца связь. Феноменологически и даже политически оставление выступает как предел всех жизненных миров, который одновременно разделяет и связывает. Именно в свете этого высшего экзистенциального акта политика в евразийском пространстве выстраивается сообразно полюсам двойной спирали, один из которых соответствует небесной вышине имперской власти, а другой – земной глубине народного быта, стихии повседневности. Сходным образом, кстати сказать, организовано представление в китайском театре, где композиционно аморфное, продолжавшееся нередко несколько дней кряду представление служило только фоном для осуществлявшегося каждое мгновение усилия актерской игры как стилизации не просто действия, а самого момента симуляции, своего рода превращения превращения. А для интерьера китайского дома характерно сочетание объемного пустого пространства (полюс неба) и небольших по размеру предметов мебели как точек взаимодействия, функциональной преемственности человека и среды (полюс земли), причем один и тот же предмет в зависимости от обстоятельств мог служить и столом, и столом, и кроватью. Подвижность и полифункциональность интерьера в еще большей мере свойственны быту кочевников. Земля и небо в этой спиралевидной структуре друг для друга непрозрачны и даже незаметны, но образуют – или, точнее, задают – некую жизненную цельность.

Конечно, оставление как предел проективности (ибо са-

моутверждение всегда является проектом) не есть капитуляция мысли и возвращение к примитивно-непосредственному предстоянию миру. Наборот, оно выводит мысль в открытость пространства, выявляет взаимную обратимость предмета и его ауры или среды. Тем самым оно открывает неограниченные возможности для посредования и, стало быть, продления, удержания бытия. Оно позволяет оставаться собой, становясь другим. В отличие от бинарных оппозиций, создаваемых формальной рациональностью, превращение есть и среда, и средство, и сила всякого посредования, неисключенное третье любого противостояния. В этом пункте ограниченность европейской традиции проиступает, пожалуй, отчетливее всего. Оцифрованный мир представляет высшую точку Модерна и обнажает кричащее несоответствие заявленных целей и достигнутых результатов. Демонстрируя исчерпанность традиционных ресурсов мысли, снимая все метафизические оппозиции, он не дает способов и средств преодоления своей завершенности. Убедительнее всего об этой не слишком заметной драме европейской мысли свидетельствует ее прогрессирующее «бесчувствие окамененное», замкнутость субъекта в мире его аффектов, все более усиливаемых техническими средствами. На стадии раннего Модерна это была слепота и глухота к природному миру, которая еще маскировалась приверженностью гуманистическим ценностям. Поздний Модерн принес уже демонстративное равнодушие человека к себе подобным. Остается немногое: пустословие лицемерных дискуссий, стремление власти спрятаться в технике администрирования, растворение общества в

инертном «молчаливом большинстве». Огни современных мегаполисов горят бесчисленными фонарями Диогена. Но политическое животное ушло, мутировало в нечто постчеловеческое. Остается либо искать человека с микроскопом, что, пожалуй, недостойно столь крупного существа, либо принять всерьез обетования его *небесной жизни*.

Место, местность, вместительность

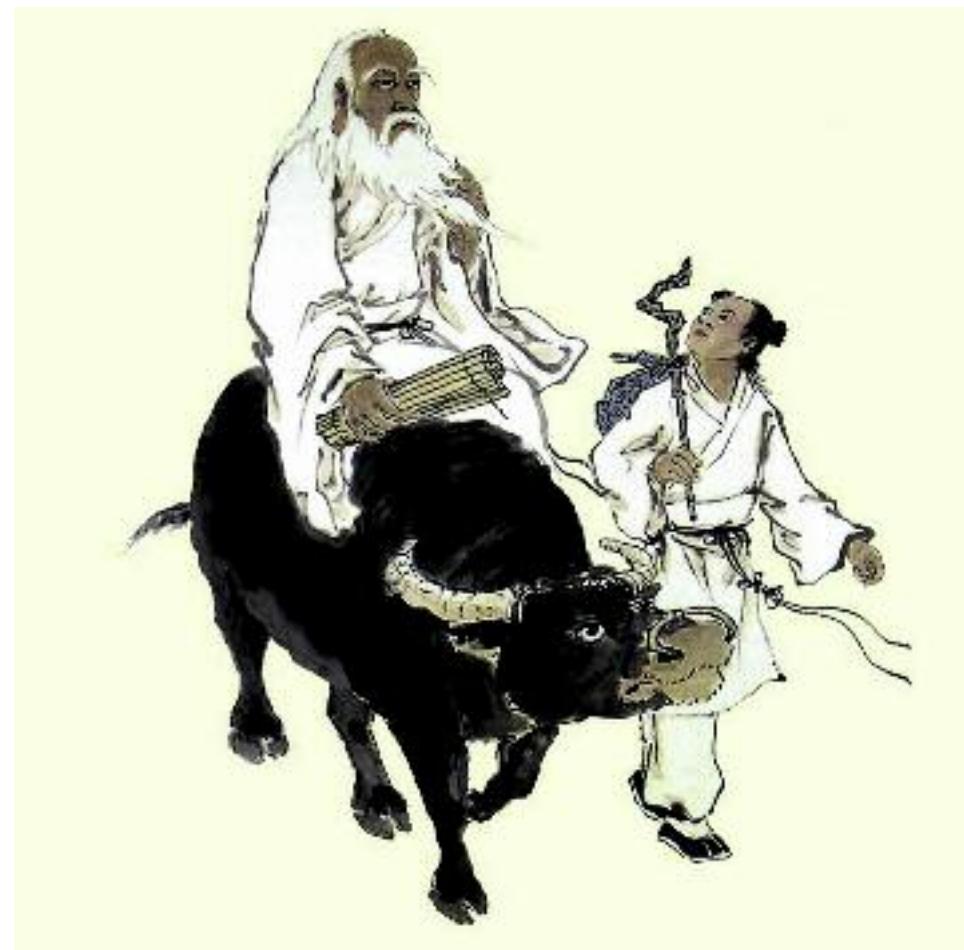
Мы уже знаем, что выход из тупика самоограничивающейся, агрессивной глобальности на западный манер дает только перспектива реального, ненасильственного примирения оппозиций (до сих пор такое примирение было, повторим, только иллюзорным). Девизом нового типа мышления может служить китайский принцип «перемены вечно-преемственного» (*бянь тун*). Это значит, что мы должны превзойти предметность мира: открыть в позиции диспозицию, в фигуре – конфигурацию, а в каждом месте – и размещение, и вместительность, и совместность.

В китайской традициидается очень точный и яркий образ такой метанойи, переворота сознания. В одном из самых ранних трактатов о духовном совершенствовании говорит-ся: «Претворяющий праведный путь (дао) подобен слепцу, идущему без посоха». Слепой не знает оппозиции внешнего и внутреннего. Его мир безупречно целостен, а его воля, не смущаемая чувственным восприятием, способна к полной концентрации. Все его бытие есть активное, бодрствующее внимание, *предвосхищение грядущего*, то есть того, чего нет, но что не может не случиться. В китайской традиции бодрствующее сознание (буквально «сердце») наделялось способностью «слышать неслышное и видеть незри-

мое». Поистине, если мы захвачены превращениями, мы живем по ту сторону жизненной эмпиреи. Может ли следить удариться обо что-то, оступиться, упасть? Нет, если он действительно внемлет грядущему, для чего, как ни странно, требуется внутренняя освобожденность, безукоризненное чувство равновесия жизненного пространства, потенциально охватывающего весь мир. Заметим, что все точки нашего тела (а телесное присутствие переживается только точечно) даны сознанию на одинаковом и притом не поддающемся измерению расстоянии. Это означает, что движение реально, но не является перемещением из одного пункта в другой и, в сущности, неотделимо от покоя.

Итак, прерывание восприятия развивает способность духовного бдения и открытость не просто миру вещей, но изначальной разомкнутости мира. Таково главное условие духовного роста личности, которое можно наблюдать уже в самых древних обрядах инициации и в выборе древнейшими людьми святых, заповедных мест, каковыми всюду служат горы, пещеры, лесные чащи. Святое место всегда ставит преграду внешнему видению и обращает взор вовнутрь — к точке центрированности бытия.

Сказанное о природе движения напоминает его трактовку в монадологии Лейбница, где движение равнозначно смене угла зрения в целостности мира-монады. В таком случае нам будет легче понять другое важное свойство мира как события или даже, точнее, вездесущей событийности. У Лейбница монада обладает двухслойной структурой. Она состоит из небесного, ангельского, и земного, человеческого, уровней. В действительности двухслойное строение монады скрывает в себе слож-

«Дао-Дэ цзинь»

Мотив места-матрицы очень важен в восточной мысли, не знавшей противостояния умозрительного и эмпирического. В «Дао-Дэ цзине» высшая реальность именуется «матерью Поднебесной», «сокровенной родительницей», а принцип подобия (следовательно, чистой явленности) ставится даже прежде божеств.

ную иерархию состояний бытия и одновременно ступеней духовного просветления. Свойственные Азии «религии места» (если позволительно противопоставить их западной «религии личности») и особенно мир северного буддизма (ламаизма), составляющий сердцевину азиатского и даже всего евразийского континента, служат яркой иллюстрацией выдвинутых здесь тезисов о природе мирособытия. Повсюду в этом ареале мы видим иерархию культов, где высшую ступень занимает буддийская метафизика пустоты. Ниже располагается та или иная разновидность квазнациональной религии (бон в

Тибете, тенрианство у степных народов, даосизм в Китае, синто в Японии и т.д.). Эти традиции представляют этнокультурное своеобразие отдельных стран и ориентируются на политическую власть и родовой строй. Еще ниже мы встречаем культуры и верования, восходящие к первобытному шаманизму. Они занимают в обществе периферийное положение и обслуживают интересы отдельных лиц, нередко стоящих в оппозиции к власти. Наконец, в самом низу мы встречаем культуры хтонических, вредоносных по природе духов. Культурный уклад Тибета дает особенно наглядный пример

Небо и земля – вот что остается во всякой оставленности и на первый взгляд парадоксальным, но в действительности необходимым образом обеспечивает лихорадочный бег цифровой гиперреальности. Между современной техникой и экологическим уклоном современной мысли существует глубокая, еще не разгаданная до конца связь.

описанной иерархии. В Тибете есть своя география святых мест, важнейшие из которых были «открыты» буддийскими праведниками и реинкарнациями будд на месте архаических святынь. Буддийские подвижники побеждают прежних хранителей святого места в состязании или вооруженном поединке. Эта двойственность священства (в своем роде универсальная) распространяется на всю землю. Для тибетцев «лицо земли», ландшафт местности является образ небесной истины, а глубинный субстрат земли, ее преисподняя есть тело демо-

ници по имени Сыму, которая лежит без движения, придавленная стоящими на ней буддийскими монастырями.

О происхождении святых мест рассказывается в примечательной легенде, имеющей индийские корни. В ней говорится, что когда-то миром владел демон Рудра, который притеснял и мучил его обитателей. Будда Херука, олицетворение безграничного сострадания, своим неистовым танцем *освободил* Рудру от его телесного плена, то есть рассекая его тело по миру — или, говоря более отвлеченно, преобразил страстную волю в оду-

хотворенный ритм мироздания. Кстати, тому же Херуке приписывается способность порождать танцем собственные эманации. Места, где упали частицы тела Рудры (всего их было 800), превратились в «чистые проявления изначально сущих святых мест», «дворцы тайных мантр», а женщины из свиты Рудры стали покровительницами этих мест. Именно они выступают в роли проводников благочестивых посетителей святынь. Из жидкостей в теле Рудры выросли целебные деревья и травы и т.д.

Таким образом, святые места на земле являются результатом, так сказать, активации частиц тела первочеловека или, говоря шире, удвоением, производством самоподобия первичного субстрата жизни. Вполне закономерно тибет-

ская мифология говорит и о вторичной «активации» святых мест, то есть об открытии «позднейших» святых мест святыми людьми. Таковых насчитывается 108 из разряда больших, и 1002 из разряда малых. Святые места, следовательно, являются плодом соработничества небесных сил и человеческого рода. Тибетцы называют их «местами свершения». Совместное же трудинчество человека и неба есть производство самоподобия в со-в-мест-ности их пребывания.

Общетибетская география святых мест соответствует основным положениям буддийской космологии и философии. Три главных священных горы находятся соответственно в высшей (западной), срединной и низшей (восточной) областях страны. Они символизируют речь, сознание и тело Будды. Высшим ламам святые места предстают в образе мандалы или небесного дворца, населенного буддами и небесными странниками. Простые люди видят только физический рельеф. Посещение святого места – большая духовная заслуга. По народному поверью, день медитации там стоит года медитации в обычных условиях. К тому же в святом месте произрастают целебные травы и бьют целебные ключи.

Локальная география святых мест еще более подробна. Например, предание удела Дэрэгэ (Восточный Тибет) выделяло в нем пять областей. Самая верхняя, примыкавшая к Гималайскому хребту, считалась обителю Херуки, образом великого блаженства и слога «Вам». Область, лежавшая ниже и отличавшаяся густыми лесами и крутыми ущельями, считалась образом пустоты, мудрости и слога «Е». Срединная область царства слыла обителю подвижников и местных божеств, а также про-

образом трех основных энергетических каналов человеческого тела и т.д.

Разумеется, между внутренним образом человека и физическим обликом святого места имелись тесные и многогранные аналогии. Один знающий наблюдатель в том же уделе Дэрэгэ заметил, что местность вокруг известного монастыря Папанг «представляет просветленное сознание, ибо имеет форму восьми лепестков сердечной чакры». Вообще считалось, что потребность в паломничестве возникает в благочестивом человеке после того, как в его теле полностью раскрылась система циркуляции жизненной энергии, что позволяет удерживать прочную связь между внутренним образом тела и универсумом. В традиции бон прямо говорится о пяти божествах, которые управляют одновременно человеческим телом и окружающей местностью.

А вот пример конкретного святого места и притом не описанного в литературе: главная священная гора Восточного Тибета Мордо. Культ этой горы первоначально находился в ведении бон. Позднее, с VIII века, сюда стали приходить буддийские подвижники, так что гора давно является общим достоянием буддистов и бонцев. Образ ее божественного патрона тоже является своеобразным компромиссом между буддизмом и народными верованиями. Легенда гласит, что дух Мордо доказал свое превосходство в знании священных книг в споре с покровителями других священных гор Тибета. А когда он вернулся на родную гору, ему пришлось отстаивать свое право на нее в вооруженном поединке с другим претендентом. Дух Мордо благородно предложил противнику нападать первым и с легкостью отразил все 108 – священное число! – ударов его гигант-

ского меча. Паломники, поднимающиеся на гору, еще и сегодня видят их следы на горных склонах. А бог Мордо стал олицетворением любимого тибетцами идеала героя-эрудита.

Физическая топография Мордо имеет свою сакральную топику: пещеры и следы деяний аскетов и небесных странников, святые камни, потоки и деревья, простирающие на камнях лики богов, свастики и манtry. Ближе к вершине есть и святое озеро, в спокойной глади которого можно видеть картины блаженной жизни. У подножия горы стоит святой камень, принесенный туда потоком с вершины. На нем местные жители явственно различают божества Мордо, сидящего верхом на коне с обнаженным мечом. Перед ним стоит бодхисатва Гуаньинь.

На высоте около 3700 метров находится «самопроявившаяся пагода» – главное место паломничества окрестных жителей. Там живет бонский лама с помощниками. Вокруг этого нерукотворного святилища имеются 36 святых мест: растущий камень и камень с двойной свастикой, святой источник, дающий воду два раза в год, каменное яйцо в дупле дерева, каменная морда дракона и т.д. Ночью при свете фонарика скалы вокруг святилища превращаются в образы богов и будд, на них простираются священные манtry. Для местных жителей физический облик Мордо есть образ духовной истины в ее полноте, так что на горе нельзя передвинуть ни одного камня.

Отношение к святым местам в Тибете принадлежит еще архаическому миросозерцанию, которое не знает диалектики места и пространства и видит в вещах элементы классификационных схем. Тибетская живопись так и не выработала понятий масштаба и глубины пространства и соответ-

ственno не могла иметь представления о пейзаже. Изображение в ней имело главным образом учительную функцию: изображаемые предметы посредством диагональной, концентрической и как бы на- слаивающейся ярусами композиции были включены, почти буквально вписаны в иерархию бытия. Сами образы совмещали в себе реалистические и символические качества. Подобный стиль заключал в себе внутреннее противоречие, которое порой вырывалось наружу с катастрофическими последствиями для художественной традиции. Примером служит судьба Ангкора, где, судя по всему, параллельное усиление реалистических и символических, диктуемых мифологической картиной мира тенденций в скульптурном образе в конце концов взорвало это искусство изнутри и заставило кхмеров отказаться от наследия Ангкора. Нечто подобное можно наблюдать и в Китае эпохи раннего Средневековья, когда жители Поднебесной пытались передать величие Будды, создавая его гигантские статуи. В Тибете и в Китае катастрофического слома традиции не произошло, и причину увидеть нетрудно: там образы изначально воспринимались как результат превращения аморфно-пустотного субстрата и открывались видению как бы во сне. Когда в камне мы «узнаем» дракона или в скале – божество, мы видим перед собой только подобия, симулякры, не имеющие отношения к действительности (тем более что божества или драконы не имеют прототипов в реальном мире). Эти образы фантомны, принадлежат воображению и в любой момент могут растаять в аморфной массе земли. Однако в качестве симулякров они самоценны и более реальны, чем так называемая объективная

действительность. Отсюда акцент на секретности истины, столь характерный для Востока. Он объясняется невозможностью перевести симулятивность на язык наивного реализма или даже науки с их оппозициями воображаемого и действительного, духовного и материального. Мудрость духовного прозрения, заметил Пятый Далай-лама Тибета (XVII век) в предисловии к книге своих видений, есть безумие для людей мирских и особенно людей ученых. Между тем политические решения в том же Тибете принимались как раз на основании откровений первозданной ночи мира, ведь эти видения были лучшим прообразом событийности как самоподобия, скрывающегося в своей явленности.

В Китае ландшафт тоже считался божественным предметом, с которым нельзя обращаться по своему произволу. Но китайская традиция сделала важный шаг вперед, позволив искусству сбросить с себя покровы религии. Выход из тупика мегаломании и ограниченности магического символизма на исходе I тысячелетия нашей эры был найден именно в эстетике мнимости, что позволило выражать великое в форме миниатюры и создавать полноценный художественный образ событийности как подобия-в-различии в пейзажной живописи. Вновь открытый пейзаж, впрочем, был лишен естественных источников освещения, ибо по-прежнему принадлежал внутреннему миру фантомного видения.

Место и у-местность техники

Из предыдущего изложения мы знаем, что преодоление архаической нераздельности предметного и символического предполагает открытие целостности пространства как

среды всеобщего посредования и преемственности, перехода от места к размещению, от позиции к диспозиции, от фигуры к конфигурации. На Западе этот исторический перелом отмечен изобретением линейной перспективы, которая давала исключительный реалистический эффект, но ценой подчинения вещей композиции, идеи картины. Такому видению мира соответствует технократизм Модерна, интересующийся только универсальными свойствами материи. Восточноазиатские культуры пошли по принципиально иному пути: сохранив верность «безумной» правде фантомного видения, они искали всеобщность в единичности вещей и соположенности перспектив, что позволяло видеть мир как событийность событий, континuum одного (в смысле сплошного) превращения. В азиатском мировоззрении вещи подобны в исключительной таковости их существования. Эта таковость относится к миру бесконечно малых метаморфоз, в которые и из которых складывается мир вещей. Последние – лишь результат отбора наиболее заметных качеств в дифференциальных отношениях бесконечно уточняющихся различий. Мир в китайской традиции теряется, оставляет себя в ускользающих нюансах. Знаток живописи XVI века Ли Кайсянь пишет: «Каждая вещь, большая или малая, несет в себе утонченную истину. Эта истина выходит из сокровенных превращений таковости всего сущего. В мире бесчисленное множество вещей, и у каждой вещи – своя истина».

Таковость – не сущность, не форма, не идея, а именно вездесущая между-бытиность, всегда и везде отсутствующая центрированность, безупречная со-отнесенность всего сущего, о чем и сообщает, пожа-

луй, главное, на первый взгляд кажущееся парадоксальным наставление китайской мудрости: «Соответствуй другим в таковости».

В восточных пейзажах, в том числе в их словесных описаниях, поражает обостренное чувство цельности созерцаемого пространства, котороедается, однако, как бы в скольжении перспективы созерцания. Китайская живопись не знает полностью закрытого пространства, интерьеры жилищ в ней всегда открыты окружающему миру и увлекают туда взор. Соответственно пейзаж как бы рвется за горизонт, а в сущности, учитывая, что он изображен из бесконечно удаленной точки, *внутрь себя*: пустые места на картине служат ее внутренним фокусом, клубящиеся облака или водовороты на реке словно обозначают точки интенсификации, углубления жизненного ритма. Каждый предмет здесь выписан предельно четко и достоверно, но всегда в присущей только

Огни современных мегаполисов горят бесчисленными фонарями Диогена. Но политическое животное ушло, мутировало в нечто постчеловеческое. Остается либо искать человека с микроскопом, что, пожалуй, недостойно столь крупного существа, либо принять всерьез обетования его небесной жизни.

ему неповторимой перспективе, и эта соположенность бесчисленного множества ракурсов, превращающая мир в поток мерцающего света, делает каждый вид только видимостью, придает ему условно иллюзорный характер. Условно — потому что здесь нет единой перспективы или масштаба изображения, которые служили бы мерилом правдивости. Такое видение предполагает, как уже говорилось, бесконечно удаленного наблюдателя и поэтому призвано внушать интуицию соприсутствия с незапамятной древностью или древними мужами. Оно заставляет пережить эфемерность всего сущего, но дает созерцанию прочную нравственную опору.

В этом образе мира нет ничего нарочитого и искусственно-

го. Он в точности соответствует изначальной интуиции нашего тела как сферы, одновременно всеохватывающей и бесконечно малой, ничего не имеющей в себе и служащей источником жизни. Такова природа места-вместилища. Недаром один из первых китайских теоретиков живописи Цзун Бин (V век) назвал сущность пейзажа «сокровенной родительницей». В животворной единотелесности мира малое и великое, часть и целое, мгновение и вечность равновесомы и друг друга вмещают, можно сказать — всевместительны. В категориях античной мифологемы *гиле вещь* здесь обозначает пространство посредования между бесцельным телом (хаосом) и ограниченными формами. Бытие *вещи мира* (так называ-

Физическая топография Мордо имеет свою сакральную топику. Ближе к вершине есть и святое озеро, в спокойной глади которого можно видеть картины блаженной жизни. У подножия горы стоит святой камень, принесенный туда потоком с вершины. На нем местные жители явственно различают бога Мордо, сидящего верхом на коне с обнаженным мечом. Перед ним стоит бодхисатва Гуаньинь.

ли пейзаж в Китае) в ее взаимном претворении пустотной цельности и чистой вещественности и есть не что иное, как возведение вещи в тип. Последний следует отличать от свойственного Модерну стереотипа — продукта идеологической объективации действительности. Речь идет именно о событии, трансформации, удостоверяющей вечносущие качества вещей. Поэтому, как ни странно, вещь-тип не может не быть необычной, уникальной, даже экстравагантной, она не подчиняется всем общим меркам и законам. В

самом раннем сочинении о типах вещей его автор, император династии Лян Юань-ди (VI век), подчеркивал уникальность каждого типа: «Созидательные превращения неба и земли творят на удивление утонченные фигуры силы, так что деревья, камни, облака и воды не имеют одной установленной формы». Очевидно, что упомянутые типы не постулируются умозрительно, а спонтанно открываются в вещем видении художника. Репертуар этих типов и составляет то, что принято называть наследием тра-

диции. Их перечни наполняют компендиумы китайской живописи, музыки, театральной игры и прочих искусств. Поскольку мы имеем дело с пространством одного живого тела, те же типы образуют комплексы нормативных движений в китайской гимнастике или боевых искусствах, где они обозначают различные, даже бесконечно разнообразные моменты проявления жизненной силы в ее вселенском круговороте. Такие типы представляют не формы или сущности, а сложные — потенциально бесконечно сложные — сопряжения сил, качества бытия, отчего они носят откровенно иносказательные названия: «белый аист расправляет крылья», «черный дракон выходит из пещеры» и т.п. В своем логическом пределе эти типы раз-

лагаются на псевдореалистические образы и экспрессивную графику, доходящую до гротеска и карикатуры. Такое раздвоение типовых форм означало гибель великого стиля китайской культуры. В любом случае природа типов есть превращение, она же – внутренняя преемственность одухотворенной жизни, ее сокровенная мощь. В недавно опубликованных рукописях боевой гимнастики тайцзицюань сообщается: «Исполняя одну конфигурацию силы за другой, надлежит выявлять в каждой из них сферически-пустотную полноту, каковая есть Беспределное. Поэтому главное в каждой конфигурации силы – вращение по сфере, и его нельзя прерывать». Итак, жизнь – последовательность моментов реализации полноты духа в бытии и полноты бытия в духе, и эта точка свершения предстает мгновением паузы, вселенского средоточия, которое творит жизненный ритм. Это *перемещение на месте*, творящее пустотное вместилище совместности, китайские авторы невольно ищут и отмечают в первую очередь в своих описаниях местности. Вот характерный пассаж, принадлежащий ученому XV века Ван Чжи: «Взойдешь на высоты, посмотришь вокруг: густые леса и пышные деревья, тучные нивы и широкие долины, чиновничьи управы, жилища простолюдинов и высокие обители. Путники на дорогах то видимы, то невидимы, лодки у песчаных островов появляются и исчезают, земледельцы, дровосеки, пастухи и рыбаки распеваю песни и окликают друг друга в прозрачной дымке, а в ней то проступает, то скрывается голубое небо. Радуешься тому, что вокруг, наслаждаешься тем, что хранишь в себе».

Примечательно это чувство гармонии людей разных за-

нятий и преемственности человеческого труда и ритмов природы. Чувство, очень традиционное для Китая, где человеку было предназначено «завершать работу неба». Как написал один средневековый ученый, «от присутствия людей даже горы становятся выше, а водные потоки – шире». Речь идет о преемственности со-бытия, ответствия и со-ответственности единичностей в пограничном пространстве между присутствием и отсутствием. Соприсутствие противоположностей, контрастные оппозиции здесь удостоверяют их принадлежность одному неопределенному целому. Об этом – классические строки поэта Тао Юаньмина (V век):

*Сорву хризантему у восточной ограды,
Взгляну вдаль на склоны Южной горы.
Гора так прекрасна в закатный час.
Птицы летят чередой на ночлег.
В этом есть подлинный смысл,
Хочу его объяснить – и забываю слова.*

Все присутствует в ином. Всякое слово точно настолько, насколько оно сообщает о чем-то другом. Человек, завершая работу небес, выполняет чистую, не оставляющую следов работу, ибо открывает в предметности дела беспримечательную глубину покоя. Метанойя завершения ничего не меняет в мире вещей, о чем свидетельствует чань-буддийская поговорка: «Не просветлившись, рубим дрова и носим воду. Просветлившись, рубим дрова и носим воду».

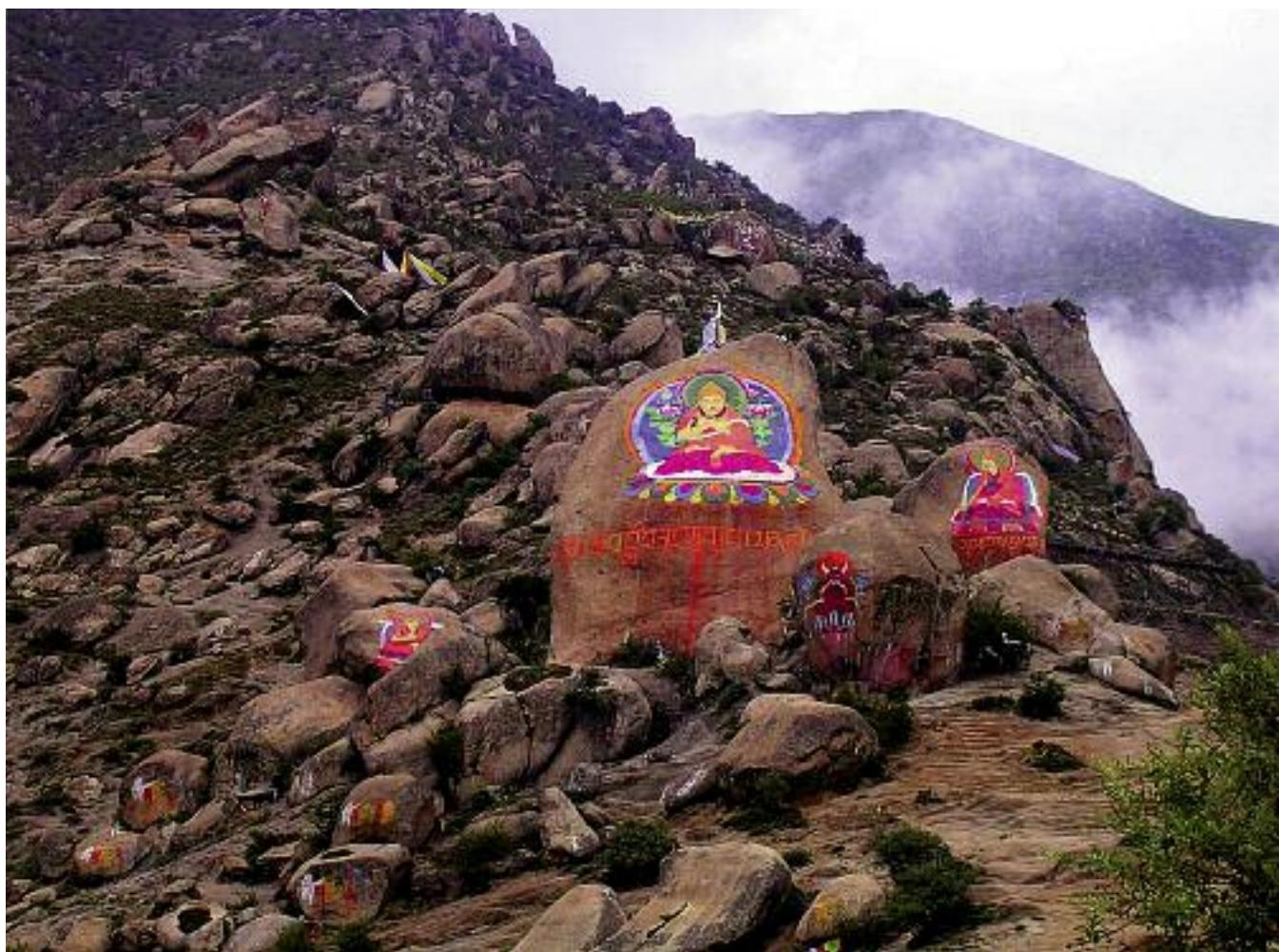
Сущность этого пространства всеобщей событийности, у-местности каждого места – нескончаемое саморазличение, бесконечно малое различие, дифференциальное уравнение сил. Пожалуй, его можно назвать пространством

со-небытийности, ибо в нем все удостоверяет другое и причастно всеобщности... самоотсутствия, как об этом сказано в другой чаньской сентенции: «Когда птицы не поют, гора еще покойнее».

Птицы никак не связаны с горой, но их молчание внезапно выявляет незыблемый покой громады гор. Невидимое, но бездесущее смещение мест, непрерывно обновляющее мир, рождает сильное переживание и тянет объясняться, но и непрерывно погружает в забытье, то есть пребывание в отсутствующей преемственности жизни, в мельчайшей метаморфозе бытия. В этом мгновении осиянности духа сходятся прошлое и будущее, отчего оно связывает сердца глубже и сильнее слов. Объяснения излишни.

Усилие духовного бдения в равной мере открывает мудруму бездонную глубину просветленного сознания и служит для окружающих примером нравственной прямоты, ведь речь идет о безупречном соответствии всему происходящему в мире и, следовательно, вершине нравственной со-ответственности. В китайской литературе понятие глубины просветленного духа часто указывает на неизмеримую дистанцию пейзажа, который всегда есть нечто иное. Ученый XVI века Су Бохэн говорит о «скрытой глубине земли», благодаря которой земной рельеф обретает свое великолепие, о «скрытой глубине пейзажа», которая является в наблюдателя покой, о «скрытой глубине чувств», которая позволяет чувствами наслаждаться. Но для этого, добавляет Су Бохэн, надо «освободить сердце и раскрепостить дух».

Воспринятый таким образом пейзаж является продуктом человеческого самопознания. Как таковой он имеет четкие, доступные воспроизведению

На высоте около 3700 метров находится «самопроявившаяся пагода» – главное место паломничества окрестных жителей. Там живет бонский лама с помощниками. Вокруг этого нерукотворного святилища имеются 36 святых мест: растущий камень и камень с двойной свастикой, святой источник, дающий воду два раза в год, каменное яйцо в дупле дерева, каменная морда дракона и т.д.

принципы композиции. В известной мере они с древности присутствовали в искусстве и даже быте Китая, а к рубежу I и II тысячелетий китайцы научились искусно применять их не только в живописи, но и в ландшафтной архитектуре. Тогда же в Китае достигло зрелости искусство создания миниатюрных садовых композиций – так называемых садов на подносе. В классических китайских садах эти принципы воплощены особенно наглядно. Вот важнейшие из них:

- ◆ пространство подчинено законам миниатюры, оно вы-

глядит максимально сжатым и топологически насыщенным, этот эффект достигается благодаря экранированию, искривлению пространства и как бы слоистой глубине;

- ◆ пространство сада выстраивается игрой оппозиций, которая подчеркивает уникальность каждого места и момента времени;
- ◆ разные перспективы отражаются друг в друге, так что вещи доступны созерцанию в разных ракурсах, пребывают в «ином» и в конечном счете укрываются цельностью мировой гармонии; всякий узнаваемый образ обманчив.

Эти принципы позволяют моделировать то, что можно назвать местопространством; они составляют, так сказать, инженерию хоры. Хотя они призваны создать образ дикой природы, мир китайских садов воспринимается как досконально очеловеченный, даже интимный человеку. Почему? Потому что он идеально выполняет функцию посредования между вещами и воспитывает целостное отношение к бытию как в пространственном, так и во временном измерениях: пейзаж в китайской культуре – это всегда свидетельство чувств древних мужей или просто древнего чувства. И как продукт благородного уступления себя миру он учит благоговейному, нежному отношению к вещам. Только так мир может стать человеческим. «В великом резании ничего не разрезается», – говорил да-

осский патриарх Лао-цзы. Китайский ремесленник стремится сохранить и даже подчеркнуть цельность обрабатываемой вещи. Он режет не из материала, а именно по материалу — будь то яшма, кость, дерево или даже орех — и достигает в этом занятии непревзойденной тонкости. Какой контраст с работой западного мастерового, который собирает изделие из заготовленных заранее кусков! Оттого же мир, созданный западной техникой, хотя и сделан разумом и физическим усилием человека, поражает своей бесчеловечностью, ведь машина есть только агрегат, сцепление частей.

Перед нами самобытный способ переосмыслиния архаической мифологии места, не отменяющий эту последнюю, но как бы надстраивающейся над нею. Будучи плодом рефлексии о целостности человека, это мировосприятие является образом небесной спонтанности, первозданного естества вещей. Оно требует раскрепощения духа, присущего, например, сновидениям. Недаром история ландшафтной архитектуры Китая знает случаи, когда владельцы садов подолгу совершенствовали их устройство, стремясь воплотить наяву пейзажи, увиденные во сне.

Хора как идеальная среда посредования — лучший прообраз живой единотелесности мира. В наши дни ценность такого соматического знания для сохранения гуманистического измерения человеческой практики хорошо известна. Достаточно вспомнить миниатюрные садовые композиции в офисах и заводских цехах, повсеместно распространенные ныне благодаря усилиям главным образом японских дизайнеров. Японцы особенно преуспели в попытках выделить и до предела усилить принципы гуманистиче-

ской среды в азиатской эстетике симулятивности. Столь же очевидно, что японская стилизация выработанного в Китае образа небесной человечности уже смыкается с присущим западной традиции стремлением к объективации природного мира по законам субъективного самосознания. Азиатская версия философии хоры формирует особый взгляд на технику. Последняя рассматривается вне оппозиции субъекта и объекта и столь важных для западной мысли целеполагания и инструментального подхода к вещам. Восточная традиция исходит из постулата о внутренней, но чисто функциональной преемственности сознания работника, его орудий и материала его труда. Подлинным прообразом работы она считает виртуозное мастерство, в котором технический навык становится формой жизни. Условием технического знания в ней объявляется именно практика, трудовой опыт, но в его высшей фазе — там, где полное слияние сознания и материала уже отменяет противостояние человека и мира и превращает мир в континуум небесно-человеческой работы. В удивительной притче у Чжуан-цзы мясник-виртуоз разделывает быков, давая волю «божественному желанию» в себе и не касаясь ножом туши. Его нож «не имеет толщины» и движется через полости тела, где для него имеется «предостаточно места, где погулять». В итоге мастер и материал сливаются во всепроникающем, в конечном счете пустотном, с пустотами тела соотносящемся ритме вселенской жизненности. Ведь сознание, развившее в себе чувствительность к опыту само-различения, возвращается к началу начал — абсолютной паузе мирового ритма. Китайская энциклопедия техники и ремесел, появившаяся

в 1634 году, озаглавлена «Небесной работой раскрываем вещи». Техника в китайском понимании раскрывает природу вещей именно потому, что вводит естество всего сущего в несотворенный и безбрежный простор небес. Высшая реальность восточной традиции — всеобщий Путь (дао), который, как пространство китайского сада, собирает небесное и земное, человеческое и божественное в их полноте и, стало быть, взаимной открытости.

Нельзя сказать, чтобы эти, в общем-то простые, истины человеческой жизни не замечали на Западе. У Платона тоже встречается мысль о том, что практика является основанием знания и что мастер игры на флейте лучше ремесленника знает, как надо делать этот инструмент. Но эта тема осталась в Европе чем-то вроде декоративного придатка рационалистических теорий. В Азии же сложилось самобытное представление об «умном делании», где знание и действие сходятся в акте — совершенно естественном, ненасильственном — само-оставления, возвращения к своему истоку и, следовательно, освобождения. В этом событии знание сходится с неделанием. Оставление, потеря себя — высший духовный акт, примиряющий человека с небом.

К всемирности мира

Присмотримся внимательнее к этому событию всех событий — событийности мира. Оно в своем роде уникально и накладывает печать уникальности на каждую вещь, взятую в ее таковости. Оно не относится ни к физическому, ни к умозрительному миру, не имеет сущности и представляет лишь свое подобие, опознается в бесконечном ряду отражений. Это реальность символическая, которая предвосхищает мир — или, точнее, в ней мир

Шитао. Осень на окраине Янчжоу. Между 1656 и 1707 годами

В восточных пейзажах, в том числе в их словесных описаниях, поражает обостренное чувство цельности созерцаемого пространства, которое дается, однако, как бы в скольжении перспективы созерцания. Китайская живопись не знает полностью закрытого пространства, интерьеры жилищ в ней всегда открыты окружающему миру и увлекают туда взор.

предвосхищает себя, прячется в себя. Не имея признаков и атрибутов, событие событийности свидетельствует о себе круговоротом и в конечном счете взаимным наложением видимого и невидимого (ср. русское «видимо-невидимо»), присутствия и отсутствия. В приведенном выше описании пейзажа у Ван Чжи наблюдателя особенно привлекают появление и исчезновение путников и лодок, переливчатое

эхо голосов, тающих в прозрачной дымке дали. Этот истинный смысл переживаемого мира потому и невыразим, что пребывает, согласно традиционной формуле, между представленным и отсутствующим. Бездна саморазличения побуждает разбираться, но не дает говорить, потому что от нее нельзя отвлечься. В ней можно только радостно забыться. Как предельная разомкнутость эта реальность пред-

варяет мир и соответствует всеобъятной пустоте неба. Как абсолютный покой предбытия она принадлежит массе земли. Поистине она есть абсолютное соответствие, в котором уравнивается все сущее. Как понять такое бесконечно разнообразное единство? Здесь полезно вспомнить Анри Бергсона, который трактовал отношения духа и материи, субъекта и объекта в категориях соотношения длительностей. В таком случае время собирает, центрирует мир в акте рассеивания, в бесконечно короткой паузе бытия. Мир — миг событийности, в котором все сущее вовлечено в дифференциальные отношения. Длительность этого мига определяется степенью бодрствования — или, по-другому, чувствительности духа. Предельно краткое мгновение кайроса, дающее быть миру в его неисчерпаемом разнообразии, не может быть ни представлено, ни зафиксировано, ни даже мысленно. Подобно фотографической вспышке, оно высвечивает мир, никем не виденный и только совершенно подобный действительности. Это внутреннее, фантомное пространство вечносущих типов-качеств вещей (точнее, их подобий), которое привносит в материальный мир момент смещения места и, следовательно, преображения и свободы. Не посредством ли открытия такого пространства самоуподобления будда Херука сотворил мир, освободив демона Рудру из плена его физического тела? В моменте центрированности сознание, уступая себе, проясняет себя, растет само из себя. Таков смысл таковости как производства самоподобия — подобно тому как Херука воспроизводит себя и тем самым творит мир в своем танце. Речь, конечно, не о повторении, а о преображении,

подобии бесподобного. У Чжуан-цзы мясник-виртуоз, «дойдя до трудного места, ведет нож с необыкновенным тщанием, как бы замирает, и вдруг туша распадается, как ком земли валится на землю». Под «трудным местом» следует понимать именно точку центрированности, которая стягивает, вовлекает в мировой танец (этот «инженер телесности» трудится, как танцует) жизненное пространство тела, а в пределе – вечность бескрайних пространств. В ней есть своя ось возрастания качества и своя глубина свертывающегося пространства. Поэтому она бесконечно длит себя поверх течения времени. Неутолимую потребность сознания в созерцании этого первозданного (не)образа искусно эксплуатирует кинематограф в приеме саспенса, отсроченного действия. Особенно эффектна в этом плане замедленная съемка, которая позволяет увидеть воочию мир мгновения.

Способность чувствовать время событийности считалась в Китае главным секретом мудрого, ведь она дает власть не то чтобы над миром, но – в мире. Здесь таится исток человеческой социальности. Мир расцветает в пустыне уединенного сознания, которое разделало себя, именно: раз – и сделало себя, как мясник даровал быку полноту бытия, разделав его. Об этом рассказываетя в другой – по-своему не менее удивительной – притче в книге Чжуан-цзы. Ее сюжет составляют четыре встречи даосского учителя Ху-цзы с искусственным прорицателем Ли Сянем. После последней встречи колдун в страхе убежал от Ху-цзы, а тот пояснил: «На сей раз я показал ему, каким я был до того, как вышел из своего прародителя. Я предстал ему пустотным, свернувшимся в себя. Невдомек ему было, кто я и что я, и ему почудилось,

Соприсутствие противоположностей, контрастные оппозиции удостоверяют их принадлежность одному неопределенному целому. Об этом – классические строки поэта Тао Юаньмина (V век, на иллюстрации):

Сорву хризантему у восточной ограды,

Взгляну вдаль на склоны Южной горы.

Гора так прекрасна в закатный час.

Птицы летят чередой на ночлег.

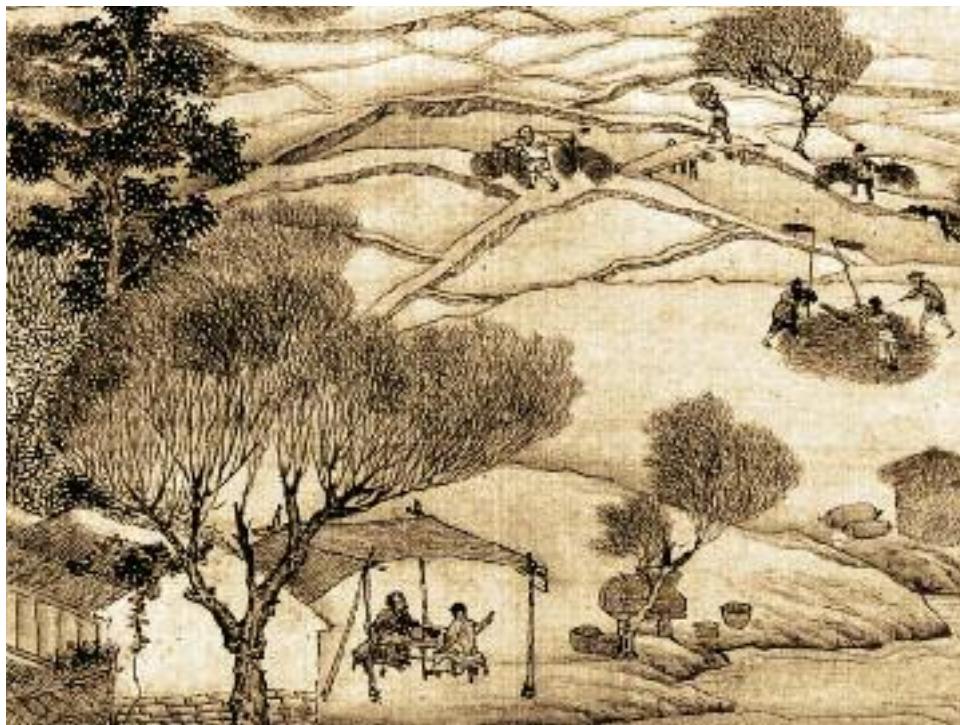
В этом есть подлинный смысл,

Хочу его объяснить – и забываю слова.

будто он скользит в бездну. Вот он и убежал без оглядки». Комментатор XVII века Ван Фучжи дает этому загадочному пассажу неожиданное, далекое от мистики толкование: ««Еще не выйти из своего прародителя» означает пребывать в центре круговорота и соответствовать всему без края и предела. Тогда поля сами собой пашутся, ткани сами собой ткутся, ритуалы и наказания сами собой исполняются, и все дают друг другу обрести

покой в своем небесном начале. <...> Это значит: пребывать в отсутствии всего и не добиваться славы, следовать другому в таковости и не иметь корысти. Обыденность и простота такой жизни как раз означают склонить мир в мире».

В разъяснении Ван Фучжи перечислены все основные мотивы жизненной мудрости Китая: возвращение к центрированности бытия, блаженная пред-оставленность мира

Ван Фучжи:

«“Еще не выйти из своего прародителя” означает пребывать в центре круговорота и соответствовать всему без края и предела. Тогда поля сами собой пашутся, ткани сами собой ткутся, ритуалы и наказания сами собой исполняются, и все дают друг другу обрести покой в своем небесном начале. <...> Это значит: пребывать в отсутствии всего и не добиваться славы, следовать другому в таковости и не иметь корысти. Обыденность и простота такой жизни как раз означают склонить мир в мире».

себе и соответствие таковости всякого существования, когда люди взаимной уступчивостью и даже, можно сказать, *политикой предупредительности* реализуют все свои жизненные возможности и дарят друг другу счастье, то есть причастность к полноте бытия. Но этот мир никто не может видеть, он пребывает в сокрытости, имеет фантомную природу. Этот мир, спрятанный в мире, принадлежит всегда потерянному истоку воображения, которое, как показал Гастон Башляр, дарит укрытие и покой душе. Но он же может представлять самой что ни на есть обыденной сценой быта. Этот уютный и радостный мир соответствия всего всему (точнее, ничего ничему) знает только

бесконечную глубину само-подобия, где нет оппозиции истинного и ложного. Отчасти он напоминает утопию тоталитарного единства, но он совпадет с ней, только если приписать ему — совершенно произвольно — статус «объективной реальности», доступной взгляду и контролю диктатора. Здесь выявляется подлинная задача мысли: держать *символическую* дистанцию между воображением и действительностью, не отрывая одно от другого.

Развитие, напоминает Олег Генисаретский, происходит от развитости. Это значит, что развитие возможно только в небесной перспективе полноты жизни, в промельке центрированности с его фантазией первозданного покоя. Нет

лучшего импульса для развития, чем смертельная опасность, когда мир вокруг как бы замирает от необычайной активности духа, перед внутренним взором проносится вся жизнь, и нужно найти способ жить снова... В такие моменты человек свободен как никогда, ему доступны любое умение, любые открытия. Вот когда справедлива формула Маяковского: «Был бы человек — искусство приложится». Так что, если уж решать проблемы развития инженерным способом, то думать нужно в первую очередь об инженерии сознания.

Вот и в нарисованном Ван Фучжи обществе «прадителя» нет ничего наивного и примитивного. Напротив, это высокоразвитое сообщество мастеров своего дела, аккуратных тружеников, у которых все идет как по маслу. Именно высочайшее мастерство и сопутствующая ему обостренная чувствительность духа позволяют людям забыть себя и мир и вести себя пред-упредительно, что значит открыться всеохватывающей открытости мира, быть как вода в воде, как Адам в раю. Перед нами сообщество сознания сообщительности, которое по уровню просветленности, пожалуй, недостижимо для сознания индивидуального. Становится понятным, почему китайцы верили в то, что «каждая улица полна мудрецов» (заметим, не мудрецов, живущих поодиночке). Но если речь идет об истине, неотделимой от общества, значит, эта истина имеет стратегическую и вместе с тем нравственную природу.

Все сказанное выше о реальности соответствия-соответственности имеет прямое отношение к нарождающемуся глобальному миру. Глобальность как симптом завершения истории имеет глубоко двойственную природу: от нее веет ледяной пустыней ано-

нимного обмена информацией, но она же обнажает потребность в подлинном общении, которое всегда случается по поводу того, что предстает утраченным в наличном опыте. И она дает технические средства для такого общения.

Если глобальность вместо трансцендентной вне-мирности утверждает всемирность, значит быть вместе в глобальном мире означает именно быть в-месте и притом в каком угодно месте. Очевидно, что «разъединяющий синтез» такого всеединства подчиняется логике подобия, или симулятивности, и тем самым бросает вызов политической традиции Европы с ее наследием полиса-государства, национального суверенитета, институционального общества и т.п. Как ни странно, Запад, сделавший глобализацию необратимой, испытывает от нее и наибольший дискомфорт. Философема симулятивности многими воспринимается на Западе как культурная катастрофа (чем она, вероятно, и является в рамках гуманитарного проекта Модерна).

Преодоление Модерна в глобальности означает возвращение к первичному – самому естественному и надежному – основанию человеческого бытия – земле. Вот и в сознании русского народа «русская земля» стоит прежде царства. Современные западные власти дум говорят об «укоренении в земле» (Хайдеггер), «отступлении политического» (Лаку-Лабарт, Нанси), растворении общества в «недостижимом», «бездействующем», «грядущем» сообществе (Бланшо, Нанси, Агамбен), «сообществе Земли» (Сэллис) и т.п.

Новые тенденции западной мысли имеют близкие и, можно сказать, системные параллели в мировоззрении Востока. Китайские учителя муд-

rosti, всегда остро чувствовавшие виртуальное измерение опыта, с древности называли субстрат мировой жизни именно землей. Чжуан-цзы называет мир в его первозданном состоянии просто «огромным куском земли». Мудреца, достигшего полноты покоя, было принято уподоблять «куску земли», а преображение туши быка в бесплотный ритм жизненности веющей описывается у Чжуан-цзы как возвращение земли в землю. В описании конфуцианца Сюнь-цзы (III век до н. э.) мудрый правитель напоминает все того же просветленного слепца, не отличающего себя от мира и потому погруженного в безмятежный покой: «Сын неба не смотрит, а видит, не слушает, а слышит, не думает, а знает, не действует, а все свершает. Подобно куску земли покоится он на своем сидении, и мир послужен ему, как если бы составлял с ним одно тело. <...> Вот что такое Великое Тело».

Царственный покой мудреца знаменует, впрочем, открытость первозданному динамизму жизни, предельно краткому порыву, мимолетной и непреходящей подвешенности. Он исполнен взрывчатой силы бодрствующего духа. Об этом аспекте власти – слова о правителе у Чжуан-цзы: «Сидя, как труп, он является драконий образ (апофеоз жизненности. – В.М.). Храня глубокое безмолвие, он издает громоподобный глас».

Этот мотив симулятивности материального мира, единения духа и материи именно по их пределу почти забыт на Западе, но когда-то играл первостепенную роль в архаических культурах (ср. культ фетишей, святых мощей и т.п.) и был поднят на новую высоту в традициях Востока. Так, мастера наиболее утонченных школ боевых искусств Китая – на-

пример, тайцзицюань – обладают способностью наносить удар на расстоянии силой духа или «жизненной воли», причем тело служит не просто средством, а генератором и самой средой такого удара. Но будем помнить, что симулятивность означает, помимо прочего, отсутствие примет духовных свершений. Духовное бодрствование – чистая работа, не оставляющая следов.

Своя разновидность философии «сообщества земли» (по японски «ветра и земли») сложилась в Японии. Основоположник ведущего направления в современной японской философии Китаро Нисида поставил в центр своей системы категорию места и подчеркивал ее близость термину «хора». Однако Нисида переосмыслил это понятие на буддийский лад: для него место есть пространство самоотражения и, следовательно, безупречного самоподобия буддийской реальности пустоты.

В самой Японии, кстати сказать, эту версию философии места принято считать способом преодоления Модерна. Важность темы самоподобия (или симулятивности) для традиционной восточной мысли объясняет тот энтузиазм, с которым Азия восприняла современный мир электронных симулякров. Увлечение работами и компьютерными эффектами, успешные новации в дизайне и мультипликации (достаточно вспомнить японское аниме) во многом объясняются тем, что симулякр в контексте восточного миропонимания даже более реален, чем «объективная действительность». Доказательства эффективности столь странного тезиса дают, помимо прочего, восточные боевые искусства, которые учат только «следовать противнику», вовлекая симулятивное начало. Тот, кто следует, имеет преиму-

щество перед действующим уже потому, что покоен в движении, а главное — черпает силу из самовозрастания подобия. Здесь нет никакого произвола. Кратчайшей длительности, дифференциалу событийности можно только следовать, а тот, кто (на)следует Изначальному, всегда успевает и даже, можно сказать, в высшей степени предупредителен.

Чего же ожидать от явления глобального мира? В свое время Кант сделал попытку связать глобальность и землю с позиций либерального мировоззрения. Он считал возможным наступление «вечного мира» благодаря простому факту ограниченности площади земного шара. Люди, писал Кант, «будут сообща владеть поверхностью Земли, поскольку они не могут рассеиваться бесконечно и, следовательно, должны быть терпимы друг к другу». Человечество, по мысли Канта, рано или поздно должно урегулировать свое совместное проживание на Земле, руководствуясь разумом и достоинством личности. Правда, в рамках либеральной теории факт совместного обладания людьми Землей не содержит никаких стимулов для общественного согласия и тем более духовного сплочения. А проповедь взаимной любви в свете той же теории — не более чем упражнение в риторике.

Главный изъян либеральной идеи глобальности — слишком плоский взгляд на вещи, непонимание того, что разум требует метанойи, самопревосходения. Предел разумности — не соответствие логическим постулатам или верификация суждения, а перевертывание понятий, смена вектора мысли или то, что после Хайдеггера называют «поворотом», «другим началом». Глобальность имеет свою глубину, включает в себя

два принципиально разных порядка: мир вещей и идея сопрягается в ней с миром событийности, символического смещения всех мест, какой и конституирует всемирность или, можно сказать, человечество в человеке. Человечество не может быть собой без своих заповедных мест, пространства всевместимости, хранящего тайны незапамятного прошлого и невообразимого будущего. В общественной жизни это внутреннее средоточие человечества соответствует обоюдному скрытию политики и общества (как происходит в (ра)схождении небесного и земного полюсов в восточноазиатском политическом пространстве). Но как прообраз всеединства и начало социальности оно учреждает саму возможность политики и общества.

Итак, глобальность непрерывно скрывает себя, теряется для мира и в этом смысле выявляет укрытость мира в самом себе (еще Ницше заметил, что «каждая вещь — укрытие»). Она есть нечто, всегда отсутствующее, как фантазм покоя Земли, в предметной данности опыта, но вечно длящееся, пронизывающее все жизненные миры и формирующее социальность самим фактом своего отсутствия. Как момент предвосхищения мира она выявляет фундаментальный жизненный порыв, который определяет мотивацию и поведение человека. Вот почему овладение им — если только это возможно — есть необходимое условие эффективности политики. Во всяком случае, последняя цитата из Чжуан-цзы напоминает о том, что действительный источник власти находится в и nobis и грядущем.

Какой тип общества соответствует обращению к этому первичному — еще всецело символическому — моменту политики? Кто или что такое

этот «прародитель», который дает каждому открыть в себе родовое сознание? Мы по привычке думаем, что в Азии властвовали сплошь деспоты и самодержцы. Но в комментарии Ван Фучжи к рассказу об учителе Ху-цзы мир живет без присмотра, а государь у Сюньцзы правит незаметно и укрывается не от мира, но в самом мире. Ничто не мешает предположить, что речь идет о скровенном повелителе каждого из нас, неотличимом от спонтанности жизни. Требование надзирать и наказывать изначально исходило как раз от либеральной теории. Миссия отсутствующего «праодителя» состоит, напротив, в том, чтобы каждому дать свободу быть собой и, следовательно, бесконечно превосходить себя. Вот подсмотренная (и никак иначе) Роланом Бартом в Японии азиатская версия толерантности, которая, если рассматривать ее в упор, кажется почти фантастической. На самом деле она скорее фантически проста: «Множество незначительных деталей, которые у нас, вследствие неискреннего нарцисизма западного человека, — не более чем знаки напыщенной самоуверенности, у японцев становятся просто способом пройти или миновать какую-нибудь неожиданность на улице: ибо уверенность и независимость жеста здесь связаны не с самоутверждением, но лишь с графическим способом бытия; таким образом, спектакль японской улицы, волнующее порождение многовековой эстетики, никогда не подчиняется театральности (истерии) тел, но подчинен раз и на всегда тому письму *alla prima*, для которого одинаково невозможны и набросок, и сожаление, и маневры, и исправления, ибо сама линия освобождается от стремления пишущего создать о себе благоприятное впечатление; она не вы-

ражает что-либо, а просто на-
деляет существованием».

Эта *расписная* гладь жизни, составленная из «множества незначительных деталей», предполагает как раз необычайно высокий уровень сознательности всех ее деятелей. Настолько высокий, что сознание уже не замыкается в границах индивидуального существования, но как бы заполняет все социальное пространство. Это всеобщее прозрение прступает каллиграфически-
ческим, анонимным узором досконально стилизованной жизни. Но представление в собственном смысле оно допускает лишь как симуляцию, самоподобие без-образного. В жизни, начинающейся каждое мгновение как бы с чистого листа, все случается, но ничего не происходит, ничто ни из чего не проистекает. Она строится не на равнодушии к окружающим, а напротив, на предельно обостренном внимании к миру и, следовательно, безупречной стилизации всех телесных движений и даже чувств. Со-бытийность, достигаемая через усвоение типовых, четко выверенных действий и жестов, формирует личность. Так фантазм «прапорителя» толкает индивида на путь духовного просветления. На этом пути сквозь субъективно случайное и всем чужую «объективную действительность» прорастает родовой родной порядок, одновременно личный и общий. На Востоке каждая школа духовной практики имеет свой репертуар типовых движений, а ее основоположник наделяется фантомным бытием, то есть способностью вновь и вновь возвращаться в мир в череде поколений. В конце концов, только эта *школьная* история фантомов может чему-то научить. Она учит, в сущности, великой мудрости смирения — умению жить с миром в мире. Все сказанное здесь о роли

места-вместимости в глобальном мире едва ли складывается в формальную систему мысли, но тем не менее в нем есть определенная и в даже в своем роде строгая последовательность, некий общий знаменатель, выраженный наиболее отчетливо в мотиве «разъединяющего синтеза», дифференциального единства. Есть в предложенном подходе и своя новизна: он требует глубже и пристальнее взглянуться в ночь мира, лежащую в истоке жизненного опыта. Он возвращает термину «теория» его исконный греческий смысл *феории*: видения потустороннего и божественного.

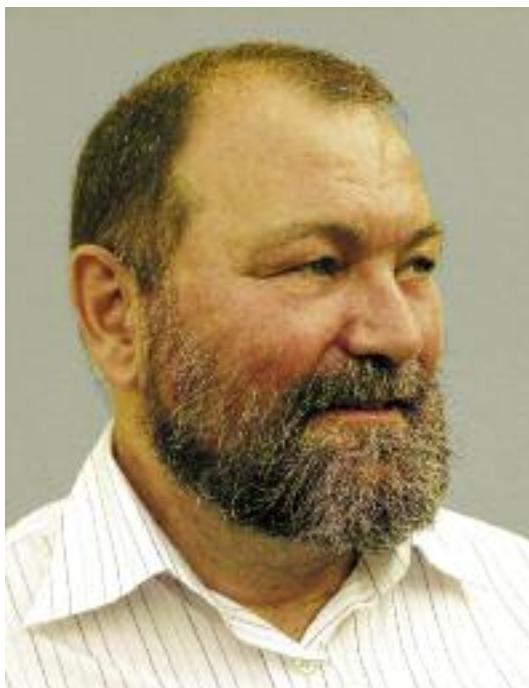
Природа этого божественного марева, заповедного места-вместимости, материнской ут-

В описании конфуцианца Сюнь-цзы (III век до н. э., на иллюстрации) мудрый правитель напоминает все того же просветленного слепца, не отличающего себя от мира и потому погруженного в безмятежный покой: «Сын неба не смотрит, а видит, не слушает, а слышит, не думает, а знает, не действует, а все свершает. Подобно куску земли покойится он на своем сидении, и мир послужен ему, как если бы составлял с ним одно тело. <...> Вот что такое Великое Тело».

робы мира есть абсолютное, само себя и из себя проясняющее подобие, несотворенная открытость и, конечно, превращение, мгновение кратчайшей, недоступной не только восприятию, но и мысли длительности. Нет ничего более сокровенного, чем духовный свет. В темных лучах мировой событийности все сущее выявляется, как в зеркале или во сне. Это средоточие всех жизненных миров, одновременно разъединяющее и собирающее их, структурируется по образу двойной спирали. В нем сходятся, оставаясь не-прозрачными друг для друга, небесная высь власти и стихия земного быта. Вечно отсутствующий миг чистого события приковывает к себе внимание всех, но недоступен обладанию. Тем самым он вопло-

щает политическое (хотя и не-объективируемое) начало любого социума, а равным образом стратегический элемент любого действия и нравственный идеал со-ответственности всего живого. На Востоке, по крайней мере, этот тройственный образ совершенства можно наблюдать в школах традиционной духовности — подлинной основы восточных обществ. В таком случае нынешнее господство тайной политики должно смениться политикой сокровенности, которая позволит человеку укрыться в полноте возможностей своей жизни — актуальных, виртуальных и реальных. Глобальный мир по справедливости следовало бы называть всемирностью: *Pax Mundi* и даже точнее — мир всех миров.

Сергей Николаевич Белкин –
главный редактор альманаха и портала
«Развитие и экономика»

Нерусский русский и русский нерусский

Невозможно сказать что-либо по национальному вопросу в России, чего не было уже высказано десятки раз. Написание подобных статей-мнений может быть оправдано тремя обстоятельствами. Первое — попыткой инвентаризации и структурирования имеющихся высказываний. Второе — позиционированием автора, обозначением его места среди многообразия взглядов. Третье — формулированием позиции в надежде на эмоциональный отклик читателей, на формирование сторонников озвученных идей. Увы, но о терминах, как только речь заходит о «национальных проблемах», приходится договариваться каждый раз заново: обойтись без использования слова «нация» и его производных невозможно, а единого общепризнанного толкования — что такое «нация» — нет. По поводу определения понятия «нация» наш «общенациональный» дискурс переживает период полной анархии: определений множество, но нет ни авторитетной личности, ни «высшей инстанции», которая приказала

бы какое-то из определений считать единствено верным. Даже в науке все не так просто: с точки зрения современной политологии и международного права, нация — это национальное государство, это политический термин. Есть и другие подходы, ориентированные на этнические компоненты. Понятие «этнос» сохраняется и активно используется в этнологии и многих других разделах научного знания. Существует и такое понятие, как «этнонация». В то же время некоторыми это понятие отвергается как неприемлемое. В «Википедии» можно встретить фразу, поражающую своим невежеством: «Академическая наука отрицает такое понятие, как "этнонация", и признает нацией только политическое объединение граждан на основании общего гражданства». Что тут сказать... Ну, нет такого субъекта — «академическая наука», а в представлении писавшего «академическая наука» — нечто вроде Верховного суда, выносящего единственный и окончательный приговор. Ссылка на «науку вообще» — типичный прием пропаганды, как и ставшее интер-

нет-мемом словосочетание «британские ученые». На самом деле разноголосица мнений, звучащая в рамках научных дискуссий, – плодотворна, в рамках же публицистических пикировок – безрезультатна. Как в этих условиях ориентироваться практической политике, которая во все не является политологией и даже не обязана на нее опираться «по умолчанию»? Существование подходов к наполнению понятия «нация» разным содержанием – как политической общности граждан определенного государства или как этнической общности, объединенной языком, самосознанием и пр., – необходимо для продолжения научной дискуссии, привлекательно для кормления на ниве публицистики, в телевизионных ток-шоу и для имитации жизни политическими партиями. А вот политическая власть, желающая добиться каких-либо результатов в этом вопросе, должна будет выбрать что-то определенное, иначе объект политического управления просто перестает существовать. В связи с этим переход от научной дискуссии или просто болтовни на эту тему к принятию политических решений чрезвычайно затруднен.

Мои последующие рассуждения подчинены стремлению

Попытка сделать религию объединительным фактором была реализована в Российской империи, но этого фактора оказалось недостаточно для сохранения страны, основ ее жизнеустройства, противостояния идеологическим натискам в условиях кризиса. Конец империи ужасен настолько, что трудно найти исторический аналог как по форме, так и по содержанию произошедшего.

найти какие-то опорные – или отправные – точки для пока еще не возникшей в России политической власти, которая всерьез пожелала бы решать национальные и межнациональные проблемы. Поэтому мне придется, в конце концов, нащупать какие-то критерии для поиска определения нации. Однако в первой части статьи я буду оставаться в благодатном пространстве неопределенности, допустимой в публицистике. То есть применительно к российским реалиям, говоря о межнациональных проблемах страны, я могу иметь в виду, скажем, взаимоотношения татар с башкирами или евреев с кумыками, которые кто-то посчитает более точным называть межэтническими. То, что называют «национальными проблемами», возникает не из-за существования этнического разнообразия. Дело в поведении взаимосвязанных, живущих в симбиозе племен, наций и народностей. Поведение не только зависит, а часто определяется объективно существующей па-

дигмой жизнеустройства, важнейшими частями которой являются экономическая модель, идеология, действия органов власти. Мы переживаем несколько видов межнациональных проблем. Последствия распада СССР по административно-территориальным границам, разрезавшие целостные тела народов на части, породили два типа проблем. Наша совесть нечиста перед теми, которые стали людьми второго сорта в новообразованных независимых государствах. Плюс к этому нашей проблемой стали мигранты из этих самых стран. Другой вид – межнациональные проблемы внутри России, нарастающие противоречия «коренных» с «коренными», между русскими и не-русскими народами страны. Наконец, влиятельным фактором остается и «вечное» русско-еврейское сцепление двухmessianских энергий. В Конституции записано, что Россия – многонациональное государство. По данным переписей в стране проживают около 200 народов. Большая

Матрица «коммунистической морали» и образ «светлого будущего» тоже оказались непрочными объединительными факторами.

часть в ходе переписи как-либо себя этнически идентифицирует, относит к какой-либо национальности, руководствуясь некоторыми собственными критериями. Следует отметить четырехкратный рост (с 2002 по 2010 год) количества лиц, не указавших национальность. Сегодня эта группа находится на втором после русских месте по численности – 3,94 процента. Третьими идут татары – 3,72 процента, а все остальные народы еще малочисленнее – не более 1,35 процента каждый.

Возникает важная, как мне кажется, коллизия между этнической самоидентификацией, научными критериями, применяемыми этнографами (причем и они существуют в разных вариациях) и юридическими признаками. Юридические нормы и критерии определения национальности в России отсутствуют, хотя в Конституции – документе юридическом – это понятие присутствует. Нужно ли приводить это разнообразие под-

ходов к единому критерию или «и так обойдется»? Либерально-демократически настроенные граждане завопят с максимальной громкостью, что «в Америке такого нет» – стало быть, и нам не нужно. Напомнят, что отказ от «позорной пятой графы в паспорте» – великая победа, нельзя лишать «многострадальный народ» этой победы. Да и вообще «цивилизованным народам для национальной самоидентификации достаточно граждансства». Граждане, настроенные православно-патриотически, сведут вопрос о национальной идентификации к религиозной и напомнят всем со ссылкой на авторитеты, что «быть русским – значит быть православным». Прoсоветски настроенные атеисты скажут: как было записано в паспорте гражданина СССР, так и должно быть теперь – хочешь по папе, хочешь по маме, а третьего не дано. Ученые-этнографы менторским тоном заявят: что вы в открытую дверь ломитесь, нау-

ка давно решила этот вопрос – существует не менее стольких-то методов этнической идентификации.

На что же ориентироваться политикам-практикам, тем, которые должны строить государство, разрабатывать и реализовывать стратегию его развития на благо и от имени всех народов? Вопрос об этнической, национальной идентификации в политическом поле имеет исключительное значение, потому что нельзя управлять процессом, если нет никаких измеряемых параметров, если участники процесса не структурированы, лишены субъектности, не могут обеспечить обратной связи в контуре политического управления. В любом случае как только мы переходим в область практической политики, как только мы хотим как-либо влиять на межнациональное взаимодействие народов России, а не просто наблюдать, мы должны иметь ясные критерии идентификации акторов межнациональных взаимодействий, знать их устремления, понимать и формулировать общие цели многонационального развития, уметь управлять этими «социальными энергиями». Еще раз подчеркиваю, что такие знания и умения должны не просто быть – в этнографии, в публистике все это имеется в избытке, – а быть в практической политике, то есть реализовываться в политических программах и через политические и государственные институты. А пока у нас царит неразбериха и в понятийном аппарате, и в институциональном поле.

Что же нас всех объединяет? Есть ли что-то в этом объединении органическое, необходимое, выгодное? Или мы просто попали в поток истории, в колею, из которой хотели бы повыскакивать кто куда, да не получается?

Попытка сделать религию объединительным фактором была реализована в Российской империи, но этого фактора оказалось недостаточно для сохранения страны, основ ее жизнеустройства, противостояния идеологическим натискам в условиях кризиса. Конец империи ужасен настолько, что трудно найти исторический аналог как по форме, так и по содержанию произошедшего. Религиозное единство оказалось непрочной – с точки зрения сохранения государства – материей.

Новая власть и ее руководящая доктрина не просто сметили акцент с религиозного объединительного фактора на светский, идеологический. Они поставили себе целью полностью извести религию. Конец СССР был менее кровав, чем гибель империи, но не менее трагичен. Матрица «коммунистической морали» и образ «светлого будущего» тоже оказались непрочными объединительными факторами.

Те представители высших органов нынешней власти, которые обязаны обеспечивать целостность государства, время от времени мечутся в поисках того, что могло бы объединить народ в единое целое, что могло бы перевести межнациональные трения в режим приемлемого диалога. Пытались обрести национальное единство в ненависти к советской власти, к тоталитаризму, сталинизму, пройдя путь от проклятий в адрес «партоократов» до наивысшего рейтинга Иосифа Сталина за всю историю: то есть получили прямо противоположный результат, несмотря на прямо-таки подвижнический, но оказавшийся сизифовым труд СМИ-пропаганды. Бросались пропагандисты и под благодатную сень православных храмов, взыскуя, однако, не столько спасения души, сколь-

ко опять же неугасимой памяти о зверствах большевиков, докатившихся до формулы «Сталин хуже Гитлера». Результат: ни Богу – богова, ни кесарю – кесарева.

Если нравственный выбор, поверочный эталон добра и зла у живущих вместе народов сформулирован только в виде религиозных заповедей и норм и если при этом народы не выявляют, не формулируют и не придерживаются зоны светских нравственных заповедей, их отношения приобретают бескомпромиссный характер – вплоть до борьбы на уничтожение друг друга. То же самое относится и к нерелигиозным слоям населения, атеистам и неверующим, так или иначе выработавшим свой моральный кодекс: если они не смогут найти нравственный консенсус со всеми рядом живущими религиозными людьми, они будут являться друг для друга проблемой, взаимное отчуждение – вплоть до открытой борьбы – станет нарастать.

В переживаемый ныне период многонациональный народ российский не имеет вообще никаких видимых общих скреп – ни религиозных, ни этнических, ни идеологических. Вместо этого есть экономические интересы экономических агентов, структурирующихся по доступным им параметрам взаимодействия.

Существующая сейчас в России социально-экономическая модель не позволит решить межнациональные (и национальные) проблемы ни одного из народов, если только среди нас нет народа-мародера. Рыночная стихия не может указывать какие-либо общие цели, обозначать приоритеты – на то она и стихия. Образ будущего, который нам молчаливо предложен просто «по факту самостоятельного домысливания», состоит в экономической победе наи-

более активных над менее активными. Быть успешным означает быть богатым. Быть современным означает не быть привязанным ни к каким традиционным ценностям, включая даже язык и культуру. Идеал – быть «глобализированным», космополитом, выбирающим место жительства там, где хорошо и комфортно. Не просто символом, а формулой бытия стал анекдот про червячка, который выполз из-под земли, увидел зеленую травку, солнце и спросил своих родителей: «Почему же мы живем в темноте и грязи?» На это родители ему отвечают: «Потому что там наша родина, сынок».

Если в качестве основного источника развития общества признана и призвана экономическая конкурентная борьба индивидуумов, то складывание индивидуумов в соперничающие сообщества неизбежно. Есть люди более предприимчивые, активные, более других нацеленные на материальную выгоду. Они чувствуют себя вполне комфортно в условиях конкуренции за материальные ценности, потому что выигрывают у тех, которые к ним равнодушны или относят эти ценности на второй план, предпочитая «чечто духовное», или считают, что надо жить в братских отношениях и все делить по-братьски. Если при этом «правила игры» – законы, образы «справедливого общества» – поручить писать «экономически активной части населения», получим не просто проповедь либерализма и свободы конкуренции, а жесткий, безжалостный мир в качестве парадигмы бытия. Никакой «семьи братских народов» – каждый за себя. И тогда естественным образом начинают формироваться сообщества, повышающие конкурентоспособность своих лидеров. Вокруг них не только банды, объ-

единенные общей криминальной целью, но и разного рода национальные объединения, «землячества» и т.п. Наряду с задачами сохранения языка, традиций, религии они ставят и цели конкурентной борьбы, выживания. Это позволяет скреплять отдельные общества дополнительными — «более высокими» — скрепами, нежели простое желание объединиться с целью вооруженного ограбления. Мир для членов таких сообществ начинает восприниматься как «мы» и «они». «Они» — это все остальные, причем по факту всеми остальными являются, как правило, русские. Русские для них есть и среда обитания, и антитеза их бытия, и источник материальных ценностей. О том, кто такие русские, мы порассуждаем далее, а пока воспользуемся вольностями, позволительными в публицистике, и будем употреблять понятие «русские» — как будто и так понятно, кто это.

Русские оказываются — в рамках действующей политico-экономической модели — в заведомом проигрыше. У них нет и быть не может хорошей стратегии в создавшихся условиях. Большинство русских не склонны к посреднической деятельности, их ум не приспособлен для мгновенного и неустанного комбинаторного счета в параметрах «выгодно-невыгодно», русские чувствуют себя дискомфортно, когда им приходится торговаться. Мне начнут возражать, приводя немало примеров и из истории, и из современной жизни, демонстрирующих и деловую хватку русских, и способности наших туристов торговаться на турецких базарах. Все это так: русские — народ многочисленный, и среди русских найдутся те, которые в посреднической экономике чувствуют себя как рыбы в воде. Но вот чтобы русские в собственной

стране сколачивали торгово-экономические сообщества на основе этнической близости — этого не происходит. (И, кажется, слава богу: для русских это могло бы стать не просто деградацией, а самоистреблением в гражданской войне.) Зато это легко, автоматически происходит, скажем, у вьетнамцев, азербайджанцев и многих других народов, оперирующих в этнически чужой для них среде. Торговые наценки концентрируются в этнических анклавах, формируя устойчивую финансовую базу для обособления. Чтобы подобные образования, набирая силу, не разорвали государство, внутри которого они формируются, этому государству необходимо проявлять и силу власти, и силу ума, и силу собственных убеждений. У нас все наоборот. Действующие в Россииственные структуры оказывают поддержку как раз именно такого рода «бизнесу», который нельзя «кошмарить», а основную массу трудолюбивого спокойного народа оценивают как пассивных, ленивых, консервативных, мешающих прогрессу и продвижению реформ. Народ, который хочет и может создавать самолеты, машины и механизмы, корабли и электростанции, работать врачами и учителями, пахать землю и выращивать скот, этот народ не может реализовать себя и свое предназначение в собственной стране, строящей криминальный посреднический капитализм. Почему же он этого не может, если он такой умный и талантливый? Это очень важная тема. Русские сами должны беспристрастно и смело «заглянуть в себя», чтобы понять: что нам в самих себе мешает стать субъектами собственного развития? Что не дает сформировать идеологию развития России в интересах всех ее жителей?

Идет, однако, процесс оформления идеологии той частью общества, которую мы условно называем либеральной. Идеологии формально не господствующей, но по факту применения либерально-экономической парадигмы — доминирующей. Ее функциональная схема та же, что и у нацизма, расизма, фашизма. Она строится на противопоставлении «мы» и «они». Мы — «дельфины», они — «анчоусы». Мы — «пчелы», они — «мухи». В общем, мы — элита, они — стадо, быдло и т.д. Та часть общества, которую у нас называют элитой, от которой эта идеология исходит, этнически неоднородна. Там есть представители всех народов СССР и даже сверх того. Эти люди стали «элитой» — то есть стали обладателями больших состояний, высокого положения в управлеческой иерархии и т.д. — в силу собственной наглой активности, природного комбинаторного мышления, воли, устойчивого стремления к богатству, власти, отсутствия разного рода тормозящих сантиментов типа совести, морали, сострадания и т.д. В рамках действующей — во многом ими созданной и ими узаконенной — парадигмы они практически с неизбежностью должны всех прочих под себя подмять, загнать в стойло. В том числе и силой. Пока — в основном — «мягкой», посредством контроля за СМИ и сферой культуры, но при необходимости — и вполне жесткой. «Единство и целостность» ими понимается вполне определенно: «мы» — устойчиво сверху, «они» — снизу. Для этого подхода восприятие нации как граждан государства становится более востребованным, нежели иные подходы. Первыми фактически лишают этническости, конечно, русских. На вопрос — кто такие русские, последует ответ — да все мы тут русские, россия-

не, а для углубленного исследования этничности у нас есть институт этнографии, есть фольклорные экспедиции... Но достаточно ли этого уровня этнической дифференциации для успешного целостного развития России, сохранения и сбережения национальных ценностей всех проживающих в ней народов? Мне ясно, что недостаточно. А «им» может и этого казаться много: все-таки тащится за называнием «Россия» след этничности. Может, переименовать ее во что-то типа «Северная Страна», всех назвать «северо-странцами» — и дело с концом?

При таком мироощущении элиты вопрос о национальности, этничности и иных проблемах межэтнических взаимодействий и национального развития выталкивается на периферию практической политики. России нужна другая элита, вернее — другая идеология элиты. Идеология элиты — это и есть доминирующая идеология. А с точки зрения фактически реализуемой этой самой элитой политики — идеология господствующая.

России необходима идеология, причем, разумеется, как базис формирования политики, а не в форме произвольной мешанины равноправных идеологий в пространстве СМИ. Страх перед наличием господствующей идеологией должен быть отброшен. У этого страха есть исторические причины. Идеология марксизма-ленинизма просуществовала слишком долго в неизменном догматическом виде, насаждалась в нежизнеспособной квазирелигиозной форме, содержала в себе элементы, которых в идеологии развития быть не должно, в частности, жесткие указания по применению единственной экономической модели и категорический отказ от мета-

В переживаемый ныне период многонациональный народ российский не имеет вообще никаких видимых общих скреп — ни религиозных, ни этнических, ни идеологических. Вместо этого есть экономические интересы экономических агентов, структурирующихся по доступным им параметрам взаимодействия.

физики бытия как имманентного свойства социальной жизни. Эти недостатки и стали факторами разрушения общества и государства. Понятно, почему и как они сформировались. Стало быть, тем проще избежать ошибок при создании новой идеологии, адекватной тем историческим задачам, которые стоят перед страной и народом. Какой должна быть эта идеология и откуда ее взять? Оттуда же, откуда берутся все идеологии на свете: в результате целенаправленных совместных действий ученых, политиков и народа — как источника, носителя и верификатора адекватности идеологии.

В идейной, идеологической платформе новой общности современной России нужна объединительная цель, достижение которой возможно

только общими усилиями. Нужна общая — светская! — нравственная платформа, не противоречащая религиозной морали основных конфессий. Укладывается ли сказанное в банальную — совершенно правильную, но утратившую силу свежего слова — истину: уважайте обычай и традиции друг друга? Нет, не укладывается, и вообще этот призыв в реальности не обеспечивает необходимого уровня сотрудничества и сопереживания. Нужен общий Большой Смысл и привлекательный для всех образ общества справедливости. Межнациональные проблемы станут фактором взаимообогащения и взаимопомощи, если все народы будут объединены наднациональной целью, принимаемой всеми как высшая цель и высшее благо. Национальная цель должна быть

Русские оказываются – в рамках действующей политico-экономической модели – в заведомом проигрыше. У них нет и быть не может хорошей стратегии в создавшихся условиях. Большинство русских не склонны к посреднической деятельности, их ум не приспособлен для мгновенного и неустанного комбинаторного счета в параметрах «выгодно-невыгодно», русские чувствуют себя дискомфортно, когда им приходится торговаться.

и надрелигиозной – но не атеистической (этот опыт уже имеется и должен быть осознан, уроки должны быть извлечены).

Огромная проблема – раскол внутри самих русских. Мы, русские, не можем объединиться ни организационно, ни ментально. Мы боремся друг с другом по линиям раскола, проложенным десятилетия, а то и столетия назад. Мы не то что «два народа в одном», а несколько борющихся народов в рыхлой общности «россиян». Только общее русское дело для белых и красных, для верующих и неверующих может стать основой национального единения.

Нужна радикальная смена модели жизнеустройства.

Радикализм лежит не там, куда нас загоняют глупые или злонамеренные говоруны. Нет дилеммы «социализм–капитализм», нет дилеммы «план–

рынок». Когда-то они были, а теперь – нет. Всё названное – инструменты в распоряжении народа, стремящегося к развитию. Инструментами этими можно и нужно пользоваться «то вместе, то поврозь, а то по-переменно».

Радикализм лежит в сфере смены образа общества, к которому стремимся, в котором хотим жить. Не торжество алчности, называемой «экономической эффективностью», не торжество бессердечности, называемой «конкуренцией», не торжество порока, называемого «свободой личности», должны стать отличительными чертами общества будущего. Радикализм лежит и в сфере образа собственного прошлого, которое сегодня явлено пропагандистами в виде долгой цепи позора, неудач, зверств, несправедливостей, завершающим звеном которой являются 70 лет кромеш-

ной тьмы и небывалого ужаса « тоталитаризма ». Наше прошлое – и в первую очередь самое ближайшее – должно восприниматься как долгая последовательность побед и достижений, как сияние гордости и славы, как сложный, трагичный и оттого наиболее ценный путь поиска справедливости, праведности, любви, расцвета личности. Творческий рост, духовное, культурное развитие личности, рост и удовлетворение растущих нематериальных потребностей – вот цели и вот мерила справедливого гармоничного жизнеустройства.

Покуда радикальной смены жизнеустройства не произошло, надо жить в реалиях дня сегодняшнего и решать текущие злободневные проблемы межнациональных отношений. Есть проблема «умышленного национализма», есть проблема «мигрантов», есть проблема «исторической памяти» и множество других. Стало общим местом суждение, что русский народ – со всем комплексом собственной культуры, истории, менталитета, со своим языком, традициями, сложносоставной этничностью, со своим опытом строительства большого государства и удержания в своей орбите многих народов – один только и может сохранить Россию хотя бы в существующих границах. «Хотя бы» – потому что в меньших границах задача самосохранения русского народа может оказаться объективно невыполнимой. Экспериментальная проверка рискует привести к необратимым последствиям, к распаду на множество мелких слабых государств. Судьба русских в этом случае станет похожа на судьбу русскоязычных, оказавшихся в обретших независимость бывших союзных республиках, – от трагической до убогой. Есть среди русских граж-

дан жаждущие этой судьбы? Есть, несомненно. Такие же самые русские и СССР развалили, стремясь к вполне меркантильным целям в рамках личной судьбы. Сейчас они не только провозглашают, но и хлопочут по поводу «отделения Кавказа» и всего того, что создает для них проблемы. Трагизм усиливается тем, что развалившие СССР, отбрасывая балласт, никак не пострадали, а напротив, полностью добились своих целей: кто восседает, кто возлежит, но никто из них не разочарован в содеянном. Их пример для нынешних «уменьшительных мясников-расчленителей» заразителен.

Но не слишком ли я категоричен? Разве не может Россия скокожиться до размеров трех Польш или двух Украин и строить свое – путь не «Великое», но самодостаточное «нормальное» моноэтническое – государство? Может, конечно. Только это будет в лучшем случае очень бедное государство с неправдоподобно бедным населением, потому что промышленности у России уже нет и жить не то что как Германия, но даже как Чехия за счет продажи продукции она не сможет. А нефти и газа тоже не будет, потому что все это достанется другим народам, на территории которых все это в недрах и лежит, либо поступит в распоряжение сильных государств. Те русские, которые не смогут никуда убежать с Великой Русской равнины, вернутся к рыбной ловле, корчеванию лесных полян, заготовке не менее 20 кубометров леса для обогрева семьи в течение 9 месяцев, запасанию на зиму нескольких тонн сена для скотины... Подробнее – читайте классиков русской литературы, описавших быт русского крестьянина в прошлые века.

Конфликты в связи с «мигрантами» в Москве, прини-

мающие форму межнациональных, имеют совершенно иную природу. Полчища обездоленных внедряются в города, где можно так или иначе прокормиться. Власть вот уже двадцать лет совершенно безжалостна по отношению к москвичам и жителям других регионов наплыва мигрантов. Ситуацию можно было бы гораздо эффективнее регулировать с помощью строгого визового режима и контроля за трудоустройством, регистрацией, проживанием. Здесь как раз уместно неуместное в большинстве других случаев сравнение с Америкой: попробуйте получить рабочую визу в США – это совсем не

собствовать разжиганию межнациональных проблем. На примере независимых государств из числа бывших республик СССР очень хорошо видно, как абсолютно все негативные, по мнению пришедших к власти политиков, страницы истории связываются с русскими. Советский период их истории однозначно определен как русская оккупация. «Зверства коммунистического режима» – это зверства русских по отношению к коренному населению и т.д. Доходит до уже несусветной дикости, когда голод на Украине не просто на уровне политической агитации, а на государственном уровне объ-

Нужен общий Большой Смысл и привлекательный для всех образ общества справедливости. Межнациональные проблемы станут фактором взаимообогащения и взаимопомощи, если все народы будут объединены наднациональной целью, принимающей всеми как высшая цель и высшее благо. Наднациональная цель должна быть и надрелигиозной – но не атеистической.

просто. Выдача такой визы обусловлена наличием контракта с американским работодателем, который принимает на себя множество жестких обязательств в связи с приглашением иностранца. Демагоги скажут, что и в США полно нелегальных мигрантов, что эти меры не решают проблему полностью и т.д. Это так, но существенно улучшить ситуацию эти меры могут. Кто же против этого? Против – неоработладельцы, эксплуатирующие труд мигрантов. Против – «уменьшительные националисты», которым необходима «антручурочная» социальная энергия. Против – либерально-демократические мародеры, которым нужно демонизировать русских националистов и стимулировать проявления «русского экстремизма». Против – взяточники-чиновники. Многие против...

Интерпретация отечественной истории тоже может спо-

явлен геноцидом, действиями русских против украинцев. А что в ответ сказала и сделала Россия? Да ничего... Кто что хотел, тот то и сказал, начались и у нас «ученые» и «политики», вполне поддерживающие подобные взгляды. А во что превратились стена по поводу «сталинских депортаций народов»? В устойчивую привязку к плохим русским, которые переселили хороших нерусских, которые, как оказывается, не сотрудничали с нацистскими оккупантами в ходе войны, а боролись с тоталитарным режимом.

Неприятие советского периода нашей истории превратилось в русофобию для очень многих людей, придерживающихся самых разных взглядов. Продолжающееся оскорбительное отношение к нашей жизни в СССР приводит к нарастающему межнациональному напряжению.

Александр Дейнека. Оборона Севастополя. 1942 год

Наше прошлое – и в первую очередь самое ближайшее – должно восприниматься как долгая последовательность побед и достижений, как сияние гордости и славы, как сложный, трагичный и оттого наиболее ценный путь поиска справедливости, праведности, любви, расцвета личности. Творческий рост, духовное, культурное развитие личности, рост и удовлетворение растущих нематериальных потребностей – вот цели и вот мерила справедливого гармоничного жизнеустройства.

Что же делать государству с русскими и русским с государством? Прежде всего следует на государственном уровне рассмотреть вопрос о том, кто такие русские, кого считать русским. На уровне научных исследований, на уровне публицистики этот вопрос не просто многократно вдоль и поперек рассмотрен, а, можно сказать, замусолен. Предложено множество критерии, и всякий волен придерживаться своего. Место этой мозаике мнений там, где она и существует, а вот государство должно выбрать какой-то единственный вариант. Только тогда окажется возможным каким-то образом взаимодействовать государству и русским. Сегодня никакое взаимодействие русских с государством невозможно, потому что русские – неопределенное с правовой – а значит, и с политической –

точки зрения понятие. Когда на словах признают государствообразующую роль русского народа, но при этом отказывают русским в формировании той силы сцепления, которая является обязательным условием силы имперского народа, ничего не выйдет. Похожие или точно такие проблемы есть и у других национальностей страны, и они тоже должны быть решены, но проблема русских – наиболее острая и разрушительная в силу особой роли самого многочисленного народа. Покуда не установлена четкая взаимосвязь между самоидентификацией русских и их идентификацией со стороны государства, страна будет разрушаться под воздействием нарастающих проблем.

Подвариантом этой проблемы является и вопрос о русских, оказавшихся гражданами на-

циональных государств, выступивших из бывших союзных республик. Во многих из этих стран вопрос о том, кто такие русские, выглядит решенным: это русскоязычные, и они являются людьми второго сорта. То, что было совершено по отношению к этим десяткам миллионов людей со стороны прежде всего московской власти периода распада СССР, есть подлость, нравственное преступление. Этому должна быть дана оценка, но не в ней только дело. Русскоязычные люди живы и все еще верят в то, что Россия – это государство, которое их защитит, им поможет. Что-то на уровне «клубов русской культуры» Россией поддерживается, и то недостаточно и неуверенно. Но главное – в ином. Россия не играет по отношению к русским во всем мире той роли, какую играет, например, Израиль по отношению к евреям. У евреев нет другой «своей» страны, и у русских нет. Но евреи выработали не только механизмы защиты, формы поддержки и прочее, но и метод идентификации евреев, без которого они просто никак не смогли бы ни существовать, ни поддержи-

вать «своих». Хорош или плох их метод – другой вопрос, но у русских на государственном уровне нет никакого способа идентификации русских, а поэтому невозможна и последовательная работа по взаимодействию с тем, что мы больше поэтически, нежели юридически называем «Русский мир».

Позитивный опыт ищут либо в далеком прошлом – в Российской империи, либо в далеких странах – в США, например. И там и там можно найти позитивные примеры, только воспользоваться ими как моделью жизнеустройства никак невозможно: все другое – время, люди, пространство, жизненный уклад, ценности, традиции. Трудно да и не нужно пытаться решать сложные социальные задачи «с нуля», то есть без учета имеющегося исторического и практического опыта. Логичнее всего обратиться к собственному – советскому – опыту. Потому что он наиболее близкий по времени, потому что он может быть наилучшим образом изучен, потому что наше общество в большинстве своем состоит из людей не просто знакомых с этим опытом, а являющихся его носителями. Ну и потому, конечно, что советский опыт дает пример одного из вариантов решения национальных проблем в многонациональном государстве. Слышу справедливые возгласы: так ведь именно межнациональное напряжение разорвало СССР, вы предлагаете перенять неудачный, губительный опыт! Не предлагаю перенять, а предлагаю изучить. До сих пор нет его непредвзятого исследования. Есть пропагандистские опусы, написанные или черной, или розовой краской.

«Советский народ» – это общая цель, общие принципы жизнеустройства. Однако поиск общей моральной плат-

Памятник жертвам голодомора в Эдмонтоне

Доходит до уже несусветной дикости, когда голод на Украине не просто на уровне политической агитации, а на государственном уровне объявлен геноцидом, действиями русских против украинцев. А что в ответ сказала и сделала Россия? Да ничего...

формы успехом не увенчался: были подавлены или унижены как религиозные, так и национальные традиции, прежде всего у основного – русского – народа. То, как именно межнациональные отношения использовали для разрыва СССР, нуждается в тщательном исследовании. Важно, в частности, внимательно исследовать процесс вскармливания тех, которых потом назовут националистами, выявить факты подталкивания их к активным действиям, увидеть роль московской высшей власти, вознамерившейся с их помощью «сбросить балласт». Надо отделить реальные проблемы развития национальных культур от поли-

тической мастурбации «национальных чувств». Сделать это надо не только для того, чтобы знать – как и почему развалился СССР, но и для того, чтобы не дать развалить его самый большой на сегодня обрубок – Россию.

Советский опыт решения межнациональных проблем огромен, во многом трагичен, но в фазе устойчивого развития несет в себе немало позитивного. До сих пор большинство бывших советских граждан разных национальностей, вспоминая собственную жизнь, скажут, что у них не было национальной неприязни к другим народам. Кто из современных политиков может ответить на вопрос: поч-

му люди так думают и так оценивают свою жизнь, можно ли причину межнационального согласия выявить и воспользоваться ею сегодня? Увы, все заняты пропагандой примеров отсутствия межнационального согласия и охвачены твердым желанием отбросить всякий позитивный опыт, если только он лежит в пространстве СССР. Русские необратимо деградируют и потеряют последнее, если не научатся открыто и искренне любить свою страну и прежде всего ее ближайший советский период. Ключ к будущему России — в Советском Союзе. Но до тех пор пока при упоминании СССР почти каждый автоматически вспоминает про ГУЛАГ, «сталинские репрессии», «подавление инакомыслящих» и прочие психологические якоря промытого сознания, деградация продолжится. Если вы, читатель, на этом месте уже одернули меня возгласом: а разве всего этого не было?! — стало быть, эти якоря все еще работают и удерживают вас от нравственной жизни. Да, все это и многое еще из очень плохого — было. И забывать про это не надо. Но и жить этим — тоже не надо. Любить свою Родину надо целиком, а не «всё — минус 70 лет советской власти», надо непрерывно помнить все ее позитивные черты, все достижения и победы. Дает силы гордость, а не медитация на плохом. Вся долгая история страны должна быть осознана как непрерывная, целостная траектория жизни народа, решавшего исторические задачи на пути к своей постоянной высшей земной цели. Надо обрести нечто объединяющее всех, нечто высшее по отношению к национальности и конфессиональной принадлежности. Концепт «граждане страны» — на единение не работает: в нем нет мечты, нет образа будущего, нет метафизики. Ну-

жен новый параметр общности.

Алгоритм — «мы строим свою страну, наделенную определенными признаками и свойствами», — эффективный и, возможно, единственный для такой большой и сложной страны, как Россия. Вместо образа коммунизма нужен новый образ, новая модель социального устройства. Такая модель совместной счастливой и благополучной жизни, в которой царят справедливость, свободный труд, равные возможности для личностного, коллективного, этнического, религиозного, культурного, политического и иного развития. И модель эта должна быть оформлена в виде программы политической партии, в виде художественных образов, в виде постоянного дискурса мыслящей части общества.

Решение межнациональных проблем не есть однократное нахождение правильного ответа в задачнике по алгебре. Не существует «решения», способного раз и навсегда «закрыть проблему». Это бесконечный, требующий постоянной регулировки и корректировки процесс осознанных политических действий. Причем России не у кого этому учиться, кроме как у самой себя. Решение национальных проблем России — творческая задача, потому что изменяется всё: и внешние условия, и содержание национальной жизни, и ее близлежащие цели. Национальные проблемы надо год за годом, поколение за поколением удерживать в поле мирного соперничества, сотрудничества, не допуская непримиримых противоречий, конфликтов. Даже «мононациональное» — по каким-нибудь критериям типа ооновских — государство не избавляется само по себе от внутренних противоречий, которые от национального уров-

ня переходят на родоплеменной или региональный. Зародыш этого в среде русского народа уже явственно виден: таблицы переписи населения вводят следующую норму: «Русские, в том числе казаки и поморы». Не существует способа окончательного снятия межнациональных противоречий, кроме полного исчезновения национальной самоидентификации, чего не предвидится.

Вернемся к ранее обозначенной задаче: наметить подходы к определению нации как понятия практической политики, а не политологии, не этнологии и т.п. Практическая политика — конкретна, она оперирует в определенной стране и в определенное время. Исходный принцип национальной идентификации для целей практической политики должен состоять в следующем: определение нации зависит от того, какую страну мы хотим построить, какое общество сформировать. Наши цели-ценности-идеалы — вот путевые столбы и путеводные звезды.

Если мы хотим построить нечто вроде США, эдакую «русскую Америку» — империю, в которой этничность есть личное дело каждого и при этом толерантность предписывает делать вид, что этнических — тем более расовых — отличий во взаимоотношениях людей как бы не существует, тогда нация — это только гражданство.

Если мы хотим построить нечто вроде огромного Израиля от Балтийского моря до Тихого океана, то есть этническое государство русских (в котором на определенных условиях живут и другие народы), то нация — это этничность, и надо будет установить то или иное правило определения этой этничности: по крови или как-то еще.

Если мы хотим построить «просто Россию» (а я считаю,

что только это и следует делать), то мы не должны ни на кого оглядываться, кроме самих себя, и смело созидать нечто новое, чего никогда ни у кого — в том числе и у нас самих — не было. Мы должны строить мощную процветающую страну, в которой всем живется хорошо, без непременной утраты национальной, этнической идентификации либо непременного возведения ее в ранг особой значимости. Каждый из нас с точки зрения практической политики обладает всеми признаками одновременно: и гражданством, и этническостью по языку, по культуре, по крови. Россия гораздо сложнее всех прочих стран, и каждый из нас — сложносоставной элемент. Всё множество наших признаков идентичности нам необходимо, мы оперируем ими всеми одновременно и осознанно. Этому сложному содержанию должна соответствовать и сложная форма государственного жизнеустройства, которую предстоит создавать и создавать. Определив общие для всех цели, ценности и механизм этического выбора, мы сможем определить и форму государственного жизнеустройства.

Государство и любовь — вот в чем вопрос! Нет, я не о любви к государству. И даже не о любви к своей стране. Я о другом: хочу ли я ощущать любовь государства к самому себе, причем во всей моей многосложной сложности? К себе, у которого нет другой Родины, у которого нет другой защиты, другой судьбы, другого прошлого и другого будущего? Да, я хочу ощущать себя частью самой могучей и добродой силы в мире не только на основе моих представлений и фантазий, а потому что ежечасно чувствую руку могучего доброго богатыря — а им может и должно быть только мое

Алгоритм – «мы строим свою страну, наделенную определенными признаками и свойствами», – эффективный и, возможно, единственный для такой большой и сложной страны, как Россия. Вместо образа коммунизма нужен новый образ, новая модель социального устройства. Такая модель совместной счастливой и благополучной жизни, в которой царят справедливость, свободный труд, равные возможности для личностного, коллективного, этнического, религиозного, культурного, политического и иного развития.

государство — на своем плече. Как давно об этом думал Тютчев:

*«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом
лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его
любовью, —
А там увидим, что прочней...*

Увы, пока так и не попробовали.

В заключение — о свободе и подлинности. Чем больше у нас идентификационных признаков, чем они определеннее, тем менее мы свободны. Каждый из нас обладает огромным набором признаков: я — мужчина, гражданин России, православный, великоросс, публицист, сторонник партии «АБВГД», противник партии «ЕЖИК», не либерал, консерватор — и т.д. Каждый такой признак сооружает вокруг моей сущности очередную оболочку, все четче и четче оформляя — и ограничивая — мою социальную личность. При этом мое «подлинное я», моя сущность, рожденная чистой, незамутненной, исполненной любви и сострадания к миру, видна всё меньше и слышна всё тише. Моя сущность рождена в неслиянном единстве со всем сущим, и это единство в течение жизни шаг за шагом разрушается. Мы утрачиваем ощущение целостности, счастья, глубочайшей осмысленности жизни, данной нам не в логических знаках, а в ощущениях. Мы перестаем быть подлинными, вместо нас начинают действовать социальные маски, личины. Как сочетать эти оболочки, возникающие как неизбежная расплата за социализацию, с сохранением той подлинности, которая только и способна обеспечить устойчивую целостность мира при сохранении и развитии индивидуальности? Какие из этих оболочек нужны или неизбежны, а от каких можно и нужно отказаться?

Александр Глебович Глазов – почетный профессор МГИМО (У) МИД России и НИУ ВШЭ, член Консультативного совета Валдайского клуба, научный директор Германо-российского форума

Последний форум «Петербургского диалога» оживил связь между Германией и Россией

После того как бывший олигарх Михаил Ходорковский был помилован Владимиром Путиным и прилетел в Германию, в немецком общественном мнении начало меняться господствовавшее прежде негативное восприятие России. Спустя долгое время вновь зазвучали похвалы в адрес Москвы. Освобождение Ходорковского – в результате секретных переговоров Владимира Путина и бывшего министра иностранных дел Ганса-Дитриха Геншера – стало позитивным сигналом для германско-российских отношений. Долгий лагерный срок Ходорковского все негативнее воспринимался в немецком общественном мнении. Однако это вовсе не означает, что в Германии в Ходорковском видели политическую жертву Кремля. Просто с его освобождением исчез, по крайней мере, один раздражитель в двусторонних отношениях. С назначением Франка-Вальтера Штайнмайера новым министром иностранных дел Германии в дружественных России кругах появилась надежда на то, что после многочисленных конфликтов последних месяцев в отношениях между Германией и Россией могут произойти изменения в лучшую сторону.

Состоявшийся в Касселе в начале декабря прошлого года XIII форум гражданских обществ Германии и России «Петербургский диалог» был посвящен как раз вопросу, каким образом улучшить отношения между нашими странами. В 2014 году Германия и Россия будут отмечать два юбилея, которые напоминают о нашем общем недавнем прошлом. Первый юбилей – 25-я годовщина падения Берлинской стены, второй – 20-я годовщина вывода советских войск из Восточной Германии, Центральной и Восточной Европы. Оба события заложили основу нынешней европейской безопасности и долгожданного мира в Европе. И новый поворот в отношениях между нашими странами, безусловно, напрямую с ними связан. Это подчеркнул бывший премьер-министр Бранденбурга Маттиас Платцек в своем выступлении на церемонии открытия форума. Сначала Платцек, который в марте избирается на должность председателя Германо-российского форума, напомнил, что 25 лет назад процессы распада в Восточной Европе могли бы протекать совершенно иначе. Ныне можно утверждать, что Советский Союз был повержен Соединенными Штатами, советская экономика рухнула из-за быстрого

падения цен на нефть, а коммунистические режимы в странах Варшавского договора пали из-за протестов граждан. Однако оба юбиляя предоставляют удобный повод для того, чтобы отдать должное тогдашнему советскому руководству за неконфронтационную политику, которая в конечном итоге привела к воссоединению Германии и построению свободных политических систем на всем европейском континенте.

Молодые участники форума на прошедшем в его рамках семинаре, посвященном проблемам будущего, особенно остро ставили вопрос, почему за последние 25 лет не произошло реального сближения Германии с ЕС, с одной стороны, и с посткоммунистической Россией – с другой. Почему мы перестали обсуждать идею строительства общеевропейского дома? Почему немцы и русские, которые после страшных конфликтов XX века фактически помирились, сегодня снова относятся друг к другу с подозрением и в каких-то аспектах даже рассматривают друг друга в качестве соперников?

С российской точки зрения, одной из причин такого положения дел является соответствующий инструктаж Германии со стороны США. Россия рассматривает расширение НАТО и Евросоюза как способ «сдерживания» России. Ведь после падение Берлинской стены Запад в устной форме обещал Михailу Горбачеву не расширять свою военную инфраструктуру на страны Восточной Европы. А сегодня США размещают свою систему ПРО на границах России. Но вместе с тем следует признать, что и Россия все еще находится на долгом, трудном и часто полном неожиданных поворотов пути трансформаций. Президент Германии Йоахим Гаук подверг Россию

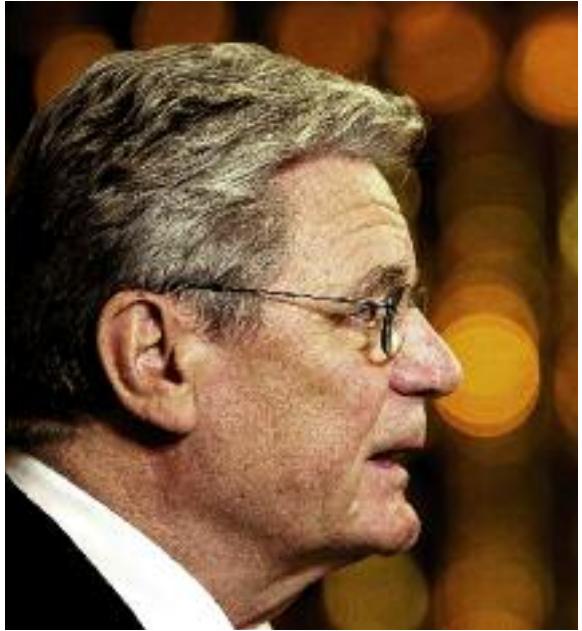

С назначением Франка-Вальтера Штайнмайера (на фото) новым министром иностранных дел Германии в дружественных России кругах появилась надежда на то, что после многочисленных конфликтов последних месяцев в отношениях между Германией и Россией могут произойти изменения в лучшую сторону.

критике за то, что она так и не преодолела еще наследие сталинизма, как это сделала Германия в отношении национал-социализма. Его отказ ехать на Олимпиаду в Сочи вызван так называемыми нарушениями прав человека в РФ. Российские правозащитные организации приветствуют такую позицию, другие считают ее неприемлемой. На выставке «Бронзовый век – Европа без границ», прошедшей в Санкт-Петербурге в 2013 году в канун годовщины нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, заметнее всего прозвучала не тема памяти о страшной блокаде Ленинграда или о Сталинградской битве, а нарастающее требование германской стороны вернуть культурные «трофеи». Во многих выступлениях в нынешней Германии заслуга низвержения гитлеровского режима приписывается исключительно США и западным союзникам, а не Советскому Союзу. Между тем немецкие участники форума «Петербургского

диалога» говорили и об объективных причинах ухудшения отношений между Германией и Россией. Они коренятся в разочарованиях, которые довелось пережить России и Западу после оптимизма 90-х годов. Российский энтузиазм, особенно по поводу экономических благ Запада, изрядно ослаб. Кризис 90-х привел к дискредитации самих понятий демократизации, рыночной экономики, федерализма, приватизации, предпринимательства. Эти понятия – отдельный вопрос, обоснованно или нет – стали для людей синонимами системы эгоистичного материализма и хаоса. Запад же очень разочарован тем, что Россия не приняла западноевропейские либеральные ценности.

Разочарование на Западе также вызывает ярко выраженная система государственного порядка и контроля, которая называется в ЕС «Системой Путина». Первоначально ее принимали как временную необходимость. Однако затем – после «передачи власти» Пути-

Следует признать, что и Россия все еще находится на долгом, трудном и часто полном неожиданных поворотов пути трансформаций. Президент Германии Йоахим Гаук (на фото) подверг Россию критике за то, что она так и не преодолела еще наследие сталинизма, как это сделала Германия в отношении национал-социализма. Его отказ ехать на Олимпиаду в Сочи вызван так называемыми нарушениями прав человека в РФ.

ным Медведеву — неприятие усилилось. С немецкой точки зрения, заранее запланированная рокировка была подобна стратегическому ходу в своего рода игре в политический покер, в то время как транзит власти должен, по мнению Европы, осуществляться на демократических легитимных основаниях.

Как утверждалось на проведенном в ходе форума круглом столе, посвященном улучшению отношений между Германией и Россией, российская дипломатия скорее предполагает мирное «существование» с Европой, чем ассоциацию с ЕС по украинской модели.

В целом надо сказать, что из-за взаимных разочарований в России интерес к Европе и Евросоюзу отступил далеко на задний план. Руководство России — или, скорее, российские элиты — обратились в сторону Азии, с которой они надеются улучшить экономи-

ческие отношения. Даже президент Путин сказал европейцам, чтобы те не думали, что у России нет никаких других вариантов и что она институционально сейчас теснее связана с Азией, чем с Евросоюзом. Россия полагает, что европейцы не вписываются в ее стратегические проекты просто потому, что непонятно, как вести дела с Европой — Европа, кажется, от России ничего не хочет, кроме закупок газа и нефти. Москва чувствует, что европейцы заинтересованы лишь в одном — в преподнесении ей уроков демократии. Соответственно Россия решила принимать ответ-

реть свой нравоучительный подход к России. Берлину, по его мнению, также следовало бы вспомнить, что германское гражданское общество само относительно молодо и еще тридцать лет назад в Германии тоже еще не было столь совершенной демократии, как сегодня. И хотя Германия практически в одночасье стала другой, она не может требовать того же самого от России, поскольку Россия следует своей — менее либеральной — традиции. И тем не менее, как подчеркнул Платцек, Россия все-таки является частью Европы. Он посоветовал проявить больше терпения и поразмышлять над нашей общей культурной историей. Существуют западноримское и восточноримское культурные наследия. В Восточной Римской империи сформировалась византийская культура, в рамках которой развивались европейские традиции, отличные от западных. Однако это не означает, что расхождения в традициях между византийским и западноевропейским культурными ареалами ведут к новому расколу Европы. Европа всегда была сильна именно многообразием составляющих ее различных культур и традиций, которые дополняли друг друга. Платцек призвал либерально настроенных западных европейцев к более глубокому мировоззренческому диалогу с российскими элитами — к такому, какой, например, Германия пыталась вести с исламом.

Президент Путин видит свою страну консервативно-христианской и говорит о консервативной революции в России в ответ на постмодернизм Западной Европы. Если бы обе стороны общались друг с другом более открыто, без взаимных поучений и оскорблений, они бы обнаружили, что между ними очень много общего. Германия может гордиться

собственным позитивным послевоенным опытом, но должна быть готовой принимать российскую критику своего постмодернистского развития.

Серьезным гарантом европейского миропорядка в XXI веке является не только Германия, глубоко интегрированная в Североатлантический альянс, но и Россия. К сожалению, между Берлином и Москвой имеются значительные разногласия по вопросу о роли НАТО, ООН и ЕС. Тем не менее уничтожение сирийского химического оружия позволяет надеяться на то, что, несмотря на наши мнимо противоречивые интересы и ценности, не поздно открыть новую страницу в двусторонних отношениях. Из-за применения отравляющих веществ в Сирии обострились отношения Америки и России. Между тем Москва все же отказалась своему союзнику Асаду в праве применить оружие сдерживания. Сегодня складывается впечатление, что США и Россия все-таки нашли общую позицию в сирийском конфликте. И теперь им, кажется, легче совместно подступить к решению иранской ядерной проблемы. На следующем этапе будет достигнуто нужное доверие, которое поспособствовало бы выработке сценария умиротворения Афганистана после вывода войск НАТО в 2014 году. В этом деле Западу придется полагаться на доброжелательную и конструктивную позицию россиян.

Исторический опыт наглядно свидетельствует, что единение достижимо тогда, когда в этом есть нужда. В доводах в пользу перемен в германо-российских отношениях нет недостатка. Европа сегодня продолжает находиться на трудном пути к выходу из экономического кризиса, но никто не знает, куда этот путь приведет.

И в России процесс ее фундаментальной трансформации все еще далек от завершения. Перед Германией и Россией – очень разные проблемы, однако они по-прежнему нуждаются друг в друге и взаимно друг друга обогащают. Очень хорошо было бы создать пространство общих европейских ценностей и интересов от Лиссабона до Владивостока. В ходе форума «Петербургского диалога» была выражена надежда на то, что новое федеральное правительство Германии сможет расставить новые акценты в своей внешней политике и признать Россию

Матиас Платцек (на фото) заметил в выступлении в Касселе, что Германии стоило бы пересмотреть свой нравоучительный подход к России. Берлину, по его мнению, также следовало бы вспомнить, что германское гражданское общество само относительно молодо и еще тридцать лет назад в Германии тоже еще не было столь совершенной демократии, как сегодня.

своим «привилегированным» партнером в Европе. Да, Германия может не потянуть роль посредника в Европе. Но Германия, если исходить из прошлого, не в состоянии отказаться от своей особой ответственности за Россию. Платцек, например, считает, что в подходах к крупным стратегическим российским предложениям о сотрудничестве или о решении визового вопроса Берлин не должен «прятаться» за евросоюзовыми представлениями или – тем паче – прикрываться трансатлантическими симпатиями.

В 1990-е годы такие политики, как Гельмут Коль и Франсуа Миттеран, не раз высказывались за предельную осторожность при совершении каждого шага по расширению НАТО в восточном направлении. Они призывали учитывать также российские интересы и находить форматы сотрудничества с Россией вне НАТО. В свое время хорошо работала так называемая тройка – Рос-

сия, Франция, Германия. Сегодня с Россией нужно наладить сотрудничество в формате новой тройки – Россия, Германия, Польша. Необходим конструктивный диалог Европы и России по вопросам европейского сегмента ПРО. В результате подобных шагов, несомненно, выиграет общеевропейская безопасность.

В германской элите оживились разговоры о России. Желательно, чтобы и внутри России участились подобные же размышления о Германии. Общение элит обеих стран должно стать более интенсивным, аналитичным, интересным. Такой политик, как Штайнмайер, понимает, что прорыв и перелом в германо-российских отношениях представляют жизненно важный интерес для сохранения мирной и процветающей Европы – дееспособной и конкурентоспособной на мировом рынке.

*Авторизованный перевод
с немецкого*

Александр Павлович Ярков –
доктор исторических наук, профессор,
директор Института гуманитарных
исследований Тюменского государственного
университета

В Тобольском юрте масхаб особый.

Из средневековой рукописи
«Грамота хранителя Юрумской астаны»

Русские и ислам: проблемы совместимости и взаимного выживания в условиях Сибири

Если для москвичей находящаяся «за Уралом» Сибирь – далекое и непонятное пространство, то для «запуральцев» – их повседневное окружение. Это для сибиряков Москва и Париж находятся «за Уралом», а они живут «там, где надо». Касается это и местных мусульман – по убеждениям или по происхождению, – издавна здесь живущих.

В Сибири накоплен свой опыт толерантности, в чем-то помогающий найти «ответы» на очередные «вызовы», которые обыденное сознание нередко связывает с исламским экстремизмом, постоянно напоминающим вооруженными конфликтами на Кавказе, взрывами в Москве и Волгограде, арестами сторонников партий, считающих своей идеологией ислам.

Было – и уже, к сожалению, есть – подобное и в Сибири, но есть здесь и «противоядие», выработанное как раз тем самым опытом совместного выживания. Поэтому события, отстоявшие от современности на несколько столетий, стоит рассмотреть подробно. Тем более что эта

часть азиатской России являла сложное целое, отраженное и в пространственных представлениях старожилов, именовавших себя русскими, но ограничивавших край от «Руси», находящейся «там, за Уралом». В самоидентификации жителей края укрепилось, что они – сибиряки, для которых необязателен отказ от «природной» этническости. Это привело к появлению составных определений – «коренной сибиряк», «сибирский казак», «сибирский татарин», – но всегда содержащих общесибирский «корень». От времен Первой мировой войны сохранилась частушка, свидетельствующая о том, как «вплелся» в фольклор сибирских казаков тюркский язык:

*Мильт мой, кайды барасын
(куда идешь. – А.Я.)?*

Милочка, германцев бить!

*Мильт мой, онда олесин
(тогда там умрешь. – А.Я.)!*

Милочка, не может быть!

Да и в произведениях местных писателей и краеведов немало точных наблюдений, хотя будем справедливы:

взгляды большинства просвещенных русских долго оставались не лишенными уничижительного отношения к другим. Интересно литературное свидетельство очевидца, которого сибиряки знают не только как сказочника. Так случилось, что взлетев в 19 лет на литературный Олимп, Петр Ершов (в 2015 г. будет отмечаться 200-летие со дня его рождения) предпочел Петербург Тобольску, где создал еще немало произведений, в том числе на близкую ему тему. В «Повести о том, каким образом мой дедушка, бывший при царе Кучуме первым муфтием, вкусили романеи и как три купца ходили по городу», у героев разный социальный статус (военные и интеллигенты). Отличается их этническое происхождение (русский, немец, татарин). Не совпадает и конфессиональная принадлежность (православный, протестант, мусульманин). Писатель показал разницу между персонажами, определявшуюся спецификой тех культурных традиций, представителями которых они являлись. Конечно, образ одетого в казачий мундир с эполетами «Тазбashi, питомца Руси и Татарии», неисторичен, условен, но несет отпечаток взаимодействия культур и, более того, знаний об их особенностях – в словах и речевых оборотах, в структуре представлений о социуме и месте индивида в нем. Более сложные связи обнаружены при анализе сюжетов о рыбё-ките в знаменитой сказке Ершова «Конёк-Горбунок» и в молитве барабинских татар о покровителе – Юсупе Пайхамбаре. Эти связи говорят как о «ходульности» некоторых образов, так и о региональном «культурном поле», где те образы отражали представления людей, принадлежавших к различным культурным и цивилизационным системам, но одинаково

осмысливавших настоящий и запредельный миры. Иной характер имела поэма Евгения Милькеева «Абалак» (1841), посвященная присоединению сибирских земель, «дикие народы» которых познали «истинную веру». А вот, например, другой сибиряк – Федор Бальдауф – в поэме «Авван и Найро» вообще далек от подобного мессианизма и выступает противником всякой религии.

Жившие в Сибири люди в силу обстоятельств оказывались в роли транспортера культурных процессов, хотя среда их обитания различалась. Так, целых три этнокультурных компонента – тюркский, угро-самодийский и рус-

Дмитрий Дмитриев. Портрет Петра Ершова

В произведениях местных писателей и краеведов немало точных наблюдений, хотя будем справедливы: взгляды большинства просвещенных русских долго оставались не лишенными уничижительного отношения к другим.

ский – играли важную роль в жизни региона, но при этом они имели разную энергетику. Русский компонент (культура православных славян) был доминирующим в силу официальной поддержки со стороны государственных органов власти. Преобладание русских культурообразующих форм до революции укреплялось идеями христианского миссионерства. Татарский компонент (культура тюрков-мусульман) не являлся распространенным. Это объясняется многочисленностью татарского населения в Прииртышье. Для сибирских татар – более чем для русских – язычество угров и самодийцев было фактом собственного недавнего прошлого.

Начавшийся в средневековой Сибири процесс исламизации не завершился, а продолжился и после присоединения к России, но не на основе конфликта с Русской церковью и властью, как это имело место на Кавказе.

Внутриполитические проблемы в крае осложнялись тем, что отсюда продолжилось движение России на восток и юг Азии. И если раньше царская власть стремилась выстроить отношения с азиатскими регионами на уровне политических контактов с правителями, то с конца XVIII века актуальными для реализации стратегической цели оказались внутрирегиональные, локальные проблемы, а необходимыми партнёрами – не только местные правители, но и сам социум. Геополитические задачи решались не столько завоеванием (хотя и оно присутствовало), сколько добровольным присоединением территорий с лояльно настроенным населением. В результате в контактах с государством (в том числе через чиновников, знавших язык и лояльных к их культуре) и православными (преимущественно русскими) вырабатывалась взаимовыгодная система альянса интерес-

Башкир-войн

Правительства почти всех крупных полигэтнических империй проявляли склонность к сотрудничеству с элитами тех этнических диаспор, которые специализировались в своих традиционных регионах проживания на выполнении каких-либо чрезвычайно нужных для этих государств общественно полезных функций. Поэтому в Сибири властям было выгодно взаимодействовать с бухарцами, а в граничащей с нею Степи – с татарами и башкирами.

сов, ведущая в последующем к диалоговому мышлению и поведению. При этом политика была направлена как на ускоренную интеграцию этого региона с Центральной Россией, так и на искоренение родоплеменных отношений, преодоление (избавление от) архаичных традиций, квалифицированных как проявления культурной отсталости. При этом власти покровительствовали мусульманам, так как, по словам историка Вячеслава Козулина, «в исламе видели консервативную наднациональную силу, отвлекающую народы от национального сепаратизма».

Вероятно, одновременно с политическими расчетами власти стремились создать стимул для тюрок, как отмечал исследователь Анатолий Ремнев, «чаще посещать русские

города и со временем перейти к оседлому образу жизни». Интересы развития международной торговли также вынуждали российский административный аппарат обеспечивать даже заезжим купцам из Азии условия для их культового благоустройства. Так, в конце XVIII века с разрешения российских властей ташкентцы и сибирские бухарцы на свои средства построили мечеть в Семипалатинске. Происходило формирование политически благонадежных и отчасти профессионально подготовленных кадров, готовых влиться в новые структуры управления, обозначить перспективы социально-экономического развития и, следовательно, обеспечить быструю обратную связь между центром и периферией. Эта идея хорошо прослеживается

с помощью теории «мобильных диаспор». Суть ее сводится к тому, что правительства почти всех крупных полигэтнических империй проявляли склонность к сотрудничеству с элитами тех этнических диаспор, которые специализировались в своих традиционных регионах проживания на выполнении каких-либо чрезвычайно нужных для этих государств общественно полезных функций. Поэтому в Сибири властям было выгодно взаимодействовать с бухарцами, а в граничащей с нею Степи – с татарами и башкирами. Даже выстроенные властями ограничения преодолевались естественным образом – по формуллярным спискам прослежены браки с ясашными. Впрочем, отмечались и случаи незаконных (с точки зрения служителей разных религиозных культов) гражданских браков русских с татарами, в том числе новообращенными в православие, но для ускорения процесса обрушения власти поощряли подобные брачные связи.

Однако количество смешанных браков не основной показатель этноконфессионального взаимодействия. Такое взаимодействие зависит от исторического опыта проживания в смешанных поселениях, влияния идеологических установок государства и обстоятельств. Так, при недостатке знатоков из православных для корректировки перевода использовались мусульмане. Сибирский бухарец Ният-Бакы Атнометев и ичкинский татарин Амир бен Мурат – мулла из деревни Тагыл – помогли тобольскому священнику, учителю татарского языка Иосифу Гиганову, при работе над изданным в Петербурге в 1804 г. «Российско-татарским словарем». Они исправляли ошибки и выписывали арабские и персидские слова. Подготовленные в светских –

«русских» — училищах педагоги из числа мусульман передавали ученикам свое мироощущение, способствуя формированию новой генерации сибиряков, открытых новациям. В качестве примера можно привести бухарца, учащегося подобного заведения в Тобольске, бывшего членом местного общества любителей науки. Его перу принадлежит статья «Мнение магометан о смерти пророка Моисея», опубликованная в 1789 г. в первом в азиатской части России печатном альманахе «Иртыш, превращающийся в Иппокрену». При этом важен не только текст, но и тот дискурс, в котором он функционировал. Журнал предназначался местным читателям, в основном православным. Язык статьи — русский — говорит о владении автором литературными нормами, обеспечивавшими равноправную коммуникацию в среде сибиряков. Этот случай, пока еще локальный в социальной практике края рубежа XVIII–XIX веков, показал тенденцию — изменение общественных настроений — и отразил переплетение иррационального (отношение к своей религии сибирских мусульман) и рационального — знания первых просветителей из числа тюрков.

Нельзя сводить все новации только к статье этого бухарца, так и не ставшего «культурным гибридом», застрявшего между двумя культурами, так как в том же альманахе опубликована анонимная «Повесть о султане Тогрул-Бек-Арсламе», рисующая образ предавшегося «ленисти, роскоши, всякого рода невоздержанности, особливо же пьянству» правителя, в итоге потерявшего трон. Повесть, проникнутая идеями Жан-Жака Руссо о нравственной чистоте живущих в патриархальности людей, аллегорически намекала

на придворные порядки и нравы, уже осуждавшиеся частью просвещенных россиян. Публикация в альманахе статьи «Мнение магометан о смерти пророка Моисея» и «Повести о султане Тогрул-Бек-Арсламе» важна для оценки понятия *другой* как составной части собственной идентичности сибиряков. Это внесло амбивалентность в общественные отношения, заставляя социум институализировать присутствие за счет предоставления ему соответствующей ниши.

Подобные люди, как правило, уже не возвращались во взрастившую их среду, но исполняли роль активных коммуникаторов в межкультурных контактах. И здесь вопрос не о количестве, а о качестве. Изучавшие русский, турецкий (татарский), арабский, персидский, маньчжурский, калмыцкий языки по окончании становились не только переводчиками, но и деятелями своих культур.

Существует мнение, что Русская православная церковь в первой половине XIX века не вела крупномасштабной прозелитской деятельности, но число мусульман, пожелавших принять православие, по сравнению с предшествующим столетием «постоянно возрастало». Даный факт, согласно приведенному мнению, объясняется «утратой господствующего положения татарской родовой знати, привлечением на государственную службу значительного числа мусульман, происходящим сближением христиан и мусульман, упрочением государственных позиций». В качестве же примера приводится переход в православие в 1823 г. 240 мусульман. Приведенное мнение спорно, а количество неофитов — не показатель. Что же касается знати, ее положению ничего не угрожало. Даже лишившись постов в управ-

лении волостями, представители «белой кости» сохраняли политическое и религиозное влияние, оставались при своей образованности по-исламски и по-русски, а также при капиталах и при земле.

Перемена веры имела место — равно как и иные трансформации внутри самой уммы, например, распространение в массах протестных настроений. Дело в том, что напряженность и неустойчивость, особенно в приграничных взаимоотношениях, провоцировала как прямым, так и косвенным образом причастностьnomadov к различным протестным движениям. Сложная geopolитическая обстановка в империи, побуждавшая центр нередко импульсивно реагировать на любые недовольства, заставляла российское правительство проявлять осторожность в выборе внешнеполитических мероприятий. Сохранившаяся документация пограничной администрации свидетельствует, что больше всего власти опасались даже не набегов степняков, а различных слухов, которые распространялись беглыми татарами, муллами, иногда и некоторыми российскими чиновниками. По мнению властей, слухи могли стать серьезной помехой для реализации реформ в Степи. Поэтому велась активная контрпропаганда. Например, делались попытки доказать, что согласно шариату мусульманам разрешается пребывать в подданстве у немусульманских правителей, а в период русско-турецких войн от лица властей распространялись объявления-обращения, содержащие доводы о легитимности войны. Протестные настроения отражались и в фольклоре. Это подтверждает байт «Рэддия назар», защищавший ценности ислама в условиях насилиственной христианизации.

Дмитрий Менделеев (на фото в центре во время своего «уральского путешествия», 1899 год):

«Меня повели в находящуюся с краю каторжную тюрьму, где заключены на разные сроки завзятые убийцы и преступники вроде андижанских среднеазиатцев, учинивших фанатические убийства в военном лагере около Андижана. <...> Для магометан <...> приглашают муллу, чтобы религиозное настроение умиротворяло запертую жизнь и облегчало внутреннее самосознание».

Но властям приходилось считаться и с позицией Церкви. Дело в том, что синодальный указ от 24 декабря 1828 г. призывал усилить миссионерскую работу среди иноверцев и предписывал открыть в Сибири ряд миссий. Не отказавшись от стратегической цели, Церковь лишь изменила тактику миссионерства – испытывая на себе давление политических факторов и сопротивление других конфессий. Власти лавировали, а негативная реакция на информацию – например, о мусульманском «фанатизме» – поддерживала многовековые стереотипы. Такие стереотипы углубляли социальный и психологический антагонизм между «русским центром» и населением, типизировавшимся с помощью терминов «азиат», «мусульманин», «татарин», попадавших в обобщен-

но-политическую категорию зла. Вполне возможно, что, как считал специалист по истории ислама Марк Батунский, государственные идеологи «стремились представить татар потомками монгольских завоевателей и, исходя из этого, в отношении их культуры вели более жесткую политику преследования».

Исследователи справедливо замечают, что одновременно могли проводиться разные линии. Во-первых, агрессивная, отличавшаяся стремлением государства к насильственной ассимиляции или к сегрегации мусульман на основе господствующей идеологии. Во-вторых, pragmatичная, гибкая. Для такой линии характерно желание обеспечить стабильность на периферии империи «методами сотрудничества с мусульманскими элитами», а также с

помощью поддержания «относительной терпимости к исламу». В то же время и реформаторство сибирских мусульман предполагало приспособление части уммы к реалиям современной жизни через адаптацию культурных, экономических, политических нововведений, как и стандартов поведения.

Наряду с вольной миграцией в Сибирь мусульман из Поволжья продолжилось и невольное переселение – осужденных по уголовным и политическим статьям, в том числе участников восстаний и заговоров, проходивших под антируссскими и исламскими лозунгами. Так, здесь оказались участники Андижанского восстания 1898 г., о которых Дмитрий Менделеев, посещавший родной Тобольск, написал: «Меня повели в находящуюся с краю каторжную тюрьму, где заключены на разные сроки завзятые убийцы и преступники вроде андижанских среднеазиатцев, учинивших фанатические убийства в военном лагере около Андижана. <...> Для магометан <...> приглашают муллу, чтобы религиозное настроение умиротворяло запертую жизнь и облегчало внутреннее самосознание».

и облегчало внутреннее самосознание».

Западная Сибирь принадлежала к «местам не столь отдаленным». Только на территории Томской губернии насчитывалось 6 пересыльных тюрем, через которые осужденных этапировали дальше на восток. Иногда изоляция являлась мерой, введенной из-за политических обстоятельств, сословных, этнических, региональных противоречий и борьбы за лидерство в уголовной иерархии. По замечанию тюремной администрации мусульмане с Кавказа «благодаря своей национальной неустранимости и решительности, а также пылкому темпераменту не боятся русских и держат себя вызывающие по отношению к ним».

Исламофobia на тот момент уже нехарактерна для всего российского общества. А вот для Церкви исламская проблема не была на периферии. Например, в 1851 г. Тобольская духовная консистория отметила: «Что воспрещение русским проживать в домах магометан и носить одежду подобную магометанской не будет согласовано с местными обстоятельствами Сибирского края, и, не говоря о затруднительности сей меры, она не только не принесет пользы, но может возродить даже вредные последствия, ибо всякое нововведение резко действует на умы людей грубых и необразованных, особенно же между дикарями, к числу коих принадлежит большая часть сибирских инородцев, исповедывающих магометанскую веру».

Чем дальше от центра православной Сибири – Тобольска – местность, тем менее значимы предписания. Сомнительно исполнение распоряжения военного губернатора Акмолинской области о введении «русского алфавита в Киргизской степи» для усиления по-

литического и культурного влияния. Последствия укрепления ислама на российской границе осознавались, а «итоговые» оценки администрации, ученых и православных миссионеров совпадали. Так, в 1890 г. в отчете «О миссиях Томской епархии» признавалось: «Телеуты, перешедшие в магометанство, а это было давно, едва ли не навсегда потеряны для объединения с русскими через православие. Симпатии их как истовых мусульман обращены к Мекке, Каабе, а больше к султану, пожалуй, и к Бухаре, чем к стране гяуров, каковыми считают они, конечно, и русских».

Не менее острым, чем ситуация с прозелитизмом, для епархии был вопрос соблюдения христианских моральных норм. Хотя число проживавших среди мусульман православных учитывалось, но, как отмечало духовенство в 1851 г., «принадлежа к бедному сословию и находясь у татар в служении, приобретают [они]

Михаил Знаменский (на фото):

«Писатель, вспоминая прошлое Европы за триста лет, может представить нам картину того времени с богатыми и верными подробностями. Совсем другое дело – говорить о прошлом нашей Сибири: тут в нашем распоряжении несколько кратких летописей да остатки тех холмов и равнин, где жили и действовали исторические личности. <...> И вот мы, потомки некогда убивавших друг друга, мирно сидим друзьями, повествуя о прошлом и наслаждаясь природой».

оттого единственный способ к пропитанию, следовательно, воспрещение им проживать у магометан может послужить лишь к увеличению тунеядцев». И здесь стали происходить серьезные изменения: от запретительных шагов стали переходить к объяснятельным и вариативным. Сtereотипы поведения и мышления любой этнической или конфессиональной группы защищают непохожесть, специфичность социального организма, а их содержание опре-

делено традиционными ценностями. Даже не понимая эту аксиому, власти последовательно и неуклонно преодолевали чуждое: только в 1825 г. запрещено приобретение нового «живого товара» (в том числе мусульман) даже в целях последующей христианизации. И если крепостных в крае – несколько десятков, то наличие пленных в качестве рабов создавало политические проблемы – во взаимоотношениях с соседними государствами и кочевниками, «приме-

Европеизировавшаяся элита и в городах была немногочисленной, а сельчане вообще оставались консервативными по отношению к реформам, хотя обновленческий российский ислам – джадидизм – не являлся чисто религиозным или светским. Это движение было синтетическим, захватившим не только систему образования, но и общественную мысль, этические нормы, оно относительно органично утверждало связь ислама с просвещением и наукой, а в политической сфере пыталось «помирить» ислам с демократическими и даже социалистическими идеями.

рявшими» на себя российское подданство. Подобные меры вызывали недовольство. В частности, отмечено брожение среди казахов Семипалатинской области, а в беспорядках обвинили власти соседнего Туркестана.

Конфликтность прирастала и по другим причинам: шло активное движение из Степи – на Алтай в то время переселялись казахи, в религиозном отношении влияя на телеутов и алтайцев, иногда настраивая их против миссионеров. Самых же казахов, принявших православие, немного: в 1860–1865 гг. – 149 человек. Да и проблема их воцерковления не завершалась с крещением. Неописуемы трудности, когда должны неукоснительно соблюдать определенные пра-

вила: «В поселке вся жизнь новокрещеных проходит под наблюдением миссионера, который настойчиво приучает жить их на русский лад, – замечали очевидцы. – Обстановка в домиках, одежда, еда – все должно быть такое же, как у русских крестьян». Заставить изменить бытовые нормы и одежду, условия и рацион питания – насилие над человеком, которое вызывало внутреннее сопротивление. Поэтому неудивительно, что православные казахи демонстрировали «сильное расположение к мусульманству»: они втайне соблюдали прежние посты и праздники, устраивали поминки: «Вследствие этого крестное знамение и молитву некоторые совсем забросили, иконы содержат

непристойно или совсем не имеют, приходят на исповедь, но от причащения отказываются или же приходят в грязных разорванных одеяниях, тогда как мусульманский праздник проводят разряженные», – описывал ситуацию один из миссионеров.

Переход в христианство казахов был редким, ибо неминуемо приводил к разрыву всех социальных связей решившегося на данный поступок. Он автоматически превращался в изгоя, и у него оставалась единственная перспектива – навсегда покинуть родные места.

Отношение православных старожилов к мусульманам отличалось от отношения новоселов большей терпимостью, в том числе к их вере. Это качество старожилов использовалось властями и в других регионах. Например, Михаил Знаменский как переводчик с татарского языка при губернском правлении в 1863 и 1866 гг. выезжал в экспедиции, а во время присоединения районов Центральной Азии к России в 1864 г. был в эпицентре событий в том числе и

художником. «Писатель, — отмечал он, — вспоминая прошлое Европы за триста лет, может представить нам картину того времени с богатыми и верными подробностями. Совсем другое дело — говорить о прошлом нашей Сибири: тут в нашем распоряжении несколько кратких летописей да остатки тех холмов и равнин, где жили и действовали исторические личности». Знаменский констатировал: «И вот мы, потомки некогда убивавших друг друга, мирно сидим друзьями, повествуя о прошлом и наслаждаясь природой». А о том, что чужие образы стали *своими*, свидетельствует следующий факт: в 1889 г. поэма Ершова «Сузге» была театрализована местной интеллигенцией на «Сибирских вечерах». Тот же Знаменский в очерке «Сузгун» привел легенду о сакральном для мусульман месте. Эта легенда наглядно показывает, как образы тюркского фольклора перешли в русские предания: «Много поверий сохраняется в народе об этом живописном холме. Так, говорят, что в ночь на Пасху здесь зажигается огонь и с первым ударом в колокол он потухает; то показывается белая лошадь, то белая женщина». В исследованиях уже отмечалось, что в отличие от летописцев Знаменский акцентировал внимание не на религиозном антагонизме, а на общности исторической памяти русских и татар, близости артефактов, ее сохраняющих, единстве культурного пространства. Очевидно, что ко второй половине XIX века накопился значительный — хотя и не лишенный снобизма цивилизационного превосходства — материал по жизни мусульман. Между тем опыт совместного проживания размывал прежние границы, способствуя тому, что чужое становилось

если не *своим*, то *не чуждым*. Например, священная для сибирских мусульман культовая постройка — астана — оказалась на выгоне русской деревни, а надзиралась не только приходящими *астана карауцы*, но и русскими крестьянами.

Правительство жаловало христиан, переселявшихся в Сибирь, распространяя на них различные льготы, касавшиеся землепользования, денежного пособия и проезда, отсрочки в отбывании воинской повинности, кредита для приобретения семян и инвентаря. Естественно, что льготы привлекли из перенаселенных центральных и юго-западных губерний России большие массы предприимчивых лю-

Русский язык был востребован прежде всего нарождавшейся мусульманской интеллигенцией. На этом фоне выделялся Чингизид по происхождению Алихан Букейханов (на фото перед расстрелом в 1937 году), который после окончания медресе и Каркаралинского училища поступил под фамилией Нурмухамбетов в Омское техническое училище, а затем в Петербурге закончил даже два вуза. В 1895 г. Он стал преподавателем Омского лесного училища.

дей. Подобные люди в считанные годы становились на новой земле крепкими, зажиточными хозяевами, имевшими наемных работников из числа соплеменников и бывших кочевников. В той ситуации многие переселенцы меняли прежнюю социокультурную ориентацию, отказываясь даже от традиционной обособленности, что не всегда рождало ответное желание со стороны коренных жителей. И для тех и для других природные и сакральные места находились «по ту сторону» реального бытия.

Для некоторых русских сибиряков в равной степени «нечистыми местами» считались православное и мусульманское кладбища в районе села Кугаевского на Иртыше. Этот факт не исключителен:

во многих случаях генетически, цивилизационно, ценностно далекие культуры не только взаимообогащаются за счет прямых заимствований, но и ищут точки сопряжения, проходя порой и через конфликт.

В 1880 г. в ответ на запрос Русского миссионерского общества тобольскому епископу Василию (Левитову): «Неблаговременно ли теперь устроить в Киргизской степи миссию», — Синод пошел навстречу и открыл ее в 1882 г. как филиал алтайской миссии (в конце XIX в. насчитывалось шесть ее станов). В 1881 г. и в Томске открылась миссия, а в 1889 г. (в составе Тобольской епархии, которая лишь в 1895 г. передала приходы новой Омской епархии) была открыта церковно-миссионерская школа в

Сибирские татары (на фото), бухарцы, казахи и башкиры, жившие на границе республик, оказались «разорванными», но это для них не было болезненным. Дело в том, что сохранилась и «плавающая этничность», когда иные сибиряки идентифицировали себя согласно тугумным (относящимся к группе родственных семей) наименованиям, а лишь затем – татарами (бухарцами, башкирами, казахами), но при этом в их представлении всегда мусульманами.

станице Щучинской Кокчетавского уезда Акмолинской области, из которой планировалось сформировать противомусульманскую миссию. Однако (хотя по этому вопросу было переписано много бумаг) развернуть миссионерство не удалось. Очень спорно суждение исследовательницы Юлии Лысенко: «Объективные процессы социоэкономического сотрудничества русского и казахского народов в приграничной зоне способствовали взаимной религиозно-культурной ассимиляции». Напротив, в результате глубинных различий, упрочившихся в установках и нормах, отмечались случаи «воровства» новокрещеных и воз-

вращения в семью. Иногда это принимало вид разбойных нападений. А из доклада алтайскому горному правлению священника Змеиногорской Преображенской церкви явствует, что некто Файзов бранил новообращенных, призывая бежать в Степь и обещая возместить расходы. При переезде в Сибирь из Симбирской губернии обнаружилось, что крещеный Федоров «уклонился в ислам», отзываясь на имя Сабит Аюкапов и продолжал носить татарское платье. Вместе с тем о воспитанниках петропавловских мектебе, где в 1886 г. обучались более 300 детей, издатель и переводчик Цезарь Белиловский сказал, что они «отли-

чаются своей грамотностью», «читают и пишут не только по-татарски, но и часто и по-арабски, и по-русски».

Количество учащихся и хорошее знание русского, арабского, тюркских языков было свойственно детям преимущественно из семей, давно обосновавшихся в городе, заинтересованных в том, чтобы наследники стали успешными в деловой жизни, но и не забывали свою религию. Впрочем, случалось, что тамошние татары, близко сойдясь по торговым делам с русскими, становились православными. Так, некий Хабибулин в 1893 г. захотел принять крещение, но встретил сопротивление родителей и лишь спустя год осуществил задуманное в Акмолинске.

Модернизационные изменения проникали и в среду служителей культа, вызывая конфликты и противоречия. Так, сын ахуна Семипалатинска Яхъи Абд ал-Алим выделялся тем, что носил европейского стиля одежду, феску и

турецкую формулу. Отец осуждал его. И однажды, когда сын пришел просить денег, заявил: «Посмотри на свой внешний вид. Ты думаешь, что ты умный русский, который зарабатывает деньги. Ты должен знать, что ты — плохой русский».

Правда, подобная европеизированная элита и в городах была немногочисленной, а сельчане вообще оставались консервативными по отношению к реформам, хотя обновленческий российский ислам — джадидизм — не являлся чисто религиозным или светским. Это движение было синтетическим, захватившим не только систему образования, но и общественную мысль, этические нормы (особенно среди купечества и интеллигенции), оно относительно органично утверждало связь ислама с просвещением и наукой, а в политической сфере пыталось «помирить» ислам с демократическими и даже социалистическими идеями.

Автор вышедшей в Париже в начале 1980-х книги «Мусульмане в СССР» русский эмигрант Александр Беннигсен дал такую оценку джадидам: «<...> именно благодаря их деятельности, плохо известной на Западе и игнорируемой самими мусульманскими историками, ислам перестал быть препятствием к прогрессу и был очищен путь к реформам в других областях — языке, просвещении и политической организации».

Следует разъяснить, что панисламизм и джадидизм сложно разделить. Привычно воспринимать панисламизм в сугубо деструктивном ключе. Между тем в сочетании с просветительской идеологией он в тех социально-политических условиях ставил целью освобождение от европейского колониализма путем восприятия достижений западной мысли. Совсем иным смыслом

наполняли панисламизм консервативные силы. В их трактовке он нес лишь разрушение, превращаясь в идеологию войны, спекуляцию на представлениях о джихаде и халифате. Кстати, иные современные исследователи из Средней Азии и Казахстана употребляют термины «панисламизм» и «пантюркизм» с осторожностью. Они заменяют эти термины «мусульманской солидарностью» (или «турецкой солидарностью»), которая, по их мнению, имела антиколониальный и прогрессивный характер.

Благодаря джадидам произошел существенный прорыв во многих сферах социального бытия мусульман, в том числе и в гендерном вопросе, рождая у воспитанников новых учебных заведений уважительное отношение к женщине. Примечательна и возникшая в этой среде тенденция к изменению численности семьи, ставшей тяготеть к малой нуклеарной.

Влияние прослеживается даже в декоре деревянных мечетей, где резное обрамление выполнено по «русскому» образцу, что свидетельствовало о сближении обеих сибирских культур. Это совпадение неслучайно — резьбу нередко выполняли русские мастера. Но, конечно, в орнаментике подобных объектов, как и в произведениях прикладного искусства, присутствовало иное стилевое начало, чем в сооружениях русских сибиряков.

Русский язык был востребован прежде всего нарождавшейся мусульманской интеллигенцией. На этом фоне выделялся Чингизид по происхождению (что придавало ему дополнительный авторитет среди степняков) Алихан Букейханов, который после окончания медресе и Каркаралинского училища поступил под фамилией Нурмухамбетов в Омское техническое учили-

ще, а затем в Петербурге закончил даже два вуза. В 1895 г. Он стал преподавателем Омского лесного училища.

По-прежнему сложно с традициями обстояло в тот период у крещеных. Историк, писатель и публицист Афанасий Щапов писал: «Ясачные, крещеные, полуобруслые потомки их и смешавшиеся с ними русские долго сплошь и рядом отличались татарскими полигамическими наклонностями и непокорностью православно-церковным русским нравам и обычаям <...> снова обращались к басурманским суевериям, или, вернее сказать, упорно сохраняли их».

В советский период продолжалось административное переустройство Западной Сибири, во многом связанное со стремлением «огосударствовать этничность». Эта тенденция реализовывалась в форме национально-территориальных автономий. Граница РСФСР с Казахской АССР рассматривалась как внутренняя административная, неоднократно передвигавшаяся по просьбе населения. Например, жившие там немцы-колонисты стремились отнести к казахской территории, поскольку номады для них были меньше *другими*, чем русские.

Сибирские татары, бухарцы, казахи и башкиры, жившие на границе республик, оказались «разорванными», но это для них не было болезненным. Дело в том, что сохранялась и «плавающая этничность», когда иные сибиряки идентифицировали себя согласно туманным (относящимся к группе родственных семей) наименованиям, а лишь затем — татарами (бухарцами, башкирами, казахами), но при этом в их представлении всегда мусульманами.

В тот период в Сибири — как и по всей стране — распространялась практика присвоения младенцам новых — идеологи-

Рудольф Симанов. Восстание 1921 года. 2000 год

Явная или скрытая борьба против власти оказалась частью общего – а не этнически или конфессионально избирательного – сопротивления советскому режиму. Об этом повествует вся история сибирских казацко-крестьянских волнений, участниками которых были самые широкие слои населения, состоявшие из крестьян и кочевников, бывших офицеров и служителей культа, купцов и рабочих, госслужащих, казаков и просто маргиналов. Самым известным из этих восстаний было Ишимское.

ческих – имен. Например, Вильдан (В честь Ильи дан), Изиль (Исполнитель заветов Ильи), Мирабо (в честь деятеля Великой французской революции). Широко давались и русские имена, «программировавшие» детей на культурный и цивилизационный прорыв.

Перепись 1920 г. показала, что за годы революций и войн численность сибиряков не уменьшилась, а увеличилась на 415 тысяч человек, и русские составляли 82 процента населения. В вышедшей недавно «Исторической энциклопедии Сибири» подчеркивается: «Проводя советизацию нацио-

нальных меньшинств в Сибири, власти стремились использовать в первую очередь низовой советский аппарат. Конкурентом советской системы в национальной деревне выступала община крестьянская, традиционно решавшая все важнейшие вопросы жизни деревни. В местах компактного проживания национальных меньшинств роль общины усиливалась принадлежностью к тому или иному религиозному исповеданию. Устранение двоевластия и замена общины эффективно работающими советами стала одной из основных задач национальной политики».

Между тем явная или скрытая борьба против власти оказалась частью общего – а не этнически или конфессионально избирательного – сопротивления советскому режиму. Об этом повествует вся история сибирских казацко-крестьянских волнений, участниками которых были самые широкие слои населения, состоявшие из крестьян и кочевников, бывших офицеров и служителей культа, купцов и рабочих, госслужащих, казаков и просто маргиналов. Самым известным из этих восстаний было Ишимское (Ишимско-Петропавловское, или Западно-сибирское). Оно оказалось одним из череды социальных волнений, в которых присутствовал и «мусульманский» фактор. Восстание было спровоцировано более поздним – чем в остальной стране – переходом этого региона к продналогу. Здесь на крестьян наложили 34 вида

разверсток, сопровождавшихся моральным унижением и репрессиями. В русских деревнях, татарских юртах, казахских аилах, немецких хуторах стремительно нарастала напряженность. И в результате на значительной территории Западной Сибири и Северного Казахстана вспыхнуло восстание, которое, начавшись в Ишимском уезде (и уже с участием мусульман), быстро распространилось по всему краю. Восставшие не делились по происхождению, но были объединены (как свидетельствовала издававшаяся во время восстания в Тобольске повстанческая газета «Голос Народной армии») убеждением: «Мы хотим, чтобы каждый человек верил, как хочет: православный — по-своему, татары — по-своему, и чтобы нас всех силком не заставляли верить в коммунизм».

Интересно проанализировать складывавшийся тогда же опыт толерантности: на мусульманском кладбище у юрт Абызовских установилось правило — русским там нельзя охотиться, собирать дикоросы, играть детям. До 1930-х годов в тамошнюю рощу приезжали татары, молились и оставляли в ветвях тряпичных куколок, лоскутки тканей и монеты в мешочках. При «появлении призрака» русские «открешивались», а мусульмане использовали «молитву да крепкое слово». Впрочем, наблюдатель замечал: «Крепкое, матерное слово используется в самом крайнем случае, а некоторые старики татары и вовсе не ругаются, считая, что брань противна Богу. Этим они отличаются от многих русских мужиков, у которых мат уже используется как средство связки между словами».

Советский опыт просвещения впечатляющ, но противоречив. В частности, он, по словам исследовательницы

Гульфиры Хисаметдиновой, «демонстрирует резкий и кардинальный поворот от объявленной политики “коренизации” к отказу от принципа “школа на родном языке” и русификации образования». Стоит различать административную русификацию (иногда здесь следует использовать понятие «унификация») и культурную, что по-разному воспринималось нерусским населением. Иногда это было неизбежной мерой — при проведении масштабных реформ, особенно в сфере образования.

В тот период началось активное перемещение населения, стали появляться смешанные селения. Раньше окружавшая селение изгородь выступала не только ограничителем для выпаса скота и подселений (в XVIII-XIX веках попытки русских занять татарские земли или поселиться рядом пресекались, бывали случаи, когда суды становились на сторону татар), но и маркером другой религиозности. Но при нахождении в одном колхозе, лесхозе, промхозе селений с разным составом населения она уже не играла прежней роли. На этом фоне пренебрежение правами, закрытие мечетей, преследование верующих ожесточало людей, раскалывало общество, рождало двойную мораль, а в ряде случаев разжигало прежние конфликты.

На тот момент местные тюркские школы вели преподавание на родных языках, а к 1931 г. было завершено введение нового алфавита, еще больше оторвавшего новые поколения от арабского языка как средства постижения Корана и способа получения религиозного образования. Держать в доме не только печатный или рукописный Коран, но и любую религиозную книгу, тем более в арабской графике, стало небезопасным.

Дочь муллы деревни Большие Мурлы Омской области Чапарова вспоминала: «В 30-х годах двое мужчин собрали по деревне старые книги в большой сундук и закопали ночью на кладбище». Прятали или даже сжигали не только религиозные книги, но и васика — купчие, царские грамоты, разрешавшие строительства мечетей, а к знатокам арабского языка — адбам — партактивисты приклеивали прозвище «арабисты».

В годы Великой Отечественной войны в словах мулл звучали патриотические призывы к защите Родины, с их благословения производился сбор средств, одежды и продуктов для нужд фронта, распространялись облигации государственных займов. Тысячи сибиряков-мусульман самоотверженно сражались на фронтах и трудились в тылу. Героем Советского Союза стал бывший секретарь общины при Карбанской мечети Абдулхамит Неатбаков, ценой жизни спасший однополчан. Полным кавалером ордена Славы стал Хабибулла Якин — впоследствии активный прихожанин общины «Тюменская мечеть № 2», в Трудармии работал и его отец, имевший полный георгиевский бант еще за Первую мировую войну.

В годы войны менялось отношение к традициям и запретам: на фронте трудно соблюдать установки веры (между тем иные мусульмане не употребляли на фронте спиртное и свинину, хотя их земляки и в тылу не гнушались этим), а оставшиеся в Сибири не имели времени и условий для сбора на коллективные молитвы. Более того, новые условия изменили и строгое прежде отношение к захоронению приверженцев разных вер — их стали погребать на одних кладбищах. «Так и хоронят в одной ограде: с одной стороны — кресты, с другой — полумесяц-

Экстремистские устремления части молодежи оказывают моральное и политическое давление и на старшее поколение исламского сообщества – зачастую неудовлетворенных социальным статусом. Какие-то из радикально настроенных мусульман выезжают в Чечню, Узбекистан, Таджикистан, пробираются в Афганистан для участия в боевых действиях против «кяфиров». Среди таких «кяфиров» были и сибиряки-офицеры, Герои России чеченец Руслан Бацаев и татарин Тимур Мухутдинов (на фото в центре).

цы», – свидетельствовал очевидец о переменах на старом татарском кладбище. Более того, на Мусульманском (Новоюртовском) кладбище в Тюменской области в годы войны хоронили пленных немцев и итальянцев.

Именно тогда в мусульманской среде произошел радикальный переход от строгого соблюдения религиозных предписаний к разнообразным формам поведения. А общественное мнение почти не осуждало людей за нарушения прежних установок. Насильственное внедрение коммунистическим режимом новых ценностей в различные сферы жизни советских людей,

ускоренная – но фактически консервативная – модернизация часто приводили к несуразной попытке перевести часы истории, а «машина времени» давала сбои: попытка была противоестественной, вызывая реакцию отторжения у части общества, ориентированного на привычную систему духовно-нравственных координат. Ликвидировались сбои репрессивными мерами – в том числе и в отношении религиозности. Между тем политическая ситуация вносила существенные коррективы в прежние коммунистические установки, требуя от властей терпимого отношения к антиатеизму части советских граждан.

Тоталитарная модель социального устройства в условиях войны – смертельной опасности для всего общества – обеспечила его прочность, но именно по той же причине советскому руководству пришлось отказаться от прежней практики давления на веру и верующих, перейдя к уступкам в интересах поддержания международного имиджа страны и с учетом возраставшей религиозности населения.

Мировые и отечественные катаклизмы середины XX века не обошли стороной мусульман (по убеждению или происхождению), существенно трансформировав многие ценности и нормы их культуры. Советское общество стало настолько коллективистским, а политическая и экономическая власть – сосредоточенной в руках правящего режима, что попрание гражданских свобод, в том числе свободы совести, стало обыденной нормой. Передача этнических ценностей от поколения к поколению всегда осуществляется

многими путями, а не только прямыми контактами по линии «старшие—младшие». Известно, что этническая самоидентификация возникает в детстве, оформляется в юношестве, но особенно ярко проявляется во взрослом состоянии. Окружающее информационно-культурное пространство, мода, меняющиеся социально-политические ориентиры и, конечно, государственная политика вносили корректизы в представления, приоритеты, действия. Менялись и стереотипы сознания, поскольку разделение на «свой—чужой» отныне происходило не по этно-конфессиональной «меже», а по социальному статусу. В обществе культивировались новые ценности, преодолевались шаблоны. Так, в деревне Кирек Томской области русские и татары в послевоенное время отмечали Курбан-байрам, лишенный исламского контекста.

Ситуация в стране, а также внутрирегиональные процессы многое меняли в жизни тюркского населения. Например, жители деревень Большая и Малая Рынья на реке Алымка еще в 1920-е годы считали себя русскими и придерживались православной веры. При этом иные рыньянцы свободно говорили по-татарски, а некоторые принимали участие в мусульманских праздниках, устраиваемых соседями по Заболотью. В свою очередь татары останавливались у них по пути к Иртышу, приобретали продукты питания. В конце 1960-х — начале 1970-х годов около десятка хозяйств переехало в татарские Ачиры. Тогда и обозначились различия: переселенцам запретили хоронить умерших на местном мусульманском кладбище, а другие впервые узнали о своем этониме: «Иштяками нас ачирские стали называть. У себя мы тако-

го слова не слышали. Нам оскорбительно такое слышать — истики это ведь ханты».

Симптоматична ситуация там, где несмотря на советизацию всегда оставался разграничительный фактор — отдельные кладбища. Так, на кладбище в новом поселке городского типа Боровском под Тюменью сектора православный, католический, мусульманский были условны, а со временем деление вообщестерлось. И на Радунцу местные татары приходили на могилы родственников и друзей-иноверцев. Причем рядом с могилой мусульманки покоился ее маленький сын, имевший русские антропонимы. На другом кладбище мулла сопровождал в последний путь самоубийцу, что осуждалось ее православными — по происхождению — друзьями, знавшими о недопустимости подобного варианта в *своей* культуре. Любопытно, что на мусульманских кладбищах Сибири встречались русские и тюркские надписи (в том числе общепринятые типа «Скорбим и помним») на кириллице и арабскими графемами. Делались они на гранитном, бетонном или мраморном постаментах с изображением звезды и полумесяца, серпа и молота, с гравированным портретом или фотографией — в духе утвердившейся советской ритуальной культуры. Культы умерших переплетались: в смешанных семьях поминки проводились по конфессиональному происхождению усопшего, хотя за поминальным столом могли собраться разные люди. У мусульман в подобных случаях нередко молитва читалась на арабском языке с последующим переводом на русский и татарский. Такое же смешение наблюдалось и в свадебных обычаях: после посещения ЗАГСа молодожены приезжали в мечеть, где близкие родственники и

друзья-иноверцы, включая женщин, сидели вместе, что в обычные дни было невозможным.

Под влиянием атеистической пропаганды, активизированной в 1960—1970-е годы, образовался не только религиозный вакуум, но и разрыв поколений среди самих ве-рующих, хотя иные явления, составлявшие основу сибирского ислама, продолжали существовать. Причина, как отмечал свидетель, наблюдавший ситуацию, заключалась «в живучести религиозных пережитков среди последователей ислама», что, по его словам, способствовало «переплетению религиозных обрядов и традиций с национальными».

Конфессиональная принадлежность нередко выступала лишь «семейной» памятью — последней базисной структурой (у многих татар, казахов, башкир, утративших родной язык), «отвечающей» за сохранение этничности, — из-за того, что ислам практиковался на русском языке, особенно в населенных пунктах со смешанным населением. Даже религиозная литература издавалась на этом языке, сочетая традиционализм (потребность в Коране) и инновации (русский язык как родной и способ постижения ислама).

В отношениях между прежними религиозными и современными общественными нормами возникала определенная напряженность — пускай и выглядевшая вполне органичной, когда речь заходила о конкретном человеке. Примечателен случай, когда на вопрос об этнокультурной ориентации одна сибирячка называлась «обрусевшей мусульманкой», но «вообще атеисткой». Она говорила, что ее «не учили молитвам в детстве», но одна из ее дочерей посещала мечеть, семь ее детей состояли в браке с русскими,

Василий Суриков. Покорение Сибири Ермаком. 1895 год

Интернет иногда дает примеры причудливого смешения исторических обид. Например: «Атаман Ермак – бандит, а хан Кучум – святой». Хватает в Сети и открытого политианства, но сибиряки в подавляющем большинстве не разделяют сепаратистских или исламистских взглядов и убеждений, ощущая опасность провозглашаемых радикалами идей разрушения сложившихся столетиями связей между людьми, тенденциозно понимаемых догм.

хотя религиозных обрядов не соблюдали, вместе праздновали русские праздники, но готовили татарские блюда. При этом у каждого члена семьи его последний в жизни путь — похороны — был *своим*, определявшимся этноконфессиональной традицией.

Институты культуры как относительно устойчивые совокупности формальных и неформальных норм, правил, ценностей, обеспечивающих регулирование отношений между людьми, очень четко просматриваются в трех культурных точках: когда человек переходит из инобытия в жизнь (празднование рождения ребенка), при наступлении зрелости (свадебный обряд — самый важный) и при возвращении в инобытие (похороны). Какими бы атеистами или космополитами ни являлись советские люди, их поведение в указанных культур-

ных точках все же сохранялось, хотя и трансформировалось. Например, вышедшая замуж за русского казашка-интеллектуалка в Кузбассе приняла православие и с трудом — при посещении родного дома в Казахстане — принимала существующие правила поведения, но на похоронах у родственников должна была вести себя «как мусульманка».

Так стала складываться множественная идентичность. Это связано с тем, что среди прихожан появились люди, чьи предки никогда не принадлежали к исламскому культурному ареалу. Более того, Омск оказался одним из центров движения «русских мусульман», где Абу-Талиб (Анатолий) Степченко создал в 1996 г. организацию исламского призыва «Дагват». Родом из Тары Омской области и неоднозначный лидер разных объ-

единений и партий, пытавшийся представлять интересы мусульман в Государственной Думе русский Абдул-Вахед Ниязов (Вадим Медведев).

Попытки клерикализации политической жизни продолжились и позднее, а у иных неофитов из числа русских сибиряков как одного из частных появлений ваххабитов появился «синдром первоклассника»: «Всё знаю!» — где представители умеренного крыла неавторитетны. Так рождалось несколько типов исламской идентичности сибиряков, включая уже необыкновенно широкое этническое разнообразие.

Возникли группы, недовольные социальной несправедливостью, уровнем образования лидеров, их проповедями и политической линией, проводимой различными духовными управлениями мусульман. Идеологами этих групп стали харизматичные лидеры. Как отмечает изучающий феномен молодежного экстремизма Игорь Бобров, молодежь, «формирующая подобные солидарности, склонна подчеркивать свою этничность, бытовые обычай, не принимает конформизм стар-

шего поколения и земляков <...> это усугубляет ее социальную тревожность и нередко ведет к дисфункциональной коммуникации с окружающими и агрессивности. <...> Поэтому данная молодежь становится потребителем антирусских предрассудков и антироссийской пропаганды исламистов и эмиссаров северокавказских сепаратистов». Из той среды вербуются участники боевых действий в «горячих точках». Иные «борцы» становятся на путь грабежа и взятия заложников для получения выкупа, оправдывая подобные преступления религиозными мотивами. Религиозные практики подобных людей имели конспиративный характер – как у их предков в советские времена, а привлечение новых членов шло индивидуально, вербочными методами. Различие в том, что с начала 1990-х годов в стране уже существовала иная законодательная база для реализации свободы вероисповедания. Это не устроило так сказать «борцов за идею». Председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин сказал про таких людей: «Они не подпадают под смысл этого слова. Ведь шахид – мученик за священную веру. Он выступает, когда нет свободы веры, когда есть угроза уничтожения его священной религии, когда он не имеет права распространять свою веру, пропагандировать, воспитывать детей в духе своей религии. Издавать религиозную литературу, строить мечети, создавать мусульманские учебные заведения. Все это есть – наше государство сегодня дает религиозную свободу».

Экстремистские устремления части молодежи оказывают моральное и политическое давление и на старшее поколение исламского сообщества – зачастую неудовлетворенных

социальным статусом. Какие-то из радикально настроенных мусульман (в том числе неофицы из русских) выезжают в Чечню, Узбекистан, Таджикистан, пробираются в Афганистан для участия в качестве шахидов и наемников в боевых действиях против «кяфиров». Среди таких «кяфиров» были и сибиряки-офицеры, Герои России чеченец Руслан Бацаев и татарин Тимур Мухутдинов, а также удостоенный ордена Мужества узбек Панжи Жураев. Такими гордятся, а именем посмертно удостоенного звания Героя России Руслана Абдуллина его земляки даже назвали мечеть в селе Нариманово. В регионе, по мнению ряда экспертов, выделяется по числу «ушедших в леса» умма ХМАО-Югры. Представляет опасность отмеченная правоохранительными органами практика сращивания радикально настроенных верующих, лидеров диаспор и криминальных кругов, стремящихся пройти во власть на муниципальном и государственном уровнях, используя возросший интерес к исламу. Так, на территории Новосибирской области лидеры диаспор и этнических организованных криминальных групп создали общественные объединения, целью которых являлась якобы защита интересов диаспор в органах власти, но на практике занимавшихся коррумпированием чиновников и сотрудников правоохранительных органов для прикрытия криминальных дел. А включение членов диаспор в объединения по исламскому признаку позволило лидерам обеспечить необходимую степень управления массами. Наряду с этим в Новосибирской, Тюменской, Томской областях и Алтайском крае осуждены скинхеды и неонацисты, избивавшие и убивавшие людей, руководствуясь

антропологическими отличиями, лишь предполагая, что они расправляются с неарийцами и нерусскими.

При несходных внешне позициях сепаратисты «по-сибирски» или «по-исламски» однаково опасны как трансграничный источник национальной безопасности России. Их понимание «неправильной региональной политики» приводит к росту дестабилизирующих антикавказских настроений в Москве, антимосковских – на Кавказе и в Сибири, исламистских – повсеместно. «И если страна начинает распадаться, это происходит сразу на всех направлениях, а не только на кавказском», – отмечает эксперт Ольга Алленова.

– Во время Всероссийской переписи населения многие в Сибири указывали национальность «сибиряк». <...> В дискуссиях сибирские «сепаратисты» предлагают два варианта: создать Сибирскую республику в составе федерации и перестать платить налоги Москве (за исключением 5 процентов, направленных на содержание армии) или со всем отсоединиться». Интернет иногда дает примеры причудливого смешения исторических обид. Например: «Атаман Ермак – бандит, а хан Кучум – святой», – хотя эти фигуры сложны и равновелики для истории. Хватает в Сети и открытого политианства, но сибиряки в подавляющем большинстве не разделяют сепаратистских или исламистских взглядов и убеждений, ощущая опасность провозглашенных радикалами идей разрушения сложившихся столетиями связей между людьми, тенденциально понимаемых догм. Вынесенное в эпиграф признание средневекового улема об «особом масхабе» должно быть очевидно и для тех, которые пытаются убедить сибиряков в их «неправильном исламе».

Е.А. Федоров:

«Если Россия освободится от внешнего управления, то она автоматически станет державой номер один»

Интервью депутата Государственной Думы, члена фракции «Единая Россия» и члена думского комитета по бюджету и налогам **Евгения Алексеевича Федорова** первому заместителю главного редактора альманаха «Развитие и экономика» Дмитрию Андрееву

— Евгений Алексеевич, прошло два года с тех пор, как в декабре 2011-го пошли все эти уличные «болотные» страсти — протестные настроения. Но они схлопнулись уже через полгода — так же быстро и неожиданно, как и начались. Вместе с тем режиссеры этой массовки не просто остаются в стране, но продолжают занимать в ней видные посты. Более того, произошла легитимация одного из кумиров протестной общественности через московские выборы. Вместе с тем улица остается спокойной. Что это — затишье перед бурей? Возможны ли новые всполохи массовых протестных движений и чем они могут быть вызваны?

— Протесты не могут прекратиться, потому что они финансируются Соединенными Штатами Америки. На них выделяется огромный бюджет. Поэтому протесты продолжатся ровно столько, сколько они будут зака-зываться Вашингтоном. Америка для подготовки оранжевой революции в России продолжает готовить аген-

тов влияния и содействовать их встраиванию в институты власти и в СМИ. А я напомню, что в СМИ у нас подчас даже не простые агенты работают, а — как говорил Путин в отношении гендиректора НТВ Кулистикова — агенты ЦРУ.

— Да, Евгений Алексеевич, я помню это примечательное высказывание тогда премьера Путина осенью 2011-го, когда он уже был выдвинут «Единой Россией» в президенты. Но, правда, Путин произнес это несколько иносказательно. Вспомнив, что Кулистиков работал на радио «Свобода», Путин заметил, что когда он служил в КГБ СССР, радио «Свобода» воспринималось им и его коллегами как пропагандистское подразделение ЦРУ. Конечно, подобный пассаж симптоматичен, и Путин вспомнил реалии эпохи холодной войны явно не просто так. Говоря о прошлом, он скорее всего намекал на настоящее. И кстати, было это как раз месяца за полтора до начавшихся в декабре 2011-го массовых протестных выступлений...

– Ну, ведь все же предельно прозрачно. Главный смысл тех протестов именно в том и заключался, чтобы любой ценой не допустить возвращения Путина в Кремль. Путин же, говоря о Кулистикове, просто публично давал понять, что знает, кто есть кто. И Путина услышали – не только сторонники, но и противники, которые спустя некоторое время и спровоцировали «болотное» движение... Да, вот такое у нас управление страной. Самое настоящее колониальное управление, если во главе крупнейшего телеканала находится агент мощнейшей в мире разведывательной структуры, принадлежащей стране, которая остается нашим геополитическим конкурентом. Ведь агенты ЦРУ – это не просто сборщики информации, а профессионалы из профессионалов в агентурной работе. И естественно, пока подобного рода агенты будут находиться на ключевых постах в сфере управления общественным мнением, нашу страну следует считать оккупированной. Эти агенты в СМИ и во власти будут и впредь провоцировать внутриполитическую дестабилизацию. И таких агентов становится все больше. Они уже совершенно открыто являются грантополучателями различных западных как бы неправительственных фондов, озабоченных состоянием демократии в России. И эти грантополучатели просто отрабатывают перечисляемые им деньги. Грантополучатель Навальный, например, этого даже и не скрывает.

– То есть можно сказать, что свидетельством нового качества нынешнего протестного движения как раз является то, что его лидеры не скрывают своего зарубежного финансирования?

– Я бы сказал так: новое качество того, что сегодня у нас на-

зываются протестным движением, заключается в появлении целого класса предателей. Впервые за двадцать с небольшим лет российской истории сложился определенный сегмент избирателей, который начал голосовать за ликвидацию страны.

– Вы полагаете, что, например, на выборах мэра Москвы в сентябре 2013-го мотивация проголосовавших за Навального была

именно такой? Что эти люди руководствовались вовсе не наивной надеждой на нового лидера общественного мнения, способного-де покончить с коррупцией?

– О том, что Навальный и другие лидеры Болотной – грантополучатели, не в курсе только те, которые сознательно не хотят это слышать и знать. Но таких меньшинство. Большинство же симпатизи-

У нас всегда было много предателей. И если вспомнить один только минувший век, то и в гражданскую войну были предатели, и тем более в Великую Отечественную – и, само собой, на оккупированной территории, и даже на неоккупированной. Может быть, наша специфика как раз в том и заключается, что у нас традиционно таких с избытком.

рующих Болотной прекрасно отдают себе отчет в том, кем на самом деле являются их кумиры. И потому они вполне осознанно голосуют за людей, официально работающих на другие государства. То есть

эти люди сделали для себя свой политический выбор и проголосовали за американскую агентуру не по наивному неведению. Такое неведение еще могло быть в конце 80-х – начале 90-х, но не сейчас. И

это – очень важный симптом текущего момента. Еще раз повторю, впервые за всю постсоветскую историю в нашей стране появилась довольно значительная группа людей, выступающих за внешнее управление, а значит – за ликвидацию России как суверенного государства. Причем за ликвидацию отнюдь не мягкую, а по вполне ливийскому – если не худшему, в конце концов, у нас совсем иной масштаб – сценарию. Выходит, что для этих людей ненависть к собственной стране сильнее даже элементарного чувства самосохранения. Да, у нас всегда было много предателей. И если вспомнить один только минувший век, то и в гражданскую войну были предатели, и тем более в Великую Отечественную – и, само собой, на оккупированной территории, и даже на неоккупированной. Может быть, наша специфика как раз в том и заключается, что у нас традиционно таких с избытком. Но, повторю, качественное отличие сегодняшней ситуации в том, что предатели оформились в политическую силу и абсолютно убеждены в своей правоте. Такого раньше никогда не было. Но вместе с тем, как это ни парадоксально, эти люди в определенном смысле правы. Они правы в том, что современная Россия – это государство, построенное по лекалам органически чуждой нам англосаксонской политической культуры. И продолжая существовать по запрограммированным этой политической культурой принципам государственного устройства, Россия просто исчезнет, прекратит свое существование. 10 процентов избирателей – если говорить об их списочном составе – проголосовали в Москве за Навального. И это очень много. Значит, класс предателей у нас сегодня такой представитель-

ный. Причем его составляют наиболее образованные. И если общество начинает заниматься подобным самодержеством, то, выходит, оно не хочет или не может быть жизнеспособным. Такая неутешительная картина – как раз во многом результат внедрения в нашем государстве англосаксонской модели управления. Напрашивается очевидный вывод: либо Россия будет уничтожена как государство русского народа, либо она освободится от навязанной ей модели политического устройства. Третьего варианта нет. Как, например, в той же Польше: жить по англосаксонской модели, постепенно при этом исчезая как нация. И лет 100 или 200 продлится это тихое исчезновение некогда великого восточноевропейского государства. Но у России так не получится. Да и времени-то особого на раздумья не осталось. Спасать страну всеми возможными способами надо прямо сейчас. И среди первоочередных мер – в том числе и принятие новой суверенной не на словах, а на деле Конституции. И необходимо, чтобы в этой Конституции был заложен эффективный защитный механизм против многократно повторявшейся в нашей истории практики предательства властью своего народа. А то ведь мы не извлекаем никаких уроков из прошлого. И в Смуту бояре впустили в Кремль интервентов, и в 91-м высшее руководство Советского Союза фактически сдало страну. И сейчас власть безучастно взирает на то, как набирает силу класс предателей.

– Евгений Алексеевич, вот Вы сказали, что нужна новая Конституция. А старая-то, которой сейчас исполняется 20 лет, чем плоха? Вроде бы, в ней четко и недвусмысленно говорится о национальном суверенитете...

– Да где там это говорится? Давайте не будем наивными.

Возьмем советскую Конституцию. В ней была шестая статья, утверждавшая господствующее положение в нашем государстве КПСС. То есть в ней говорилось: КПСС у нас определяет все. Вот как это звучало, если перевести с законодательного языка на язык обыкновенный. А все остальные статьи советской Конституции были техническими, которые попросту описывали, как это господствующее положение КПСС должно реализовываться. В марте 90-го шестую статью отменили – и меньше чем через два года государства не стало. В действующей же российской Конституции, которой в декабре исполняется 20 лет, подобный статей целых шесть, а не одна – как в советской Конституции. Точнее, пять статей и преамбула. И в этих шести местах Конституции содержатся апелляции – правда, в разных формулировках – к так называемым общепризнанным нормам. То есть если в советской Конституции соответствующая идеологическая установка присутствовала один раз, в Конституции России таких идеологических скреп в шесть раз больше. И совершенно понятно, чьи интересы обеспечивают подобные «общепризнанные нормы» и зачем они введены в текст Конституции. Просто Соединенным Штатам надо было вот так откровенно, прямым текстом в принятом 20 лет назад Основном законе нашей страны сказать, что их «общепризнанные нормы» имеют приоритет перед нашими законодательными решениями. Что именно эти «общепризнанные нормы» являются последней инстанцией принятия того или иного решения.

– Вы не могли бы напомнить, по каким поводам сделаны эти шесть обращений к «общепризнанным нормам»?

– Пожалуйста. Первое упоминание мы находим уже в преамбуле Конституции. Там говорится о необходимости руководствоваться «общепризнанными принципами равноправия и самоопределения народов». Дальше – пожалуй, наиболее вопиющий пример вассального характера нашей Конституции: утверждение в статье 15-й о том, что «общепризнанные принципы и нормы международного права» – это «составная часть» правовой системы России. По статье 17-й, как оказывается, права и свободы у нас гарантируются не только по Конституции, но и опять-таки «согласно общепризнанным принципам и нормам международного права». Очень лукавая формулировка содержится в статье 55-й. Там утверждается, что перечень основных прав и свобод, приводимый в Конституции, не может «толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод». 63-я статья говорит о том, что наша страна представляет политическое убежище «в соответствии с общепризнанными нормами международного права». Наконец, вопиющая несуразица приведена в статье 69-й – дескать, Россия права своих «коренных малочисленных народов» гарантирует сообразно все тем же «общепризнанным принципам и нормам международного права». То есть, выходит, статуса граждан России этим самым «коренным малочисленным народам» недостаточно, чтобы гарантировать свои права?

– Признаюсь, что потрясен тем, что Вы сейчас сказали. Я никогда не читал Конституцию, что называется, под микроскопом, как это делаете Вы, и поэтому просто не знал о существовании в ней таких очевидных проколов, если говорить о том, что этот документ должен быть эталоном объяснения того, что

10 процентов избирателей – если говорить об их списочном составе – проголосовали в Москве за Навального. И это очень много. Значит, класс предателей у нас сегодня такой представительный. Причем его составляют наиболее образованные. И если общество начинает заниматься подобным самоедством, то, выходит, оно не хочет или не может быть жизнеспособным. Такая неутешительная картина – как раз во многом результат внедрения в нашем государстве англосаксонской модели управления.

такое национальный суверенитет.

– Дмитрий, не только Вы об этом не знали. К сожалению, подавляющее большинство наших граждан остаются в абсолютном неведении относительно всех этих конституционных двусмысленностей. Другими словами в Конституции черным по белому прямо говорится: надо делать так-то и так-то, потому что этого требуют Соединенные Штаты Америки, которые стоят за этой туманной и расплывчатой формулировкой – «общепризнанные нормы». Иными словами источник власти в

России сегодня – Соединенные Штаты Америки как победитель Советского Союза в холодной войне. И на Украине тоже США – источник власти. Да и вообще повсеместно на постсоветском пространстве. Более жесткие конституционные привязки к США есть только у Грузии. А мы на втором месте. То есть Америка фактически формирует власть в России. На этом фоне все разговоры о суверените не более чем декорация. Народ выбирает театральную труппу под названием «Государственная Дума», «Совет Федерации», другие, так сказать, «ор-

ганы власти». У всех них есть некоторые полномочия, дозволенные Соединенными Штатами через нашу Конституцию. Скажем, Дума принимает законы. Причем вносимые в нее законопроекты не должны противоречить американскому – то есть «общепризнанному» – законодательству. Правовое управление Думы должно это отслеживать. Получается, что США полностью спроектировали модель нашей колониальной, вассальной власти. Вот она и работает на них – как и привыкли англосаксы делать в течение всей своей истории. Они первый день что ли живут за счет колоний? Англосаксонское просперити всегда основывалось на колониальной эксплуатации. В число эксплуатируемых попала и Россия. Вот что принципиальным образом отличает сегодняшний день от ситуации, которая была 100 лет назад.

— Евгений Алексеевич, я все-таки хочу снова вернуться к своему первому вопросу. Когда два года назад начались массовые протестные выступления, казалось, что в стране назревает новый 91-й год — в смысле торжества антигосударственных сил. Но потом, после инаугурации Путина, все как-то быстро сошло на нет. Почему это случилось? Заказчики той бузы по какой-то причине решили свернуть массовку? Что это за причина, по Вашему мнению? Действительно, как-то странно получается. Ведь все шло по нарастающей. Стояния на Болотной и на Сахарова, потом — уже после президентских выборов — 6 мая, регулярные попытки вывести народ на всякие «контрольные прогулки», завлечь его разными «оккупациями-абаями», своего рода российским Тахриром. И потом, как по команде, тишина.

— Просто сработало русское чудо. Путин победил на выборах, несмотря на тотальную промывку мозгов, устроенную нашими ведущими СМИ, утверждавшими, что Путин — это и есть исчадие ада. Была развернута масштабная кампания по его дискредитации. И с точки зрения устроивших ее политтехнологов и их американских спонсоров, за Путина после всей той грязи, которую на него вылили с начала декабря 2011-го до начала марта 2012-го, не должны были проголосовать. И кстати, если бы выборы были где-нибудь на Западе, то точно не проголосовали бы, это понятно. А тут — 64 процента. Для всех тех, которые работали против Путина, это был настоящий шок. То есть случилось в прямом смысле этого слова чудо — на уровне своей глубинной психологии русский народ не захотел поддаться оболованию оккупационной американской пропагандой. Мы не поверили этой мощной машине для промывания моз-

гов. Во всем мире верят — а у нас не поверили. Хотя эта самая машина не первый год катается по России. Наступило как бы мгновенное прозрение — люди вдруг осознали, что против них работает враждебная им пропаганда, пропаганда оккупанта. Это одно объяснение русского чуда. Есть и другое объяснение: нашим врагам не удалось разрушить русскую семью. 20 лет они разрушали государство, бизнес, экономику, а до семьи все никак руки не доходили. Хотя, конечно, и против семьи работали — Голливудом и прочей продукцией, предназначенной для общества потребления. Но на этом фронте они, похоже, действовали по остаточному принципу. И семья — как островок здравого смысла в океане лжи и клеветы в адрес любых государственных сил и начинаний — показала свою способность к сопротивлению. Так что массовая поддержка Путина — это поддержка во многом именно со стороны русских семей. Потому-то сейчас и развернулась самая настоящая травля семьи и семейных ценностей. Нам навязывают ювенальную юстицию и разные формы нетрадиционных семей. Последнее, конечно, нашим обществом отторгается, а вот ювенальная юстиция во всю приживается. То есть, возвращаясь к Вашему вопросу, наверное, надо сказать так: враги России решили взять паузу — для перегруппировки сил, для разработки нового «плана игры», воспользовавшись этим образом Бжезинского. Но ни в коей мере не отказались от намерения продолжить борьбу с Россией и ее президентом. Прокуратура свидетельствует о трех миллиардах долларов, выделенных на соответствующую «политработу» в нашей стране. И это только официальный безнал, а наличка-то и подавно

еще больше. А еще они через систему МВФ запустили процесс резкого падения уровня жизни в России. Вот мы сейчас с Вами разговариваем, а посмотрите, какие события происходят. Причем происходят, как правило, на абсолютно пустом месте. Возьмем хотя бы всю эту историю с Мастер-банком. С какой это стати его дернули — и тем самым подвесили в неопределенности миллион человек, которые с ним связаны? Давайте посмотрим: собственный капитал банка — 9 миллиардов, 49 миллиардов привлеченных средств и 2 миллиарда долгов. Да я как экономист говорю: это — прекрасная экономическая ситуация! Но мы оказываемся единственной страной в мире, которая по команде МВФ вводит нормативы Базеля III. Напомню, что Базель III, как и его предшественники, — это очень жесткие нормативы регулирования в банковской сфере. И огромное количество российских банков не соответствует таким нормативам. Значит, опять-таки поступила соответствующая команда — и Россия послушно принимает требования Базеля III, и под санкции — вслед за Мастер-банком — попадают и другие банки. В финансовой сфере начинается хаос. Что дальше — понятно. Вот один из вполне возможных сценариев на самую ближайшую перспективу.

— Не могли бы Вы, Евгений Алексеевич, все-таки попросить, на пальцах растолковать про этот самый Базель III?

— Фактически банкам запретили финансировать национальную экономику. А они к этому не были готовы, они хотят ее финансировать. Вот их и начали закрывать, отзывать лицензии. И это — снова прямое указание извне. Нам сейчас все твердят о рецессии. Но рецессия подразумевает, что ей предшествовал

Необходимо, чтобы в Конституции был заложен эффективный защитный механизм против многократно повторявшейся в нашей истории практики предательства властью своего народа.

рост. Вместе с тем о каком росте можно говорить, если запретить банкам вкладывать деньги в экономику? И это на потрясающем благоприятном экономическом фоне — деньги есть, цена на нефть великолепная, доходы бюджета прекрасные. Но просто пришел приказ МВФ: «Умереть!» И всё — банки стали умирать при посредничестве Центробанка как агента МВФ. Или давайте посмотрим бюджетные правила. Еще раз повторю: цена на нефть прекрасная, доходы бюджета устойчивые. Но поступила команда МВФ: изъять 20 процентов бюджета страны за счет социальных статей и перебросить через биржу в бюджет Соединенных Штатов Америки. Да это просто выплата дани колонией. Соответственно сократили расходы на госсектор, зарплаты, пенсии, образование, медицину, ЖКХ и все остальное. Естественно, это приведет к снижению жизненного уровня. Если рэкетиры изымают деньги из наших карманов и отправляют их в Америку, то, естественно, мы

станем беднее, наш жизненный уровень упадет. Это же очевидно. Уже даже Дерипаска жаловался на наш Центробанк, который полностью запретил промышленность в России. Всё, дальше уже некуда. Повторю, все эти действия — результат прямых указаний извне.

— Какие еще события последнего времени, по Вашему мнению, также спровоцированы извне нашими оппонентами?

— Да хотя бы, так сказать, «реформа» Академии наук. Просто американцам понадобилось пополнить ряды своих ученых. А где их взять? Очень просто — закрыть науку в России, и ученые перебудут в Америку. Кстати, многие из них тут же приглашения получили. Я Вам сейчас привел лишь несколько примеров, но на самом деле их сотни. Американцы, пользуясь своим правом внешнего управления Россией, проводят курс на стагнацию и вообще уничтожение нашей экономической жизни. Естественно, это приведет к падению жизненного уровня, а падение

жизненного уровня вызовет протесты. А прибавьте к этому еще и соответствующую национальную политику, когда американцы преднамеренно загоняют в Россию чуждые ей народы под вывеской трудовой миграции. Такого никогда не было за всю нашу историю, чтобы просто брали людей, которые даже не всегда понимают, чего от них хотят, сажали бы их в самолеты и поезда и просто гнали сотнями тысяч в Россию. Понятно, что под предлогом работы. Через среду гастарбайтеров стремительно накачивается исламское сообщество. Оно становится непропорционально большим, каким никогда в нашей стране не было. Причем это ведь не российские мусульмане — представители одной из традиционных конфессий, которые столетиями проживали в нашей стране и стали ее органической составной частью. К нам ведь свозят ваххабитских мусульман, которых у нас никогда не было. Естественно, их сюда загоняют для поддержки протестных настроений. И само их присутствие провоцирует такие настроения, и если протест станет в той или иной степени силовым, вооруженным, то эти мигранты тут же окажутся в рядах вооруженных группировок, которые распространятся по всей стране. В эти группировки тут же направят руководителей из-за рубежа. То есть для нас готовится сирийский сценарий в чистом виде, террористический поход против нашего государства. И все названные линии сходятся в 2014 году — ожидаемые экономические осложнения, рост социальной напряженности, массированное вторжение мигрантов в наши внутриполитические дела. Похоже, что на самом деле американцы готовят нам в 2014 году бархатную революцию...

— Судя по Вашему описанию — вовсе не бархатную.

— Да, конечно, совсем даже не бархатную, а самую настоящую — кровавую, выдержанную в духе сирийских событий, но несопоставимую с ними из-за масштаба России. И помогают американцам в этом их агенты во власти, оккупационная Конституция России и предатели из числа русского народа, которых, как показали недавние московские выборы, порядка 10 процентов. Причем эти последние совершенно сознательно помогают — настолько сильна у них ненависть к собственному народу и собственному государству. Хотя многие из них тем самым действуют против себя, так как они просто погибнут в той кровавой бане, которую готовят в нашей стране и всячески приближают, поддерживая Навального и других подобных ему предателей на выборах. Поэтому еще раз повторю: 2014 год — решающий. В этот год возможны два противоположных сценария. Либо американцам удастся придать процессам, которые ведут к подобной кровавой бане, необратимый характер, а может, даже и спровоцировать начало самой такой бани. Либо Путину и поддерживающим его силам удастся удержать в своих руках основные рычаги управления, не допустить дестабилизации ситуации и начать планомерное восстановление суверенитета России, в том числе и путем принятия новой Конституции. Вот этот сценарий я и называю национально-освободительной борьбой против внешнего управления, оккупантов и собственных предателей.

— Понятно, Евгений Алексеевич. Вот мы и заговорили о 2014 году. Сейчас главная тема — это Олимпиада в Сочи. Вокруг предстоящей Олимпиады сегодня очень много всяких раз-

говоров. И что там еще ничего не готово, и мы сядем в лужу. И что рядом с местом проведения Олимпиады находится наш Северный Кавказ — зона перманентной политической нестабильности. В СМИ появились разные «утечки» о якобы имеющих место планах власти после Олимпиады перекроить административную карту этого региона, причем даже не национальных образований, а вполне русского Ставрополья. Понятно, Олимпиада — это всегда большая политика. Но все-таки, как правило, большая внешняя политика. А у нас это событие становится серьезным внутриполитическим фактором. Я не задаю Вам прямой вопрос: так это или не так, правомерны ли все эти слухи или неправомерны? Кто ж его знает. Но все те флюиды, которые концентрируются вокруг Олимпиады, уж очень аккуратно укладываются в нарисованный Вами сценарий. Поэтому я бы так сформулировал свой вопрос: какое место в Ваших прогнозах на ближайшую перспективу отводится сочинской Олимпиаде?

— По удивительному — правда, для непрофессионалов — стечению обстоятельств начало Олимпиады — 7 февраля — совпадает с датой объявления Соединенными Штатами собственного технического дефолта. Именно в этот день Америке надо будет принять принципиальное решение по поводу того, что делать с недостающими несколькими триллионами долларов. Американцам нужно примерно пять триллионов. Взять их неоткуда. Некоторое время назад они нашли триллион сто на три-четыре месяца. Где взять еще триллион, они понимают. Кстати, в том числе и из России за счет бюджетного правила. Ну, в других странах порядка восьмидесяти миллиардов они еще наскребут. Но это уже потолок. Пять

триллионов им уж точно никто не даст — ни Китай, ни Россия. Таких свободных средств просто ни у кого нет. США загнали себя в тупик, обеспечивая собственное благополучие сбором дани с колоний. Американцы — не забывайте — потребляют половину мирового продукта при населении, составляющем 4,5 процента населения планеты. И колонии просто уже не могут в прежних объемах платить эту дань. Вот и придется Вашингтону 7 февраля решать, что делать. Возможны два сценария. Сценарий первый — это создание Америкой новой модели однополярного мира для качественного увеличения сбора дани с колоний. Но такой путь неизбежно ведет к войне, ведь по добре воле никто не станет увеличивать размер выплачивающей им дани. Да и традиционно применяемые Соединенными Штатами для выжимания дани политические, пропагандистские и манипуляционные механизмы уже не дадут прежнего эффекта. А вот совсем другое дело, если запустить мировой вооруженный конфликт, в ситуации которого доллар неизбежно подтверждает свой статус мировой валюты. С долларом тогда никто уже спорить не станет — речь будет идти об элементарном выживании значительной части мира. И в результате США получают все дивиденды от этого конфликта. Но для этого им потребуется в прямом смысле слова взорвать весь остальной мир. И если говорить о России, то здесь подобная дестабилизация будет означать полное своееволие отрядов террористов на улицах Москву, которые станут всем подряд резать головы — как это они сейчас делают в Сирии. Это один сценарий — благоприятный для США. А другой — неблагоприятный, когда Америке

придется отступить, и это будет означать крах однополярного мира. А вместе с этим однополярным миром — и самих Соединенных Штатов. Если американцы не находят эти пять триллионов, то они не удержат и свою Америку. Пойдут бунты в самих штатах, начнется сепаратизм. Ну, то есть понятно, какой выбор предстоит сделать Америке в то самое время, когда в Сочи начнется Олимпиада. Понимает ли наше руководство всю значимость подобного совпадения? Конечно, понимает. Вот, например, и с Турцией заключили договор о сотрудничестве по предотвращению террористических действий на Олимпийских играх. Вообще Вы слышали, чтобы хотя бы одни Олимпийские игры сопровождало такое количество договоров по борьбе с терроризмом? Чтобы Олимпийские игры настолько ассоциировались с действиями по предотвращению терактов?

— Сразу вспоминается Мюнхен 72-го года. Да, пожалуй, и все.

— Согласен с возникшей ассоциацией, но не по сути. Случившееся в Мюнхене как раз и стало возможным именно потому, что организаторы не смогли обеспечить должный уровень безопасности спортсменов. Так вот, никогда еще за всю более чем столетнюю историю Олимпиад при их подготовке не было заключено такого числа договоров о предотвращении террористических угроз во время проведения игр, как сейчас — накануне Сочи. Помимо Турции, мы заключили аналогичные соглашения с целым рядом стран. А посмотрите, как армию готовят к разного рода экстраординарным ситуациям, как часто в последнее время проводятся военные учения. Все это как раз свидетельствует о стратегическом мышлении Путина, о понима-

нии им того, что события, о которых я только что говорил, обязательно наступят. А поэтому к ним надо заранее подготовиться. И в таком стратегическом предвидении — наша очевидная сила.

— Евгений Алексеевич, Вы — член «Единой России», то есть официальной партии власти. В нашей стране за два с небольшим десятилетия ее постсоветского существования сложилась определенная стилистика поведения людей, причастных к власти. Все они, образно выражаясь, застегнуты на все пуговицы и стараются публично не высказываться на острые темы. И буквально по пальцам можно перечислить тех, которые говорят то, что думают. Это Миронов в бытность его главой Совета Федерации — сейчас-то, понятно, как лидер одной из думских фракций он не просто может, а должен так поступать. Это также Кудрин — опять-таки имею в виду то время, когда он был в правительстве.

— Обратите внимание, когда Кудрин ушел из правительства, он сказал примерно следующее: там я работал по правилам команды, а правила команды заключались в том, что я не имел права говорить то, что думаю. Он так прямо и сказал. Поэтому Ваш пример с Кудриным — неудачный.

— Вы знаете, даже несмотря на то, что Кудрин в правительстве, как Вы передали его слова, «работал по правилам команды», он все равно много позволял себе. Например, всегда имел собственное мнение по поводу проводимой финансовой политики, и это мнение очень часто расходилось с официальным — кремлевским — мнением. Ну, да ладно с Кудриным. Еще можно назвать в этом ряду Чубайса. Сейчас про него вообще ничего не слышно. Но я прекрасно помню, как еще в начале «нулевых», во время первого путинского срока, он открыто говорил, что в лицо

Ельцину заявил о своем несогласии с назначением Путина преемником, — и при этом оставалася фактически встроенным в путинскую властную систему — возглавлял энергетическую империю «ЕЭС России». Так вот, Евгений Алексеевич, Вы — член «Единой России»...

— Даже учредитель ее.

— Тем более! Почему же Вы — учредитель и один из наиболее заметных деятелей партии власти — позволяете себе говорить то, что — по разным причинам — не решаются сказать Ваши товарищи по партии? Ведь никто из них никогда публично не касается всей этой — простите, употреблю затасканное, но меткое слово — конспирологии. Жириновский — касается, коммунисты — касаются, но они не из партии власти. Как следует понимать такую нетипичную для «Единой России» свободу Ваших экспертных оценок и прогнозов? Вы выполняете некое задание партии? Или же все гораздо проще: партийная дисциплина настолько слаба, что Вам никто не может запретить так ярко выделяться на общем фоне? Почему Ваши товарищи по партии, которые, вроде бы, должны также публично, горячо и открыто выступать в СМИ и указывать на угрозы нашей национальной безопасности и нашему суверенитету, как это делаете Вы, предпочитают отмалчиваться?

— Вы несколько раз употребили слово «партия». Так вот, то, о чем я говорю, с партией никак не связано. Это не вопрос партии. Я уже сказал Вам, что вообще вся политическая конструкция страны такова, что партия — это театр, не имеющий никакого отношения к реальным процессам, происходящим в жизни. Надо разыграть спектакль, устроить зрелище. В этой оккупационной англосаксонской системе зрелища просто необходимы. В свое время англосаксы придумали всю эту

декоративную псевдополитику, когда 100 богатых людей – за одну партию, 100 других богатых людей – за другую партию, а вместе с тем закулиса, те, которые обладают действительной властью и всё решают, попросту нанимают парламентариев, которые произносят друг другу грозные речи. А зрители смотрят и говорят: «Этот, вроде, убедительно выступал, я за него. А этот, вроде, неубедительно, я против него». Это – чистой воды театральное представление, не имеющее к жизни никакого отношения. Вертикаль власти не проходит через партии, точно так же она не проходит и через парламент. И поэтому когда я говорю о классе предателей, об агентах влияния и вообще об угрозах нашей безопасности, я выступаю не как член «Единой России», а как политик, более 20 лет изучающий политическую систему страны. И со всей определенностью я заявляю, что «Единая Россия» – как и КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» – театральная партия, к тому же еще находящаяся под контролем США через механизмы финансирования и кадровой политики. Всё очень просто. В начале 90-х пришел начальник из Америки, создал российское государство по своим чертежам, в том числе и всю эту партийную палитру, которую он точно так же контролирует, как и всю остальную систему. Поэтому у нас в стране двоевластие. Одна власть – оккупационная, внешне управляемая, держащаяся на агентах влияния и разного рода предателях. Другая власть – национальная, существующая, несмотря на оккупационный режим. Правда, и она расколота. Какая-то ее часть – за суверенитет, другая часть – за сохранение статус-кво, то есть за сохранение оккупационного режима, потому что люди уже

Случилось в прямом смысле этого слова чудо – на уровне своей глубинной психологии русский народ не захотел поддаться оболованию оккупационной американской пропагандой. Мы не поверили этой мощной машине для промывания мозгов. Во всем мире верят – а у нас не поверили.

обустроили в нем свои ниши, продвинулись благодаря этому оккупационному режиму в министры и в большие начальники. Почему же они, хотя и считающие себя национально ориентированными, должны предавать Соединенные Штаты, которым обязаны всем? Америка их прикрывает, разрешает заниматься коррупцией, зарабатывать больше 52 тысяч рублей в месяц – это официальный заработок ministra. Поэтому совершенно понятно, как и почему эта вертикаль лояльности внешнему управлению остается прочной и неуязвимой. У ангlosаксов богатый и дол-

гий, насчитывающий несколько столетий опыт управления колониями. Они научились доить подвластные себе народы мягко, без эксцессов. Но и абсолютизировать их всесилие не стоит. Они не способны полностью нейтрализовать национально-освободительное движение, в которое входят сегодня уже значительные сегменты нашей расколотой власти начиная с самого первого лица. Такова специфика России с ее огромной территорией, национальным составом и исторической памятью, что у нас в деле национального освобождения роль власти – исключительно

Американцам понадобилось пополнить ряды своих ученых. А где их взять? Очень просто – закрыть науку в России, и ученые переедут в Америку.

важная. И поэтому если власть не поддержит национально-освободительную борьбу, то эта борьба не увенчается успехом.

– А то, что Путин остается эффективным, несмотря на то, что окружен агентами, это тоже русское чудо?

– Нет, это не чудо, это просто такая у нас специфическая многослойная система управления.

– А Путин-то откуда взялся?

– Это тоже результат естественного процесса. Никто не хочет иметь над собой начальника. Власть в нашей стране всегда стремилась к тому, чтобы никто ей не управлял извне, со стороны. Так было всегда – и при монголах, и в Смуту, и еще много раз потом. Вот и Путин, оказавшись первым лицом, стал постепенно выходить из-под влияния тех, которые привели его в Кремль.

– Ну, а какое событие можно считать переломным – после которого Путин уже освободился от внешнего влияния? Уход из Кремля Волошина из-за ареста Ходорковского в 2003-м? Или какое-то другое событие?

– Да он еще не освободился – это долгий процесс, который продолжается. Дело продвигается медленно, шаг за шагом. Помните, когда Путин в 1999-м с поста директора ФСБ переходил на пост главы правительства, он бросил свою знаменитую фразу: «Первый этап операции внедрения в банду завершен. Приступаю ко второму этапу – к ликвидации банды». То есть он прекрасно понимал, что занимает должность, полностью контролируемую извне. И его задача заключалась в том, чтобы использовать немалый

властный ресурс этой должности, а также и следующей должности – он ведь сразу был представлен Ельциным как премьер-преемник – для постепенной, поэтапной минимизации внешнего управления. Так что Путин совершенно сознательно шел в это вражеское гнездо, чтобы со временем власть в России перестала быть оккупационной и превратилась в национальную. И приступая к выполнению столь непростой задачи, он прямо сказал коллегам-чекистам о своих намерениях. Вообще Путин всегда прямо и открыто говорит то, что думает. Другое дело, что наша медийная машина, которая по-прежнему контролируется Западом, постоянно искажает его слова.

– Ну, понятно, в прозападных СМИ президента шельмуют предельно жестко. И с новой силой это началось как раз с конца сентября 2011-го, когда стало ясно, что на выборы пойдет

именно он, а не Медведев.

— А у нас вообще нет непрозападных СМИ, не поверите? Все средства массовой информации в России — разве что кроме каких-то совершенно маргинальных и невлиятельных — прозападные. Все подчиняются американцам.

— **Вы ведь, Евгений Алексеевич, тоже находитесь под постоянным прицелом этих СМИ. Ну и как, есть еще силы продолжать сопротивляться им?**

— Понимаете, существует оккупационная система: сама власть, управляемая извне, агенты влияния, грантополучатели, предатели разных уровней, пропагандистская машина, которая всех их выставляет в лучшем свете. Существуют и сегменты национально ориентированных властей. И этот раскол проходит повсеместно, по всей стране, сверху донизу. И я просто выбрал свою позицию. Я — за Россию, за проводимый Путинским национальный курс. И поэтому я нахожусь во взаимодействии с теми во власти, которые занимают такую же позицию. Мне противостоят Соединенные Штаты Америки, агенты, грантополучатели, предатели, каратели, полиция — весь набор. И часть бургомистров, потому что бургомистры тоже разные. Какие-то бургомистры — на стороне Гитлера, какие-то — на стороне партизан, если прибегать к совсем уж прямым аналогиям. И те, которые на стороне партизан, вынуждены действовать предельно аккуратно, чтобы не провалиться и не оказаться замешанными новыми — абсолютно лояльными Западу — бургомистрами. Вот по этому раскладу и проходит линия фронта национально-освободительной борьбы.

— **Ну, все-таки у Вас есть такой серьезный ресурс, как депутатский мандат, который, помимо всего прочего, еще и в какой-то**

мере защищает от той борьбы, которая ведется против Вас лично.

— Она ведется не против меня, а за сохранение России колонией.

— **Понятно, но я говорю о том, что Ваш депутатский статус предоставляет колоссальные возможности для трансляции тех идей, с которыми Вы выступаете. Но я все хочу выяснить Ваше мнение вот по какому вопросу. Вы предельно откровенно говорите о том, что представляет собой власть в России. И до сих пор Вас такой возможности не лишили. Почему? Мешает Ваш депутатский статус? Или Ваши связи не дают отлучить Вас от микрофона? Или к Вам просто привыкли, и Ваши оппоненты считают, что уж лучше пускай Вы будете им противостоять, нежели кто-то другой — новый и незнакомый?**

— Скажите мне, пожалуйста, почему во время войны мы не сдали Ленинград? Потому что вокруг Ленинграда сложилась такая расстановка сил, что мы смогли удержать его. Пускай город был в блокаде, но все-таки его не сдали. Так тогда пролегла линия фронта, что ни немцы, ни мы долго ничего не могли изменить. Вот Вы сейчас фактически спрашиваете меня о том же самом. Между силами, обеспечивающими оккупацию России, и силами национально-освободительного движения линия фронта пролегла именно так. Я — на стороне национально-освободительного движения. Могут меня вышибить? Конечно, могут при определенной концентрации сил и средств. Но в таком случае надо будет просто говорить не о том, что Федорова убрали, а о том, что линия фронта изменилась не в нашу пользу. Это гораздо важнее. Но еще более важно то, что нам реально удалось сделать. Мы смогли формализовать нашу борьбу, перевести ее в

практическую плоскость. Мы уже не где-то на кухне судачим о внешнем управлении. Мы предельно конкретно обсуждаем: кто — враг, кто — друг, кто — национальные силы, кто — оккупанты. Это очень важно. И на базе такого обсуждения у нас уже появилось 200 штабов в 200 городах России. А это значит, что наша борьба перешла в более публичную, открытую, откровенную fazu. И мы понимаем, что способствовало таким ощущим пе-ременам в нашей борьбе. Во-первых, ослаб наш враг: кризисы не прошли для Америки бесследно. Во-вторых, возросло самосознание русского народа, который больше не хочет быть рабом из колонии. Да, собственно, народ и никогда этого не желал. Другое дело, что раньше недовольство своим положением зрело у него подспудно, да и враждебная пропаганда вовсю старалась задавить, заглушить подобные мысли и чувства. А сейчас все эти настроения вышли на поверхность. В результате появились условия для уже организованной национально-освободительной борьбы, к которой мы сейчас и переходим. Естественно, это борьба не вооруженная, а мирная. Но она требует массового участия. Главное сейчас — это массовая мобилизация народа на национально-освободительную борьбу для подготовки к референдуму, на котором нам предстоит принять новую Конституцию. Потому что колониальный статус страны также утверждали на референдуме 20 лет назад, когда проголосовали за ельцинскую Конституцию. Понятно, что эту Конституцию привезли нам американцы в обозе победившей оккупационной армии. Но чтобы придать Конституции легитимность, они вынесли ее на референдум, и большинство наших людей послушно поставили галочку:

Американцы преднамеренно загоняют в Россию чуждые ей народы под вывеской трудовой миграции. Такого никогда не было за всю нашу историю, чтобы просто брали людей, которые даже не всегда понимают, чего от них хотят, сажали бы их в самолеты и поезда и просто гнали сотнями тысяч в Россию. Понятно, что под предлогом работы. Через среду гастарбайтеров стремительно накачивается исламское сообщество.

«Согласен жить в колонии и быть рабом». Следовательно, обратный ход тоже должен быть сделан через механизм референдума. Если мы сейчас начнем бороться с оккупацией в узком составе – Путин, я, еще кто-то, – то это будут антиконституционные действия. Так как народ принял решение на референдуме в 1993-м об обретении страной колониального статуса, то только народ и может дезавуировать это свое прошлое решение на новом конституционном референдуме. И вот тогда

такое общенародное решение даст мандат Путину и остальным деятелям национально-освободительной борьбы начать уже по-настоящему сбрасывать с себя оковы оккупации. А иначе сторонники суверенитета России пойдут как бы против воли народа, продемонстрированной 20 лет назад. Люди сами тогда решили, что хотят быть рабами и жить в колонии. Они сами же и должны принять обратное решение. И технология подобного решения – референдум. Да, американцы устроили на пути к

новому референдуму завалы. Не дали принять Закон о Конституционном собрании, эксплуатируют на пределе свою пропагандистскую машину. Но в том-то и смысл национально-освободительной борьбы, чтобы люди в массе своей внутренне дозрели до ощущения, что больше не могут жить в колонии. Если большинство этого не поймут, значит, мы еще не готовы быть свободными.

– Евгений Алексеевич, еще один вопрос, касающийся Думы. Наблюдатели отметили кардинальную смену имиджа главы парламента. Имидж Грызлова был странноватый. Чего стоила одна только его ставшая крылатой фраза: «Парламент – не место для дискуссий». Нарышкин же – руководитель совершенно иного типа. Его никто не видит, нигде он не мелькает, однако же впечатле-

ние такое, что всеми думскими делами управляет именно он. Если говорит, то только по делу. Мобильный, энергичный, деловой. Словом, имидж главы Думы качественным образом поменялся. Может ли это повлечь за собой усиление позиции этого института, который как раз мог бы быть чрезвычайно полезным для мобилизации народа в силу своего выраженного общественного, небюрократического, выборного характера?

— Согласен с Вами. Обратите внимание, Путин в режиме ручного управления проводит важные для национально-освободительного движения решения через Государственную Думу как институт. Да, Дума является составной частью оккупационной власти системы, она принимает законы в интересах США. Но в то же время — через механизм путинского ручного управления — проводит важнейший Закон об иностранных агентах. Ведь до принятия этого закона общество просто не знало, что Россией параллельно управляют иностранцы. Точнее, знал, конечно, догадывалось, чувствовало. А наш закон продемонстрировал это на официальном уровне, на сухом языке юридической практики, который невозможно опровергнуть. Благодаря этому закону, Генеральная прокуратура пришла в эти организации, отыскала в них нигде не учтенные три миллиарда долларов и выяснила, что, оказывается, данные структуры готовят законы, которые мы потом принимаем в Госдуме. То есть Закон об иностранных агентах — это прежде всего и главным образом информационный закон. Он вскрыл реальный механизм управления страной, хотя при этом, конечно, ничего не поменял в этой системе. Но как подготовительный шаг к предстоящему национально-

му освобождению он просто необходим. Пожалуйста, иностранным агентом можно быть. И управлять такой агент может совершенно легально, по закону. Мы же — оккупированная территория. А он — представитель гауляйтера. Но раньше люди не знали, кто он такой, а сейчас всё вскрылось — и тоже чинно, спокойно и совершенно легально, всё по закону. Некоторые другие законы Путин также вручную провел через Госдуму. А это значит, что Думу как институт планируется перетянуть на сторону национально-освободительного движения, несмотря на то, что партии финансируются по американскому распоряжению и что американцы контролируют в них всю кадровую политику. Тем более нам ведь все равно без Думы не обойтись: придется принимать Закон о Конституционном собрании, готовить принятие на референдуме новой Конституции. И согласен с Вами полностью, что новый — в смысле занимающий должность с начала настоящей легислатуры Думы — руководитель парламента, как и некоторые другие новые назначенцы во власти, — это тот кадровый резерв, с которым Путин начнет свое наступление.

— Вы провели любопытную аналогию, сказав, что у нас есть бургомистры, которые на стороне врага, и бургомистры, которые на стороне партизан...

— Так это и есть самая настоящая система колониального управления. Я полагаю, что после Олимпиады развитие событий заметно ускорится. Но тут очень важно будет удержаться на плаву с точки зрения сохранения нашей международной легитимности. Потому что если такой легитимности не станет, мы окажемся в изоляции, которая есть не что иное, как форма борьбы с национально-освое-

бодительным движением. И тогда Америка может нас просто задушить, сделав повседневные материально-бытовые проблемы невыносимыми. Например, устроит голод, причем запросто. Запретит под тем или иным предлогом продовольственные поставки в нашу страну, как Вашингтон это делает под предлогом санкций. Поэтому для Путина так важны предстоящие Олимпийские игры — как существенный фактор легитимации мирового статуса России, причем легитимации инструментальной, призванной содействовать восстановлению нашего суверенитета. Это тонкая игра, которую ведет наш президент. Начать действовать раньше времени — значит проиграть и просто потерять страну.

— А что представляет собой Ваше национально-освободительное движение? Вот Вы сказали о 200 штабах. Как ведется работа на местах?

— Движение двигается. Тем более что России не впервые заниматься собственным освобождением, как-никак шестой раз уже за свою историю.

— Давайте вспомним предыдущие пять.

— Первый раз — монгольское иго, второй — Смута начала XVII века, третий — Наполеон, четвертый — 1918-й, когда по Брестскому миру на значительной территории России утвердились немецкие оккупационные власти. Наконец, пятый раз — временная оккупация части нашей страны во время Великой Отечественной. Вот основные этапы национально-освободительной борьбы в истории России. То есть для нас это не первый случай, мы имеем опыт борьбы с оккупантами и опыт его сбрасывания. Как прежде, так и сейчас — не Москва, а глубинка защищает Россию. Само пространство россий-

ской территории, которое дает людей, борющихся за восстановление суверенитета страны. И сегодня Куликово поле, разъезд Дубосеково — это референдум по новой Конституции. Чтобы он состоялся, нужно нейтрализовать пропагандистскую машину оккупантов. Чтобы люди пошли высказать свое мнение, придется выдержать мощную информационную контратаку противника. А это возможно лишь в том случае, если на улицу выйдут миллионы ради поддержки идеи национального освобождения. И как в предыдущие пять раз, переломит ситуацию в нашу пользу освободительный поход этих миллионов на Москву. Не надо ничего придумывать — просто повторяем то, что уже было в нашей истории. Разумеется, с корректировкой на специфику современной эпохи. Вот что на практике означает опора на исторический опыт русского народа в национально-освободительной борьбе.

— Вы так подробно говорите о подготовке конституционного референдума. А уже есть какие-то проекты самого нового Основного закона? Вы проводите какие-либо консультации? Вообще на какой стадии сейчас находится проблема?

— На базе Координационного совета политических сил по укреплению суверенитета РФ мы готовим новую Конституцию.

— Евгений Алексеевич, но ведь Путин ничего не говорил об изменении Конституции...

— Путин уже говорил об этом. И Плигин как глава думского комитета по конституционному законодательству и государственному строительству этим уже занимается. К тому же президент фактически начал менять закрепленную в действующей Конституции систему власти, готовя масштабную реформы судебной системы. Разве это не шаг к

изменению Конституции? Раз можно менять судебную ветвь власти, значит можно менять и остальные ветви власти. То есть уже идет процесс системной трансформации Конституции. И наше движение принимает в этом самое активное участие. Мы готовим и собственный проект текста Основного закона, и так называемые поправки первого порядка, призванные убрать из текста отсылки к прямому американскому управлению Россией. Ну, об этом мы уже говорили в самом начале нашей беседы. Мы не предлагаем ничего дописывать в Конституцию, мы предлагаем хотя бы просто изъять из Конституции ссылки на такое прямое внешнее управление. Так что работа в этом направлении ведется и, естественно, с подачи президента. Собственно говоря, он и пришел на третий срок, чтобы сделать то, что не смог или не успел сделать раньше. Да, ему многое удалось. На рубеже 90-х и «нулевых» Путин остановил распад страны, серьезно поколебал оккупационный режим на протяжении первого и второго президентских сроков и по праву стал подлинным лидером нации. Но решающая схватка за суверенитет России еще впереди. Мы имеем дело с серьезным врагом, который реально контролирует ситуацию в России. Поэтому Путин не может просто выйти на балкон и сказать: «Все, отменяю колониальный статус России». Так нельзя, надо подготовиться. Надо обеспечить массовую поддержку президенту, чтобы проводимая им политика по укреплению суверенитета не выглядела антиконституционным действием. Национально-освободительная борьба длится не недели, а годы.

— В рамках этой логики, Евгений Алексеевич, как понять период 2008–2012. Это что — лучшее из худшего?

— Просто американцы запретили Путину идти на третий срок. Они были сильнее — и доказали это на практике, дав команду системе управления страной, и эта система поставила Путина перед выбором: либо он назовет сам кого-то в качестве своего преемника, либо помимо него преемником объявит Касьянова. И Путин назвал Медведева.

— И последний вопрос, Евгений Алексеевич, который мы традиционно задаем интервьюируемым. Наш альманах называется «Развитие и экономика». На Ваш взгляд, что такое развитие вообще? В чем заключаются приоритеты развития России, освобождающейся из-под гнета внешнего управления?

— При всех своих неисчислимых ресурсах Россия сегодня — это колония Запада. Проиграв холодную войну, мы стали колонией. Поэтому что может означать для нашей экономики восстановление суверенитета? Восстановление суверенитета может означать только одно — мгновенное, в кратчайшие сроки восстановление экономического потенциала, который превысит суммарный потенциал нескольких стран Запада.

— Даже после всего того, что пережила наша экономика за последние 20 с лишним лет?

— Да какая разница, потенциал-то ее — объективный! Ресурсы у нас объективно есть. Значит, проблема с технологиями. А здесь главное — освободиться от колониального правления, работать не на оккупантов, а на самих себя. Внешнее управление не дает нам развиваться. Путин уже 10 лет говорит об инновационной экономике, а ничего не меняется. Почему? Да все по той же самой причине — не дают, мешают, препятствуют. Если убрать эти внешние факторы, то производительность труда подскочит сразу, как мини-

мум, в 3-4 раза. Вы представляете – в 3-4 раза! Эти данные не с потолка взяты, это – базальный экономический анализ. Просто даже за счет имеющихся незначительных по своему объему инновационных технологий. Далее – право на национальные инвестиции. Почему наш Центробанк 20 процентов организует, а в Европе обсуждается вопрос о минусовых ставках? У них есть на это право, потому что они имеют больший суверенитет, чем Россия, и могут жить для себя. А мы вынуждены собирать дань и отправлять ее в Америку. Восстановление суверенитета России приведет к запуску у нас инвестиционных механизмов, аналогичных тем, которые имеются в передовых в экономическом отношении странах. Следующая проблема – статус финансовой системы страны. Мы имеем право выпускать рубль только в привязке к доллару. А почему он не может быть золотым, привя-

Похоже, что на самом деле американцы готовят нам в 2014 году самую настоящую кровавую революцию, выдержанную в духе сирийских событий, но несопоставимую с ними из-за масштаба России.

занным к национальной экономике, как в Штатах, в Евросоюзе, в Китае и Японии? После такого решения тут же автоматически удваивается национальный продукт. Могу привести грубую, но меткую аналогию. Как только фирма перестает платить рэкетиру, она тут же становится богаче. И это просто по факту – без инноваций и дополнительных инвестиций. А если еще эти механизмы подключить, Вы представляете, какой рост будет? Заметьте, я не сказал ничего нового, ничего такого, что не работало бы в других странах и не работало раньше у нас.

– То есть все наши фундаментальные проблемы развития снимаются очень просто – надо убрать препоны, связывающие, мешающие, вредящие...

– Просто ликвидировать колониальный гнет. Если Россия освободится от внешнего управления, то она автоматически станет державой номер один.

– Евгений Алексеевич, спасибо за интересную беседу. Хочется пожелать Вам не сбывать интенсивности той колossalной пропагандистской работы, которую Вы ведете. Не успокаивайтесь и не разочаровывайтесь, если результаты пока оставляют желать лучшего. Очень хочется, чтобы Ваш пример заставлял бы Ваших коллег по Думе и других лиц, встроенных во власть, хотя бы, как минимум, призадумываться о собственной миссии в наше проклятое время и не забывать, что особенно спросится с того, кому что-то было дадено.

Евгений Всеволодович Балацкий –

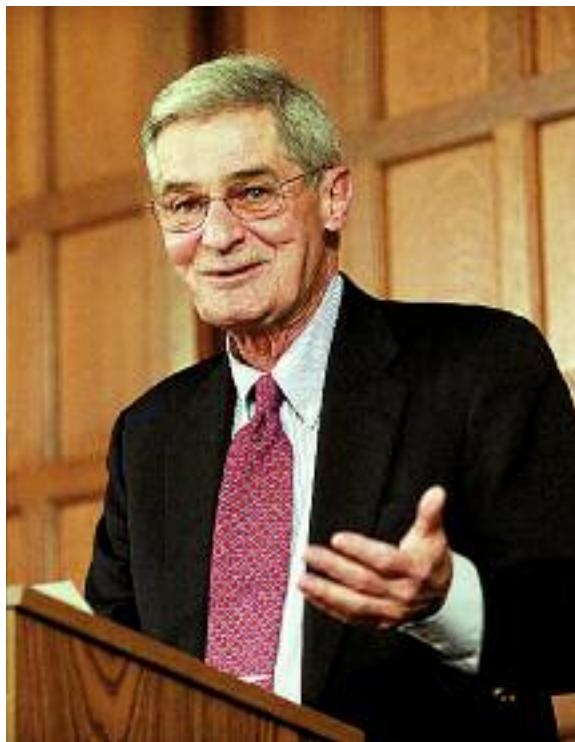
доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой Государственного университета управления, главный научный сотрудник Центрального экономико-математического института Российской академии наук

Технологии и институты: замыкание контура взаимосвязей

Cовременная экономическая теория уже давно вышла на новые рубежи. Это проявляется прежде всего в том, что она становится все более глобальной в смысле своего предмета – она объясняет не локальные эффекты, а масштабные эволюционные процессы, протекающие на протяжении многих тысячелетий. Тем самым экономическая теория замахнулась на понимание социальной эволюции, закономерности которой имеют свои особенности. К данному моменту уже фактически достигнут консенсус в отношении того, что главными силами социальной эволюции выступают технологии (прежде всего – производственные технологии) и институты (прежде всего – экономические институты). Этот факт служит своеобразной точкой отсчета для дальнейших когнитивных построений. Чтобы проникнуть глубже в механизмы эволюции, необходимо разобраться во взаимодействии технологий и институтов. Несмотря на кажущуюся простоту данной задачи, в ходе ее решения возникает множество проблем и неясностей.

Генеральная линия развития социума

Главный вопрос, который должен получить адекватный ответ, состоит в выяснении того, что первично – технологии или институты. На первый взгляд, институты являются вторичным феноменом, ибо они, регламентируя права и обязанности субъектов, имеют смысл лишь тогда, когда уже есть какие-то блага и имеются технологии их производства. Однако некоторые авторитетные экономисты подвергают сомнению этот тезис. Так, например, Роберт Лукас придерживается мнения, что институты возникают раньше технологических изменений и появления экономического избытка. По его мнению, излишек в обществе охотников и собирателей возникает не благодаря изменениям в физических методах производства, а скорее благодаря изменениям в правах собственности. Так, общество охотников, которому удалось установить и затем поддерживать частную собственность на охотничьи угодья, может создать «излишек дичи» без изменений в технологии охоты. Таким образом, приватизация охотов

ничих угодий или прав на собирательство предшествовала или, по крайней мере, развивалась параллельно сельскому хозяйству. В противном случае возникает сакраментальный вопрос: кто станет одомашнивать животное, если у любого есть право убить и съесть его?

На наш взгляд, проблема тут несколько тоньше: технологии предоставляют потенциальную возможность создания излишка, после чего возникает институциональная дилемма по поводу того, как и за кем закрепить права на подобный излишек. Тем самым технологические знания все-таки предшествуют институциональным знаниям. В результате же решения институциональной дилеммы возникает тот или иной эффект в смысле скорости распространения технологий, что оказывает непосредственное влияние на все стороны социального бытия.

Серьезным развитием этого тезиса служит нетривиальное утверждение Дугласа Норта, которое можно считать одним из главных открытий в данной проблематике. Суть тезиса Норта состоит в том, что мир развивается путем перекладывания рисков из физического мира в мир социальный. Накапливаемые человечеством знания ведут к появлению новых технологий и росту власти над физическим миром, снижая тем самым неопределенность физической среды. Однако такие сдвиги ведут к формированию новых институтов и усложнению социальной среды, что становится источником совершенно новой социальной неопределенности.

На протяжении многих десятилетий мы можем наблюдать разнообразные проявления этой глобальной тенденции. Сегодняшний человек уже не подвергается опасности быть разорванным саблезубым тиг-

ром, замерзнуть от холода при внезапном наступлении мороза. Он не превозмогает тяготы льющегося на голову дождя или сыплющегося снега. Даже внезапные стихийные бедствия редко грозят ему неминуемой смертью. Не нужно современному человеку мучиться в многомесячных путешествиях в дальние страны, и он не рискует погибнуть от голода из-за банального неурожая. Минимизирована опасность летального исхода даже в случае обнаружения самой экзотической болезни. Все эти физические риски побеждены. Однако на их место пришли новые опасности. Например, можно быть сбитым

Роберт Лукas (на фото) полагает, что институты возникают раньше технологических изменений и появления экономического избытка. Излишек в обществе охотников и собирателей вызван не изменениями в физических методах производства, а скорее изменениями в правах собственности.

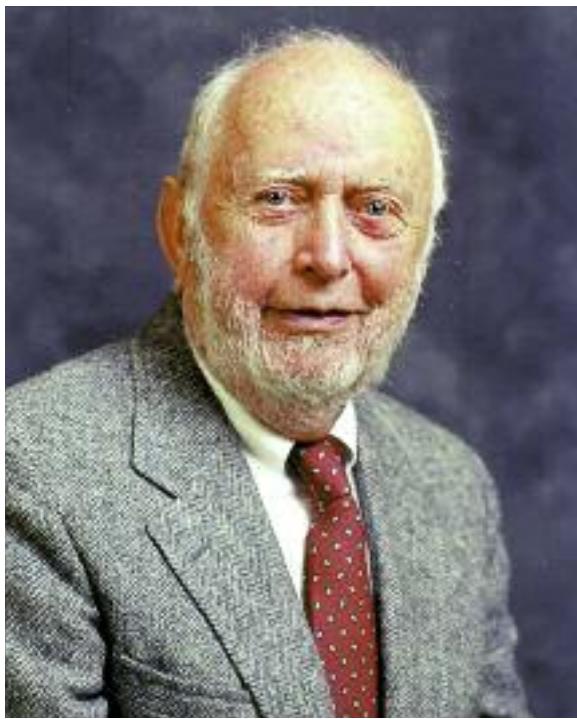
машиной с пьяным водителем, даже стоя на автобусной остановке. Можно погибнуть в авиакатастрофе из-за досадной ошибки пилота. Есть шанс получить шальная пулю в случае бандитской перестрелки, и нет гарантий, что тебя не погубит очередной разочаровавшийся в жизни маньяк. Все эти опасности порождены новым типом рисков — социальными рисками, связанными с несовершенством крайне усложнившейся социальной системы.

Открытие отмеченной генеральной линии развития социума имеет непреходящее значение, ибо позволяет понять фундаментальные закономерности функционирования человеческого сообщества. В частности, тезис Норта недвусмысленно свидетельствует о том, что изменения физической среды предшествуют социальным изменениям, а технологические знания перерождаются в знания

институциональные. В этом смысле социальные технологии всегда отстают от производственных технологий, что собственно и порождает социальные риски.

Картина эволюции по Норту подводит к вполне закономерному вопросу: а как долго могут риски перекладываться из физического мира в мир социальный? И не грозит ли такое развитие событий взрывом постоянно усложняющегося социального мира?

Надо сказать, что на эти вопросы вполне вразумительные ответы дает сам Норт: борьба с неопределенностью, связанной с физическим окружением, дополняется борьбой с неопределенностью, вызванной возрастанием сложности людского окружения. Результатом нового вида борьбы является внедрение все более эффективных институтов. Речь идет о том, что по мере накапливания избыточных социальных рисков в экономи-

Дуглас Норт (на фото) считает, что мир развивается путем перекладывания рисков из физической сферы в социальную. Накапливаемые человечеством знания вызывают появление новых технологий и рост власти над физическим миром, снижая тем самым неопределенность физической среды. Однако такие сдвиги ведут к формированию новых институтов и усложнению социальной среды, что становится источником совершенно новой социальной неопределенности.

ческой системе происходит «встряска» институтов с их последующим переупорядочиванием. Однако на этом вопросы не заканчиваются. Дело в том, что поиск и внедрение более эффективных институтов – это сверхсложный и до конца не понятный процесс. Никто не гарантирует, что требуемый новый институт возникнет вовремя или что новый институт будет таким, как надо. А что если этого не произойдет? А что если запаздывание прихода новых институтов будет огромным по времени? Куда денутся накопленные в системе избыточные социальные риски? Во что могут трансформироваться эти риски?

Частичный ответ на этот вопрос дает теория демократии Данило Дзоло, согласно кото-

рой политика представляет собой селективное регулирование социальных рисков. При этом политический процесс имеет противоречивый характер и представляет собой тонкую балансировку полярных ценностей – личной безопасности и свободы, защиты политического режима и поддержания социального разнообразия, эффективности управления и соблюдения прав человека и т.п. В современном понимании слова демократия состоит как раз в обеспечении разумного равновесия между указанными полярными ценностями. По мнению Дзоло, сохранению демократических институтов мешают эволюционные (внутренние) и общемировые

системы для обеспечения личной безопасности граждан в дальнейшем будут вынуждены понижать сложность социальной системы за счет отказа от демократических принципов. Тем самым усложняющийся мир приводит к девальвации и самого понятия демократии, и конкретных демократических институтов. Следовательно, невозможность своевременного отыскания и внедрения эффективных демократических институтов чревата приходом к власти тоталитарных политических режимов.

Однако и этого еще недостаточно для ответа на поставленные ранее вопросы. А что если сложность социальной системы возрастет настолько, что даже самые жесткие тоталитарные режимы будут не в состоянии удерживать накопленные риски в некоем равновесии? Напрашивается очевидный ответ: социальная система скорее всего «взорвется» путем масштабных революций и войн. Данный тип социальной стабилизации мы имели возможность наблюдать на протяжении всей истории человечества. Специфика же современности состоит в том, что социальный мир стал глобальным, а потому любой социальный взрыв может стать фатальным.

Есть ли еще какие-либо альтернативы у современного мира?

(внешние) риски. Первые связаны с ростом сложности социальной системы, вторые – с шоками мирового масштаба (например, демографическим прессингом, ростом неравенства между странами, массовой миграцией населения, широким распространением всех видов оружия, терроризмом, экологическими катастрофами и т.п.). Квинтэссенцией концепции Дзоло является утверждение, согласно которому на определенном этапе развития защитные функции политической системы сопряжены с чрезмерно высокими издержками по сравнению с преимуществами, которые они должны принести. Высокие издержки порождаются возрастающей сложностью социальной системы. Отсюда вытекает вывод, что политиче-

Рост социальной и физической нестабильности и волатильности

Рост социальных рисков проявляется двояко – в форме нестабильности и в виде повышенной волатильности. Первое связано с увеличением частоты различных социальных катализмов, второе – с ростом перепадов в параметрах социального развития. Последние три десятилетия ста-

ли поистине рекордными в этом смысле. Например, в 1990-х годах разрушился Советский Союз, а с ним и мировая система социализма – как военная, так и экономическая. В 1990 г. Ирак вторгся в Кувейт, после чего началась война в Персидском заливе. В 2003 г. началась новая война в Ираке. В 1999 г. началась бомбардировка Югославии. 2010–2013 гг. ознаменовались приходом «арабской весны», в результате которой были свергнуты правительства Египта, Туниса, Ливии, Йемена. В 2013 г. затяжная война в Сирии переросла в сложный международный процесс урегулирования путем химического разоружения страны. В том же году начались волнения и беспорядки в Турции. Таким образом, плотность социальных катаклизмов невероятно возросла.

Перепады в социальных параметрах также достигли астрономических величин. Для примера приведем Египет, который нес многомиллиардные потери из-за оттока туристов по причине политической нестабильности. Так, если в 2012 г. Египет посетили около 2,5 миллиона россиян, а в июле 2013 г. численность российских туристов увеличилась еще на 24 процента, то к сентябрю 2013 г. их число уменьшилось на 70 процентов, а к середине сентября их вообще практически не осталось. Такая амплитуда колебаний доходов способна разрушить любую экономику. Подобных примеров можно привести множество.

Обращает на себя внимание параллельный рост всевозможных природных катаклизмов. Приведем лишь несколько характерных примеров. Прежде всего это аномальная летняя жара в Москве в 2010 г. По своему размаху, уровню аномалий, продолжительности и последствиям данная

жара не имела аналогов за более чем вековую историю наблюдений погоды. Среднемесячная температура июля приблизилась к норме июля для Египта, Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов. Всего в течение лета максимальная температура воздуха в течение 44 дней превышала +30 градусов, из них 33 дня подряд, а 16 дней максимальная температура превышала +35 градусов. В среднем такое значение достигается один раз в 10–15 лет. Лето-2010 для Москвы стало самым жарким за всю историю наблюдений с 1879 г. В 2013 г. произошло беспрецедентное наводнение в Хабаровском крае, в ходе которого были подтоплены 77 населенных пунктов. В зоне бедствия оказалось более 3 тысяч домов, более 7 тысяч приусадебных и дачных участков, 45,6 тысячи гектаров сельхозугодий, 28 участков автодорог. Из подтопленных районов спасатели вывезли 13,6 тысячи человек. В борьбе с последствиями стихии были задействованы 13,5 тысячи спасателей и военных, 2,2 тысячи единиц техники. В Комсомольске-на-Амуре вода в реке превышала 9 метров. Такого масштабного наводнения здесь раньше не было.

Нечто похожее происходит по всему миру. Например, в сентябре 2013 г. в американском штате Колорадо вследствие продолжавшихся наводнений более 500 человек пропали без вести, 5 человек погибли. За несколько дней в американском штате выпало столько осадков, сколько обычно выпадает за полгода. Президент США Барак Obama ввел в Колорадо режим чрезвычайной ситуации. В пострадавшие районы на помощь местным властям были направлены спасатели и техника. К спасательной операции подключились силы Национальной

гвардии США и дополнительные полицейские подразделения. Работы осложнялись тем, что многие дороги оказались непроходимыми из-за оползней, спровоцированных разливом воды. Во многих местах оказались поврежденными телефонные антенны, обеспечивающие сотовую связь. Тысячи людей были эвакуированы. Такой масштаб природных аномалий также стал беспрецедентным для данного района США.

Похожие примеры можно приводить сотнями. Главное в них то, что нестабильность физической среды и амплитуда возникающих в ней экспериментов стали чрезвычайно высокими и имеют тенденцию к дальнейшему нарастанию. Более того, мы почти визуально можем наблюдать когерентность роста социальной и физической волатильности и нестабильности. Фактически в последние десятилетия разрушительные процессы в социальных и природных системах синхронизировались и идут параллельно. Это не может не наводить на мысль о наличии связи между двумя видами систем. При этом можно предположить, что в генеральной линии развития цивилизации что-то расстроилось. Появление, что технологии уже не справляются со своей функцией подавления физических рисков, ибо риски со стороны природной среды откровенно нарастают. В чем же дело?

Формирование обратной связи в кибернетической системе «технологии–институты»

Возрастание роли антропогенного фактора ни для кого не секрет. Человеческая деятельность меняет физический и природный ландшафты, иногда совершенно непредсказуемо. Появление, что начала формироваться устойчивая обратная

связь в системе, когда социальные риски стали перекладываться в физическую среду. Фактически речь идет о переходе процесса в новое качество, когда «эффектом возврата» социальных рисков в природную среду уже нельзя пренебрегать. Схематично эволюционный процесс взаимодействия физической и социальной сред, технологий и институтов представлен на рисунке 1. Долгое время технологии подавляли физические риски и повышали риски социальные, которые впоследствии подавлялись институтами. Соответственно имела место генеральная закономерность: чем меньше физические риски, тем выше социальные риски (эффект замещения). Тем самым действовала отрицательная прямая связь между двумя подсистемами – физической и социальной. Сегодня, когда сложность социума достигла некоторого критического уровня, институты не спрашиваются со своей задачей, что запускает процесс непосредственного «просачивания» избыточных социальных рисков в физический мир. В этом случае формируется обратная положительная связь: чем выше социальные риски, тем больше физические риски (эффект дополнения) (рис. 1).

Наличие в системе «природа–социум» отрицательной прямой и положительной обратной связей приводит к их борьбе – какая из них возобладает. По-видимому, вплоть до начала XXI века в основном «побеждала» прямая связь, обеспечивавшая генеральную линию развития человечества. Следующие 10–13 лет прошли под знаком обратной связи, которая приводила к инверсии генеральной линии развития и чревата гибелью современной цивилизации.

Надо сказать, что усиление обратной связи в системе

«природа–социум» связано с длительным и довольно интенсивным экономическим ростом. Напомним, что мир на протяжении 10 тысяч лет истории человечества находился в состоянии малтузианской ловушки, для которой были характерны микроскопические темпы экономического роста и отсутствие роста душевого благосостояния. И лишь в последние 400 лет наблюдался рост производства, а по-настоящему активный рост – лишь в последние 200 лет. Уже сегодня многие экономисты, среди которых нобелевские лауреаты Норт и Лукас, говорят о том, что экономический рост является скорее всего аномальным явлением для человечества, а потому не исключено, что уже в самом скромном будущем его потенциал иссякнет. Однако пока именно он лежит в основе механизма «включения» и поддержания обратной связи в системе «природа–социум».

Для иллюстрации механизма перекладывания рисков из социальной среды в физическую рассмотрим несколько типовых примеров. Первый из них связан с фрекингом – новейшим методом безводного разрыва пластика при добыче газа и нефти. Сланцевая добыча углеводородов в последние годы стала очень популярной в США. Однако американские специалисты пришли к выводу, что главной причиной более сотни землетрясений в городке Янгстаун в штате Огайо стал именно фрекинг. Подземные толчки жители Янгстауна впервые ощутили в конце 2010 г., когда там начали добывать сланцевую нефть. Сотрудники Колумбийского университета нашли доказательства очевидной связи между фрекингом и проявившейся после открытия в окрестностях города первой нефтяной скважины подземной активностью. Добывать сланцевую

нефть новым способом в Янгстауне начали в декабре 2010 г. Прошли считанные дни, и город начало трясти. Хотя зафиксированные толчки слабые и не причиняют серьезных разрушений, но сейсмологов тревожит тот факт, что подземная активность происходит на Среднем Западе США, на котором линийброса, непременного спутника повышенной сейсмической активности, раньше не было. Хотя сейсмическая активность не началась на пустом месте, фрекинг стал своего рода катализатором землетрясений, расширив проходящую в этом месте небольшую линиюброса, о которой геологи не знали. Землетрясения в Огайо несильные, но ощущаются далеко за пределами штата. Сейсмологические станции фиксируют затухающие сейсмические волны даже в Пенсильвании. Есть опасения, что слабые толчки со временем могут перерасти в мощные землетрясения. Таким образом, рост мирового производства, его усложнение и конкуренция за энергоресурсы порождают такие технологии, которые в качестве побочного действия способны увеличивать физические риски.

Второй пример связан с разливом нефти в Мексиканском заливе в 2010 г. В результате многочисленных буровых работ дно Мексиканского залива покрылось разломами, и наружу вышел непрерывный поток сырой нефти и сопутствующих газов (например, метана). Для ликвидации последствий разлива нефти была выведена искусственная бактерия «Синтия», которая должна была поедать нефть. В 2011 г. она была запущена в дело и поначалу проявила себя очень хорошо, значительно уменьшив количество нефтяных пятен. Однако со временем она мутировала и стала уничтожать белковые формы

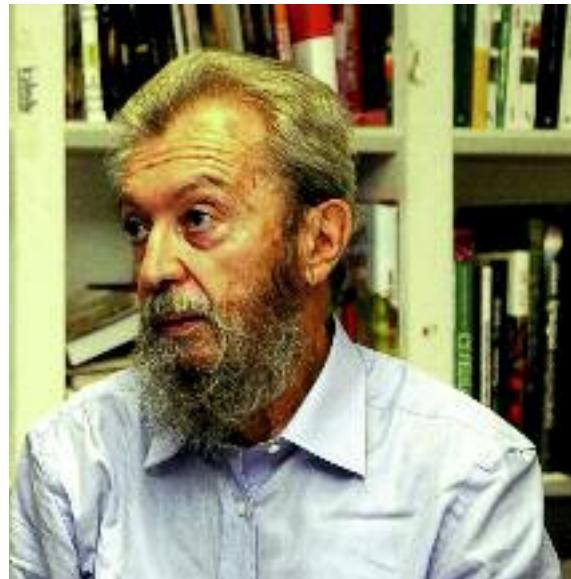
жизни. Проблемы коснулись и людей, купавшихся в водах Мексиканского залива. В результате стали появляться болезни, которые пока еще не поддаются диагностике. Опасность новой бактерии состоит еще и в том, что она не реагирует ни на какие известные антибиотики. Таким образом, пытаясь снизить одни социальные риски, люди создают технологии «двойного назначения», которые одновременно повышают другие социальные риски.

Третий пример связан с радиоактивной аварией на АЭС «Фукусима-1», произошедшей в 2011 г. в результате сильнейшего в истории Японии землетрясения и последовавшего за ним цунами. Как следствие этого события имело место массовое заражение пищевых продуктов. Например, проверка рыбы (корюшки), выловленной в озере Акаги Онума, показала наличие в ней радиоактивного цезия, превышающего допустимую концентрацию более чем в 4 раза, хотя место улова находилось на расстоянии более 200 километров от АЭС. Спустя 2 месяца после аварии в листьях чая, выращенного в провинции Гунме, зафиксировано 780 беккерелей цезия на килограмм сырья, что почти в 8 раз превышало норму. Обследование берегов рек и озер ряда гористых районов страны также показало повышенное содержание цезия, который, вероятнее всего, попал туда с дождевой водой, стекавшей с возвышенностей. Таким образом, атомная станция, долгое время стабилизировавшая повседневную жизнь Японии, породила социальные риски далеко за пределами своего расположения.

Характерно, что во всех рассмотренных случаях источником новых физических рисков стали конкретные технологии. Между тем есть множе-

ство рисков, которые продуктируются одновременно многими технологиями и производствами. К числу таких относятся изменение климата земли, таяние льдов в Гренландии и Антарктиде, нарушение течений, развитие психических заболеваний и т.п.

Для иллюстрации скорости нарастания экологических рисков воспользуемся примерами Джареда Даймонда применительно к Китаю. Так, кислотные дожди в этой стране в 1980-е гг. выпадали только в нескольких областях на юге и юго-западе. К началу XXI века

Теория демократии Данило Дзоло (на фото) дает частичный ответ на вопрос, куда денутся накопленные в системе избыточные социальные риски в условиях значительного запаздывания новых институтов. Согласно этой теории, политика есть селективное регулирование социальных рисков. При этом политический процесс имеет противоречивый характер и представляет собой тонкую балансировку полярных ценностей – личной безопасности и свободы, защиты политического режима и поддержания социального разнообразия, эффективности управления и соблюдения прав человека.

они распространились на большую часть страны. В четверти всех городов Китая из осадков, выпадающих каждый год, больше половины выпадает в виде кислотных дождей. Число «красных потоков» в китайских морях – цветущего планктона, токсины которого ядовиты для рыб и других обитателей океана, – сейчас увеличивается на 100 штук в год, тогда как еще в 1960-е гг. увеличение составляло одну единицу за 5 лет. Между 1972 и 1997 гг. река Хуанхэ пересыхала в нижнем течении 20 раз за 25 лет, а безводный период увеличился с 10 дней в 1988 г. до 230 дней в 1997 г. Увеличилась в Китае частота и интенсивность пылевых бурь. С 300 г. до н. э. до 1950 г. пылевые бури обрушивались на северо-запад Китая в среднем один раз в 31 год. С 1950 по 1990 гг. – один раз в 20

месяцев. С 1990 г. пылевые бури – ежегодное явление. Такое нарастание и уплотнение физических рисков является прямым следствием разросшегося и усложнившегося китайского производства. Из приведенных примеров хорошо видно, что возросшая социальная нестабильность вкупе с социальной волатильностью в сегодняшнем мире почти автоматически перекладываются в физическую нестабильность и волатильность.

Философские основания кибернетического цикла «технологии–институты»

Невольно хочется задать вопрос: почему так легко происходит процесс взаимного перекладывания рисков в физической и социальной средах?

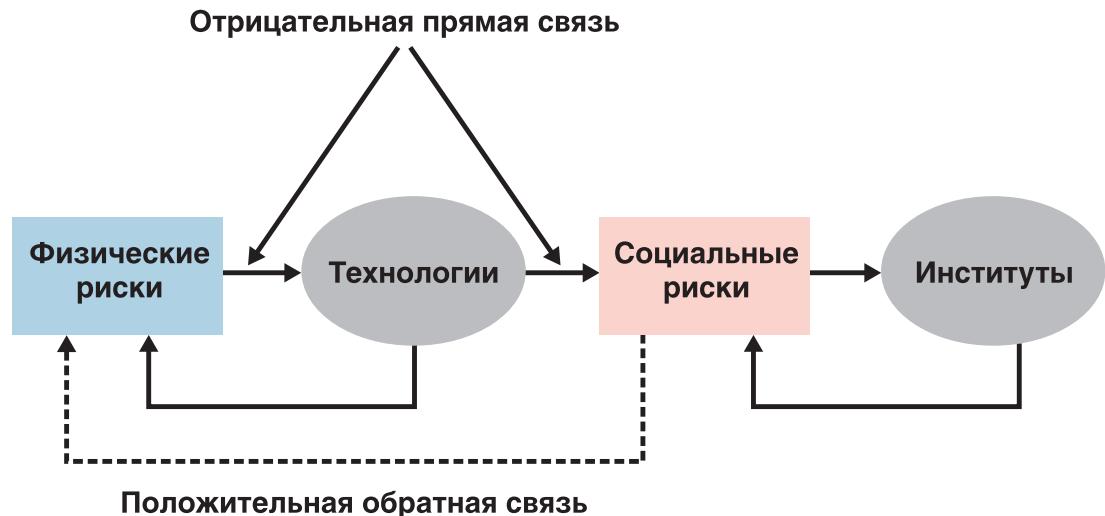

Рис. 1. Связь между физическими и социальными рисками

На наш взгляд, методологические основы понимания данного процесса были заложены еще Владимиром Вернадским в его учении о живом веществе. Суть его можно свести к тому, что число атомов, вращающихся в биосфере, постоянно. На самом деле постоянным является число атомов всей земной системы, включая живую и неживую природу. Соответственно все эти атомы постоянно образуют то живые, то неживые объекты. И те и другие выстраиваются из одного и того же материала — ограниченного набора атомов. А потому и строгое различие между живым и неживым весьма условно, ибо все атомы Земли, как правило, попеременно послужили строительным материалом для живых и неживых объектов. Следовательно, некое внутренне единство двух миров — живого и неживого — является основой для перехода физических рисков в социальные и обратно. Между естественной неживой природой (физической средой) и естественной живой природой (социальной средой) возникают своеобразные интерфейсы — промежуточные элементы в виде искусственной неживой природы (технологий) и искусственной живой природы (институтов), которые и облегчают взаимную трансформацию рисков (рис. 1).

С несколько иной позиции к данному вопросу подходят представители индийской джнана-йоги, согласно которой «весь мир должен быть живым». Речь идет о том, что признаки жизни наблюдаются во всех без исключения объектах. Различие только в интенсивности и форме проявления жизненности. Следовательно, деление мира на живой и мертвый не имеет смысла, ибо он весь живой, причем жизнь не может умереть. Современная наука не противоречит данной позиции. Так, признаки жизни обнаружены в растениях, бактериях, кристаллах, камнях, металлах и атомах. А коль скоро это так, то и перетекание рисков из «мертвой» материи в «живую» и обратно отнюдь не является чем-то противоестественным.

Похоже, что в настоящее время «живая» и «мертвая» материя оказалась в состоянии постоянной перестройки и переделывания, что лишает ее стабильности сопровождающими перепадами в значениях всех характеристик.

Интересный взгляд на связь физических и социальных явлений был развит Львом Гумилевым в его теории пассионарности. Суть его концепции сводится к следующему. Внутренняя энергия Земли перио-

дически вырывается наружу, образуя гигантские разломы на поверхности планеты. Через эти разломы геологическая энергия проникает в социум, то есть народы, проживающие вблизи означенных разломов, как бы «заряжаются» энергией Земли и обретают повышенную пассионарность (стратность). В свою очередь повышенная пассионарность этноса на ранних этапах порождает его агрессивность, воинственность, любопытство и жизнелюбие, а на поздних стадиях — жертвенность и духовность. Посредством войн, а также достижений экономики и культуры этнос постепенно рассеивает изначальный импульс геологической энергии, полученный им в результате случайного стечения физических обстоятельств, пассионарность падает и цивилизация умирает. Таким образом, в теории пассионарности Гумилева постулируется перенос физической энергии (рисков) в энергию (риски) социальную, но не предполагается ее возвращение.

Взаимный перелив физических и социальных рисков частично может быть объяснен и так называемым законом сохранения рисков, согласно которому минимизация индивидуальных рисков элементов системы повышает обще-

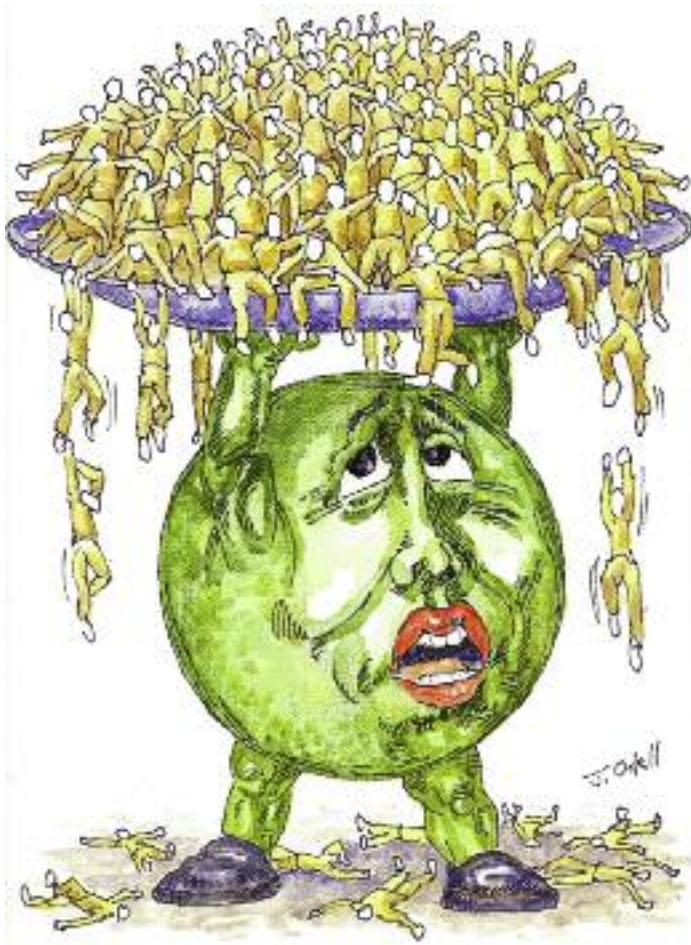
системные риски вплоть до ее, системы, саморазрушения. Иллюстрируя это эмпирическое наблюдение, Михаил Делягин приводит несколько примеров. Первый касается американского фондового рынка 2006–2008 гг., когда система деривативов на порядок понизила риски инвесторов в первоклассные корпоративные облигации по сравнению с рисками эмитентов, тем самым переведя индивидуальные риски на системный уровень. Результатом этого процесса явился ипотечный кризис 2008 г. Второй пример связан с современной системой воспитания, которая направлена на избавление детей от опасности, но при этом рождает пассивность и инфантильность целых поколений. Третий пример дает медицина, где спасение больных людей разрушает генофонд развитых стран.

Пресловутый закон сохранения рисков чем-то напоминает закон сохранения энергии. В рамках такой трактовки вырисовывается следующая логика событий. В некой системе отдельные горячие элементы остывают (риски уменьшаются) и отдают свою тепловую энергию в окружающую среду, которая за счет этого нагревается (риски возрастают). Однако понятно, что такой эффект возникает только в замкнутой и ограниченной системе. Если же система незамкнута, то энергия (и риски) может безболезненно уходить из ее элементов и не вызывать системного кризиса. Из такой трактовки вытекает, что большую часть истории человечества Земля представляла собой открытую, незамкнутую систему, в которой действовала закономерность перетекания физических рисков в риски социальные. Однако состоявшаяся глобализация экономики в этом смысле ознаменовала

«замыкание» системы, когда все элементы планеты оказались связанными воедино и безболезненно сбросить избыточные риски (энергию) просто некуда. В таких условиях физические риски (энергия) принимают форму социальных рисков (энергии) и снова возвращаются в физическую среду, то есть начинает действовать закон сохранения рисков. Происходит своего рода бесконечное перемещение локальных рисков (энергий) по ограниченной системе с возникновением опасности разрушения всей системы. Таким образом, взаимное преобразование физических и социальных рисков представляет собой форму энергетических взаимодействий. Если же учесть, что население является воплощением социальной энергии и оно росло на протяжении всей истории человечества, то становится понятным тот факт, что социальный элемент планеты стал гипертрофированным и ведет к «перегреву» физической среды. Неудивительно, что сегодня наблюдается глобальное потепление и рост средней температуры Земли.

Любопытно, что в когнитивной (информационной) сфере применительно к отдельной личности и обществу в целом действует обратный закон сохранения рисков, порождающий так называемый главный парадокс эволюции (ГПЭ). Его суть состоит в том, что некая целостность (общество) постепенно развивается и усложняется (умнеет), в то время как ее элементы, то есть части (индивидуумы), деградируют и упрощаются (глупеют). Речь идет о том, что действуют две разнонаправленные тенденции. Первая – рост технического и технологического уровня общества, а следовательно, рост интеллектуального уровня людей. Другая тенденция – интеллектуальная

деградация современного человека, которая связана со многими фактами, в частности, с потерей элементарной языковой грамотности. В основе подобного расхождения эволюционных кривых в формировании личности и общества лежит различие между общим и частным (специальным) знанием. Дело в том, что знание неоднородно: есть общие знания о мире и прежде всего об обществе, включающие знание истории, мировоззрение, жизненную философию и моральные установки человека, а есть частные знания о том, что как работает, что где находится, как с этим обращаться и т.п. Специальные знания – это знания узкой профессиональной деятельности, полезные практические навыки. Общие же знания ответственны за общекультурный уровень человека, это его способность пользоваться не только знаниями своей узкой специальности, но всеми накопленными знаниями человечества в их принципиальном виде. Соответственно главное противоречие эволюции вызвано двумя противоборствующими трендами – накоплением частных знаний и разрушением общих знаний. Стремительная специализация знаний позволяет даже примитивным личностям преуспевать в своей узкой профессиональной области, что, в конечном счете, ведет к возникновению новых технологий. Тем самым накопление частных знаний приводит к технологическому прогрессу, который делает общество сильнее, а жизнь легче и комфортнее. Недостаток же общих знаний ведет к падению способности людей адекватно реагировать на события в общественной жизни. Потеря адекватности и социальной эффективности делает человека и общество более уязвимыми. Тем самым мы видим, что системные рис-

В условиях чрезмерной тесноты все биологические виды проявляют повышенную агрессию. Тем самым чрезмерный рост населения объективно ведет к росту социальных рисков, которые рано или поздно принимают форму физических рисков.

ки (переполнение частных знаний) также могут перекладываться на отдельные элементы системы (нехватка общих знаний у людей), что не мешает индивидуальным рискам снова возвращаться в форме системных рисков.

Таким образом, по аналогии с круговоротом энергии в природе мы можем наблюдать постоянный круговорот рисков в планетарном масштабе – между живой и неживой природой, между конкретным человеком и обществом и т.п.

Какие есть альтернативы развития?

Напомним, что, по мнению Норта, режим устойчивого

экономического роста является своего рода нонсенсом, неестественным явлением. Он справедливо полагает, что как его не было раньше на протяжении 10 тысяч лет, так и не будет в дальнейшем. В любом случае эра экономического роста должна скоро закончиться. Надо сказать, что в последнее время у такого мнения находится все больше сторонников. Но почему делается такой акцент на экономическом росте?

Дело в том, что сам режим роста (почти экспоненциального) представляет собой некий неустойчивый тип развития. Нельзя бесконечно расти в ограниченной системе, когда-то этот режим должен сме-

ниться на противоположный. Между тем сегодня экономисты очень плохо понимают то, как мир будет существовать в условиях отсутствия роста. Здесь уместно привести следующую аналогию из космологии. Как известно, космологические уравнения Вселенной дают три возможных типа расширения – параболический, эллиптический и гиперболический. Первые два соответствуют пульсирующей Вселенной, тогда как третий – неограниченно расширяющемся космосу. Как это ни парадоксально, но именно третий тип развития характерен для нашей Вселенной, хотя этот вывод и нельзя считать окончательным. Это означает, что расширяющаяся экономика является своего рода макро-проекцией расширяющегося мегамира. В этом смысле можно сколько угодно фантазировать, что будет, если остановить космологическое расширение Вселенной или приостановить экономический рост, но теория никаких «хороших» готовых ответов на это не дает.

Тем не менее «восстановленный» мир, в котором блокируется обратная связь между физической и социальной средами, в самых общих чертах вполне можно охарактеризовать. На наш взгляд, нулевой экономический рост вполне способен устроить всех, если при этом будет иметь место отрицательный прирост населения. В этом случае душевое богатство станет возрастать, а антропогенная нагрузка на окружающую среду – падать. Главная проблема такого типа развития – сжатие рынка, снижение прибыльности новых проектов и, как следствие, подрыв мотивации к инновационной деятельности. Детали реализации такого хода событий представляют собой самостоятельную тему обсуждения, однако нет никаких

серьезных теоретических аргументов, что это в принципе невозможно.

Главная же практическая трудность реализации «спасительного» режима развития экономики состоит в том, что человечество пока не имеет положительного опыта эффективной депопуляции. Как правило, в людей встроено желание плодиться, иметь как можно больше детей. Любые перебои в демографической траектории до сих пор большинством людей воспринимаются как инфернальная опасность. Истоки такого мировоззрения лежат в древней истории человечества, когда в условиях примитивного вооружения жизнеспособность государства и этноса определялась численностью его армии и, следовательно, численностью населения. Современные войны уже напрямую не завязаны на численность армии, а определяются ее технологической оснащенностью. Тем не менее сложившийся стереотип продолжает доминировать, поддерживая губительную тенденцию роста социальных и физических рисков.

Перенакопление человеческой биомассы чрезвычайно опасно. Для иллюстрации этого тезиса воспользуемся характерным примером, приводимым Десмондом Моррисом. Маленькие рыбки – колюшки – строят гнездо в водорослях и защищают пространство вокруг него от других самцов того же вида. В естественных условиях каждому самцу достаточно места, в связи с чем стычки с соперниками ограничиваются взаимными угрозами и практически никогда не доходят до драки. Но если гнезда в условиях аквариума придвигнуть друг к другу слишком близко, то угрозы переходят в жесткое столкновение, в котором рыбы отрывают друг другу плавники. Из этого примера вытекает общее правило:

в условиях чрезмерной тесноты все биологические виды проявляют повышенную агрессию. Тем самым чрезмерный рост населения объективно ведет к росту социальных рисков, которые рано или поздно принимают форму физических рисков.

Возрастающая плотность населения сродни человеческому зверинцу, в котором люди начинают страдать от множества раздражающих факторов. В частности, различные проявления такой болезни, как клаустрофobia, характерны для всех жителей городов. Начиная со второй половины XX века ситуация многократно осложнилась. Это связано со следующим обстоятельством. Традиционно избыток населения ликвидировался двумя способами – посредством массовых войн и болезней. Однако создание атомного оружия стало сдерживающим фактором для масштабных войн, а развитие медицины привело к снижению смертности. В этом состоянии человечество находится уже около 70 лет, в течение которых происходил неуклонный рост населения. Тем самым два естественных способа нейтрализации избыточной человеческой биомассы оказались блокироваными, а новые способы пока себя не проявили.

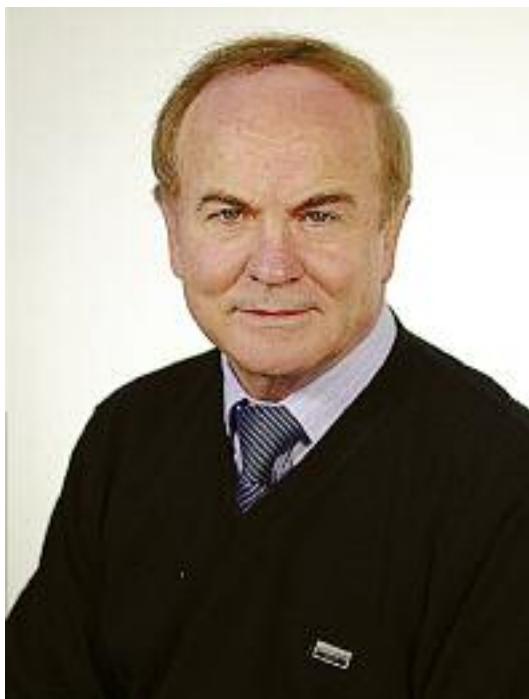
Не исключено, что усиление обратной связи в системе «технологии–институты» на рисунке 1 представляет собой компенсацию указанного многолетнего ограничения. Вместо традиционных войн и болезней человечество получает внезапные ураганы, смерчи, невиданную засуху, проливные дожди, землетрясения, цунами и прочие катаклизмы.

Разумеется, охладить экономическую довольно трудно без серьезных последствий. Как бы ни был опасен дальнейший экономический рост, но он дал человечеству слишком много, чтобы от него можно было легко отказаться. Например, обращает на себя внимание такая корреляция: на протяжении примерно 10 тысяч лет письменной истории экономический рост отсутствовал, а ожидаемая средняя продолжительность жизни людей составляла около 25 лет. Период экономического роста совпал с колossalным увеличением продолжительности жизни. Однако, похоже, сегодня потенциал экономического роста в значительной степени иссяк. Например, в США доля очень счастливых людей перестала расти с 1955 г., тогда как реальный душевой доход активно рос. Во многих европейских странах ситуация немного отличается. Тем самым увеличение материального богатства уже не ведет к улучшению жизни и росту ее качества. Следовательно, пришло время пересмотреть старую экономическую модель развития общества.

Есть ли шанс остановить рост населения?

Как ни странно, но опыт показывает, что это можно сделать даже без особого давления. Например, во многих европейских странах, достигших достаточно высокого уровня благосостояния, демографический прессинг естественным образом ослаб, и это дает основания думать об успехе. Однако это положительное явление большинством людей трактуется как слабость старой цивилизации, начало (или завершение?) ее упадка, биологическое вырождение и т.п. Все это лишний раз говорит о том, что основная проблема в построении нового общества и предотвращении глобальной катастрофы состоит прежде всего в неправильном мышлении, со-пряженном с архаичными представлениями о мире и примитивными иллюзиями.

Игорь Алексеевич Гундаров –
доктор медицинских наук, кандидат
философских наук, профессор, академик
РАЕН, руководитель Центра мониторинга
благополучия регионов Института социальной
политики Академии труда и социальных
отношений

О культуре управления государством по критерию качества жизни

Актуальность государственной цели

В 2014 год объявлен Годом культуры. С эстетических позиций слово «культура» считается синонимом слова «искусство». Но есть и более широкое понимание, где культура отождествляется с развитием общества в целом, проявляясь через накопленные и создаваемые материальные и духовные ценности.

Наиболее крупным человеческим произведением является государство. Государство – это народ, проживающий на определенной территории, обеспечивающий себя средствами существования и обладающий механизмом самоуправления. По выражению философа Александра Зиновьева, государство есть социальный организм – «человейник», – главным предназначением которого служит обеспечение своего существования как целого. Для этого требуется централизованная координация многих внутренних процессов, подобно тому как деятельность орга-

нов человеческого тела координируется головным мозгом. Одновременно в теле действует множество автономных подсистем, замкнутых функциональных циклов, но интегративную работу выполняет мозг. В государстве такую функцию реализует политический аппарат, или «государство» в узком смысле слова.

Качество управления может быть хорошим (с высокой культурой) и плохим (с низкой культурой). Критерии «хорошо» или «плохо» устанавливаются теми силами, которые формируют верховную власть в стране. В предшествующие века субъектом государственной деятельности выступал господствующий класс – рабовладельцы, феодалы, буржуазия, пролетариат – в лице номенклатуры. Согласно Конституции «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Народ осуществляет свою власть» (ст. 3, п. 1, 2). Здесь высокой культурой управления является политическая деятельность, удовлетворяющая интересы народа.

В реальной жизни, однако, сложившийся политico-экономический строй вступил в противоречие с Основным законом. Еще Дмитрий Медведев в бытность его президентом на съезде «Единой России» прямо заявил: «Граждане оправданно хотят контролировать власть; всех достала коррупция, тупость системы, мы все хотим справедливости». Еще категоричнее звучат слова президента Владимира Путина, сказанные в 2013 г.: «Зачем нужна власть, если она не хочет знать ситуацию такой, какая она есть на местах, не принимает никаких мер и не слышит людей?» Неспособность существующего политического механизма обеспечивать культуру государственного управления становится все более очевидной. Что взамен? Готового ответа нет. Сложность задачи требует подключения к ее решению научной мысли. С 90-х годов коллективом отечественных ученых (Игорь Гундаров, Вячеслав Крутко, Зоя Кутейникова, Александр Тюриков) разрабатывается модель государственного управления через обратную связь по конечному результату с использованием теории функциональных систем академика АМН СССР Петра Анохина. Для эффективного функционирования любой живой системы требуется:

- ◆ наличие четкой цели управления — опережающее отражение действительности;
- ◆ количественная характеристика ее параметров, по которым осуществляется контроль над правильностью движения;
- ◆ наличие «акцептора действия», воспринимающего результаты движения и оценивающего их относительно контуров цели;
- ◆ существование надежных каналов обратной связи для доставки положительной или отрицательной информации к управляющим органам;

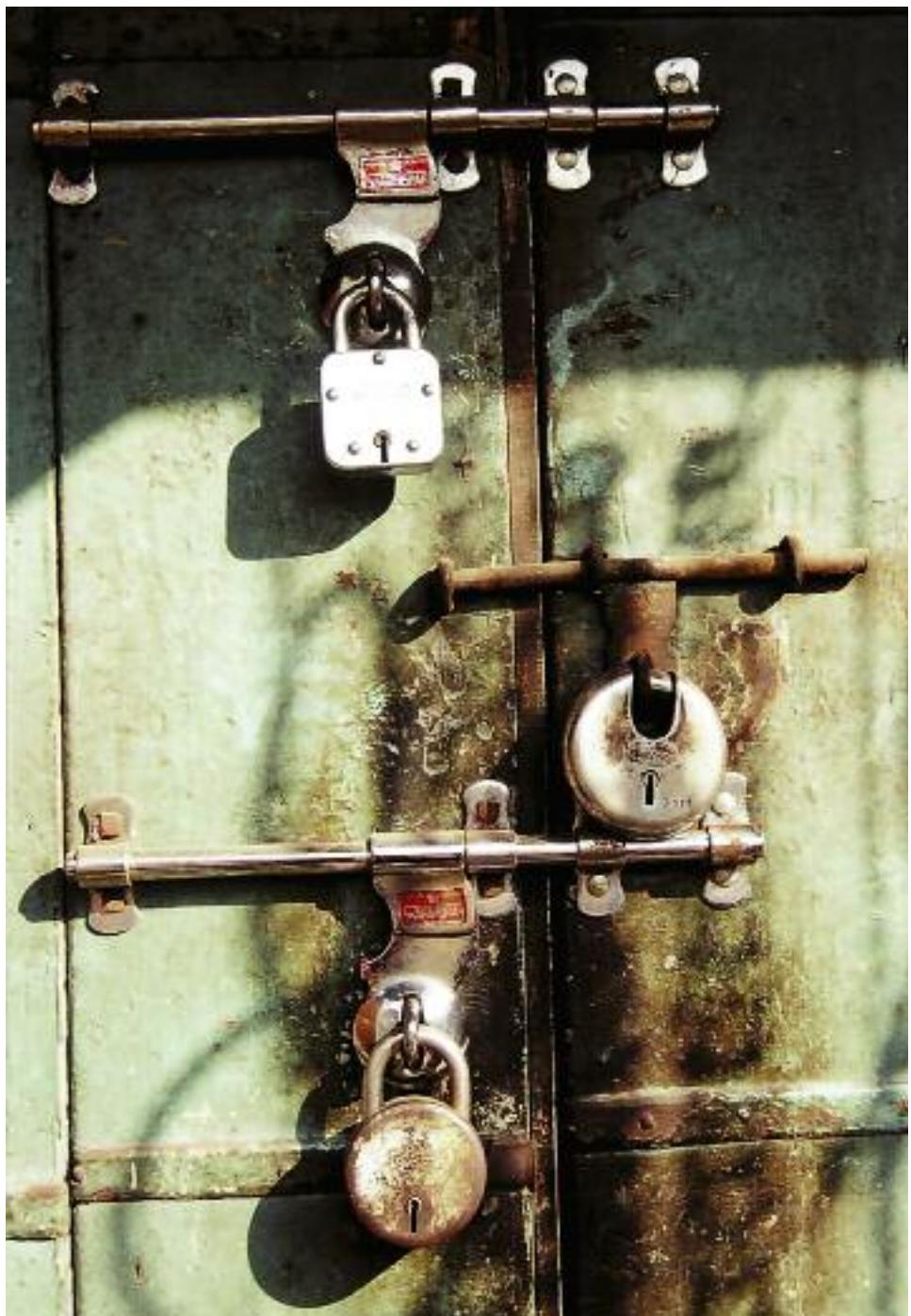

Леонтий Миропольский. Портрет Михаила Васильевича Ломоносова. 1787 год

Успешное управление кораблем «Россия» требует наличия на «капитанском мостике» своеобразного «компаса», направленного в сторону наиболее важных параметров жизнедеятельности. Они и должны быть целью государственного управления, защита их представляется первостепенной задачей всех и каждого. Еще Михаил Ломоносов, выстраивая для императрицы Екатерины II систему государственных приоритетов, ключевой позицией определил состояние населения: «Размножение и сохранение российского народа, исправление праздности и большее народопросвещение».

◆ механизм принуждения центра к корректировке курса при рассогласовании результатов с показателями цели. Первым шагом к эффективному политическому управлению — по этой теории — является определение цели государственной деятельности. В политической практике дан-

ное требование зачастую игнорируется. Так случилось с инициированной Михаилом Горбачевым перестройкой, когда казалось достаточно требовать: «Перемен, мы ждем перемен». Однако обнаружилось — этого хватает для слова старого, но не для созидания нового. Начиная рыноч-

Глубинная природа качества жизни стала раскрываться с осмыслением работ Эриха Фромма и Виктора Франкла, видевших благополучие людей в реализации потребности не только «иметь», но и «быть», обретая высокий смысл жизни.

ные реформы, Борис Ельцин тоже не сформулировал конечную цель и ее параметры. Рыночная экономика и демократия – это средства, а не цель. Как и призыв Медведева «Россия, вперед!» не указал: вперед – это куда? И лозунг Путина «Россия зовет!» не

проясняет, о каких далях идет речь.

Из-за отсутствия целевых показателей не действует седьмая статья Конституции: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих до-

стойную жизнь и свободное развитие человека». Что здесь понимается под «достойной жизнью», не уточняется.

Без полноценных критериев не работают в полной мере президентские указы о контроле над исполнительной властью на муниципальном и региональном уровнях.

Предложенные в Стратегии национальной безопасности контрольные ориентиры недостаточны, не разработан механизм слежения за их достижением.

Буксует поправка к Конституции об отчете правительства перед Государственной Думой (ст. 103, п. 1в), ибо отсутствие стандартных параметров отчета позволяет подменять оценку итогов прошедшего года обсуждением амбициозных планов на будущее.

Сложность эффективного управления Россией по сравнению с другими странами усиливается огромным пространством с большим количеством народов и народностей (более 180) и значительным числом административных единиц (более 80). Их гармоничное сосуществование требует мониторинга региональной информации, ее комплексного анализа, ранжирования территорий с выделением лидеров и аутсайдеров, доведения результатов до заинтересованных лиц. Такой информационной технологии – своеобразной «карты командира» – у российских политиков нет, включая президента РФ. В результате управление регионами зачастую осуществляется вслепую.

Успешное управление кораблем «Россия» требует наличия на «капитанском мостике» своеобразного «комpassа», направленного в сторону наиболее важных параметров жизнедеятельности. Они и должны быть целью государственного управления, защита их представляется первостепенной за-

дачей всех и каждого. Экономические индикаторы (ВВП, производительность труда, инфляция, инвестиции и др.) для этого недостаточны, поскольку не отражают самого главного – человека, насколько ему уютно в окружающем мире. Еще Михаил Ломоносов, выстраивая для императрицы Екатерины II систему государственных приоритетов, ключевой позицией определил состояние населения: «Размножение и сохранение российского народа, исправление праздности и большее народопросвещение». Ограниченност материнского процветания как цели социального прогресса осознается и интеллектуальной элитой Запада. Однако предложенный ООН индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) оказался неспособным определять вектор гуманистического движения, поскольку формирующие его компоненты сильно зависят от экономического потенциала. Поэтому страны с высокими значениями ИРЧП являются лидерами по преступности, самоубийствам, СПИДу, наркомании.

Качество жизни – цель, объединяющая всех

Что может быть привлекательнее, чем стремление стать богатым? В чем смысл и цель человеческой жизни, достойные управлять современным миром? Для русской философии смыслом жизни является сама жизнь в стремлении человека к личному счастью и социальному совершенствованию. Реализация такого смысла требует соответствующих условий. Их создание есть цель деятельности социального государства. По замыслу русских евразийцев прошлого века гармоничный государственный строй выбирает в себя лучшие черты монархии (авто-

ритарность и силу, не переходящие в тоталитарность) и демократии (участие широких масс в государственном строительстве, но не формальное, а реальное). Во власть выдвигаются самые талантливые и нравственные люди, для которых политическая и экономическая деятельность не самоцель, а явление духовно-патриотического смысла. Народ руководим выражющей его интересы инициативной частью, которая контролируется снизу народной волей, законодательно представляемой в органах управления. Верхним уровнем контроля служат принятые обществом идеи и ценности. Среди них одно из ключевых – стремление людей к счастью. Счастье у всех народов всегда ставилось выше богатства.

Однако словом «счастье» принято обозначать сугубо индивидуальные ощущения. Для общества предлагается аналогичное понятие – качество жизни. О политическом значении качества жизни впервые сказал президент США Линдон Джонсон, что цели развития американского общества не должны определяться лишь экономической мощью страны и величиной банковских депозитов, а «могут быть измерены качеством жизни». Этую же мысль еще раньше выразил писатель-фантаст Иван Ефремов, утверждая, что на планете Земля должна быть Академия горя и радости, которая по динамике обоих состояний оценивает благополучие землян. В 70-е годы работами Римского клуба (Аурелио Печчеи, Деннис Медоуз), западных социальных психологов (Эрих Фромм, Дэниел Белл) сформулировано представление о качестве жизни населения как основной цели цивилизации. Новое мировоззрение получило широкое распространение в общественной и научной жизни Австрии,

Англии, Германии, Италии, США, Японии и др. Однако на практике дело свелось к рассуждениям о чем-то абстрактно желаемом, а не реально осуществимом и количественно измеряемом. В СССР эта тема обсуждалась преимущественно в русле критики буржуазной социологии за предпочтение индивидуалистского понимания человеческого благополучия.

Первоначально под качеством жизни понимали материальное благосостояние, которым обладает человек. Идеалом высокого качества жизни считалось «общество потребления и всеобщего благоденствия». Поэтому первая научная работа на данную тему была написана экономистом Джоном Гэлбрейтом под названием «Общество изобилия» (1968). К концу 80-х в обществоведческой литературе и политической жизни начала ощущаться недостаточность такого понимания категории «качество жизни». В благополучных странах об этом свидетельствовали студенческие забастовки, движения «хиппи» и «панков», экологические марши и др. Необъяснимым с марксистских позиций оказался «взрыв» СССР на фоне поступательного развития социалистических производительных сил и роста материального благосостояния населения.

Глубинная природа качества жизни стала раскрываться с осмыслением работ Эриха Фромма и Виктора Франкла, видевших благополучие людей в реализации потребности не только «иметь», но и «быть», обретая высокий смысл жизни. Эмпирическим толчком к раскрытию сути качества жизни стали исследования 80-х годов в медицине, включившей это понятие в арсенал методов оценки эффективности лечения. Качество жизни стало пониматься как удов-

Качество жизни – это соответствие условий жизни человека его потребностям и возможностям. Качество жизни показывает, насколько людям хорошо или плохо, счастливы они или страдают в конкретной среде обитания.

Летворенность пациента своим организмом. При этом обнаружилось, что степень удовлетворенности зависит не только от объективного состояния тела, но также от психологических установок и текущих потребностей человека как личности.

Стало очевидным различие между понятиями «уровень жизни» и «качество жизни». Уровень жизни – это экономические условия существования населения, совокупность потребляемых им товаров и услуг (питание, жилище, образование и др.). Уровень жизни измеряется путем непосредственного подсчета имеющихся материальных благ: килограммы, тонны, метры и т.д. Человек обладает потребностями и возможностями, которые могут быть физиологи-

ческими, эмоциональными, интеллектуальными, духовными. Качество жизни – это соответствие условий жизни человека его потребностям и возможностям. Качество жизни показывает, насколько людям хорошо или плохо, счастливы они или страдают в конкретной среде обитания. Эти «хорошо» и «плохо» проявляются двумя главными блоками параметров – физического здоровья и духовного состояния.

Блок 1. Физическое здоровье:

- ◆ ожидаемая продолжительность жизни;
- ◆ смертность в трудоспособном возрасте;
- ◆ воспроизведение рода (суммарная рождаемость).

Блок 2. Духовное состояние:

- ◆ уверенность в завтрашнем дне (свадьбы);

- ◆ крепость семейных уз (доля сохранных семей);
- ◆ социальная поляризация (10 процентов самых богатых к 10 процентам самых бедных семей);
- ◆ безысходность (самоубийства);
- ◆ агрессивность (убийства);
- ◆ несправедливость распределения собственности (грабежи и разбои);
- ◆ отказ от потомства (доля социальных сирот).

Важная роль этих параметров для качества жизни доказывается тем, что именно они выделены в общечеловеческие этические заповеди – «не убий», «не укради», «не прелюбодействуй», «не отчайтайся» и др. В отличие от показателей уровня жизни, которые меняются по мере развития истории, показатели качества жизни достаточно устойчивы. Как и тысячи лет назад, у современных людей нет ничего важнее, чем сама жизнь, продолжение рода,

свобода, счастье, общественное признание.

Параметры качества жизни являются не только целью эффективного государственного управления, но и его условием. Когда они находятся за пределами допустимого, их коррекция становится целью. Если же ситуация нормальная, общество может ставить себе другие цели. Но непременным условием любых реформ должно быть поддержание качества жизни не ниже допустимых пределов.

Единство цели и средств

Осознание первостепенности качества жизни и возможность его количественной оценки привели к выводу, что именно оно должно стать целью государственного управления. Эта идея впервые была заявлена мной в 1997 году в «Независимой газете» Виталия Третьякова. Для ее продвижения в политику был создан Общественный совет по вопросам качества жизни граждан РФ под председательством академика РАН Дмитрия Львова со штаб-квартирой на Старой площади. Операция по прививке российского ноу-хау менталитету политической элиты оказалась успешной. Прорывная концепция была включена в проект Федерального закона «О правовых основах биоэтики и гарантиях ее обеспечения» (ст. 4), содержится в Стратегии национальной безопасности. Однако для внедрения в жизнь потребовалась доработка ряда ключевых положений. В частности, достаточно ли контроля над качеством жизни, чтобы быть уверенными в правильности государственного курса? Известны разные способы влияния на самочувствие населения:

- ◆ предоставить людям то, в чем они нуждаются;

- ◆ ограничить информированность, сместив приоритеты к более доступным целям;

- ◆ снизить планку социальных запросов, уменьшив степень критичности к условиям существования.

Из этого следует, что улучшить качество жизни можно и пагубными средствами, перемещая сознание в мир грез и ложных приоритетов. К тому же человек способен управлять качеством жизни посредством собственных волевых усилий — вопреки объективным обстоятельствам. Поэтому если снижение качества жизни однозначно говорит об ухудшении ситуации, то рост качества жизни не всегда означает, что объективное положение улучшилось.

Значит, «компас» правильного пути должен включать не только цель движения, но и средства ее реализации. Опыт показал пагубность установки, согласно которой для достижения цели все средства хороши. Но столь же пагубно и противоположное утверждение, будто цель — ничто, а движение — всё. При культурном государственном управлении требуется учитывать как стратегию пути, так и тактику движения. Вместо метафизического «или—или» должно быть диалектическое «и—и». Соответственно в критерии социального прогресса уровень жизни тоже включается, но не как цель, а как средство.

Блок 3. Уровень жизни:

- ◆ доля заработной платы в ВВП;
- ◆ объем потребляемых населением услуг;
- ◆ объем розничного товарооборота;
- ◆ доля лиц с высшим образованием;
- ◆ доля семей, нуждающихся в жилье;
- ◆ доля расходов на здравоохранение в ВВП.

Но и этого недостаточно для гарантии государственного

благополучия. Высокое благосостояние населения может обеспечиваться за счет эксплуатации природных ресурсов в ущерб стратегическим интересам и благополучию потомков. Поэтому в культуру управления Россией должен включиться также контроль над экономическим потенциалом, оборонным потенциалом и инвестициями в будущее развитие.

Блок 4. Экономический потенциал:

- ◆ промышленное производство;
- ◆ сельскохозяйственное производство;
- ◆ инвестиции в основной капитал.

Блок 5. Оборонный потенциал:

- ◆ доля ВВП на науку;
- ◆ доля ВВП на военно-промышленный комплекс;
- ◆ доля ВВП на обучение военных кадров;
- ◆ доля ВВП на боевую подготовку.

Блок 6. Инвестиции в будущее развитие:

- ◆ доля бюджета на образование;
- ◆ доля бюджета на культуру;
- ◆ доля бюджета на физкультуру и спорт;
- ◆ экологическое благополучие (доля проб воздуха, воды и почвы, соответствующих санитарным нормам).

Внутри каждого блока составляющие его параметры нормируются, то есть переводятся в баллы по 100-балльной шкале. Это позволяет сворачивать их в индекс соответствующего блока. Если параметры имеют разную ценность, им придаются весовые коэффициенты. В свою очередь блоковые индексы тоже нормируются и сворачиваются в единый индекс достойной жизни населения (ИДЖН). У каждого параметра устанавливаются предельные значения («красные флагги»), выход за которые в мирное время запрещен.

Механизм народного контроля

Для реализации своего права быть хозяином страны народ нуждается в механизмах текущего влияния на деятельность политической власти. В странах буржуазной демократии таковыми считаются всеобщие выборы, референдум, свободу слова в СМИ. Однако опыт показал их недостаточность для защиты от заблуждений и произвола политиков. Даже когда у государственного руля оказываются достойные граждане, они зачастую начинают руководствоваться не общими, а личными интересами. Желание отечеству добра, как оказалось, не страшует от причинения ему зла. К тому же 4-5-летний интервал между выборами позволяет совершить много трагических ошибок. Сами выборы нередко превращаются в клоунаду. Референдум — слишком дорогое и громоздкое для частого употребления средство. СМИ подвержены сильной зависимости от финансовых и административных рычагов.

Требуется более надежный инструмент народного контроля, к тому же действующий в режиме реального времени. Таковым может стать Национальная система мониторинга качества жизни. Она должна состоять из федерального и региональных общественных центров. Место ее локализации — Общественная палата РФ и аналогичные региональные структуры. Система финансируется защищенной статьей бюджета и самоуправляема. Ее членами являются научные эксперты, выбираемые ежегодно случайным методом из общего состава ученых России. Статистические данные поступают каждые полгода из региональных статистических отделов и Росстата. При запредельном отклонении контролируемых показателей эксперты оцени-

вают, в какой мере их ухудшение обусловлено внешними обстоятельствами. Если таких нет, ответственность возлагается на власть. В работе центра принимают участие в роли наблюдателей представители СМИ, политических и общественных организаций. Центр обеспечивает информацией президента, Федеральное Собрание, правительство, Академию наук, Общественную палату.

За две недели до отчета правительства перед Государственной Думой результаты научной экспертизы издаются в виде «Белой книги», представляются в СМИ и на специальном сайте для общего пользования. Это позволит депутатам подготовиться к осмысленному обсуждению отчета. Его формат содержит сведения о параметрах ИДЖН:

- ◆ в динамике за последний год;
- ◆ по сравнению с каким-то начальным периодом, взятым в качестве точки отсчета;
- ◆ в сравнении со странами СНГ.

Наряду с докладом премьера заслушивается доклад оппонента из числа научных экспертов. Если результаты государственной деятельности приближаются к заявленной цели, политическое управление оценивается как удовлетворительное. В противном случае констатируется неспособность президента выполнять функции гаранта Конституции с вытекающими из этого правовыми последствиями. По аналогичной схеме отчитываются в регионах губернаторы с заслушиванием оппонентов из состава региональных центров мониторинга качества жизни.

Наличие на всех уровнях одинаковых параметров контроля заставит руководителей отвечать за свои действия не эгоистично, а с единой для всей страны позиции. Таким обра-

зом, параллельно с административной вертикалью власти, в виде своеобразной обратной связи возникнет функциональная вертикаль, призванная осуществлять главную государственную функцию — обеспечение целевых уровней ИДЖН и его параметров.

По-иному станут предлагаться и непопулярные меры. Общество предварительно будет подготавливаться к нововведениям, чтобы принимать их с согласием. Тогда они превращаются из непопулярных в вынужденные, но желаемые. Так бывает с болезненной операцией, несущей облегчение, на которую идут с надеждой. Введение ответственности за культуру управленческой деятельности заставит сменяющиеся на выборах политические режимы действовать преемственно, исходя из интересов страны в целом. Подобная непрерывность являлась прежде достоинством монархии. Теперь ею способна овладеть и демократия. Кто бы ни пришел к управлению страной, всякий вынужден осуществлять те преобразования, которые совпадают с национальными интересами.

Рывок в развитии

Управление государством по критерию качества жизни обеспечит утверждение принципов политического руководства нового типа. Всякие управленческие действия должны соответствовать ценностям, потребностям и возможностям народа. И тогда общество становится главным распорядителем собственной жизни, поскольку будут осуществляться лишь те действия, которые для него органичны и естественны. Население приобретает «оружие» защиты собственных интересов, которое через обратную связь осуществляет ежегодную коррекцию ошибочных государственных решений. Главное

свойство этого «оружия» – не наказание за ошибки, а предупреждение их появления или прогрессирования. Во властную пирамиду встраивается прямая демократия, преодолевающая отчуждение народа от власти.

Контроль над политиками со стороны народа позволит избегать жестокости социальных революций – необходимых механизмов исторического прогресса. Они не отменяются, а становятся «бархатными» за счет встроенных в управление механизмов обратной связи. По мере нарастания недовольства народных масс происходящее ухудшение качества жизни будет принуждать власть эволюционными средствами осуществлять революционные преобразования. И так всякий раз по мере созревания объективных и субъективных предпосылок качественных социально-экономических трансформаций.

В международном масштабе развитие государств станет осуществляться не насищенным принуждением к универсальной для всех моделям, а поиском оптимального варианта для конкретной страны. Для одних народов потребуется больше экономических свобод, для других – больше планового начала. Кому-то милее монархия, кому-то – парламентская республика. Но в любом случае выбор осуществляется общественной волей, направленной, как мечтал великий фантаст Иван Ефремов, на уменьшение горя и увеличение радости.

Это потребует иного подхода и к определению цивилизованности государств. В настоящее время доминируют технико-экономические критерии, согласно которым Индия и Китай с их тысячелетней культурой считаются менее цивилизованными, чем насчитывающие два с лишним столе-

тия Соединенные Штаты. С культурологических позиций этого недостаточно, поскольку наиболее высокие показатели краж, грабежей, убийств, изнасилований отмечаются на Западе. Оценка цивилизованности народов потребует более сложного инструмента, учитывающего взаимодействие материальных и духовных ценностей.

Расчеты показали, что качество жизни человека зависит от экономических параметров примерно на треть, а на две трети – от духовных факторов (нравственности, образования, искусства, воспитания и др.). Красноречивым примером является опыт ГДР, присоединившейся к ФРГ: материальное благосостояние бывших восточных немцев выросло в 2-3 раза, а они стали вымирать от разочарования, озлобленности и тоски. Поэтому государственная политика должна будет ориентироваться не только на экономические, но и на духовные интересы, развивая стремление к справедливости, взаимопомощи, свободе, порядку, социальной поддержке. Живущему поколению захочется не только удовлетворять личные потребности, но также заботиться о будущем благополучии своих детей и внуков.

С экологической точки зрения новый вектор развития содержит большой оптимистический потенциал. Для достижения высокого качества жизни потребуется значительно меньшая нагрузка на природу, чем для достижения большого богатства. Мечта дожить до высокого качества жизни становится реальной для большинства землян, поскольку потребует не максимальных уровней подушевого ВВП в 25–30 тысяч долларов, как у американцев или швейцарцев, а в 3–4 раза меньшие суммы. Важно, что переход к более гуманной целевой установке

прогресса не потребует насищенного отказа от предыдущей целевой установки. Благодаря большей привлекательности новая вытеснит старую естественным путем. Прежняя цель – стремление к высокому уровню жизни – сыграла огромную историческую роль, обеспечив человечеству научно-технический прогресс. Однако параллельно с ним нарастила социальная несправедливость, достигшая к XXI веку недопустимых размеров. Новая цель – стремление к высокому качеству жизни – позволит найти гармонию между эффективностью и справедливостью в интересах всего населения.

История второй половины XX века показала, что именно качество жизни – а не ее уровень – является той взрывоопасной смесью, которая служит субстратом социальных революций. Игнорирование силы общественного духа, за динамикой которого никто не следит, привело к крушению СССР даже на фоне роста общего материального благосостояния. Для предупреждения подобных трагедий требуется мониторинг общественной атмосферы, который позволит находить оптимальные пропорции взаимодействия исторического материализма и исторического идеализма. Двигаться придется как при переходе реки вброд, «ощупывая ногами камни», так учил Дэн Сяопин. Только шупом станет реакция показателей ИДЖН на предлагаемые реформы. Подобная тонкая настройка обеспечит России роль международного лидера в достижении высокого качества жизни. Задача вполне реальная, учитывая, что в 60-е годы СССР уже имел самые низкие среди развитых стран уровни смертности, преступности, самоубийств наряду с передовыми достижениями в искусстве, науке и технике.

Карен Араевич Сасяян –
доктор философских наук, с 1993 года живёт
в Швейцарии, где занимается лекторской
и издательской деятельностью при Forum für
Geisteswissenschaft Zürich, автор многочисленных
книг на русском и немецком языках

История тамплиеров

В память об одном опустевшем храме

1

История тамплиеров – история закопанного солнца. Или, если угодно, пушкинского бедного рыцаря, искавшего солнце, а нашедшего золото. Rauperi milites Templi (бедные рыцари Храма) – так они означены в актах собора в Труа 1129 года; позже во Франции в ходу была поговорка: «Богат, как рыцарь-тамплиер». Между этими полюсами – падением в небо и падением с неба – растянут их недолгий век; только небо, в которое они упали в начале XII века, было не тем, с которого они спустя без малого два столетия упали в ужас, бесчестье и смерть: это было небо, притягивающее земную тяжесть, небо готики и слышимых молитв, а не та размагниченная пустота, которая постепенно, но неотвратимо заполнялась набирающим темп физико-математическим экспериментом. Нужно только представить себе диковинный выверт фантазии, разыгрывающей в самом начале XIV

века кестлеровское *darkness at noon*: некое пролептическое *déjà vu* московских процессов, перенесенных из Октябрьского зала Дома Союзов в парижский Тампль эпохи Филиппа Красивого. Содрогаешься, читая стенограммы затянувшегося на годы процесса и обнаруживая в них всё ту же технику допросов, пыток и признаний. Но если можно еще с относительной легкостью фиксировать общее между канцлером де Ногаре и прокурором Вышинским (оба искусные легисты, обогатившие судебную практику необыкновенно продуктивными нелепостями), то понадобилась бы особая прочность стиля, чтобы выдержать безвкусцу поставленных рядом имен, скажем, наркома Крестинского и командора Пайена Понсара де Жизи, отрекшихся прямо в зале суда от своих показаний. Пункт, в котором они со-прикасаются и даже сродняются, – фактор непредвиденности (какой-нибудь умник-психолог – или просто психолог – сказал бы: «человече-

ский фактор» — не поддающиеся учету реакции, выводящие из строя налаженный механизм истребления). Потому что речь в том и другом случае шла не столько об умерщвлении, сколько о *порче*, что значит: целью было не физическое (акциденциальное) устранение, а погашение сознания — в полном соответствии с теолого-философским каноном эпохи, согласно которому тело существует не само по себе, а лишь в силу своей атрибутивной принадлежности к существующему (*«non est ens sed entis»* Фомы), и оттого погубить кого-либо — значит: уничтожить его не телесно, а в самом корне его существования, которое есть *душа*. То, что «душа» не самое подходящее обозначение в нарративе московских процессов, когда палачам противостояли не жертвы, а лишь другие палачи, ничего не меняет по существу; можно же заменить «душу» иными — более нейтральными — обозначениями, как-то: «память», «идентичность», «доброе имя». Решающим во всех смыслах остается масштаб злободневности. Если допустить, что начиная с XIV века сила западной мыслительности обнаруживает неудержимую тягу к номинализму, то, наверное, мы не ошиблись бы, увидев в процессе тамплиеров некий пробный эксперимент будущих политico-номиналистических практик, когда в противостоянии сторон решающим оказывается не онтос, а номос, не вещь, а названность, что значит: вещи сначала именуются, а потом уже — в пространстве публичности — уподобляются своим именам.

2

История тамплиеров не начинается со своим началом и не кончается со своим концом. Конец и начало тамплиеров параллельно уходят в зримое и незримое, скажем так: в оче-

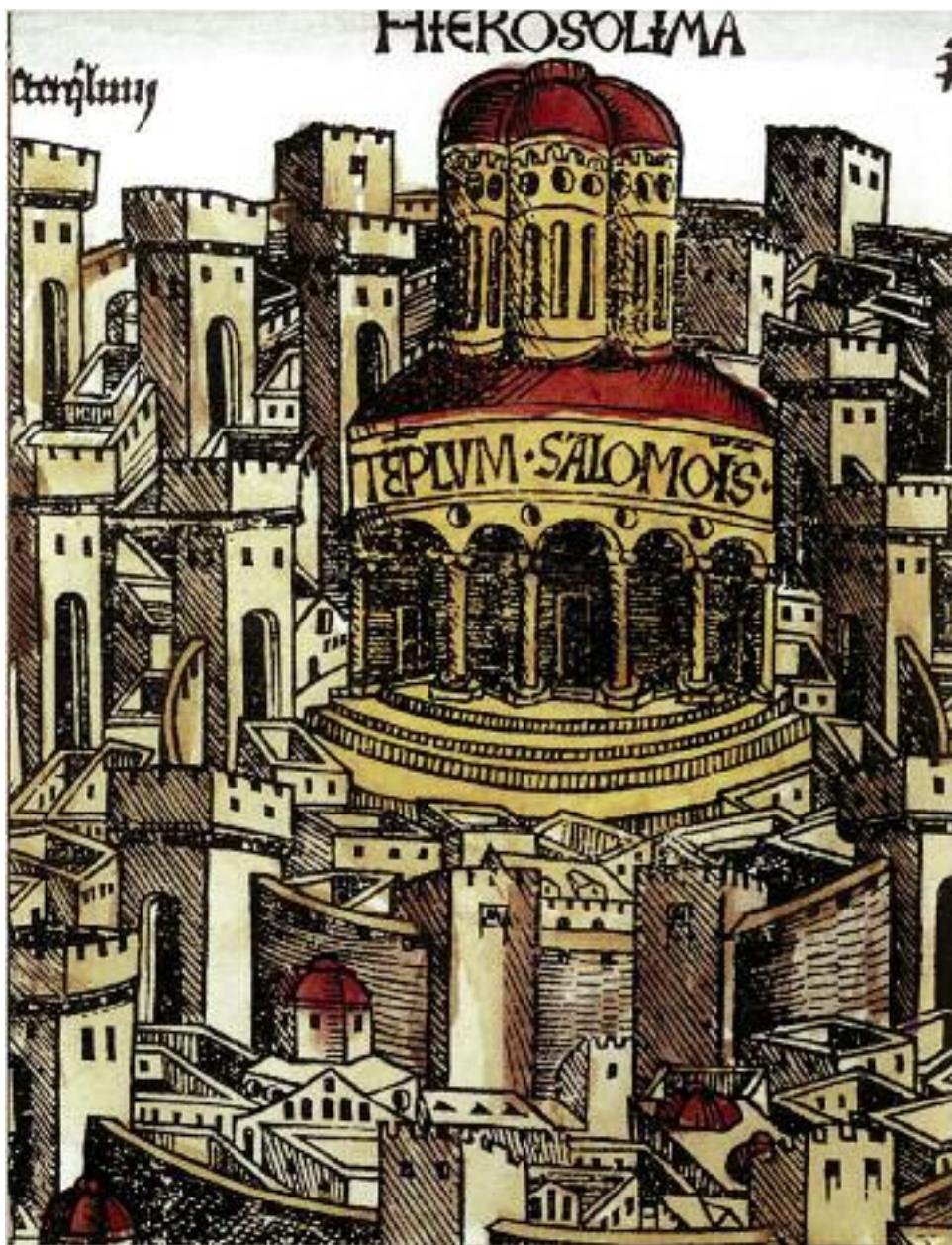
Уильям Оккам. XIV век

Если допустить, что начиная с XIV века сила западной мыслительности обнаруживает неудержимую тягу к номинализму, то, наверное, мы не ошиблись бы, увидев в процессе тамплиеров некий пробный эксперимент будущих политico-номиналистических практик, когда в противостоянии сторон решающим оказывается не онтос, а номос, не вещь, а названность, что значит: вещи сначала именуются, а потом уже — в пространстве публичности — уподобляются своим именам.

видность зримого и очевидность незримого, соответственно — в остановленные мгновения истории и в целое ее длящейся одновременности. И хотя оба плана по сути лишь дополняют друг друга, в представлении большинства они несовместимы, и если и фиксируются вместе, то не иначе, как в режиме взаимоисключаемости. Историк не очень жалует тайны, держась только за то, что он называет *фактами*. При этом он ограничивает сферу фактического очевидностью зримого — наверное, потому что это удобно и укладывается в его представления о реальности. То, что и тайне есть место в истории, причем именно в модусе *фак-*

тичности, почему-то не приходит ему в голову. Он просто селектирует факты, выделяя «реальные» и бракуя «тайные», и заранее убежден в том, что историю Людовика XV можно понять без графа Сен-Жермена, а историю, к примеру, Робеспьера — без Катерины Тео. Лишь в редких случаях снисходит он до «тайны», когда она настолько сращена с очевидным, что не видеть ее можно было бы только глядя на нее в упор. Но и тогда он отделяется от нее, придавая ей статус придаточности, необязательности, экстравагантности, при случае даже пользуясь ею как пряностью, когда пресность и безвкусность изложения грозят

Иерусалим на средневековой миниатюре

История тамплиеров и есть роман, необыкновенно интересный и захватывающий роман, читая который невольно приходишь к мысли, что шансы атеизма наверняка приблизились бы к нулю, научись мы не только в Шекспире видеть божественный талант, но и в Боге шекспировский.

атрофией читательского восприятия. Потому что, прими он ее всерьез, ему пришлось бы обвязать себя к погружению на такую глубину, при которой голова уже не отличалась бы от головокружения, а навыки учености лопались, как пузыри. Историк предпочитает не погружаться в глубину, а выволакивать ее на поверхность, после чего фак-

ты котируются по жанру анекдотов, а самому ему не остается иного выбора, как — рассказывать истории. В этом смысле юморская «История Англии» или вольтеровский «Век Людовика XIV» отличаются от, скажем, «Всемирной истории» Роллена по тому же признаку, по которому хороший роман отличается от плохого. Но суть даже не столько в са-

мых фактах, «реальных» или «тайных» — всё равно, сколько в том, что и реальные факты приводят нас *по продумыванию* к своему двойному дну, в которое проваливается понимание, если мы не отделяем его от пуповины анекдотов. Что же может быть реальнее того факта, что в ночь, когда был арестован Робеспьер, командующий Национальной гвардией генерал Анрио — единственный человек, способный разогнать Конвент и уничтожить заговорщиков, — был просто мертвейки пьян! (Он протрезвел уже на следующий день на эшафоте.) И что помешало бы историку, будь он последователен в своей фактomanии, вывести из этого *petit fait curieux* всю последующую историю Франции, от Наполеона до наших дней! И даже сравнить его значимость со значимостью *носа Клеопатры* или *камней в мочевом пузыре Кромвеля*. Какой роскошный анекдот! Бывший мелкий служащий таможни, вынесенный однажды при прочистке одного тысячелетнего засорения с прочим мусором прямо на самый пик событий, *пропил историю Франции*. Конечно, можно и здесь держаться принципа фактичности, ссылаясь на случай и силу обстоятельств, только вероятность того, что из голой статистики и стихии *фактов* слагаются осмысленные и захватывающие романы, едва ли превышает вероятность складывания букв в «Войну и мир» на пишущей машинке, по клавишам которой (в гипотетических миллионах лет) стучит пьяная или трезвая обезьяна. Нет сомнения, что история свершается в ареале фактического, но очевидно и то, что сами факты никак не сводимы к фактам и значимы лишь в той мере, в какой они непрерывно выходят за рамки собственной фактичности, подобно

тому как буквы алфавита, бесконечно комбинируемые в тексте романа, не имеют уже ничего общего с алфавитом, а служат смыслам. История тамплиеров и есть роман, необыкновенно интересный и захватывающий роман, читая который невольно приходишь к мысли, что шансы атеизма наверняка приблизились бы к нулю, научись мы не только в Шекспире видеть божественный талант, но и в Боге шекспировский. Историкам, от Мишле и Генри Чарльза Ли до современных Фавье и Гилмор-Брайсон, остается лишь пересказывать его на разные лады, а нам по-разному толковать и оценивать прочитанное. Вопрос в том, насколько мы, переходя от одного остановленного мгновения к другому, способны видеть, что в них, собственно, остановлено.

3

Тайна тамплиеров, их «незримое» — душа-христианка (тертуlianовская *«anima naturae liter christiana»*) на сломе времен, когда естественность постепенно переставала быть христианской, а христианство естественным, и душе, соответственно, предстоял выбор: сохранить христианство, потеряв себя, либо оставаться собой, но уже без христианства. Они искали Христа, как импульс и жизнь, в перманентности воскресения, а находили его распятым в Церковь, проповедь и традицию; старая тоска «отступника» Юлиана по Гелиосу, потущенному в христианских катакомбах, искала нового выхода — на этот раз без неузнанности и вражды, и выходом (взрывом) стали крестовые походы: громовой вопль души, ищущей — под предлогом освобождения Гроба Господня — самоосвобождения, потому что не в том, прежнем, Иерусалиме было ей освобождать Гроб Господень, а находить Иеруса-

Воля Тампля — непрерывность Распятия и Воскресения, то, о чем спустя столетия с такой пронзительностью скажет Блез Паскаль: «Вплоть до скончания мира будет длиться агония Иисуса; не пристало всё это время спать».

лим в себе самой; география служила лишь знаком и зеркалом, в котором осиротевшая душа-христианка силилась отряхнуть с себя беспамятство и вспомнить свое первородство. Оторванное от мистериальных корней, переставшее быть «мистическим фактом» христианство ссыпалось

в моральную инстанцию, конвенцию и праздность седьмого дня; говорили о Боге и дьяволе, пугали Богом и дьяволом, ничего о Боге и дьяволе не зная и не желая знать, в твердой убежденности, что в них можно только верить, потому что вера в Бога (и дьявола) — от Бога, а знание о Боге

Балдуин II жалует место Храма Соломона Гуго Пайенскому и Годфруа де Сент-Омеру. XIII век

Семеро французских рыцарей под водительством Гуго Пайенского и Годфруа де Сент-Омера основали в 1119 году в Иерусалиме орден *fratres Templarii* (братьев-храмовников) на том самом месте, где свершилась Мистерия Голгофы.

(и дьяволе) – от дьявола. Что удивительного, если дьявольскому знанию оставалось лишь дожидаться своего часа, чтобы послать божественную веру ко всем чертям; атеизм Нового времени, от просветительских салонов до университетских кафедр, что бы о нем ни говорили, легитимный наследник христианства; интересно в атеизме не то, что он отрицает Бога, а то, что он *возможен*, и возможен как (гегелевская) хитрость Бога, который, сотворив знание, сотворил и Церковь, после чего (через Церковь) запретил знанию быть знанием о Боге и отдал его на попечение дьяволу, чтобы – при посредничестве дьявола – привести его снова, но уже прошедшее через горнило сомнений, к себе... Конечно же, Тампль, при всех отдельных прозрениях в гнонис-

и тайноведение, не был ни жаждой знания, ни прорывом в знание; чего они добивались и чему посвящали свою жизнь, лежало в области *веры и воли*: веры в Мистерию Голгофы, которую они, не давая ей захлебнуться в чувстве, страстно вбирали в волю, чтобы самим присутствием этой воли тормошить христианский мир и оберегать его от спячки, косности и автоматизма; воля Тампля – непрерывность *Распятия и Воскресения*, то, о чем спустя столетия с такой пронзительностью скажет Блез Паскаль: «Вплоть до скончания мира будет длиться агония Иисуса; не пристало всё это время спать». Они и учились – *не спать*, проходя посвящение в христианство в самый момент его начинаящейся деформации, конец которой спустя столетия

засвидетельствует Божья Матерь в словах, сказанных ею детям в Ла-Салетт: «Священники стали *клоаками нечистот*». Оттого судьбой и бедой их было то, что, служа Христу, они всё еще служили Церкви, войдя в нее как в тот пустой гроб 33-го года, с освобождения которого началась однажды их история.

4

Можно будет вкратце воспроизвести историю Тампля в наиболее существенных чертах. Семеро французских рыцарей под водительством Гуго Пайенского и Годфруа де Сент-Омера основали в 1119 году в Иерусалиме орден *fratres Templarii* (братьев-храмовников) на том самом месте, где свершилась Мистерия Голгофы. Провозглашенной целью было охранять пилигримов на их пути к Гробу Господню от разбойников. Спустя десять лет на соборе в Труа орден был утвержден, а братья получили устав, составленный для

них св. Бернардом, и право носить белый плащ с красным крестом, а также черно-белое знамя с девизом из 113-го псалма: «*Non nobis Domine*» («Не нам, Господи»). Абсолютно новым в ордене было слияние прежде раздельных рыцарского сословия и монашества; тамплиер, оставаясь рыцарем, становился монахом, то есть он не уходил в монастырь, а нес его в себе, расширяя его до мира и выполняя в нем свой воинский долг: «Кротче агнцев и свирепее львов», — говорит о них св. Бернард. Этим объясняются донельзя строгие порядки, предваряемые тремя монашескими обетами: послушанием, бедностью и целомудрием. Поступающий в орден просил о дозволении быть слугой и рабом «дома» при полном отречении от личной воли. Он должен был всегда помнить о том, что кровь, текущая в его жилах, принадлежит не ему, а принятому им на себя обету. Также и о том, что нажитое им было не его собственностью, а всего ордена. Если после смерти тамплиера у него обнаруживали золото или серебро, то тело его погребалось в неосвященной земле или, уже задним числом, извлекалось обратно. Целомудрие блюли настолько строго, что запрещали себе даже поцелуй матери. В скромом времени слава ордена разнеслась по всему христианскому миру. Благороднейшие рыцари, венценосные особы (даже папа Иннокентий III) искали посвящения в орден, и уже в скромом времени Тампль насчитывал, по слухам, от двадцати до тридцати тысяч рыцарей — хронист Мэтью Пэрис говорит о девяти тысячах командорств ордена («*habent Templarii in christianitate novem millia maneriorum*»), но, похоже, историки склонны сократить это число на порядок. В гораздо большей степени волновало современников

(и историков) другое число: богатство тамплиеров. Назывались баснословные суммы; причем имелись в виду не только деньги, но и земли, города, дороги, замки; за менее чем столетие ими были построены в Европе 80 соборов и множество храмов поменьше. Если учесть к тому же, что они были освобождены от пошлин, податей и налогов всякого рода, что их дома и церкви были наделены правом убежища, а сами они непрекословенностью, присущей духовным лицам, и подчинялись непосредственно папе, то нетрудно будет догадаться, что рост их силы и славы сопровождался ростом ненависти и вражды к ним, причем решительно со всех сторон. Мирской клир раздражали привилегии этих «светских монахов», пользующихся особой благосклонностью Святого Престола; сохранились многочисленные жалобы братьев на епископов, чинивших им препятствия, и то, что Рим решал тяжбы в пользу ордена, лишь усиливало и углубляло вражду. Ненависть духовенства разделяли короли, которых не могло не раздражать могущество высокочекрыцарей на службе у папства; то, что Ричард Львиное Сердце, умирая, сказал: «Я оставляю свою алчность монахам-цистерцианцам, роскошь — нищенствующим монахам, а гордыню — тамплиерам», — могло быть и выдумкой, но не выдумкой были слова, сказанные великим магистром ордена английскому королю Генриху III в 1252 году: «Вы будете королем ровно столько времени, сколько Вы будете справедливым»; как не выдумкой же было и то, что король Франции Филипп Красивый в 1305 году просил принять его в орден и что ему было в этом отказано. Очевидно, что они переоценивали свои возможности, как оче-

видно и то, что однажды это должно было их погубить. Не всегда и не все короли могли терпеть возле себя строптивцев и сносить их дерзости, и когда разгневанный Фридрих II Гогенштауфен в 1229 году изгнал (правда, ненадолго) орден из Сицилии, конфисковав его имущество, в этом можно было увидеть лишь первое — пробное — знамение их будущей и уже окончательной судьбы.

5

Проблемы и конфликты были и с папством. Уже Иннокентий III — во всем остальном почитатель и покровитель (он подумывал даже сделать себе из ордена подобие личной гвардии) — в одном письме 1208 года в крайне резких выражениях призывает братьев к порядку в связи с жалобами на бесчинства и гордыню отдельных сановников. Впоследствии доходило даже до прямых столкновений. Так, в 1264 году, после того как Стефан де Сисси, прецептор Апулии, отказался принять участие в крестовом походе против короля Манфреда (сына Фридриха II), папа Урбан IV потребовал от него сложить свои полномочия. Приор ответил, что он возвратит свой чин только тому, от кого получил его, то есть великому магистру, после чего Урбан отлучил его от Церкви, но орден, недовольный тем, что папа намеревался использовать в личных целях войско, набранное для Палестины, заступился за дерзкого брата. Можно гадать, чем бы всё кончилось, если бы не смерть Урбана в том же году и не снятие отлучения новым папой Клементом IV. Оставался университет, третья власть эпохи, но университет лавировал между папой и королем, беря то одну, то другую сторону, и понятно, что в общем раскладе сил «бедным рыцарям» не приходилось рас-

Памятник тамплиерам в Лондоне

Конец тамплиеров начался с молвы: со слухов, однажды пущенных в ход и уже не прекращающихся даже после упразднения ордена. Огонь с самого начала велся на поражение, по трем целям, или трем обетам – послушанию, бедности и целомудрию, после чего послушание обличалось гордыней, целомудрие блудом, а бедность сказочной роскошью.

считывать и на поддержку «интеллектуалов». Но удар пришелся ни с той, ни с другой, ни с третьей, а с четвертой, наиболее могущественной, стороны, которая и положила конец ордену задолго до того как за дело взялись дознаватели и судьи. Конец тамплиеров начался с молвы: со слухов, однажды пущенных в ход и уже не прекращающихся даже после упразднения ордена. Что больше всего поражает в этих слухах, так это впечатление некой хорошо организованной и управляющей спонтанности, как если бы уже XIII век опутывала

незримая сеть информационных агентств, поражающих любую цель с любого расстояния; «божественный» Пьетро Аretino, старый похабник и отец-основатель журналистики, дружбы которого искали папы и короли и который пригрозил однажды Микеланджело выставить перед общественностью его «Страшный суд» как порнографию, мог бы воздать должное этим ранним репортерам-коллпортерам, сделавшим физическое уничтожение ордена тамплиеров вопросом времени, после того как они уничтожили его морально.

6

Слухи ползли пластами и по модели речевой фигуры *кли-макса*. Началось с гордыни и высокомерия, потом прибавилось предательство и коварство: сделки с неверными, связь с sectой ассасинов, распутство. Поговорка «*Boire comme un templier*» («Пить как тамплиер») встречается еще у Рабле. Кстати, на этой поговорке можно наблюдать, насколько грамотно работали диффаматоры. Только после 1807 года в словаре Французской Академии появляется поправка, что фраза *пить как тамплиер* является искаженным вариантом оригинального: *пить как стеклодел* (*boire comme un temprier*); почти неразличимые акустически *templier* и *temprier* (старый синоним для *verrier* – стеклодел) так и просились в каламбур, причем особая изощренность заключалась в том, что даже в случае *стеклодела* пить вовсе не означало пьянствовать, а просто обильно принимать жидкость при выплавке стекла: из-за сильной жары и духоты. От пьянства было рукой подать до блуда, причем и здесь не обошлось без апофегмы: «*Custodiatis vobis ab osculo Templariorum*» («Остерегайтесь поцелуя тамплиеров»). Огонь с самого начала велся на поражение, по трем целям, или трем обетам – послушанию, бедности и целомудрию, после чего послушание обличалось гордыней, целомудрие блудом, а бедность сказочной роскошью. Действовали по принципу *a particulari ad universale* (от частного к общему), то есть от факта отдельных искажений и извращений заключали к правилу; скажем, курсировали слухи, что в том или ином командорстве некоторые рыцари или сервенты были уличены в грехах и дурных деяниях; на следующем витке речь шла уже о «тамплиерах», не «неко-

торых», а «всех»; прочность порчи была таковой, что в слухах не сомневались даже далекие потомки; надо будет перечитать однажды «Айвенго» Вальтера Скотта с изображенными в нем омерзительными тамплиерами, чтобы понять, что политтехнологи Филиппа одурачивали не только толпу, но и избранных, и одурачивали — в долгосрочной перспективе. Даже проницательнейший де Местр не составил здесь исключения, отдававшись от темы небрежным росчерком пера: «*Их создал фанатизм, а погубила жадность, вот и всё.*» Можно, конечно, оставить фанатизм на совести автора «Писем об испанской инквизиции». Но в чем де Местр не промахнулся (хотя и попал в подставную цель), так это в том, что их действительно погубила жадность: не собственная мнимая, а чужая.

7

«Золотом, — писал Колумб Фердинанду и Изабелле после четвертого путешествия, — можно добиться в этом мире чего угодно. Можно даже пропроводить душу в рай». Он полагал в эйфорическом помрачении: подкупить Бога. Внук Людовика Святого, король Франции Филипп IV, едва ли рассчитывал на такой лад откупиться от ада, но поправить земные дела — вполне лежало в круге возможного. Металлической (вообще никакой) теории денег тогда еще не было, но были практики металлизма, хоть и не догадывавшиеся покрывать недостаток золота и серебра в казне эмиссией отчеканенного металло-

лома, зато делавшие это куда проще, скажем, объявляя серебром медные монеты (Филипп I), или повелевая принимать каждое су за ливр (Лю-

вающим образом: он чеканил анжуйские золотые низкой пробы, уменьшая в них удельный вес золота, после чего монеты за год теряли треть своей стоимости; их и прозвали в народе *длинношерстными овцами* (*moutons à la grande laine*) и *короткошерстными овцами* (*moutons à la petite laine*) как символ стрижки населения, а за инициатором закрепилось прозвище «фальшивомонетчик» (таким — *falseggiando la moneta* — онувечен и у Данте: Рай XIX, 119). Ничего удивительного, если золото ордена мешалось ему и во сне; когда в марте 1306 года толпа, взбешенная ростом цен, взбунтовалась, он нашел убежище именно в Тампле, которому с этого времени и за-должал огромную сумму (около полу-миллиона ливров). Филипп, по описанию современников, был похож на статую: кра-

Удару по ордену предшествовал удар по папству; Филиппу Красивому удалось то, о чем после 1077 года мечтали короли и императоры: реванш за Каноссу. Когда возмущенный его фискальной политикой папа Бонифаций VIII (на иллюстрации) отлучил его от Церкви, он, заручившись поддержкой университета, обвинил римского понтифика в убийствах и дьяволопоклонстве и велел своему министру Ногаре арестовать его, что этот отпрыск катаров и сделал, не отказав себе в удовольствии дать пленнику пощечину.

довик VI), или приравнивая кружочки кожи с вбитыми в них серебряными гвоздями к золотым дукатам (Иоанн II Добрый), или оповещая о том, что монеты достоинством в одно денье стоят три денье (Людовик XI). Филипп Красивый решал проблему на тот же манер, только менее вызы-

сивый, молчаливый и неподвижный; Жан Фавье, автор блестящей книги о нем, называет его первой загадкой в чедре загадок его почти тридцатилетнего правления. Трудно догадаться, когда ему впервые пришла в голову мысль об уничтожении ордена, и что, кроме алчности, побудило его

к этой беспрецедентной акции. Несомненно одно: он действовал продуманно, почти что протокольно, во всяком случае без того излишка страстей и несдержанностей, которые с таким подкупающим простодушием оправдывал в средневековых монархах хронист Шатлен (*«puisque les princes sont hommes»*, «потому что и государи ведь люди»). Удару по ордену предшествовал удар по папству; Филиппу удалось то, о чем после 1077 года мечтали короли и императоры: реванш за Каноссу. Когда возмущенный его фискальной политикой папа Бонифаций VIII отлучил его от Церкви, он, заручившись поддержкой университета, обвинил римского понтифика в убийствах и дьяволопоклонстве и велел своему министру Ногаре арестовать его, что этот отпрыск катаров и сделал, не отказав себе в удовольствии дать пленнику пощечину. Папа вскоре после этого умер, а на могиле его король велел высечь слова: «Еретик и свято-продавец». Наверное, это не было преувеличением; в чем старому греховоднику не повезло, так это в том, что он на два столетия опередил свое время. Нужно представить себе его в промежутке между Базельским и Тридентским соборами, лучше всего на месте Юлия II, о котором Ульрих фон Гуттен сказал, что он взял бы небо штурмом, если бы ему закрыли доступ туда, или Льва X, *il papa Leone*, аплодировавшего комедиям полупорнографического характера, чтобы понять, что на лучший обвинительный материал, чем оригинал, Филиппу нечего было и рассчитывать. Некоторые речения Бонифация в самом деле взяты как бы из ренессансного репертуара: «Тайства — это дурачества» (*«Sacramenta sunt truffae»*). «Плотские грехи вовсе не грехи» (*«Peccata carnalia non esse*

peccata»). «Дева Мария была не большей девственницей, чем моя мать» (*«Virgo Maria non fuit plus virgo quam mater mea»*). «Верю в нее (Марию) не больше, чем в ослицу, а в ее сына не больше, чем в осленка» (*«Non credo plus in ea (Maria) quam in asina, nec in filio plusquam in pullo asinae»*). И уже — немыслимый рикошет — выплытый Федор Павлович Карамазов: «Не верю в Марьушку, Марьушку, Марьушку» (*«Non credo in Mariola, Mariola, Mariola»*). Еще он говорил, что предпочел бы, скорее, быть собакой или ослом, чем французом. Трудно сказать, было ли это вызвано самоуверенностью или просто недостатком чувства реальности, но в смертельном конфликте орден ухитрился взять сторону папы и даже ссудить ему значительные суммы (говорили, что деньги шли в том числе и из казны короля, назначаемого которого был тамплиер). Наверное, мечта Филиппа о золоте братьев фундировалась их предательством, и участь ордена была предрешена уже тогда. Так, во всяком случае, выглядит это в очевидности зримого. В оптике незримого анамнеза простирается куда дальше. Жюлю Мишле принадлежит глубокое слово о рыцарях Тампля. «В них, — говорит Мишле, — крестовые походы стали постоянными и непрерывными». Хотя иные энтузиасты еще и в начале XIV века грезили о новом крестовом походе, их едва ли кто-нибудь принимал всерьез. Своих дел и забот было полно уже и в старой добре Европе. Историк Фавье довел эту мысль до предела прозрачности: «Тампль умер, после того как он забыл Иерусалим».

8

Конец ордена производит впечатление юридически и полицейски хорошо спланированной облавы. Аресты нача-

лись ранним утром в пятницу 13 октября 1307 года одновременно по всей Франции. За месяц до этого всем королевским балль и сенешалям были разосланы письма в запечатанных пакетах, вскрыть которые надлежало за день до акции. Филипп действовал осторожно, опасаясь, не без оснований, что в случае огласки могущественный орден мог нанести превентивный удар. За день до ареста, 12 октября, великий магистр Жак де Моле, ставший, между прочим, по просьбе Филиппа крестным отцом одного из престолонаследников, присутствовал при погребении жены Карла де Валуа, брата короля, и даже нес, в двух шагах от короля, балдахин. Конечно, образцы этой техники нередки и в древности; но на память — после навязчивой аналогии с московскими процессами — приходит, скорее, будущее: Сталин, который награждал своих сподвижников орденами за неделю до их ареста и расстрела. Аресты производились по всем командорствам; только в Париже были взяты под стражу 140 членов ордена, среди них Жак де Моле и великий визитатор Франции Гуго де Пейро; сразу после этого в Тампль прибыл сам король с целой армией нотариусов, которым было велено немедленно конфисковать имущество. Обеспечена была заранее и юридическая сторона, поскольку арест тамплиеров, подчинявшихся с 1139 года только папе, демонстрировал беспрецедентное злоупотребление властью; нужно было создать повод для расследования и представить случившееся в самом объективном виде. Лучше не могло быть придумано и в дурном криминальном бестселлере: в одной тюремной камере вместе с каким-то приговоренным к смерти преступником из Безье оказался некий экс-тамплиер,

которому вдруг вздумалось поведать своему соседу жуткие тайны об ордене, настолько жуткие, что ошеломленный негодяй немедленно потребовал встречи с королем, чтобы рассказать ему услышанное и исполнить тем самым свой долг гражданина и христианина. Филипп просчитал и другое. На папском престоле сидел его ставленник Климент V, бывший епископ Бордо, которого он вдобавок ко всему шантажировал намерением начать посмертный судебный процесс над Бонифацием VIII, так благополучно избежавшим его в свое время благодаря своей неожиданной смерти (Ногаре даже требовал эксгумировать тело покойного папы и предать его сожжению). Наверное, случай был все-таки настолько вопиющим, что Климент, будучи и сам узником короля, не скрывал поначалу своего возмущения (*«бунтом на коленях»*, *«une révolte à genoux»*, называет это

Обвинительный список составил 117 пунктов, но главными были три: отречение от Христа, плевки на крест и содомия. Параллельно распространялись слухи об идолопоклонстве. Говорили о какой-то фигуре, установленной в Тампле: то ли бородатой голове, то ли голове с тремя лицами и сверкающими глазами. По другой версии, это был череп. По еще другой, кот. В конце концов, сошлись на Бафомете (*figura Baphometi*), полагая, что так это, наверное, понятнее всего.

Мишле), но Филипп, предпочтя не обострять ситуацию без нужды (как-никак, а происходящее повергло христианский мир в состояние шока), легко успокоил его уступками, годившимися разве что на то, чтобы деморализованный наместник Бога на земле сохранил лицо. Всё кончилось тем, что король уступил папе дело Бонифация, а папа взамен отдал ему тамплиеров. Мишле: «Он отдал живых, чтобы спасти одного мертвца. Но этим мертвцом было само папство». Дело было передано великому инквизитору Гийому Парижскому, и только слепой не увидел бы, что это означа-

ет; Гийом был не только инквизитором, но и личным духовником короля; таким образом, как инквизитор он обеспечивал правовую сторону, а как духовник – фактическую. Оставалось напоследок еще заручиться поддержкой *«народа»*, что и было сделано сразу после арестов. В королевском саду на острове Сите при огромном скоплении толпы министр Ногаре зачитал письмо короля, обошедшее в скором времени всю Францию: «Горестное известие, прискорбная новость, которую невозможно ни вообразить себе без ужаса, ни без ужаса услышать! Мерзкая по степени коварст-

Король Филипп Красивый отправляет тамплиеров на костер. Начало XV века

ва, заслуживающая презрения по степени низости! <...> Дух, наделенный разумом, испытывает боль и помрачение при виде природы, насильственно изгоняемой за свои пределы, забывающей свое естество, игнорирующей свое достоинство, расточающей себя, уподобляющейся зверям, лишенным чувств, – что я говорю? – превышающей зверство самих зверей». Это уже как бы в кредит будущих передовиц «Правды» и «Известий»: «Болью и гневом полны наши сердца. Чудовищные, нечеловеческие преступления кучки выродков, поганых псов фашизма холодят кровь. <...> Гадину, отравляющую воздух трупным зловонием, надо расстрелять». Конечно, толпа и здесь отнеслась к услышанному «понимающему», так что

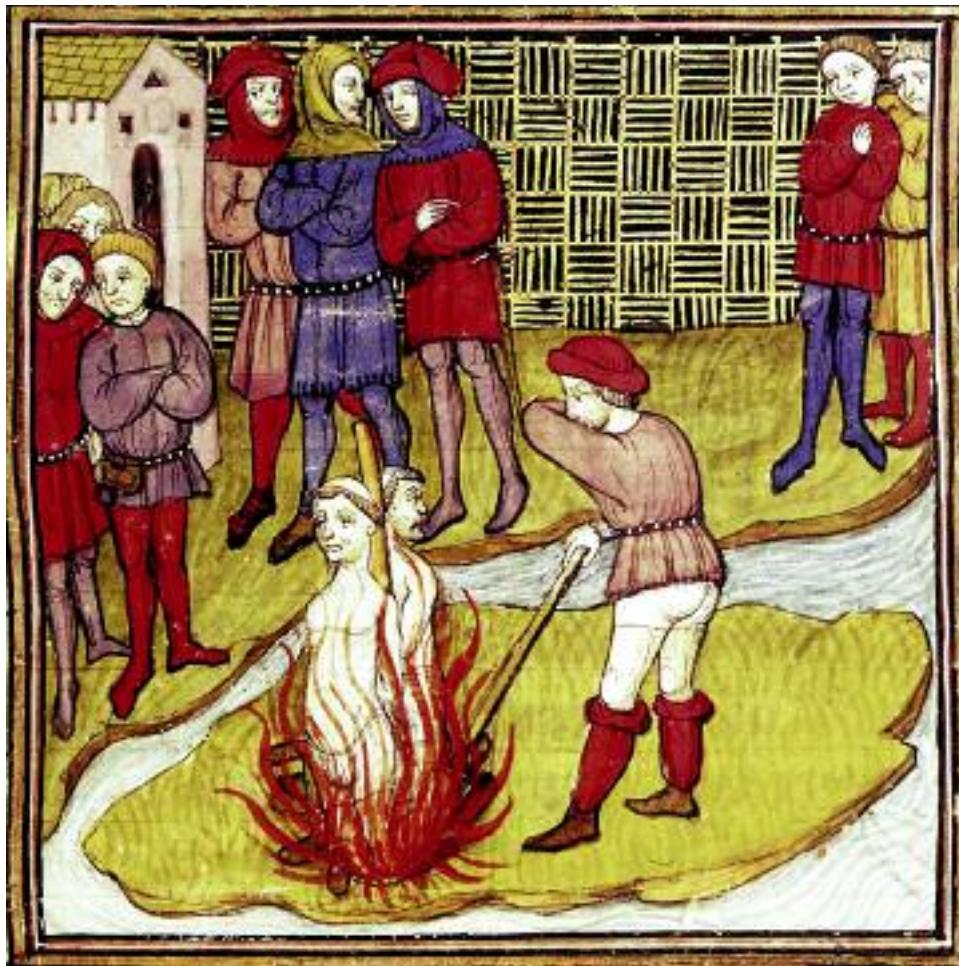
Филипп мог бы сказать обо всем словами Сталина, который, когда ему сообщили о каком-то проколе следствия, поморщился и махнул рукой: «Ничего, слопают». Об ордене уже давно ходили недобрые слухи, и что-то такое рано или поздно должно было случиться. Организаторам процесса не пришлось проявлять особую щепетильность при согласовании деталей; главное – всё было готово: обвинения, чтобы быть предъявленными, и обвиняемые, чтобы в них сознаться, ну, а народ был всё тот же, что и тогда – при всенародном референдуме во дворе Кайафы, и на этот народ вполне можно было положиться.

9

Обвинительный список составил 117 пунктов, но главными

были три: отречение от Христа, плевки на крест и содомия. Параллельно распространялись слухи об идолопоклонстве. Говорили о какой-то фигуре, установленной в Тампле: то ли бородатой голове, то ли голове с тремя лицами и сверкающими глазами. По другой версии, это был череп. По еще другой, кот. В конце концов, сошлись на Бафомете (*figura Baphometi*), полагая, что так это, наверное, понятнее всего. Не будь юмор столь чудовищно неподходящим, абсолютно чуждым элементом для всей топики процесса, можно было бы вполне заподозрить в коте-Бафомете *анекдот*. Сначала при каждом допросе спрашивается, правда ли, что в ордене поклоняются какому-то идолу. Ответ каждый раз гласит: да. Потом выясняется, что большинство братьев его вообще не видели, а те, которые видели, не знают, что именно видели: бородатую голову, череп или кота. Даже руководители ордена – магистр, визитатор, преценторы – не знают, чему они поклонялись: бородатой голове или коту. Филипп делал всё, чтобы как можно скорее покончить с делом; он и так сильно рисковал, бросая вызов если не своему «карманному» папству, то всему христианскому миру, для которого тамплиеры были не просто могущественным орденом, но живым символом христианства. После того как большинство братьев – некоторые частично, другие полностью – сознались в инкриминируемых им трех пунктах, дело, казалось бы, было завершено. Но тут снова заупрямился папа, уязвленный, скорее всего, грубостью и откровенной насмешливостью королевских действий. Он создал комиссию по расследованию, установившую, что большинство показаний было выбито пытками. Так, Понсар де Жизи, прецентор Пайена, в

четверг 27 ноября 1309 года назвал ложными все обвинения, а также все показания, сказав, что сделаны они были под пытками, от которых только в Париже умерли тридцать шесть братьев. Рыцарь Бернард Дюге, ноги которого долго держали над огнем, даже показал судьям две вывалившиеся из его пяток кости. После этого обвинительный состав начал разваливаться, так что папа имел все основания приостановить процесс и объявить о подготовке нового суда. Ответный шаг Филиппа оказался настолько же неожиданным, насколько философски грамотным. Мы едва ли ошиблись бы, увидев в нем прямой перенос контроверзы спора об универсалиях на юридическую практику. Это чистейший *прикладной* номинализм эпохи расцвета школ Парижа и Оксфорда, можно было бы сказать: первая апробация программного *universalia sunt nomina post rem* (общие понятия суть имена после вещей) на государственном уровне. Есть *орден тамплиеров* как метафизическая реалия, и есть *тамплиеры*, конкретные люди. Право суда над *орденом* Филипп, в полном согласии с буллой *Omne Datum Optimum*, оставил за папой. Его самого вполне устраивали тамплиеры как *homines singulares* (частные лица). Таким образом, многомудрый спор об универсалиях оборачивался в юридическом измерении издевательством, потому что метафизически *орден* мог сколько угодно предшествовать своему физическому содержанию; юридически, без этого содержания, он становился просто пустым звуком. По существу, Филипп менял понятие на людей, совершенно точно рассчитав, что гордо реалистическое *ante rem* (до вещей), если юридически оставить *его sine re* (без вещей), просто станет *post rem* (после вещей). Для осуществ-

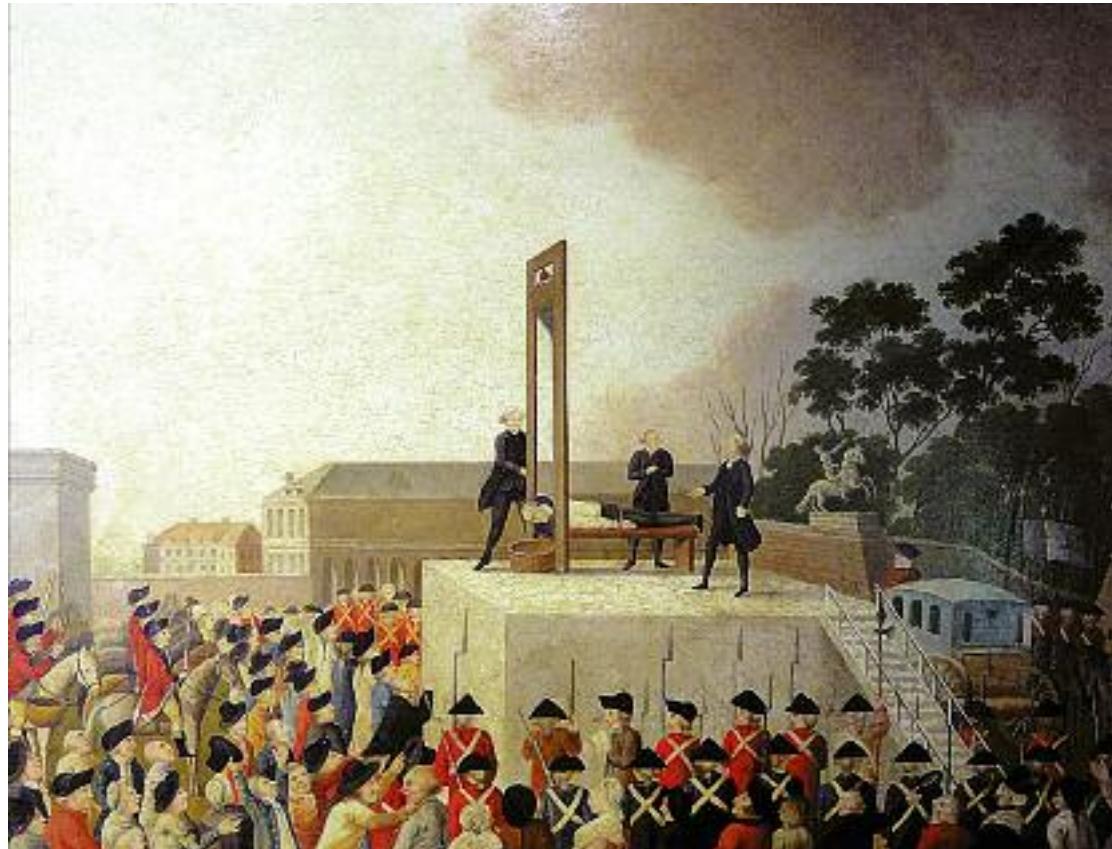

Сожжение Жака де Моле. Начало XV века

Магистр Жак де Моле попросил повернуть его лицом к Собору Богоматери и, уже объятый пламенем, громко призвал папу и короля на Божий суд. То, что Климент V умер спустя месяц (предположительно от рака кишечника), а 46-летний Филипп через восемь месяцев то ли от инсульта, то ли упав с лошади на охоте (по Данте, от удара кабана, *di colpo di cotenna*), положило начало красивой и повторяющейся в веках легенды о проклятии тамплиеров.

ления этой комбинации в Париже 10 мая 1310 года был созван епископальный синод, на котором архиепископ Санса Филипп де Марини (брать всемогущего министра финансов Ангерана де Марини и, значит, «свой человек») велел парижскому епископу продолжить суд, который теперь уже был вполне легитимным, так как котировался не как суд над *орденом*, а как суд над *отдельными* братьями. Похоже, анекдотическая выигрышность решения в самом деле была обусловлена сменой философских гегемонов; еще за

каких-нибудь несколько десятилетий столь откровенный перенос номиналистической софистики на юридическую практику показался бы невозможным, но после физической пощечины Бонифацию VIII впору было ожидать и метафизических хулиганств. Во всяком случае, одновременность номинализма Оккама или Николая Отрекурского с практикой номинализма в процессе тамплиеров – не просто аналогия, а скорее, гомология (в шпенглеровском смысле), указывающая на морфологическое единство контекстов. С

Казнь Людовика XVI

«21 января 1793 года в четверть одиннадцатого утра Людовик Бурбон, XVI именем, родившийся в Версале 23 августа 1754 года, названный дофином 20 декабря 1765 года, король Франции и Наварры 10 мая 1774 года, помазанный и коронованный в Реймсе 11 июня 1776 года, был гильотинирован на Площади Революции. – Вскоре после этого некий человек по имени Ромо – в брошюре, которую сегодня почти невозможно разыскать, – предложил “всем гражданам отмечать в семейном кругу день памяти 21 января, поедая в этот день свиную голову или свиное ухо”».

реалией ордена, ставшей после его физического упразднения пустым номеном, могли бы вполне справиться нотариусы и легисты, и, наверное, в Филиппе уже проговаривалось позднее сталинское: «*Нет человека, нет проблемы*»... Обвиняемые были поставлены перед выбором: признать всё и быть выпущенными на свободу или по-прежнему отрицать всё и получить пожизненное заключение. Наиболее тяжким оказывался третий пункт, так называемый *relapsus* (рецидив), когда признавшие раньше свою вину отрекались от своих показа-

ний. Во вторник 12 мая 1310 года 54 таких рецидивиста были сожжены на полях в Сент-Антуанском предместье Парижа. После этой казни сопротивлению практически начал конец, но слушаю угодно было увенчать конец еще одним проколом. Брат Эмери де Вилье-ле-Дюк в среду 13 мая 1310 года, «бледный и весь истощенный засвидетельствовал под присягой и под страхом погибели души, что все вменяемые ему преступления являются ложными». Он потребовал для себя незамедлительной смерти, в случае если он лжет. Брат Эмери: «И пусть

мое тело и моя душа провалятся перед вами на этом месте в ад! <...> Вчера я видел, как в телегах везли на костер пятьдесят четыре моих брата, сознавшихся раньше в этих преступлениях. Но будь и я на их месте, я не вынес бы этого. Я сознался бы во всех приписываемых мне злодеяниях; я сознался бы даже в том, что убил Господа нашего, если бы от меня потребовали этого». Видимость расследований продолжалась еще некоторое время, пока 22 марта 1312 года орден не был упразднен буллой *Vox in excelso* папы Климента V.

10

Судьба и случай позабочились, впрочем, о том, чтобы и это не было еще концом. Последнее слово в деле тамплиеров оставалось за великим мастером ордена. 18 марта 1314 года Жак де Моле и преceptor Нормандии Годфруа де Шарне были казнены в Париже. Их вместе с двумя другими узниками, визитатором Фран-

ции Гуго де Пейро и прецентром Пуату и Аквитании Годфруа де Гонвилем, привезли на суд, чтобы прилюдно огласить им приговор о пожизненном заключении. Трибунал из четырех кардиналов под председательством Филиппа де Марини проходил на паперти перед Собором Парижской Богоматери при огромном скоплении народа. Приходится гадать, какие именно мотивы побудили Филиппа устроить этот театр, но то, что ему совершенно отказалось чувство *мистической* (или, в иной оптике, *эстетической*) реальности, не подлежит сомнению. В своем самомнении он просто не сподобился учесть элементарное правило жанра, что там, где со сцены сходят два героических столетия, сцену трясет как в лихорадке. Великий магистр взял слово и твердым голосом засвидетельствовал ложность обвинений и невиновность ордена. Вслед за ним то же повторил приор Нормандии. Оба других товарища предпочли хранить молчание и сгинули навсегда в подземельях. Что до клятвоотступников, то, пока кардиналы решали их участь, Филипп созвал совет и велел казнить обоих незамедлительно, без суда и приговора, так что уже вечером того же дня на Камышовом острове Сены между королевским садом и церковью августинских монахов (нынешней набережной Больших августинцев) был сложен костер, один на двоих. Магистр попросил повернуть его лицом к Собору Богоматери и, уже объятый пламенем, громко призвал папу и короля на Божий суд. То, что Климент V умер спустя месяц (предположительно от рака кишечника), а 46-летний Филипп через восемь месяцев то ли от инсульта, то ли упав с лошади на охоте (по Данте, от удара кабана, *di colpo di cotenna*), положило начало красивой и по-

вторяющейся в веках легенды о проклятии тамплиеров. Пожалуй, великий магистр вызывал на суд Божий не только своих непосредственных палачей, но и саму королевскую власть; во всяком случае, слухи и фантазии здесь настолько сопряжены с фактами, что переход от одного к другому как бы напрашивается сам собой, стирая грань, отделяющую «*поззию*» от «*правды*»: факт, к примеру, что Людовика XVI везли на казнь именно из башни Тамплия; слух, что какой-то человек взобрался на эшафот после его казни и громко крикнул: «*Жак де Моле, наконец ты отмщен!*» Интереснее всего, что слухи, даже если их нельзя подтвердить прямым образом, не лишены почвы и косвенно подтверждаются другими фактами. Сценка с незнакомцем на эшафоте — слишком груба, именно театрально груба, чтобы заслуживать доверие историков. Но причем тут доверие историков! Наверное, историкам следовало бы время от времени напоминать, что история гораздо сложнее и непредсказуемее их собственных представлений о ней. В конце концов, не история нуждается в их доверии, а они в ее понимании, и считать историей только ее документально заверенную часть, всё равно что считать морем то, что плещется на его поверхности. В то же время чем же названная сценка неправдоподобнее сотен других, достоверных, потому что документированных? Разве не вписывается она вся целиком в тот парижский 1793 год, который (документально ли, анекдотически ли) так вдохновенно и почти уже на грани неразличимости подражал будущему роману Гюго! Но вот, впрочем, еще один, вполне достоверный, факт, через который проклятие великого магистра транспарирует ярче и исчерпывающе, чем через все ок-

культные толки и слухи. Я цитирую по гонкуровской «Истории французского общества в период революции»: «21 января 1793 года в четверть одиннадцатого утра Людовик Бурбон, XVI именем, родившийся в Версале 23 августа 1754 года, названный дофином 20 декабря 1765 года, король Франции и Наварры 10 мая 1774 года, помазанный и коронованный в Реймсе 11 июня 1776 года, был гильотинирован на Площади Революции. — Вскоре после этого некий человек по имени Ромо — в брошюре, которую сегодня почти невозможно разыскать, — предложил “всем гражданам отмечать в семейном кругу день памяти 21 января, посадая в этот день *свиную голову* или *свиное ухо*”».

11

Вопрос, остающийся непроясненным и по сей день: были ли преступления, инкриминируемые тамплиерам, выдумкой или они все-таки соответствовали действительности? На этот вопрос нет прямого и простого ответа: ни просто «да», ни просто «нет»; между «да» и «нет» растянута целая палетта половинчатостей: от частичных, дробимых «да» до частичных, дробимых «нет». Схема «пытки-признания» очевидна, но она объясняет не всё; большинство признаний носят выборочный характер, что не совсем вяжется со способом их получения, потому что признания, полученные под пытками, как правило, не селективны, а тотальны: тут можно либо, упервшись головой в безумие, всё отрицать (в промежутках между приведением в сознание и очередной потерей его), либо уже без удержу сознаваться *сколько угодно и в чем угодно*. Что при более пристальном чтении протоколов допросов, изданных в свое время Мишле в знаменитом двухтомнике

Тамплиер. XII век

Конец тамплиеров – в более глубинной, незримой оптике очевидного – видится концом эпохи: эпохи героического христианства, начало которой совпадает с началом самого христианства и представлено фигурой праведника, гностика и мученика. Это христианство началось с мученичества и завершилось мученичеством; братьям-храмовникам выпала в этом смысле милость, хотя и в странной форме: принять муку и смерть не от неверных, а от «своих», тех самых своих, что хуже всяких неверных, – христиан, которых в христианстве устраивало решительно всё, кроме Христа.

«Процесс тамплиеров» и переизданных в наше время Жаном Фавье обращает на себя внимание, так это, среди прочего, странный, на грани невменяемого тон, которым делаются признания; впечатление таково, что они *говорят правду*, но не всю, и делают это, как бы не совсем соображая, о чем речь. Как же иначе понять, что на сотнях протокольных страниц сотни раз повторяется одно и то же: «*Да, я кощунствовал, но делал это устами, а не сердцем*», – без того чтобы судьи, да и сами признающиеся, задали вопрос: а зачем? Зачем вообще было принуждать себя и других к кощунству, зная, что оно фиктивное, притворное? За-

чем стремиться быть принятым в орден, где принуждают к такому нелепому кощунству? Факт, что в ритуалах принятия в орден действительно присутствовали элементы, на которых позже строилось обвинение. Они в самом деле отрекались от Христа, хотя и в довольно странной форме: «От Тебя, кто Бог, отрекаюсь», – и даже (некоторые, впрочем, решительно отказывались делать это) плевали на крест, хотя сразу после этого с благоговением целовали его. Очевидно, это объясняется перениманием определенных оккультных практик, которыми кишмя кишел Восток и которые после крестовых походов

стали нередки и на Западе. В данном случае речь могла бы идти о символически инсценируемой ступени, известной в мистериях посвящения под техническим наименованием *«встреча со стражем порога»*; посвящаемый переживал здесь в ужасных объективированных образах собственное подсознание как темную негативную изнанку светлых сознательных представлений. Рудольф Штейнер в дорнахской лекции от 25 сентября 1916 года необыкновенно остро вскрыл загадку самооговоров тамплиеров указанием на факт их христианского посвящения. Особенностью этого посвящения была неизбежность встречи со злом, переживания зла *в себе*. Ревностный служитель добра и подвижник обнаруживал вдруг в себе никогда прежде даже не предполагаемую восприимчивость к дьявольскому и сатанинскому. Он начинал жить как бы в раздвоенном сознании, нижний – подсознательный – полюс которого активировался тем сильнее, чем сильнее утвер-

ждал себя верхний, светлый, полюс. Посвящаемый ощущал вдруг в себе с трудом удерживаемую тягу к кощунству, искушениям и соблазнам. Пародоксальность переживания заключалась в том, что без этой тяги он оставался бы ущербным потенциально (плоское дневное сознание без ночной изнанки), а с ней рисковал стать таковым на деле. Нужно было научиться осознавать в себе способность, склонность ко злу и не делать зла. Как раз на этом зыбком, обваливающемся, как бы лунатически повисшем над собой психическом состоянии и построил Филипп технику добывания признаний, причем так, чтобы они не только выглядели, но и были — для непосвященных — правдой. Признания достигались не пытками; пытки просто отключали сознание, после чего точными, точечными вопросами реактивировалось подсознание, в котором жили богохульство и порок. Вопросы ставились по уже заранее предрещенным и нужным ответам, которые извлекались затем из подсознательного, занявшего место отключенного пытками сознания. Скажем, подследственному задавался вопрос: отрицал ли он просфору, или: избегал ли он произносить литургические формулы, или: плевал ли он на крест, а он сознавался в этом, как в правде, но такой, которая, будучи правдой, вместе была и неправдой. (Некоторые вопросы, типа: предавался ли он содомии, решительно отклонялись, потому что в этом пункте, надо полагать, вакuum сознания просто ничем не заполнялся.) Надо представить себе художника, у которого конфискуют черновики, отдельные наброски, зарисовки, сырье и выдают затем это «парки бабье лепетанье» за само произведение. Или еще: надо представить себе человека, которого фотографируют в

момент, когда ему защемило палец дверью, и вклеивают потом эту фотографию в удостоверение личности как удостоверяющую личность. Нет сомнения, что тут работали профессионалы, и весь трюк сводился, по существу, к перевертыванию потенциала в индикатив, в котором данные сознания погашались с помощью пыток, а на их место вдвигались сослагательности подсознания, тем более чудовищные, что сфотографированные в момент посвятительного расширения сознания в ад. Когда позже они приходили в себя и задним числом пытались объяснить случившееся, не всем удавалось осознать уровень и качество порчи, а тем, которым удавалось, приходилось либо смиряться с собственной участью, либо отрекаться от своих показаний и впадать в рецидив (relapsus), то есть выбирать между жалкой милостыней пожизненного заключения в жизнь и смертью на костре.

12

Конец тамплиеров — в более глубинной, незримой оптике очевидного — видится концом эпохи: эпохи героического христианства, начало которой совпадает с началом самого христианства и представлено фигурай праведника, гностика и мученика. Это христианство началось с мученичества и завершилось мученичеством; братьям-храмовникам выпала в этом смысле милость, хотя и в странной форме: принять муку и смерть не от неверных, а от «своих», тех самых своих, что хуже всяких неверных, — христиан, которых в христианстве устраивало решительно всё, кроме Христа: не того Христа, о ком добрый деревенский священник сказал однажды, увидев растроганную его проповедью до слез паству: «Не плачьте, дети мои! Всё это

было так давно, и, кто знает, может, и не было вовсе», — а Христа живого и сиюминутного, воскресшего не в ярмарку богословских тщеславий, а в ежемгновенность созерцающего сознания. Просто в новом, подчеркнуто негероическом, немученическом, неправедном христианстве не было уже места *вере, вбираемой в волю*, а был лишь нелепый сплав веры без воли, безвольной веры, и воли без веры, неверной воли. Оттого они и исчезли — как вчерашний день и анахронизм, — а с ними и цепкий мир: мир рыцарства и монашества, ярости и смирения, как зримой Божьей воли. Любопытный рикошет: грехи и преступления, приписываемые им, оказались на деле грехами и преступлениями тех, которые пришли после них и на их место: рыцарей, в которых от рыцарства остались разве что доспехи, и монахов, по которым впору было составлять компендиумы половых извращенностей. Наверное, они и были последними рыцарями и вместе последними монахами христианства: крестоносцами, которым довелось-таки действительно нести свой крест: не потому, что некий злой и алчный король, подмяв под себя Рим и мир, хотел завладеть их золотом, а просто потому, что вышло их время и не стало им места в мире, отчего они и ушли, не как всхлип, а как взрыв, и еще: как проклятие — но не в обычном фольклорно-магическом, а в более страшном, реальном, смысле: проклятие тем, которые, выжив их со свету, остались сами и надолго, — не потому, что им самим было время и место в мире, а просто потому, что есть же в комбинациях мировых судеб и такая одна, по которой можно быть мертвым, ничего об этом не зная, и по незнанию продолжать как ни в чем не бывало жить.

**Борис Вадимович
Межуев** – кандидат философских наук, заместитель главного редактора газеты «Известия»

**Александр Иванович
Неклесса** – руководитель Группы «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия», председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, директор Центра геоэкономических исследований (Лаборатория «Север–Юг») Института Африки РАН

**Сергей Феликсович
Черняховский** – доктор политических наук, профессор, действительный член Академии политических наук

Попытка бегства с Олимпа, или Обитаемый остров Россия **Беседа в редакции**

Письмо в бутылке

Александр Неклесса (далее – А.Н.): Коллеги, фильм Алексея Германа «Трудно быть богом» выходит в прокат. О нем и повести, по которой он снят, много говорят, пишут, так что имеет смысл обсудить и другие произведения братьев Стругацких, их творчество в целом, специфическую футурологию российских фантастов. Разговор предлагаю начать с определения контекста действия и провокационного вопроса: альтернативная реальность Стругацких – это про-

шлое, настоящее или будущее России да и всей человеческой цивилизации?

Борис Межуев (далее – Б.М.): Вы знаете, Александр, это очень правильный вопрос, потому что произведения Стругацких – это произведения, в которых прошлое весьма тесно переплетается с настоящим и будущим. К примеру, прошлое, которое угадывается в не менее известной и также экранизированной повести «Обитаемый остров», – это наше советское про-

шлое, 60–70-е годы XX века. Настоящее — нынешнее настоящее, которое легко опознается в сюжете. И безусловно, это будущее — будущее всего человечества. Братья Стругацкие приступили к написанию «Трудно быть богом» в начале 60-х, «Острова» — в 1967-м. Отдельным изданием повесть вышла в 1971-м. И вот это время — рубеж 60–70-х годов — весьма важное. Может, это один из самых важных и травматических переломов всей истории XX столетия. Тот период, когда люди по весьма таинственной причине — и Стругацкие дают нам возможность разобраться, в чем эта причина, — вдруг перестали верить в прогресс. Это время, когда прогресс перестал быть религией миллионов.

A.H.: Новейшая история изобилует разочарованиями. «Наше будущее тяжелее нашего прошлого и пустее настоящего» — такие умонастроения присутствовали в прошлом веке. Да и в позапрошлом тоже встречались. Хотя преобладал энтузиазм индустриальной революции, экспансии цивилизации. Однако с какого-то момента сомнения в прогрессе возрастают. Возникает жанр антиутопии. А после мировых войн вместе с недолгой эйфорией начинается ревизия человеческой и метафизической ситуации, отразившаяся в коррупции протестантской этики, переоценке коммунистического эксперимента, «теологии после Освенцима». Тем не менее при всех турбулентностях 60-е годы представляются мне островком социального оптимизма, быть может, его последней волной — десятилетием апофеоза индустриальной культуры: полет в космос Гагарина — в начале десятилетия, высадка на Луну Армстронга — в конце. Но правда и то, что замаячившие миражи имели неспокойную природу. Те же 60-е — это

не только ракеты, доставлявшие людей в космос, но и Карибский кризис, это и убийство Кеннеди, Вьетнам, китайская культурная революция, Шестидневная война, доктрина Брежнева... В 1968-м предтеча Стругацких — Иван Ефремов — публикует антиутопию «Час быка». И тогда же — после ввода войск в Чехословакию — терпит крах первая попытка Алексея Германа снять фильм «Трудно быть богом». На рубеже 60–70-х на планете совершился грандиозный социокультурный переворот, определяемый Иммануилом Валлерстайном как «мировая революция», Збигневом Бжезинским как «вступление в фазу новой метаморфозы всей человеческой истории», а Рикардо Диес-Хохлайтнером как «великий перелом». Россия в ипостаси СССР, не сумев опознать масштаб перемен, прогуляла этот урок, упустив некий судьбоносный шанс. Конфликт с нетерпением истории отразился в ретроспективном меме «застой», но ощущение цивилизационного транзита у столь чутких людей, как писатели, к тому же фантасты, — то есть людей с «нелимитированным» воображением — наличествовало.

B.M.: Мне кажется, Стругацкие даже предвосхитили этот перелом, он ощущается в повестях 60-х годов — прежде всего именно в повести «Трудно быть богом», когда разочарование в прогрессе выглядело бы абсолютным нонсенсом для большей части современников. Они это почувствовали раньше других. На эту тему есть в общем-то хорошая книжка двух советских эмигрантов Петра Вайля и Александра Гениса «60-е. Мир советского человека», посвященная перелому 60–70-х годов. Когда фантастика из научной становится преимущественно социальной, когда

Александр Герман

интеллигенция в 70-е годы обращается к традиции, когда оказывается возможен феномен Тарковского с его внутренним разрывом с прогрессизмом, столь явственно видным в «Солярисе».

A.H.: Факт всегда сложнее суждения. Тектоника тех лет включала контркультурную революцию и постиндустриальный переворот, формирование третьего мира и далеекоидущую трансформацию淑веренитетов, переход от инженерного габитуса к информационно-финансовой, цифровой культуре, от административной вертикали к сетевой организации и от линейного, или, как Вы сказали, «прогрессистского», социального горизонта — к извилистому маршруту, ведущему к дисперсному обществу. Менялась пропись миростроительства, разрушая просвещенные каноны и марксистскую перспективу. Траектория СССР

Кадр из фильма Федора Бондарчука «Обитаемый остров»

Прошлое, которое угадывается в не менее известной и также экранизированной повести «Обитаемый остров», – это наше советское прошлое, 60–70-е годы XX века. Настоящее – нынешнее настоящее, которое легко опознается в сюжете. И безусловно, это будущее – будущее всего человечества.

— нечто иное. Изменения в Советском Союзе, отчасти откликаясь на эманации мирового переворота, выражали дух перемен в том смысле, что страна переживала «оттепель» — обновление, связанное с энергетикой XX съезда, с возможностью жить, говорить, писать, снимать кинофильмы несколько свободнее, чем до той поры. Социальный оптимизм, порой даже чрезмерный, присутствовал тогда — в 60-е. Отразился он и в программе КПСС, объявившей задачу построения коммунизма близкой к завершению, и в поднявшем образ «физика» специфическом очаровании НТР, отраженном у Стругацких в «Понедельнике». Все это влияло на настроения в лишенной многих других удовольствий стране. Вскоре, однако, ее поразил новый ступор — заработал сырьевой амортизатор, началось бронзовение 70-х, нарастал пафос борьбы с инакомыслием. 1968 год обозначил апофеоз и рубеж Модернити на Западе. На Востоке же иллюзии ностальгически

окрашенного мира «комиссаров в пыльных шлемах», позолоченного десятилетия «социализма с человеческим лицом», грезы о новой «весне народов» развеивались, замещаясь твердеющей скорлупой «реального социализма». В массовом сознании, действительно, распадалась одна из схем просвещенческого прогресса.

Сергей Черняховский (далее — С.Ч.): Я бы дал другой ответ. Во-первых, на мой взгляд, Стругацкие в основном — хотя эта точка зрения и распространена сейчас — писали не о современном им мире, а про возможные, вызревавшие тогда тенденции. Причем поливариантные. Во-вторых, вот Вы спросили: это прошлое, настоящее или будущее? Там два варианта миров: скажем так, миры утопии и миры антиутопии. Миры светлые и миры темные. И в этом отношении темные миры — это скорее наши, сегодняшние. И наше ближайшее будущее. А что касается светлых миров, хотелось бы, чтобы они были на-

шим перспективным будущим. Но здесь, как мне думается, возникает вопрос выбора. Что выберет общество и Россия? Если говорить о России, выберет ли она движение, которое так или иначе намечалось в 60-е годы, или изберет ту динамику, которую мы наблюдаем последние 20 лет? То есть в известной мере книги Стругацких и о проблеме выбора. Их темные миры: Сарракш, «Град обреченный», «Улитка на склоне», планета Надежда из «Жука в муравейнике» — это миры, испугавшиеся будущего и вставшие на путь умирания, бесконечного повторения пройденного. Формула миростроительства стала меняться на Западе скорее в 70-е годы. Конец 1960-х — это как раз появление и расцвет «технооптимизма». «Технопессимизм» — это уже ближе к середине 1970-х, Тоффлер и Медоуз. Вообще если сопоставить обращение к темам и раскрытие тем будущего миростроительства в советской художественной футурологии 50–60-х годов и западной классической футурологии, можно увидеть, что наша опережала западную и по времени обращения к этим темам, и по глубине раскрытия проблем. Ефремов, Мартынов, Стругацкие и Гуревич бо-

лее глубоки и разноуровневы, нежели Кин и Винер.

Б.М.: Пожалуй, я все-таки еще скажу о том, как вижу повесть «Обитаемый остров», о которой также много спорили в связи с фильмом Федора Бондарчука. Это собственно книга о том, как 60-е годы увидели себя в 70-х. Герой повести Максим – конечно, выходец из Мира Пoldня, этого своеобразного продолжения 60-х годов Советского Союза в будущее. И вот он попадает в другой мир и постепенно обнаруживает собственный мир в этой – вроде бы, радикально чуждой и непонятной ему – реальности. И мы вместе с ним видим его глазами ту же самую реальность, только уже другого времени, другой эпохи. Мир Советского Союза, но на совершенно ином – переломном – этапе в безрадостном, лишенном идеалов и будущего обличии. Это СССР, потерявший будущее.

С.Ч.: Чтобы 60-е увидели себя в 70-х, нужно было бы, чтобы они их увидели, а эта книга писалась раньше. Как уже говорилось, если «Остров» и рассматривать как продолжение Советского Союза 60-х, то не в 70-е. А тогда, когда он проиграет – в варианте, если он проиграет. Это было в этом отношении предупреждением о том, что будет с СССР, если он откажется от своей борьбы.

Б.М.: На самом деле, как известно, цикл о Мире Пoldня незакончен. Кстати говоря, часто в фантастике повторяется такой прием, самым известным примером которого является фильм «Планета обезьян» по мотивам Пьера Буля, когда кто-то попадает на планету и видит там совершенно другой мир, а потом понимает, что это его собственный мир. Фактически «Обитаемый остров» – незаконченное повествование о том же самом. Мы знаем, что

братья Стругацкие собирались завершить цикл романом «Белый ферзь». На планете Саракш существует Островная империя – совершенно непонятная и, в общем, не раскрыта до конца. И конец должен быть такой, что эта Островная империя есть реальный мир, в котором возможен Мир Пoldня. Только уже существующий не по принципу равенства, как в придуманной Стругацкими утопии, но по принципу жесткой сегрегации тех людей, предел которых ограничивается чувственными удовольствиями, и тех, которые занимаются творчеством.

А.Н.: Это общество будет и демократичным, и благоденствующим – в нем все будут иметь по три раба...

Б.М.: Да, да, да. Это и есть то самое общество «реального коммунизма», фантастическим отображением которого является мир, откуда приехал Максим.

С.Ч.: Я и здесь хотел бы возразить. Хотя признаю право на существование и такой точки зрения. Однако гипотеза о том, что Стругацкие пародийно описывали современный им Советский Союз, мне представляется уж очень произвольной. Ну, ничего там нет, что действительно выглядело бы как аналогия с СССР. Тем более в середине 60-х, когда до пресловутого застоя было еще далеко. Это как раз время оптимизма. Время надежды. Когда я впервые прочитал «Обитаемый остров», а прочитал я его в начале 70-х, ну, никаких мыслей у меня не было, что это про то наше время. Я видел там совсем другие проблемы. Думаю, что разные люди действительно видели разные проблемы. Но вот сравнение Страны Отцов и советского общества эпохи застоя мне кажется очень поверхностным. Потому что отсутствовали многие их тех яв-

лений, которые характерны для Страны Отцов. Скажем, анонимная власть... Это же ни в коем случае не Советский Союз. А ремарка «эта страна была когда-то значительно обширнее»*, но затем распалась и стала вести бои на окраинах сохраненной территории с собственными бывшими провинциями – где здесь СССР 60-х? Это прямо про сегодня. В середине 60-х – да и в 70-е – СССР если где-то и вел бои, то не оборонительные на отдавшихся окраинах, а наступательные, вдали от собственной территории: во Вьетнаме. Африке, Латинской Америке. В Стране Отцов публичный компонент политической повседневности – гвардия, ведущая операции не только на границах, но и в городах, причем открыто, не стесняясь. То есть перед нами военно-полицейская диктатура. СССР времен написания повести можно считать чем угодно, но только не военной и не полицейской диктатурой. По улицам городов не только не носились армейские элитные подразделения, но и милиция, как правило, не носила оружия. Мирная страна, мирная жизнь. В общем, не был «Остров» антисоветской антиутопией. Распространившаяся в известных обстоятельствах трактовка мира «Обитаемого острова» как злой пародии на СССР сама по себе требует особого склада ума, особого отношения к тогдашней действительности. Отношения специфического, включающего два непременных компонента: злобу и неприязнь к тому обществу. И еще – готовность в любом описании отрицательного начала видеть намек на отторгае-

* Здесь и далее закавыченные фразы курсивом – цитаты из произведений, авторских комментариев и воспоминаний Стругацких.

При всех турбулентностях 60-е годы представляются островком социального оптимизма, быть может, его последней волной – десятилетием апофеоза индустриальной культуры: полет в космос Гагарина – в начале десятилетия, высадка на Луну Армстронга – в конце. Но правда и то, что замаячившие миражи имели неспокойную природу.

мую действительность. То есть это тип сознания, предрасположенный в той современности видеть темные пятна и при этом быть уверенным, что остальные тоже разделяют эту неприязнь к советской действительности, это замаскированное издевательство над ней. Это как раз те, которые сущностно не принимают будущее, если оно связано с напряжением и созиданием. Как раз такая категория людей показана Стругацкими в «Хищных вецах века» – стремящихся жить без движения, в покое и наслаждении. Забылся в электронно-наркотическом сне – и никакого будущего не нужно. А само оно не приходит, будущее нужно создавать. Поэтому-то, мне кажется, что Стругацкие задают определенную развилку: что будет, если общество не пойдет вперед.

А.Н.: По-моему, у Стругацких

была особая зоркость, необычное чутье или, если не будет звучать слишком пафосно, странный дар ясновидения. Достаточно вспомнить аллюзии, возникавшие постфактум при сравнении повести «Пикник на обочине» либо фильма «Сталкер» с темами, образами чернобыльской катастрофы. Подобные соответствия можно найти и в других произведениях братьев. Парадоксальная роль цензуры, сыгравшей в данном случае отчасти позитивную роль. Цензура принуждала активизировать потенции эзопова языка, расшивая одномерность политологических схем. Список замечаний к первоначальной редакции «Обитаемого острова», сделанный Главлитом, издательством и редакциями – по свидетельству Бориса Стругацкого, авторами было внесено 980 изменений, – включал такие позиции, как

«подчеркнуть наличие социального неравенства в Стране Отцов», «затуманить социальное устройство» и даже «чем меньше аналогий с СССР, тем лучше». Социальный строй на Саракше, становясь невнятным, обретал многозначность. Мне кажется, этим была оказана определенная услуга Стругацким. Недаром, когда появилась возможность опубликовать бесцензурное издание, некоторые внесенные в текст изменения остались. Сказанное не означает, что я сторонник цензуры, просто так уж легли карты. В итоге повесть, синтезировав черты антисоветской антиутопии и карикатурно-мрачного капиталистического строя с элементами фашизации – своего рода «Железной пяты», оказалась «письмом в бутылке», брошенным в будущее. Тут мне вспоминается прозорливое замечание Льва Троцкого, размышлявшего над вероятностью «возникновения нового эксплуататорского класса из бонапартистской и фашистской бюрократии». Мысль была высказана им в одной из последних работ: «СССР минус социальные ос-

новы, заложенные Октябрьской революцией, это и будет фашистский режим». Именно эклектика, коктейль из антисоветской и антикапиталистической критики в одном флаконе с привкусом, как выразился в одной из своих последних энциклопедий папа Франциск I, «новой тирании, невидимой и зачастую виртуальной», предопределили актуальность текста Стругацких в наши дни. В этом смысле здесь действительно были заложены элементы «политологии будущего».

Политология будущего

А.Н.: Коллеги, помните знаменитую работу Вадима Цымбурского «Остров Россия»? Понимание Московского государства как острова спасения восходит едва ли не ко временам падения Византии — точнее, к концу XV — началу XVI веков. Именно тогда формируется самоощущение народа как особой общности. Образ острова — отчего дома, погруженного в необъятный океан, — появляется в заключительных кадрах «Соляриса» Андрея Тарковского. «Остров» — название вызвавшего широкий резонанс фильма Павла Лунгина. По мотивам повести Стругацких «Обитаемый остров» была снята картина Федором Бондарчуком. С своеобразие российского «острова» не только в чувстве исключительности и географической фронтальности, но также в повторяющейся утрате политического баланса, выпадении обитателей в безвременье, неудачах реформ и революций по знаменитому рецепту Виктора Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». И как следствие — накопление огревов, сменявшееся новыми усилиями по перемещению участия. У Стругацких был выраженный интерес к проблематике про-

Иван Ефремов:

«Мы можем видеть, что с древних времен нравственность и честь (в русском понимании этих слов) много существеннее, чем шпаги, стрелы и слоны, танки и пикирующие бомбардировщики. Все разрушения империй, государств и других политических организаций происходят через потерю нравственности. Это является единственной причиной катастроф во всей истории, и поэтому, исследуя причины почти всех катализмов, мы можем сказать, что разрушение носит характер саморазрушения. Когда для всех людей честная и напряженная работа станет непривычной, какое будущее может ожидать человечество? Кто сможет кормить, одевать, исцелять и перевозить людей? Бесчестные, каковыми они являются в настоящее время, как они смогут проводить научные и медицинские исследования? Поколения, привыкшие к честному образу жизни, должны вымереть в течение последующих 20 лет, а затем произойдет величайшая катастрофа в истории в виде широко распространяемой технической монокультуры, основы которой сейчас упорно внедряются во всех странах».

гресса и коллизиям прогрессорства. Но как реализовать «попытку бегства» из исторического лабиринта, приводящего к повторным инкарнациям Минотавра? Каким образом вырваться из социальной тины, обращающей жителей страны в грязь под ногами очередной обоймы «элиты»? Братья демонстрируют несколько моделей поведения в «мире неприятных лиц»: человек, который наблюдает, — дон Румата, человек, который следует эволюционным путем, — Странник, человек, который действует революционно, — Максим. Есть у Стругацких еще одна модель — Саул с его «попыткой к бегству» — экзотичной версией эмиграции и персонального «выпадения из истории» по лекалам русской традиции «лишних людей». Возможно, политология Стругацких в значительной мере остается размышлением о будущем. И речь идет не только о России, но о всем человеческом космосе, демонстрирующем свою изнанку — «массаракши». Спе-

цифика этой своеобразной политологии не в выявлении различий прошлого, настоящего, будущего, но в их горизонтальном экзистенциальном столкновении, когда распадается связь времен. История растворяется в нечестивом смешении — калейдоскопе культур и веков, смешении и смущении прежней логики перемен. Или, по выражению Ивана Ефремова, «взрыве безнравственности», за которым последует «величайшая катастрофа в истории». Так что образы внеземных миров могут оказаться эскизами наиболее мрачных прогнозов земной футурологии. Таких, как единение государственной и мафиозной власти, сливающейся с безликостью спецслужб. Либо расплывание мирового андеграунда, его выход на поверхность в нечестивом конкубинате с «большим социумом». Умножение территорий смерти с их перманентными кровавыми конфликтами. Разрастание амбициозных обществ, действующих поверх стран и народов. Обединение

На рубеже 60–70-х годов на планете совершался грандиозный социокультурный переворот, определяемый как «мировая революция», «вступление в фазу новой метаморфозы всей человеческой истории», «великий перелом». Стругацкие (на фото) даже предвосхитили этот перелом, он ощущается в повестях 60-х годов – прежде всего именно в повести «Трудно быть богом», когда разочарование в прогрессе выглядело бы абсолютным нонсенсом для большей части современников.

мейнстрима и маргиналов, элиты и люмпенов, гламура и помойки. В общем, разнообразных версий крушения цивилизации, культурного коллапса, аномии, неоархаизации и антропологической катастрофы.

С.Ч.: Конечно. И мне хотелось бы отметить, что повесть и вообще творчество Стругацких – это непосредственно не про Россию как таковую. Все-таки дело в том, что именно означало то, что мы сейчас называем «Россией» для людей 50–60-х годов: это было пространство рывка в будущее, глобального эксперимента. Поэтому судьба России для них – судьба прорыва. И соответственно – судьба мира. Стругацких волнует и то и другое. Я согласен с последним Вашим замечанием, что это еще не сегодняш-

ний день, нет еще анонимной власти – хотя намеки есть. Но, возможно, это то, что еще предстоит.

А.Н.: И про Россию, и не про Россию. Вот свидетельство Бориса Стругацкого об истоках повести «Трудно быть богом», которую изначально планировалось написать как текст «веселый, чисто приключенческий, мушкетерский». Вместо этого ««Трудно быть богом» мы писали в великой злобе – сразу после встречи Хрущева с художниками в Манеже. Тут мы впервые поняли, что нами правят враги культуры, враги всего того, что мы любим. И мы получали злое, дикое наслаждение, описывая государство Арканар – с таким же точно хамским правительством и с такими же работягами, льстивыми подданными».

ми». В общем, «время “шага и кардиналов”, видимо, закончилось. А может быть, просто еще не наступило. Мушкетерский роман должен был, обязан был стать романом о судьбе интеллигенции, погруженной в сумерки Средневековья». Да и реакция на фильмы по мотивам Стругацких связана не только с их художественными качествами, но с очевидными политическими аллюзиями. Любопытно, как будет воспринят в этом смысле фильм Алексея Германа? Не исключено, фантастическое арканарское прошлое окажется на шаг ближе к настоящему будущему, ведь по словам режиссера: «“Трудно быть богом” – отчет о том, как я вместе со всеми проживал эти десять лет, как мы сами позвали серых и как они превратились в черных»...

Или можно вспомнить Федора Бондарчука, режиссера «Обитаемого острова», в ходе пресс-конференции на вопрос «Что Вы ассоциируете с этими башнями у нас в стране?» ответившего: «Да мы катимся в ж... Газет нет, радио нет. Есть только Интернет. Вот когда был Ельцин, то люди бежали смотреть телевизор с реальными и откровенными передачами. А сейчас заголовки газет начали напоминать времена с пропагандой. Альтернатив не видно – это пугает. Я могу долго говорить, но потом у меня будут проблемы». Однако как в любом сновидении или «одержании», в книгах Стругацких ощущимы прорехи памяти: отсутствие полноты «будущего прошлого», дефицит ретроспективной рефлексии, в том числе о России, при обилии в текстах русских имен. Уклончивость, сопряженная с многочисленными белыми – или темными – пятнами в канве хроник: «У нас история такая, потому что мы плачем о своем прошлом. Мы не можем его изменить и стремимся хотя бы помочь дру-

гим, раз уж не сумели в свое время помочь себе, — словно шелест мыслей Ивана Ефремова об опасностях инициирующего погружения в наследие мертвых цивилизаций, чему писатель собирался посвятить, но не успел, роман «Чаша отравы».

С.Ч.: Борис Стругацкий в своих интервью и комментариях 2000-х, действительно, пишет, что выступление Хрущева в Манеже повлияло на изначальный замысел, повернув его в сторону осмысливания взаимоотношений культуры и власти, но он же и отмечает, что потом под влиянием Ефремова они отошли от примитивного понимания этой темы и произведение стало более глубоким и многогранным. Главное в нем — это именно вопрос об ответственности, о соотношении этики и целесообразности, о том, что есть ситуации, когда вмешательство бессмысленно, но невмешательство непростительно.

А.Н.: Да, пожалуй что и отразилось в их следующем произведении — повести «Обитаемый остров». Новый же век высветил запечатленные в творениях Стругацких черты власти, лишь отчасти совпадающей с той, которая существовала в СССР почти полвека назад. В Стране Отцов, пережившей катаклизм, я бы отметил не только анонимность, но и другие особенности оргструктуры управления, правил ротации ее лидеров: неопределенность статуса, высокий уровень дискрециональности, несовпадение публичной и реальной иерархий. Формальная должность и положение во власти — не одно и то же в политическом ребусе «неизвестных отцов». Во внутреннем круге власти действуют регламенты «по понятиям». Шутовские имена-прозвища — своего рода звания: Папа, Тесть, Свекор, Шурин, Ум-

ник и т.д. Включая, между прочим, и Странника. Иными словами эти оболочки — суть ячейки, которые занимают сменяющиеся либо сменяемые персонажи, живущие параллельно в других обличиях и должностях и образующие клан, освобожденный от закона и отлученный от морали.

Б.М.: Принцип мафии просто.

А.Н.: Почти, но с модификациями, причем не просто с анонимностью или своеобразной легитимностью, но с разведением публичной сценографии с чисто конкретным руководством. Вспоминается фраза, сказанная главным обвинителем от СССР на Нюрнбергском процессе Руденко: «Преступники, завладевшие целым государством и самое государство сделавшие орудием своих преступлений». Итог демонстрирует весьма специфичную типологию госуправления: комбинаторику практикаблей политического мейнстрима с механикойтайной власти. Иначе говоря, представлена ситуация тотального извращения прежней политкультуры — как патриархальной организации правления, так и рациональной бюрократии. Произошло ее замещение после катастрофы, придавившей население Страны Отцов. Но не маргинальной по своей сути — пусть и изощренной — уголовщиной, а скорее смесью аморального корпоративного менеджмента с не ограниченной законом практикой секретных сообществ. Трансформация, в предельной полноте отраженная на страницах комиксов и фильмов категории «В».

Б.М.: Конечно, существуют очевидные параллели Страны Отцов с постимперской ситуацией, в частности, с нашей нынешней тоже. Действительно, много схожих ситуаций, включая какие-то отделившиеся от империи территории, с которыми Страна

Отцов периодически ведет войну. Но мне кажется, произведения Стругацких во многом являются и мощным самосбывающимся пророчеством. Пророчеством, которое сбывается в значительной степени благодаря самому пророчеству. Стругацкие находятся у истоков весьма специфического реформаторского типа сознания. Они сделали возможным восприятие реформатором себя как представителя иной — внешней по отношению к тому месту, которое реформируют, — силы. В качестве чужестранцев для той страны, которую взялись реформировать. Это сознание возникло в их произведениях, когда, наверное, у рядовых советских интеллигентов вряд ли было восприятие, условно говоря, Америки как какого-то внешнего контура для проявления реформ. Я прочел весь цикл Стругацких в 1994 году. Кое-что я и раньше читал, но в 94-м прочитал системно и ощутил это неожиданное сближение текста с нынешней ситуацией. Не только обнаруживая сходство Страны Отцов и России того времени, но с удивлением обнаруживая себя и свою страну в новой ситуации, когда мы можем посмотреть на себя извне. Ведь это и есть главный месседж фантастов, который они пытались донести до читателя: «Поглядите на коммунизм, на Землю, на Советский Союз извне». То есть в тот момент, когда читатели, цензоры и все остальные еще рассуждали, а стоит ли Советскому Союзу экспандировать коммунизм в другие страны, Стругацкие впервые задались вопросом: можно ли рассмотреть себя не в качестве субъекта экспансии, а в качестве ее объекта, в качестве реципиента каких-то чужих внешних «благодействий»?

А.Н.: А может, пиджачок был узковат?

Б.М.: Чай?

Социальный оптимизм, порой даже чрезмерный, присутствовал в 60-е. Отразился он и в программе КПСС, объявившей задачу построения коммунизма близкой к завершению, и в поднявшем образ «физика» специфическом очаровании НТР, отраженном у Стругацких в «Понедельнике». Все это влияло на настроения в лишенной многих других удовольствий стране.

А.Н.: Скорее какой — меры дозволенности, цензурной допустимости конструкции, которую Стругацкие могли вы-

страивать в виде Мира Полдня. Они ведь представляли в произведениях, особенно ранней поры, версию — наряду с

ефремовской — коммунистического общества, что было на тот момент востребовано в связи с публикацией программы его построения. Но даже в художественных проекциях идеи братья видели массу острых углов. И если бы на поверхность выводились скрываемые или, во всяком случае, неприятные для властей проблемы — что Стругацкие частично и делали, но именно частично, до какой-то границы, — то возможность представлять подобные размышления публично серьезно бы сократилась. Писатели нашли остроумный выход, перенеся казусы социального строительства в дальний космос, тем более что космонавтика стала на время советским брендом. В психологии нечто схожее называется эскапизмом. Так родился интересный эксперимент: каждый из описанных миров-планет превратился в лабораторию некой проблемы. Собственно транзит из обычных условий в иные — это и есть фантастика. В итоге возник реестр моделей поведения, методов соцстроительства, политических концептов, рельефных конструкций, более или менее свободных от внимания саурована ока. Они же прописывались не в СССР и даже не на Земле. Игра воображения — то есть фантазия — позволяет выстраивать произвольные ситуации, писать неординарные сценарии. Сегодня кое-что из этого хозяйства включено в инструментарий практической прогностики — к примеру, форсайта. И если у истории нет альтернативного прошлого, то у будущего — сплошные альтернативы. Крах СССР связан, в числе прочего, с запретом на обсуждение альтернатив, с табуированием серьезных дискуссий о грядущем. План официального будущего при всей его очевидной нелепости обсуждению не подле-

жал, тем более критическому. В результате, если воспользоваться метким выражением Вепря, страна «выпала из истории». Но оставалась лазейка... Писатели использовали ее, совершив собственную «попытку к бегству» из лагеря реального социализма, подобно Саулу, бежавшему из ГУЛАГа, — так было в первой, не прошедшей цензуру, версии повести: сначала в мир оптимистических утопий и героических приключений, затем в ситуацию «немой борьбы» — неудобных размышлений о будущем страны и опознания ее настоящего статуса.

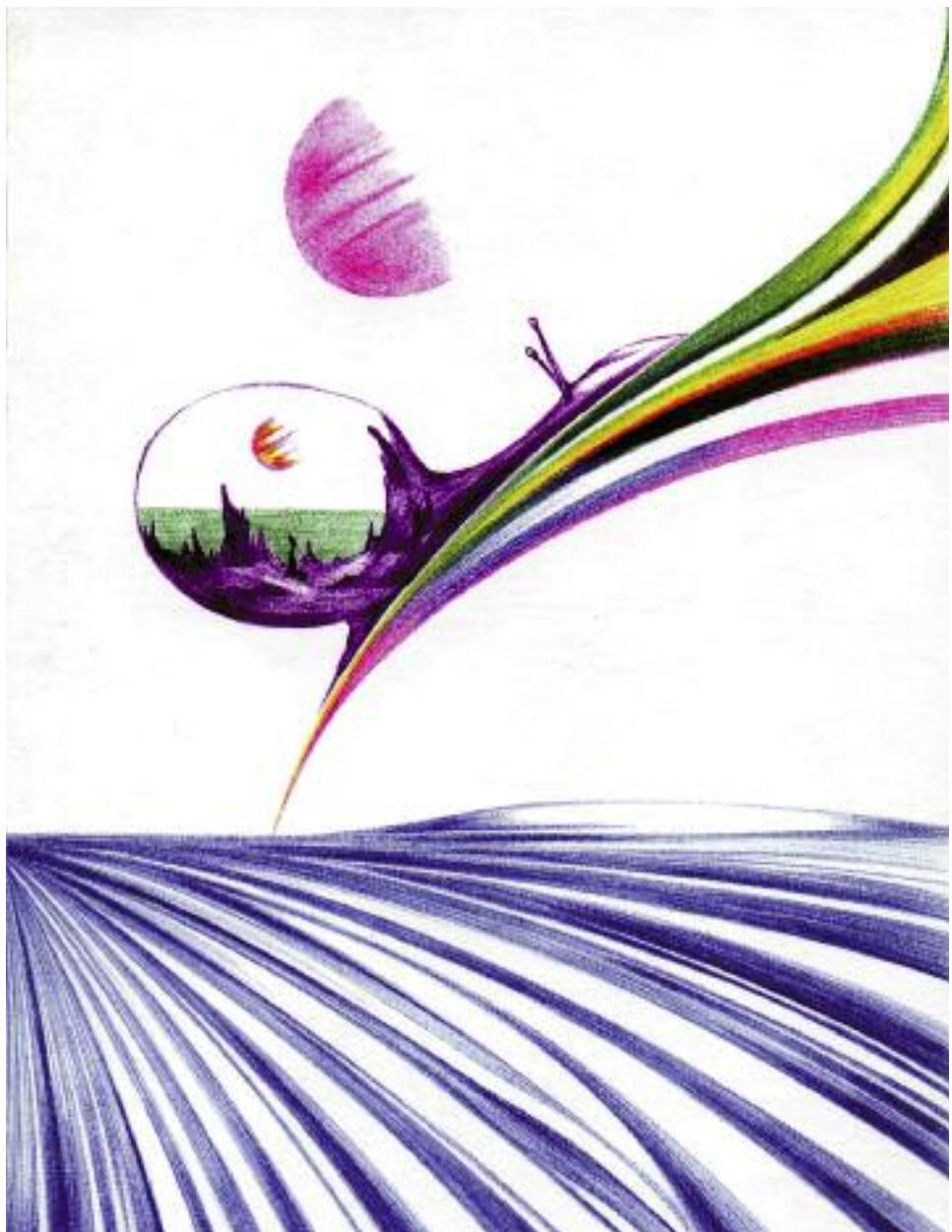
С.Ч.: Прежде всего некорректно говорить о крахе СССР. «Крах» — это когда стоял — и сам по себе рухнул. Или рассыпался, не выдержав напряжения. Сейчас опубликованы многие свидетельства западных экспертов. Изумленных даже не внезапностью капитуляции СССР — а ее необоснованностью. Есть множество исследований, показывающих, что проблемы экономики Советского Союза в середине 1980-х были мене опасны для него, чем проблемы экономики Соединенных Штатов для них самих, и не создавали угрозы системной безопасности для страны. Теперь что касается запрета на обсуждение альтернатив. Как раз художественная советская футурология таким обсуждением и занималась. Да и не только она. Но когда вместо интеллектуального осмысления обсуждение было перенесено в плоскость публично-политических спекуляций, ценностным стержням страны и был нанесен страшный удар. Есть базовые ценности любого социума, которые не подлежат никаким дискуссиям. Недопустимо, например, для христианского общества обсуждение вопроса о том, был ли Христос близок с Марией Магдалиной.

Б.М.: Конечно, Стругацкие сильны своим открытым финалом. В тех повестях, где он имеется, а он имеется не везде. Но в финалах «Трудно быть богом» и «Острова» вопрос в самом деле стоит ребром: мы выступаем за немедленное разрушение тирании — либо мы выступаем за медленное, вдумчивое, постепенное ее реформирование? Мы как раз понимаем тот контекст, в который попало это произведение в ситуацию возникшего диссидентского движения.

А.Н.: Что ж, Стругацкие интересны во многом именно из-за политических и социальных аллюзий, а не фантастикой ради фантастики, «которую АБС терпеть не могли». Те же произведения братьев, в которых прогностическая диалектика Мира Полдня отсутствует, уходят в прошлое. И не только, к примеру, проходной «Отель “У погибшего альпиниста”», но и популярнейшая в свое время повесть «Понедельник начинается в субботу». Читатели — диссиденты и не диссиденты — размышляли над предъявленными Стругацкими моделями поведения при конфликте с социальной реальностью и политическим строем. Румата ведь не прогрессор, а наблюдатель. Лишенный возможности действовать, однако размышляющий: почему, собственно, он «дезактивирован» и правильна ли такая политика? Но когда Антон переходит от «сглаживания углов» к прямому действию, это не следствие обдуманного решения — просто, как и Гамлета, его подстегнули навалившиеся обстоятельства. Или конфликт Странника с юным землянином Максимом. Прогрессор реализует долговременный эволюционный проект развития Страны Отцов. Но тем временем население претерпевает деградацию, духовную гибель под «излучателями». И про-

тивоположная позиция Максима Каммерера — что, возможно, лет через пятьдесят Сикорски — он долгожитель — сможет решить проблемы с инфляцией и прочими неурядицами, но вот для кого их решит? Люди в этом неочевидном аду погребены под будущим, горизонт которого смят. Количество утративших разум от «лучевого окормления» — тоски по истине, скажем так, — будет возрастать от уже достигнутых 20 процентов, число же «выродков» станет сокращаться. В результате общество, может, и выживет, но человек — сгинет. И когда инфляция станет нулевой, отключив излучатели, Странник может столкнуться со 100 процентами оскотинившихся, обезумевших — «лучевое голодание»! — или просто угасших людей.

С.Ч.: Всё же Стругацкие начинают как безусловные романтики и социальные оптимисты. Повесть «Страна багровых туч» вышла в 1959 году и описывает утро победившего коммунизма. Затем следуют «Путь на Амальтею», «Стажеры» — и все это про альтернативные 90-е годы XX века. Но уже здесь писатели натыкаются — в «Стажерах» — на ряд проблем, связанных с неоднозначностью развития, с тем, что наряду с людьми будущего будут сосуществовать люди и архетипы прошлого. В «Полдне» Стругацкие делают рывок, перенося своих героев из противоречивого ближайшего будущего в будущее далекое и развитое. И художественно выстраивают его в виде полной, едва ли не структурной аналогии программы КПСС. Они рисуют светлый мир совершенства, но затем — погружаются в детали... И оказывается, что здесь шаг за шагом обнаруживаются проблемы: «Далекая Радуга» — в отношениях с природой и отчасти с людьми,

Стругацкие в основном – хотя эта точка зрения и распространена сейчас – писали не о современном им мире, а про возможные, вызревавшие тогда тенденции. В известной мере книги Стругацких о проблеме выбора. Их темные миры: Саракш, «Град обреченный», «Улитка на склоне», планета Надежда из «Жука в муравейнике» – это миры, испугавшиеся будущего и вставшие на путь умирания, бесконечного повторения пройденного.

«Трудно быть богом» – встреча с иными мирами и вопрос, что делать, если те оказываются на века отставшими от земного человечества. Возникает дилемма: прогресс ускорять вроде бы надо, но как его ускорить, чтобы не разрушать, а создавать? Или посланник великой цивилизации видит, что

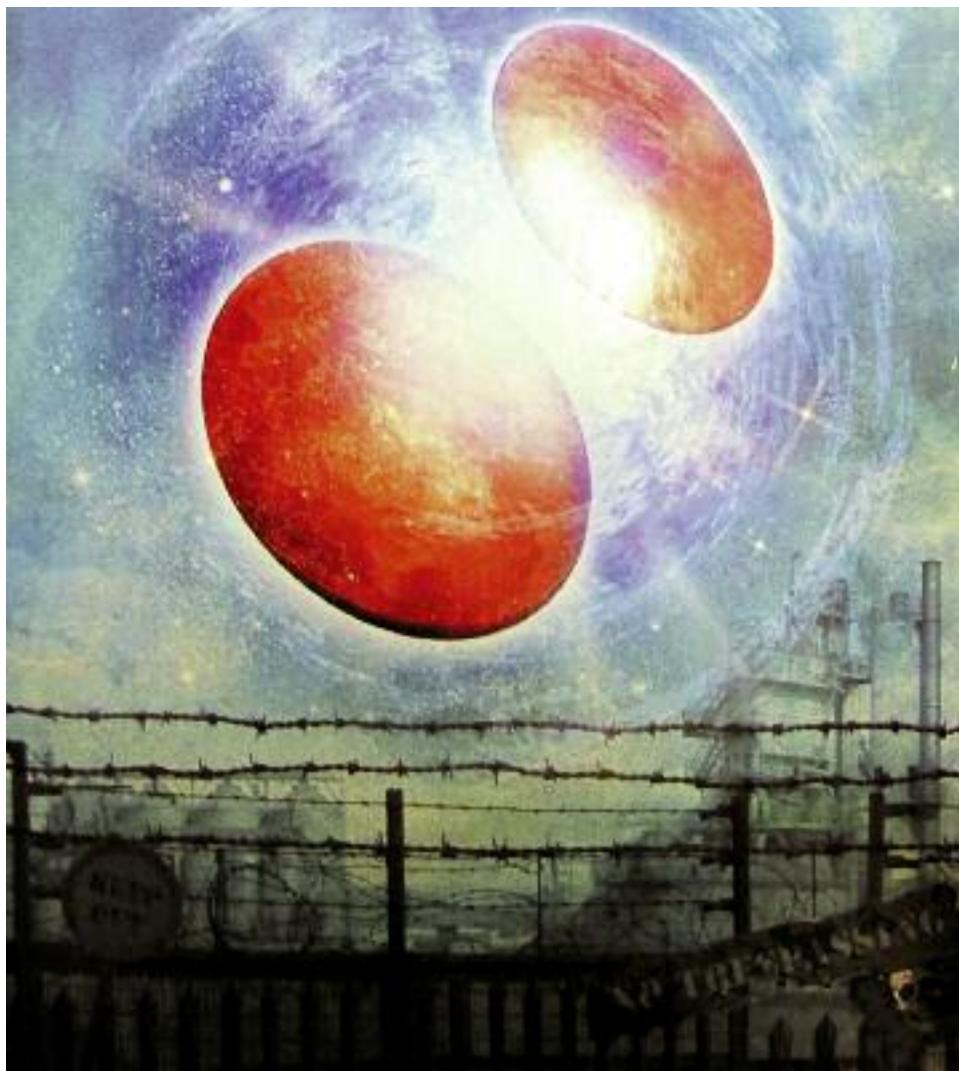
в стране вызревает фашистский мятах, взыывает к Центру и коллегам: опасность, пора вмешиваться, а в ответ: *«Все нормально. Обычные процессы очищения»*. Это же чуть ли не в чистом виде описание, к примеру, ситуации в Венгрии в 1956 году. Вырисовывается новый уровень проблемы: вот

достигли почти всемогущества, а как быть с остальными? Оставить в нынешнем положении – сердце болит, вперед тащить – неизвестно как. Проблемы переносятся в будущее: построим коммунизм, выйдем в космос... и увидим себя в своем вчерашнем обличье. Что делать? «Хищные вещи века» – это о том, готовы ли мы идти в будущее и что мешает движению. А следом обнаруживаются проблемы уже в самом Мире Польдня: «Жук в муравейнике», «Волны гасят ветер». И возникает вопрос: так идти или нет? И в «темных романах» авторы показывают, что будет, если испугаться: мир без движения – мир загнивания. А если, как случалось после прежних революций, – не «на Венеру», а «в Термидор»? Если победит не что ведет вперед, а что не желает развития? Если побоят «хищные вещи века»? Тогда реализуются Мир Отцов и другие миры, описанные Стругацкими в антиутопиях-предупреждениях. Миры, не прорвавшиеся к Польдню. Или не пошедшие к нему. Если двигаться не вверх, а вбок, происходит движение по кругу – раз за разом, цикл за циклом. И те, которые страшатся восхождения и созидания, которые разрушают без созидания и свергают без утверждения, обречены на проклятье. Они «отягощены злом». Они будут повторять совершенные ошибки и не способны сделать выводы из них. «Град обреченный» – это мир, который развивается *«не вверх, а вбок»*. Мир между обрывом и скалой. И когда вместо того чтобы при возникшем шансе устремиться вверх, он пытается удержать прошлое, герои убеждаются: их история – движение без развития. И оказываются отброшенными к началу своей жизни, чтобы вновь попытаться что-либо изменить в новом цикле. Достоин-

ство же «Обитаемого острова» в том, что действие отнесено в мир, близкий по внешним чертам не 60-м или более ранним годам, а сегодняшнему дню. Это позволило оторваться от банальной аналогии с брежневским СССР. И намекнуть, что Стругацкие угадали черты того, что может прийти на смену современному им обществу, если оно свернет со своего пути.

Катаомбы Мира Полдня

А.Н.: Что если попытаться пристальнее приглядеться к внутренней механике Мира Полдня? Художественный текст допускает различные подходы к анализу. Можно исходить из прочтения, которое предлагается замыслом авторов. А можно рассматривать текст как автономное произведение, полагая, что сознание является своеобразным творческим транслятором, инструментом со-творения опуса наряду с культурным стилем, идеейной матрицей эпохи. Можем нырнуть глубже – разбирая не только контекст, но и подтекст творения, имеющий самостоятельную картографию и ценность. Или прибегнуть к герменевтическим толкованиям. У талантливого произведения множество интеллектуальных и культурных обертонов. Плоть Мира Полдня в чем-то сопоставима с двусмысленным бытием призраков Соляриса. Фантасты Стругацких – обитатели своего времени, свидетели его горизонтов. Очевидцы, которые посредством иносказаний и проговорок выражали подчас больше, нежели можно было достичь иным образом. Полнота текста меряется суммой пережитых, преодоленных, однако не всегда осмысливших терзаний. Бог не пишет черновиков, но исцеляет. Логический сумбур и разноголосица

У Стругацких была особая зоркость, необычное чутье или, если не будет звучать слишком пафосно, странный дар ясновидения. Достаточно вспомнить аллюзии, возникавшие постфактум при сравнении повести «Пикник на обочине» либо фильма «Сталкер» с темами, образами чернобыльской катастрофы. Подобные соответствия можно найти и в других произведениях братьев.

фрагментов, хронологические провалы, несоответствия оказываются следствием визионерской природы возводимых конструкций. И по мере обветшания парадного фасада несовпадения, искажения, даже ляпы становятся стрелками компаса – инструментами отыскания подлинности, дорогу к которой преграждают заслонены многочисленных декораций. То, что не имеет названия, проще отринуть, назвать видением. Однако удержав открывшийся смысл, мы,

просыпаясь и взрослея, обретаем шанс лицезреть отчасти познанную реальность. Профессиональная инфраструктура размышлений Стругацких – «карты ада», следуя определению фантастики Кингсли Эмисом, то есть в данном случае разглядывание – не прямо, а посредством искривленного зеркала – не-приглядных аспектов бытия. Проблематика, волнующая Стругацких, своего рода движитель их творчества – власть и ее проекции. Причем власть

В итоге повесть, синтезировав черты антисоветской антиутопии и карикатурно-мрачного капиталистического строя с элементами фашизации – своего рода «Железной пяты», оказалась «письмом в бутылке», брошенным в будущее. Лев Троцкий (на фото), размышлявший над вероятностью «возникновения нового эксплуататорского класса из бонапартистской и фашистской бюрократии», однажды прозорливо заметил: «СССР минус социальные основы, заложенные Октябрьской революцией, это и будет фашистский режим».

не всякая, а невнятная до анонимности, чужая, парадоксальная, бесчеловечная, нечеловеческая. Сочетание предчувствия трансформаций с сопутствующим им изменением естества. До озверения. Отсюда повторяющиеся столкновения с различными обликами «мерзейшей моси» или «могущественной инакости». И сопряженная проблема разрешения особых обстоятельств: могут ли перемены прийти, как *deus ex machina*, извне? Если да, то как к этому относиться? Особенно при неясной природе субъекта перемен.

Б.М.: Я бы задал вот какой вопрос: а каковы цели Странника? Насколько можем мы знать об этом, а уж тем более в какой мере могут знать жи-

тели Страны Отцов? Насколько его цели благородны? Ведь это тот самый вопрос, который Странник задает в «Жуке в муравейнике»: а как другие – более развитые – цивилизации воздействуют на Землю? Почему мы уверены в доброжелательности Странника и почему должны ему верить? Почему должны верить, что его политика по отношению к планете, которая досталась ему в пользование, проникнута заботой о ее жителях? Тем более что даже если поверить, издержки его деятельности, действительно, очень и очень значительны.

А.Н.: Экселенц не рядовой прогрессор, он – «человек многоопытный да и отсутствием воображения не страдал». Его

авторами. Симптоматично, что Совет галактической безопасности объявляет после известных событий Страну Отцов зоной своего протектората. Двусмысличество данной фигуры – «прогрессор – прежде всего мастер лжи» – обнаруживается в ассоциациях, аберрациях, возникающих, в частности, из-за совпадения псевдонима «Странник» с именованием кочующего племени нечеловеческой сверхцивилизации, также отмеченной склонностью к вмешательству извне. А еще – усиlena параллелью между одним из прозвищ ставшего со временем ведущим спецслужбистом КОМКОНа-2 Максима Каммерера – «Биг-Баг», или «Большой жук», и главным источником страхов «комиссии по контролю научных достижений», или «тайной полиции», – концепцией «жука в муравейнике», или – в интерпретации Сикорски – «хорька в курятнике».

С.Ч.: Дело не в двусмысличности фигуры прогрессора, дело в трагичности этой фигуры. Борис Стругацкий писал, что прогрессор – это прежде всего человек с обостренным нравственным чувством: он понимает, что шансов решить проблемы отсталого общества и ускорить прогресс почти нет. Но он не может находиться в бездействии, когда видит, что где-то страдают люди, а у него есть силы и возможности для действия. И при этом знает, что действовать в страдающем мире ему придется методами именно этого мира – от которого он хочет этот самый мир избавить.

А.Н.: В трагичности, да... Подсознание писателей наделяет образ руководителя службы безопасности Земли, куратора наиболее секретных проектов, «прошедшего через сумерки морали», флером амбивалентности, создавая персонаж, «запущенный и сам всех запугавший»,

Кадр из фильма Андрея Тарковского «Солярис»

но объединивший при этом неясные страхи с прагматикой действия – «синдром Сикорски», – активно воплощающий собственные кошмары. Пропитываясь ими, Экселенц – принадлежащий к касте «лиц с наивысшим уровнем социальной ответственности» – приходит к мысли о необходимости и оправданности практически любых крайних мер в качестве превентивных акций. Вспомним «доктрину нанесения первого удара». В общем, «всякое общество, создавшее внутри себя тайную полицию, неизбежно будет убивать (время от времени) ни в чем не винных своих граждан». Так обнаруживаются ранее скрытые от читателя аспекты мира XXII века, определяемого уже как «дикий мир», где проводятся «строго засекреченные маневры» и «операции (спецслужб), о которых знали буквально единицы», а «миллионы людей, принимавших <...> участие, даже не подозревали об этом». Следствие подобных откровений – крах благостного образа Мира Полдня, приоткрывающий его изнанку: тот же знакомый и лукавый «массаракши». Свои «тараканы» и свои «отцы» обнаружились уже на Земле. В результате истории, изложенная Стругацкими в ее официальной

Образ острова – отчего дома, погруженного в необъятный океан, – появляется в заключительных кадрах «Соляриса» Андрея Тарковского. «Остров» – название вызвавшего широкий резонанс фильма Павла Лунгина. По мотивам повести Стругацких «Обитаемый остров» была снята картина Федором Бондарчуком. Своеобразие российского «острова» не только в чувстве исключительности и географической фронтальности, но также в повторяющейся утрате политического баланса, выпадении обитателей в безвременье, неудачах реформ и революций по знаменитому рецепту Виктора Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

версии, может быть перечитана под другим углом зрения, наполняясь иными смыслами. К примеру, алогичность событий, то и дело возникающая в произведениях, может быть объяснена действиями «жуков» и «странников» некоего КОМКОНа-икс, в котором проросли посевные безблагодатной паранойей побеги. И осуществляющего операции по искоренению «запрещенных направлений исследований», «негативных версий развития» уже из постчеловеческого будущего. Причем действующего как в мире наших дней – «За миллиард лет до конца света», – так и в мире XXII века, для которого загадочное племя Странников, возможно, есть КОМКОН-3,4,5...

С.Ч.: К мысли о необходимости и оправданности любых мер для обеспечения безопас-

ности приходит не Экселенц – это мысль Стругацких, которую они разъясняют и отстаивают. У Экселенца нет выбора: он обязан предотвратить то, что может оказаться неотвратимой угрозой. Борис Стругацкий подчеркивал, что они не осуждают Экселенца, а понимают его и считают существование таких людей, как он, необходимым.

Б.М.: Мне кажется, подсознание писателя весьма важно, потому что в конце «Обитаемого острова» есть мотив: а что нам жалеть этих людей, готовых принимать диктатуру, тогда как лучшие люди собраны в институте Странника. Та же тема проходит в повести «Трудно быть богом». Интеллигенты – то есть те люди, которых стоит спасать, – отбираются наблюдателями с Земли и вывозятся в лучшие

Кадр из фильма Алексея Германа «Трудно быть богом»

Реакция на фильмы по мотивам Стругацких связана не только с их художественными качествами, но с очевидными политическими аллюзиями. Любопытно, как будет воспринят в этом смысле фильм Алексея Германа? Не исключено, фантастическое арканарское прошлое окажется на шаг ближе к настоящему будущему, ведь по словам режиссера: «“Трудно быть богом” – отчет о том, как я вместе со всеми проживал эти десять лет, как мы сами позвали серых и как они превратились в черных»...

миры. А все остальные – те, которые, по выражению Странника, «всегда были готовы», – могут и посидеть под излучением.

А.Н.: Приговор «целому мировоззрению», воплощенному в цикле о Мире Польдня-1, предполагалось вынести в заключительных строках упоминавшегося ненаписанного романа «Белый ферзь» – книги о пересмотренной версии мира XXII века. О его не столько коммунистической, сколько гностической модели – восстающих из вод истории концентрических кругах Атлантиды или ощерившейся макабрическим флотом Ан-

тарктиде *a la* Швабия-211. Другими словами о Мире Польдня-2, обновленная версия которого оказывается сродни греческому полису: сообществу свободных граждан – философов, поэтов, интеллектуалов, риторов... И – черни. Правда, в мире технического совершенства чернь предана остракизму. Содержание замысла пересказано Борисом Стругацким в самых общих чертах. Фраза же, «ради которой братья Стругацкие до последнего хотели этот роман все-таки написать», в устах жителя Солнечного круга, подводящего итог рассказу Тора-Каммерера о его мире,

звучит следующим образом: «Мир не может быть построен так, как вы мне сейчас рассказали. Такой мир может быть только придуман... – до вас и без вас, – а вы не догадываетесь об этом».

С.Ч.: Стругацкие вынашивали замысел «Белого ферзя», но так и не написали его – именно потому, что сомневались в нем. Мир Польдня навсегда остался для них столь же привлекательным, как и в 60-е годы, и Борис Стругацкий даже на последнем году жизни был уверен в том, что этот мир наступит.

А.Н.: Что ж, не грех задуматься над вопросом об истинном субъекте сотворения Мира Польдня, его природе, целях. Ирония текста в том, что персонажи Стругацких не ощущают ни уязвимости излагаемых ими позиций, ни искусственности своего мира, но испытывают смутную тревогу, чувствуя присутствие иной силы. Однако не могут ее опознать, что доводит некоторых

фактически до паранойи. Между тем даже ключевое для Стругацких заявление жителя Островной империи о придуманности Мира Пoldня может получить различные интерпретации. С точки зрения обыденной логики, это указание на тривиальный статус литературного произведения, то есть на взаимоотношения творца-автора и созданных персонажей. Или более глубокую – обоснованную холизмом и логикой фронесиса с признанием второго дна у писательской фантазии: бессознательных кодов, интегрирующих опыт всей жизни. Фантазии, способной «вспоминать будущее». Последнее прочтение продуктивней, так как придает вскрывшейся искусственности мира XXII века статус аутопоэтической автарки... Да, подсознание писателя играет свою роль в пьесе, *«если твоё дитя услушается тебя, сотри его с лица мира»*. Но теза, высказанная островитянином, может также означать иллюзорность представлений Максима об истинном положении вещей в Мире Пoldня. Констатация пределов творимой утопии, ее уязвимость, призрачность, возможность краха раздвигает горизонт ситуации, а отчаяние стимулирует призывание прогрессорства даже при сомнительной натуре внешних факторов. И с какого-то момента в безрелигиозном мире экстравертированного эскапизма «пропасть начинает вглядываться в тебя». Вспомним пастырство Воланда, когда для решения нерешаемых в земной системе координат проблем героям пришлось прибегнуть к помощи потусторонней силы – если не инопланетных, то ино-бытийных существ: приходящих извне «странников». Эвакуация там, кстати, тоже налицо. А повествование схожим образом представляет шараду,

где излагаемый сюжет порою расходится с внутренней логикой текста и со скрытым, отчасти даже от автора, смыслом событий.

Б.М.: Это абсолютно очевидно.

С.Ч.: Персонажи Стругацких не считают свой мир искусственным именно потому, что видят его реальность и его реальные проблемы. Для Стругацких этот мир – достижимая реальность.

А.Н.: Или еще одна аналогия – диалоги Максима со Странником и беседы Фауста с Мефистофелем. Речь идет о той же проблеме оснований. Что ставится во главу угла персональной ситуации и социальной конструкции? Будет ли она возведена на скале или – на песке? В последнем случае основой лукавого благополучия и ложного величия может оказаться вырытая лемурами могила.

Б.М.: Мне кажется, лучший пример – Христос и Великий инквизитор в «Легенде о Великом инквизиторе» Достоевского.

С.Ч.: Но строго говоря, это противопоставление присутствует и в повести «Трудно быть богом», когда Румата упоминает тех, которых он называет *«стайерами с коротким дыханием»*, вспоминая людей, которые, не выдержав, начали действовать. И привели общество к тем или иным трагедиям. Собственно, из этого и вытекает проблема: нужно ли действовать, имеем ли мы право на действие? И сомнения. Странник – это Румата, получивший право на действие, это так. Максим играет роль *«стайера с коротким дыханием»*, но в отличие от других землян он действительно окунулся в новую ситуацию, но не знает, о чем идет речь.

А.Н.: Мак Сим познает ее: это его путешествие, маршрут его испытаний, чреда ситуаций и

очарований, инициирующих его развитие. В начале повести Максим Каммерер – загулявший переросток. С литературной точки зрения «Обитаемый остров» – воспитательный роман-путешествие. Главный итог – обретение героем, возможно, в большей степени заслужившим титулование «Странником», самого себя. Сравним коллизию с трансформацией «козлика Кандида» в лесной части «Улитки на склоне».

С.Ч.: Да. В отличие от фильма в повести интересно именно то, что Максим каждый раз «восходит» и каждый раз встречается с противоположностью того, к чему стремился. Но, между прочим, я не исключаю, что противоположность заложена и в открытом finale. Потому что есть там ремарка, что после реплик Странника Максим чувствует себя раздавленным, маленьким, несчастным, слабым. Ведь в какой-то момент до него что-то доходит... Позвольте, процитирую: *«Я никогда так не думал, – сказал Максим. Он чувствовал себя очень несчастным, раздавленным, беспомощным, безнадежно глупым. Странник покосился на него и грустно улыбнулся, и тут Максим увидел, что никакой это не дьявол, никакой не Странник, никакое не чудовище, – очень немолодой, очень добродушный и очень уязвимый человек, угнетенный сознанием огромной ответственности, измученный своей омерзительной маской холодного убийцы, ужасно огорченный очередной помехой и особенно расстроенный тем, что на этот раз помехой оказался свой же – землянин»*. По сути дела, схватившись за голову, Максим думает о том, «что же я натворил».

А.Н.: Именно это напоминает взаимоотношения Мастера и Воланда или Фауста с Мефистофелем. Когда по-своему совершенная, но сомнитель-

Иллюстрация к повести «Понедельник начинается в субботу»

Стругацкие интересны во многом именно из-за политических и социальных аллюзий, а не фантастикой ради фантастики, «которую АБС терпеть не могли». Те же произведения братьев, в которых прогностическая диалектика Мира Полдня отсутствует, уходят в прошлое. И не только, к примеру, проходной «Отель “У погибшего альпиниста”», но и популярнейшая в свое время повесть «Понедельник начинается в субботу». Читатели – диссиденты и не диссиденты – размышляли над предъявленными Стругацкими моделями поведения при конфликте с социальной реальностью и политическим строем.

ная в исходных постулатах интеллектуальная аргументация опровергается лишь сердцем. У Максима – твердым несогласием с политикой Странника, сформулированным в последних строках повести.

Изощренная аргументация способна исказить, закрыть, даже сломать ментальный горизонт индивида, но у личности остается союзник, определяемый как совесть, сердце, душа. Позвольте тоже кое-что

прочитировать: «*Не знаю, – сказал Максим. – Я буду делать то, что мне прикажут знающие люди. Если понадобится, я займусь инфляцией. Если придется, буду топить субмарины... Но свою главную задачу я знаю твердо: пока я жив, здесь никому не удастся построить еще один Центр. Даже с самыми лучшими намерениями*». Экселенц – политик, в значительной мере управляющий ходом событий в Стране Отцов, как минимум, значимо влияющий на них и одновременно пытающийся охватить системой шпионажа и контролять всю планету. И как всякий политик он зажат в тиски дьявольской альтернативы: необходимости выбора между вариантами зла, совершая или санкционируя «необратимые действия». Политику сложно различать и разделять подобную функцию – прогрессор Странник – и собственную личность – человек Рудольф, – особенно в критических обстоятельствах. Поэтому давно подмечено, власть – яд, подвергающий личность коррозии. Из дальнейших произведений – например, из «Жука в муравейнике» – известно, в какой мере яд проник в душу Сикорски.

С.Ч.: А вот этот момент, кстати, описан в монологе Колдуна, когда тот говорит Максиму о соотношении совести и разума: «*Охладжайте свою совесть. Совесть задает идеалы, но разум рассчитывает, как нужно действовать. И поэтому умейте соединить одно с другим*». Кстати, Румата начинает действовать в ситуации, когда действия противной стороны не просто затронули и его, а когда, не начав действовать, он перестал быть человеком.

Б.М.: Думаю, мы совершим ошибку, если будем плутать в вечных проблемах, о которых говорит русская литература. Если будем воспринимать

Стругацких просто как философствующих, бесконечно рефлексирующих писателей типа Тургенева, которые ставят нас перед какими-то вечными нерешаемыми проблемами – или, точнее, решаемыми каждый раз заново. Кажется, Стругацкие – довольно монологичные и идеологичные писатели, несмотря на свой открытый финал. У них всегда, особенно у младшего из братьев, имеются конкретные, определенные ответы на те вопросы, которые они ставят в своих книгах. У них есть программа, которую они разделяют. И на мой взгляд, в этом споре Максима и Странника они, конечно, стоят на стороне Странника. Почему? Мы смотрим на действие глазами Максима, мы все время сопереживаем ему, мы в общем вместе с ним хотим разрушить кошмарный режим Отцов. И вдруг бабах – в конце повести нам показывается сложность всей ситуации. Мы вместе с Максимом оказываемся подавленными неоднозначностью ситуации, которая впервые лишь в конце повести в полном объеме предстает вниманию как читателя, так и главного героя. И конечно, если бы у писателей имелось желание показать равнозначность этих фигур, то перед аналогичной неразрешимой проблемой был бы поставлен и Странник. Между тем Странник изначально понимает, что происходит. И его мир остается цельным, а позиции – неколебимыми. Плюс существует Колдун, который в споре Странника и Максима все-таки встает на сторону Странника и показывает Максиму, что он должен одолеть «нетерпение потревоженной совести».

А.Н.: Борис, вот Вы развели Стругацких и русских писателей калибра Тургенева с их «вечными проблемами». Действительно, братья писали

фантастические повести, то есть литературу «на потребу». Не в смысле конъюнктурности по отношению к властям, а в смысле определенной конъюнктурности относительно запросов публики. Пусть и жанровых. Недаром фантастика, равно как и детективная литература, хорошо совместима с кинематографом, видеоиграми и т.п. Все-таки это скорее мыслительный акт, нежели полноценное художественное творение. Поэтому и разгадываем тексты АБС как ребусы. Правда, шарады шарадам рознь. У Стругацких криптография с двойным дном, к тому же дискретна: волнующая проблема не всегда очевидна, а обретенное однажды решение может быть пересмотрено и даже опровергнуто в последующих текстах. Так, кажется, и произошло с торжеством позиции Странника в «Острове», поставленным под сомнение трансформацией Экселенца, обнаруживаемой в других книгах или за их пределами – в авторских комментариях. Я думаю, сила Стругацких в том, что писатели ощущали «движение воздухов», чувствовали атмосферу дня, опознавали болевые точки до того, как те становились очевидными метаатказами. XX век оказался инкубатором власти, которая соединила внутренние лабиринты Саракша с парадными фасадами Мира Поздня. В начале дискуссии мы говорили о странной судьбе России – об отношении властей к народу как грязи: бабы, мол, еще народают. Эти энергии, отчасти прикрытые социальной демагогией, были уловлены Стругацкими и экстраполированы в иные времена, на другие планеты.

С.Ч.: То, что опасения у них есть, и то, что они, может быть, не столько давали ответы на проблемы, которые возникли позже, но описывали те

проблемы, с которыми мы встретимся, – это безусловно. Я не совсем согласен, что в советском варианте люди становились грязью под ногами у элиты. Вы знаете, в то время я был слесарем на заводе и как-то, ну, совсем не ощущал, что я нечто «под элитой». Но это отдельная тема. В значительной степени я как слесарь ощущал себя несколько свободнее, чем сейчас ощущаю себя при всех регалиях.

А.Н.: Существует на земле «обитаемого острова», за пределы которого Вы вряд ли могли заглянуть из-за устойчивой рефракции – характерной специфики его горизонта. И это был не «туманный занавес» Саракша, но крепко спрятанный соотечественниками из подручного материала. Потому, кстати, и «остров», что обитатели были лишены возможности пересекать очерченный не ими рубеж – в личном ли качестве либо путешествуя мыслью по свободно избранным текстам – и таким образом обозревать человеческую вселенную широко открытыми глазами. В границах же «острова» необходимо было соблюдать прокрустов регламент, ведь даже в хрущевские 60-е, когда издавали «Один день Ивана Денисовича», что считалось знаменательным событием, поэта и будущего лауреата Нобелевской премии осудили на пять лет принудительного труда и ссылки за... тунеядство: «Время, столкнувшись с памятью, узнает о своем бесправии».

С.Ч.: А Вы знаете, потом я работал в Историко-архивном институте и помню, как бегали активисты, уговаривая съездить за границу. И народ говорил: «На фиг мне туда нужно?»

А.Н.: В составе группы под присмотром «странника-пастуха», пройдя – или не пройдя – предварительно идеологический и физический ос-

Кадр из фильма Федора Бондарчука «Обитаемый остров»

Дело не в двусмысленности фигуры прогрессора, дело в трагичности этой фигуры. Борис Стругацкий писал, что прогрессор – это прежде всего человек с обостренным нравственным чувством: он понимает, что шансов решить проблемы отсталого общества и ускорить прогресс почти нет. Но он не может находиться в бездействии, когда видит, что где-то страдают люди, а у него есть силы и возможности для действия. И при этом знает, что действовать в страдающем мире ему придется методами именно этого мира – от которого он хочет этот самый мир избавить.

мотр. То есть являясь не столько субъектом, сколько объектом – движимым имуществом Страны Советов. А вообще-то, Сергей, нарисованная Вами картина как раз вписывается в сценографию повести: далеко не все обитатели острова так называемые выродки – девальвация культуры есть изощренное средство истребления нации. Тогда, действительно, «народ и партия едины». Кстати, Стругацкие в качестве эпиграфа к комедии «Жиды города Петербурга» избрали характерное высказывание Акутагавы: «Назвать деспота деспотом всегда было опасно. А в наши дни настолько же опасно называть рабов рабами». Подобный статус

не слишком зависит от лозунгов и эпохи, или, чтобы люди вновь заговорили, время пожелтевших слов все же должно пройти?

С.Ч.: Да не в этом дело. Сейчас складывается новая мифология, согласно которой граждане СССР чувствовали себя угнетенными, задавленными и несвободными. Да не чувствовали они себя такими! И в массе своей были твердо уверены, что живут в самой передовой, самой счастливой стране мира. Кто-то скажет, что это им было внушено. Но стоит ли так уж записывать их в загипнотизированное стадо? Может быть, они сами лучше знали, как живут. Да, модно говорить, что доказа-

тельство их плохой жизни – бунт конца 80-х. Но ведь бунт был «бунтом сытых» – о котором в «Граде обреченному» Фрица Гейгера предупреждает Кацман. Да, к концу 70-х – середине 80-х люди устали от застойности. Но ждали и хотели они движения вперед. Если на то пошло, в известной терминологии – «большего соответствия жизни идеалам коммунизма». Основная претензия, по сути, заключалась не в том, что КПСС «строила коммунизм», а в том, что она его не построила. Да и перестала строить. Это была претензия к тому, что общество застряло между прошлым и будущим. И требование идти в будущее. Общество же развернули в прошлое, куда оно и пошло. И продолжает идти.

Метафизика Стругацких

А.Н.: Фантазии писателей – подчас личная попытка к бегству. Слышится – персональная борьба со злом. Или травмирующее желание, затягивающий страх столкнуться с иным, с разноликими «странниками», но уже на своей тер-

ритории, — идея, запавшая в подсознание Стругацких, возможно, со времен замысловатых обысков в квартире Ефремова. По их мнению, люди будущего либо некие иные существа «живут среди нас»: мысль, которая не только страшила, но и восхищала братьев. Метафизика у писателей присутствует, однако это не метафизика бессмертия души — скорее, просто бессмертия. Проявляется она в форме апелляций к «религии разума» и в ситуациях столкновения с иным. Описывается же в стилистике версии сецулярного гуманизма — светско-советской модели мышления: «*Мир, в котором человек не знает ничего нужнее, полезнее и слаще творческого труда*». В общем, «*голый разум плюс неограниченные возможности совершенствования организма*». Правда, с налетом мистицизма и подспудной тягой к эзотеризму. Из чего проистекает магический реализм — усеченная религия производства/потребления чуда как практическая модальность науки. Знание перестает быть средством познания истины, обращаясь в технологию, ориентированную на могущество техническое и социальное: «*знание — сила*», «*познание как власть*», «*педагог как священник*», «*ученый как демиург*» — вот кredo Мира Полдня, характерное также для духов русского космизма, равно как и всего племени энтузиастов человекобожия: «*Человек Всемогущий. Хозяин каждого атома во Вселенной. Уприроды слишком много законов. Мы их открываем и используем, и все они нам мешают. Закон природы нельзя преступить. Ему можно только следовать. И это очень скучно, если подумать. А вот Человек Всемогущий будет просто отменять законы, которые ему неугодны. Возьмет и отменит*». Именно это совершает астро-

ном Манохин в романе «*Отягощенные злом, или Сорок лет спустя*», договорившись с Демиургом о внесении «*сравнительно небольших изменений в распределение материи в нашей Галактике*» ради того, чтобы его ошибочная теория стала соответствовать реальности. В текстах писателей поражает обилие феноменологии иного, которая осмыслилась не в категориях, характерных для религиозного человека, но с позиций апологетики разума. Иное постулируется Стругацкими как факт, религиозные же аспекты инаковости братья избегали анализировать, полагая, что это материки из другого реестра. Рационализация исходила, однако, не из суммы научных знаний, но из экстраполяции собственной логики, этики и аксиоматики, что вполне естественно для научно-фантастической литературы. Однако прописи якобы постигнутого становятся запутаннее, множатся уводящие в дурную бесконечность этические ребусы, а парадоксы, не находящие разрешения в безрелигиозной Вселенной, случалось, оборачивались кошмарами. Впрочем, «*разговоры на моральные темы всегда очень трудны и неприятны*». При чтении отдельных пассажей чувствуется — кстати, как и в булгаковских творениях — аура инфернальности: «*и сильные придут поклониться*» — еще один камешек в огород «*отягощенных злом*» обитателей миров «по Стругацким». Стоит приглядеться к обилию нечеловеческих персонажей, которых Стругацкие воспроизводят, маскируя, варьируя обличья. Здесь и различного рода инопланетяне, странники, подкидыши, людены, люди-мутанты, голованы, фемины-подруги, мертвяки, мокрецы, клоны, инферналы и т.п. В конце концов, даже вещи имеют у них субъ-

ектный оттенок — «*хищные вещи*». И все эти нечеловеческие субъекты конкурируют с обычными людьми. Ощущается вязкая, затягивающая сила фантазмов в ситуациях вскрытия и освоения зон неопределенности, борьбы за свою версию будущего, причем не только в отодвинутых в дальний космос мирах, но уже и на планете Земля. Братья смотрят на подобную ситуацию с вполне определенным чувством — страхом: «*Я боюсь задач, которые может поставить перед нами кто-то другой*». Они испуганно верили в тайны.

Б.М.: Мне кажется, вопрос о религиозной стороне Стругацких — это интересный вопрос. Но я скажу одну простую вещь. Наверное, для Стругацких, особенно для более поздних их произведений, вообще неприемлема идея консолидации общества, идея муравейника, идея духовного объединения социума вокруг каких-то общезначимых смыслов. Во всем этом видится некийrudiment totallitarizma. И единственной целью общества по Стругацким, в том числе и Мира Полдня, является создание некоторых более высоких особей наподобие люденов. Эта единственная форма полагания будущего, которая в конечном счете, как они считают, является и формой спасения самого общества. Потому что людены — этот мотив у Стругацких тоже присутствует — являются своего рода защитниками этого общества от выпадения в системную деградацию.

А.Н.: Борис, Вы полагаете, братья действительно считали люденов и им подобных спасителями? Мне казалось, у люденов не было реального интереса к муравейнику — «человейнику», вспомним Зиновьева. В соответствии с «*гипотезой Бромберга*», изложенной в заключительной повести цикла — «*Волны гасят ветер*»,

кадр из фильма Алексея Германа «Трудно быть богом»

Неверно, что у Стругацких все происходит только в атеистических, пострелигийных обществах. Вспомним Арканар и попробуем процитировать слова Руматы: «Мы тут думали гадали, кто такой дон Рэба, что это Такугава, Неккер, Ришелье, а оказался простой проходимец, который запутался, изгадил все что мог и бросился спасаться к Святому Ордену. Теперь они вырежут всех грамотных людей, и наступит тьма». То есть вспоминается каре черных монахов на площади и мысль о том, что «там, где торжествует серость, к власти всегда приходят черные».

«человечество будет разделено на неравные части по неизвестному параметру, в результате чего меньшинство навсегда и сильно обгонит большинство, и все это будет сделано нечеловеческим разумом». Для них – новой когорты элиты, «игроков», «игрецов», существ с «другой душой» – характерно скорее равнодушие к роду человеческому: мы ведь тоже не слишком переживаем, наступив на муравейник. «Наверное, это очень здорово – быть люденым, если ради этого человек готов пожертвовать всем самым важным в жизни – дружбой, любовью и работой». И здесь вновь видится пересечение Стругацких с «политологией будущего» – генезисом в Новом мире социального строя, восстанием постсовре-

менной элиты с иной иерархией ценностей – будь то креативный класс, постиндустриальные *homines aeris*, подросшие дети индиго либо анонимные отцы безвременья. Все те, которые уже не нуждаются в толпах, населяющих планету. Кстати, и политика КОМКОНа оказалась в итоге аналогичной по своей сути действиям гвардии на Саракше: она также направлена на преследование иных, то есть своей – домашней – версии выродков. Именно Рудольф Сикорски убивает подкидыша Льва Абалкина: «В них стреляли, они умирали». Заметная дистанция была пройдена писателями от оптимистичных эскизов Мира Полдня.

Б.М.: Естественно, Сикорски осуждается писателями за пре-

следование и убийство Абалкина. Это воспринимается как абсолютно неправильная реакция. Их протагонистом является Горбовский. Человек, который как бы отпускает люденоў на свободу. Он доживает последние уже дни до того – столь важного для него – момента, когда узнает, что земное общество породило сверхлюдей, которые могут виться в сообщество Странников. Странники – космическое братство, а людены – именно те представители Земли, которые в это космическое братство входят. И вот когда он узнает об этом, Вы помните, на какой-то момент это продлевает ему жизнь. И так далее. Вот, собственно говоря, правильный тип, согласно Стругацким – не согласно мне, правильный тип поведения земного человека по отношению к будущему, принятию этого будущего.

С.Ч.: Прежде всего: Стругацкие никогда не осуждали Сикорски за убийство Абалкина, хотя считали его абсолютно неопасным. Они сознательно рисовали ситуацию, в которой, как знают авторы, Абалкин не робот Странников. Но это знают они, а не читатели и

не Сикорски. И поскольку Сикорски имеет все основания предполагать, что перед ним робот другой цивилизации, и последствия включения неизвестной программы неизвестны, он до конца пытается разобраться в ситуации. Но когда возникает опасность, что программа все же сработает, он уничтожает опасность. Просто потому что обязан это сделать, это его моральный долг перед людьми. Борис Стругацкий пишет, что они обрисовывали трагичность этой ситуации, но иначе Сикорски поступить не имел права, хотя понимал, что потом его за это осудят. Что же касается Горбовского, который в «Волнах» отпускает люденов на свободу, тут тоже не все однозначно. Мир, описанный в книге — кстати, середина 80-х по времени написания, — нами не до конца понят. Это мир, пришедший к тупику, после того как ради осуществления права на существование некого меньшинства этому праву подчинили интересы большинства. Горбовский — кстати, почему именно в это время и почему именно Горбовский? — интересы люденов поставил выше интересов людей — и в результате находившийся к этому времени в расцвете мир людей идет к гибели. Наконец, какова судьба люденов? Судя по тому, что можно наблюдать по коротким описаниям Стругацких, возможно, сами они считают, что оказались на свободе. Но не меньше оснований увидеть в этих картинах то, что они находятся не то в некоем пространственном плenу, в котором утратили волю и интерес к жизни, не то в наркотическом дурмане, очень напоминающем состояние, которое достигали герои «Хищных ве-щей века» с помощью электронного опьянения. Отпустил их Горбовский «на свободу» или просто понял, что это

не новая раса, а обреченная тупиковая ветвь, и на новом «философском пароходе» отправил в «лепрозорий», закрыв дорогу туда даже КОМКОНу? Не является ли тупик «Мира волн» результатом того, что общество не решилось поступить с люденами так, как Сикорски поступил с Абалкиным? Ну, конечно, там есть борьба, борьба между разными душами и внутри одной души. Кстати, выскажусь и по поводу предыдущего вопроса. Неверно, что у Стругацких все происходит только в атеистических, пострелигиозных обществах. Вспомним Арканар и попробуем процитировать слова Руматы: *«Мы тут думали-гадали, кто такой дон Рэба, что это Такугава, Неккер, Ришелье, а оказался простой проходимец, который запутался, изгадил все что мог и бросился спасаться к Святому Ордену. Теперь они вырежут всех грамотных людей, и наступит тьма».* То есть вспоминается каре черных монахов на площади и мысль о том, что *«там, где торжествует се-рость, к власти всегда приходят черные»*.

Б.М.: Думаю, главное здесь — взаимоотношения человека и будущего. И Стругацкие не просто ставят общие вопросы о том, как человеку следует относиться к будущему, а ясно описывают феноменологию ситуации рубежа 60–70-х годов, когда тема будущего потеряла ту однозначность, которую она имела, как мне кажется, со времен просветителей XVII–XVIII веков, ну, скажем, до утопистов 60-х годов. Оказалось, что это будущее — будущее, о котором мечтали Фрэнсис Бэкон и его многочисленные последователи, — уже невозможно. Возможно какое-то другое, но вот это невозможно. Стругацкие это понимают, они ни в коем случае не хотят вернуться к Средневековью, но при этом со-

знают, что стратегии и действия просвещенных людей в данной ситуации будут отличаться от стратегий и действий, которые предпринимали их отцы и деды.

А.Н.: Я бы сказал, Борис, что у Стругацких наряду с нарастанием социального пессимизма проявился удивительный дар предугадывания будущих ситуаций. Другими словами фантастика писателей со временем обернулась прогностикой.

С.Ч.: Друзья, должен сказать, что получил огромное удовольствие от беседы. И старался ограничиваться относительно сжатыми комментариями, просто получил большой материал для осмысления. Так случилось, что последние месяцы мне пришлось много соприкасаться с этой темой и с документами по ней. Если бы я начал все их пересказывать — лишился бы возможности услышать вашу точку зрения, учесть ее. В общем, благодарен за то, что подтолкнули, теперь я смогу попытаться отдельно и целостно изложить то видение проблемы, которое сложилось у меня — в том числе с учетом ваших подходов. Можно ведь предположить, что и «Обитаемый остров», и «Трудно быть богом» — это еще и не про сегодняшнюю Россию, но про то, что надвигается. Про то, что может происходить, если в истории двигаться не вперед, а в сторону, вбок, по кругу. И здесь я соглашаюсь с Борисом. Главная проблема, которую ставят Стругацкие: у человека есть выбор — либо в Мир Полдня, либо в Град Обреченный. Сегодня мы пока в Граде Обреченнем.

А.Н.: Думаю, выход на российский экран картины Алексея Германа многих — не только присутствующих — подвигнет к обсуждению как фильма, так и загадок творчества прозорливых братьев.

Османакун Ибраимович Ибраимов –

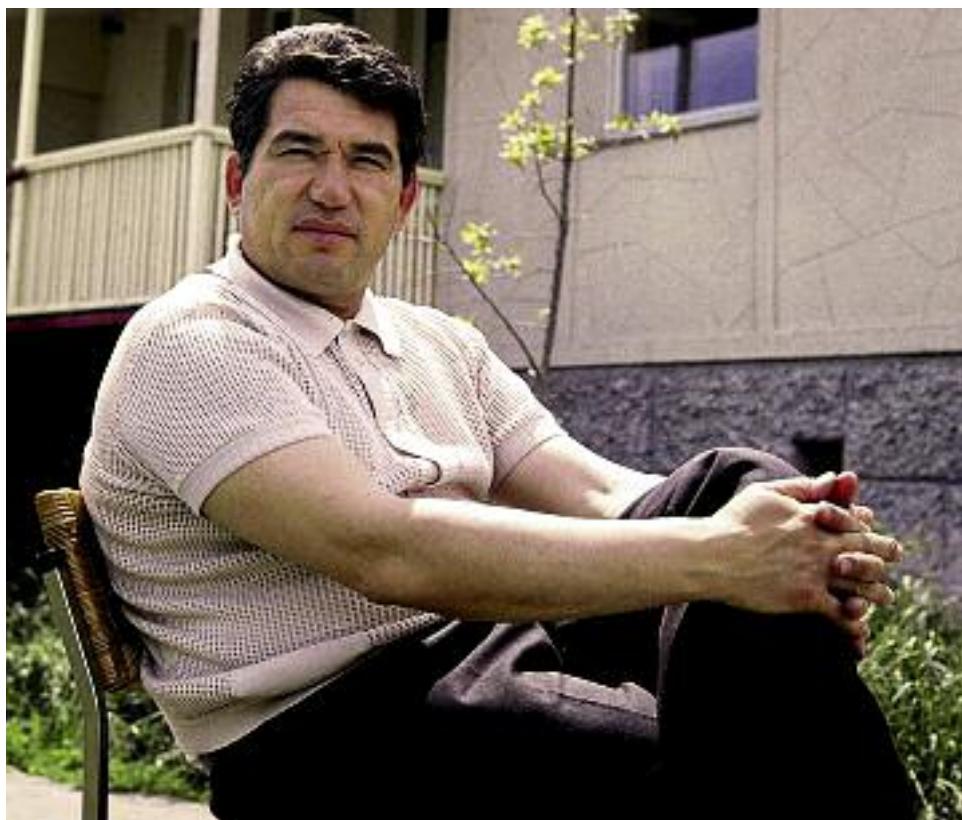
доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Национальной Академии наук Кыргызской Республики, почетный профессор Шанхайского университета международных отношений, Чрезвычайный и Полномочный Посол Кыргызской Республики, в 2001–2005 гг. – Государственный секретарь Кыргызской Республики

Крест и плаха

Чингиз Айтматов как последний
писатель империи

Он ушел из жизни пять лет тому назад, предварительно написав свой прощальный роман с символическим названием «Когда падают горы (Вечная невеста)». Писатель был прав: неотвратимый социально-политический катаклизм конца XX века привел к разрушению этой гигантской неприступно-заоблачной Горы – к падению огромной евразийской империи по имени Советский Союз, к утрате многих людских иллюзий столетия не только внутри, но и далеко за пределами страны. История зафиксировала этот факт

еще в конце 90-х, но Чингиз Айтматов его переосмыслил как писатель, обобщил художественно только в 2008-м, почти два десятилетия спустя после свершившегося факта. Так с Айтматовым отошла целая советская эпоха, хотя многие до сих пор считают, что он был не совсем «советским», а немного другим. В этом, конечно, есть определенная доля правды, поскольку он по сути своей был очень национальным художником, но был русским по языку, киргизом по происхождению, татарином по матери, универсальным мыслителем и гуманистом по

Чингиз Айтматов. 1971 год

духу. Правда и то, что он считался коммунистом по мандату, но почти антисоветским писателем по взглядам, по поднятым проблемам и вопросам. Тем не менее Чингиз Торекулович исторически воплощал то полуромантическое, по-своему возвышенное время, когда еще верилось во всеобщее согласие и в силу гуманизма и так естественно было говорить о примате морали и спасительной миссии культуры.

С ним отошел и его век — век XX, который его породил, сформировал как личность и как писателя и который со всеми своими драмами и трагедиями, со многими иллюзиями в начале и столь же горькими разочарованиями в конце отразился в его удивительной судьбе, в личной, семейной биографии. И разумеется, в биографии творческой. Это был его век. И это было воистину великое столетие. Да, люди, народы мира ныне предъявляют гамбургский счет к XX веку. Но можно с уверенностью сказать, что это был век того народа, из которого Айтматов вышел — киргизов. Это был век огромных, поистине невероятных везений для этого небольшого, но очень древнего народа. Нам, киргизам, никогда раньше так не везло, как в этом столетии. Мы слишком долго служили — многие сотни, даже тысячи лет — по обочине большой истории до и после переселения с Алтая и из Южной Сибири еще в раннем Средневековье, и наш реальный духовно-исторический потенциал наиболее полно раскрылся только в этом великом столетии.

Я бы выделил самые главные везения. Их, на мой взгляд, было пять.

Это, конечно, советская власть (несмотря на нескончаемые споры об ее политической природе), которая спасла нас

от национальной катастрофы 1916 года, когда после кровопролитного антицарского восстания, подавленного карательными отрядами русской армии, киргизы пустились в массовое бегство в соседний Китай. Число погибших от пуль, голода и холода, эпидемий доходило до многих тысяч человек. И мы выжили как народ благодаря этой власти. Второе везение, конечно, социальная политика СССР, которая привела нас к культурно-образовательному возрождению. Об этом говорит демография: по переписи 1924 года нас было примерно 500 тысяч душ, а в 1959 году — уже миллион человек, спустя 20 лет — два миллиона, а к 2000 году мы приблизились к четырехмиллионному рубежу. То есть в этом столетии мы сохранились как народ, возродились культурно и социально, и этот факт трудно было бы переоценить с исторической точки зрения.

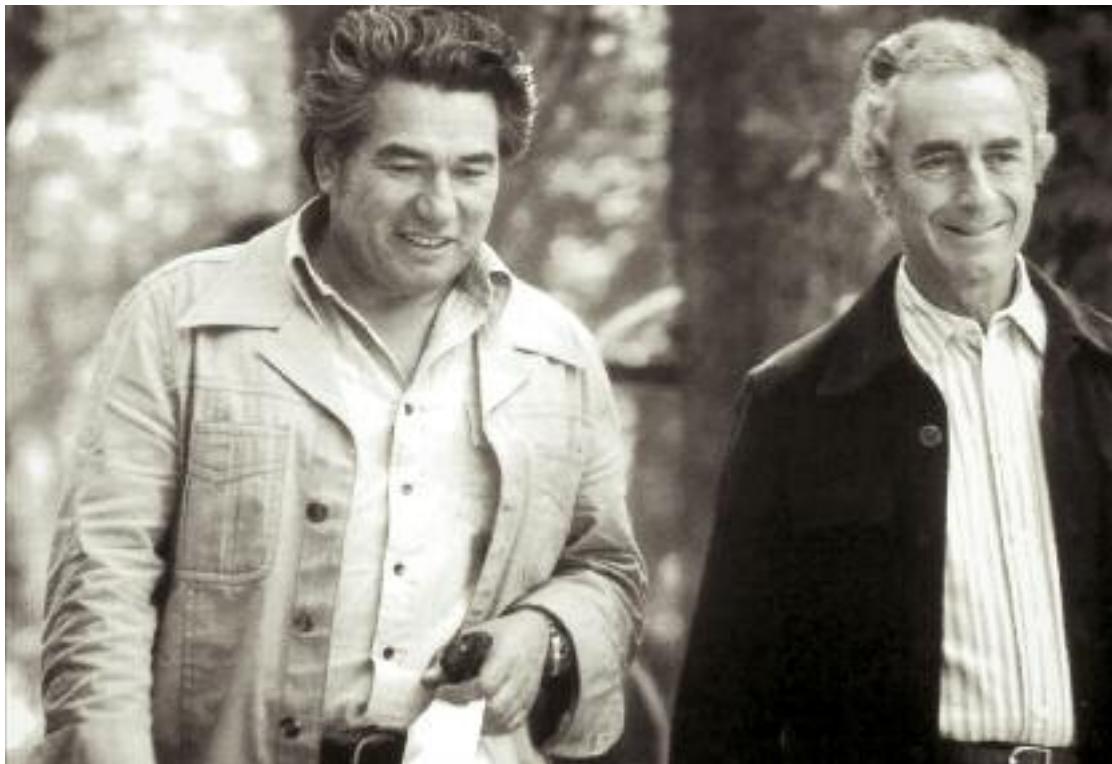
Третье везение — это наше территориальное размежевание и образование Киргизской ССР среди 15 союзных республик. Скитавшиеся по

горам, по альпийским лугам, по зимовьям и летовкам киргизы-скотоводы, которые обретались по всей Центральной Азии, наконец определились территориально по границам своего постоянного обитания. Советское колхозно-совхозное движение, индустриализация страны крепко привязали бывших кочевников к конкретному месту жительства. Тем самым было покончено с их тысячелетним кочевничеством. Так началась новая эпоха — эпоха великого цивилизационного преображения, нового социального обустройства, глубокой переделки человеческого материала, как говорили бы идеологи советской социальной модернизации.

Четвертое везение судьбы в XX веке — это, разумеется, наша независимость, которая была достигнута не войной и не кровью, а принесена в страну как бы в клюве голубя из Москвы.

Наконец, пятое везение — это, конечно, явление Айтматова. В его судьбе, как в зеркале, отразился целый век — наш киргизский век, — его драмы и

Чингиз Айтматов и Микеланджело Антониони. 1976 год

трагедии, его подъемы и падения. Он как писатель, как гражданин и личность стал для Кыргызстана ярким и самым объемным выражением его всестороннего возрождения, его социально-культурного ренессанса.

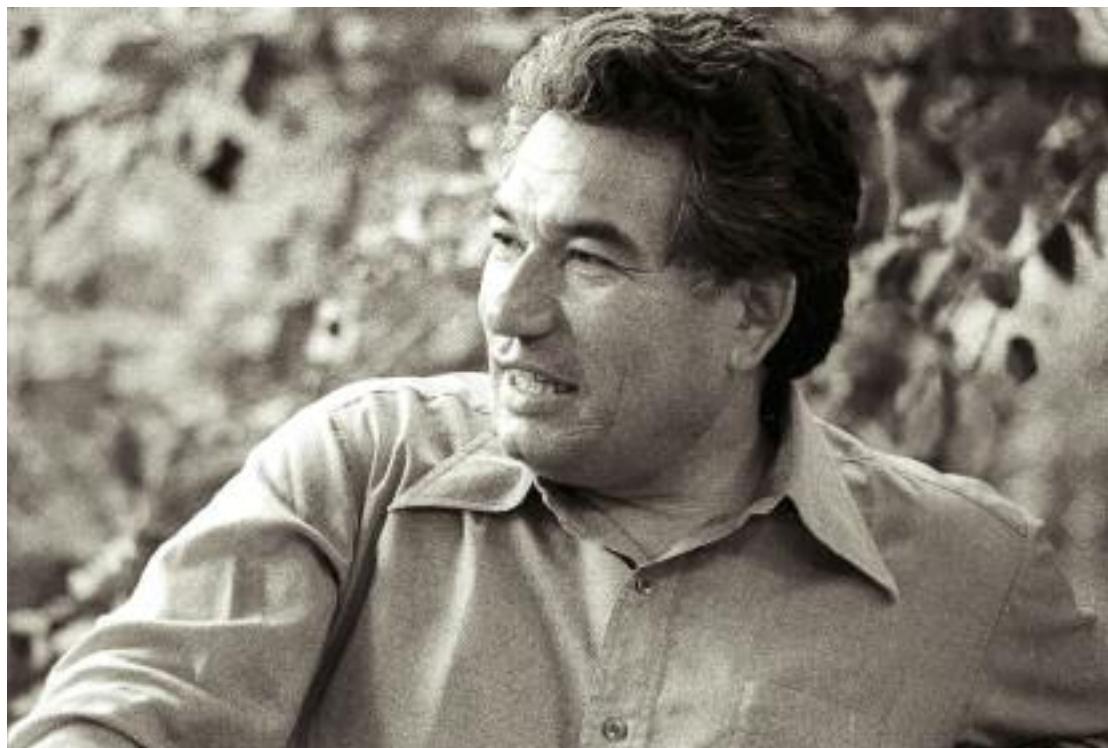
Он родился в 1928-м, спустя одиннадцать лет после революции, и рос типичным советским мальчиком. А его отец, Торекул Айтматов, убежденный коммунист, видный партийный вожак 20–30-х годов, оказался на самом переднем крае политики большевиков, как учитель Дюйшен («Первый учитель») в киргизской глубинке, похожей, по описанию Айтматова, на Тмутарakanь. Потом отец, один из партийных руководителей Киргизии, был расстрелян Сталиным по обвинению в национализме. Отчество и юность Чингиза были искромсаны «Большим террором» и Великой войной. Во многом вследствие таких испытаний у него наступило раннее духовное созревание, он рано стал узнавать глубинные проявления человеческой природы.

Он восторгался величием духа самых простых людей в самое трудное время и одновременно испытал глубокое разочарование в жестокой силе власти, разрушившей его детство и укравшей его юность. В юные годы он очаровался и красотой народного слова, мощью духа и удивительной художественной архитектоникой «Манаса». Именно тогда произошло его приобщение к русскому языку, а несколько позже — вхождение в литературу.

Печальная политическая судьба Торекула Айтматова, действительно много обсуждавшего и говорившего о национальном самоопределении с отдельными своими единомышленниками и расстрелянного за это в 1938 году как враг народа, оставила очень глубокий трагический след в истории этой легендарной семьи, в личной и творческой биографии Чингиза Торекуловича. По свидетельствам, отец писателя принадлежал к числу тех первых руководителей советской Киргизии, которые в глубине души все-

таки мечтали о независимом Туркестане, разговоры о котором — пусть и келейно, в разных кругах тогдашней киргизской и казахской элиты, воспринявших идею Алаш Ордо и Турана (киргизско-казахского союза), — велись особенно активно в начале 20-х годов. Это, конечно, отдельная тема, о которой нужно и должно говорить подробнее. Но во всем этом оказался «виноват» Ленин, который, как свидетельствует американский историк Луис Фишер, считал, что если какие-то окраинные народы захотят отделиться от Советской России, то не следует им сильно препятствовать. Просто, по словам Фишера, большевистский вождь справедливо полагал, выводя знаменитую формулу о праве наций на самоопределение, что эти слаборазвитые, а то и вообще экономически беспомощные народы при всем желании не смогут существовать без России.

Однако он все-таки не угадал истинное желание местных национальных элит. Этую мысль сразу же подхватили некото-

Чингиз Айтматов

рые закавказские политические круги. За нее ухватились и отдельные среднеазиатские деятели и почти открыто начали создавать некие объединения и подспудно вынашивать политические планы, не заметив при этом и не придав должного внимания тому, что Сталин, занявший место Ленина, придерживается уже совершенно противоположного взгляда. А Сталин, обявляя себя на словах «верным ленинцем», сразу же взялся за максимальную централизацию власти, начал строить свой тоталитарный монолит. И всех тех, которые только замышляли о самостоятельном пути, выявлял до единого и в конце концов ликвидировал как злостных врагов народа. В том числе и Торекула Айтматова.

Об этой печальной полосе своей жизни Чингиз Айтматов не забывал никогда. Грустные, а то и зловещие отзвуки молодых лет писателя присутствовали в его книгах, в его мировосприятии как в романтические годы хрущевской «оттепели» (период «По-

вестей гор и степей» рубежа 50–60-х годов), так и в эпоху его всемирно известных экзистенциалистских поисков конца века. Это была такая отметина судьбы. Это был такой тяжелый крест, причем совершиенно незаслуженный, а потому крайне болезненный и чрезвычайно обидный. Чингиз этот крест — сын врага народа — был вынужден нести в детстве, затем в годы учебы и очень долгое время после. Так было до первой и немыслимо громкой писательской славы, которая буквально обрушилась на его голову в конце 50-х — начале 60-х, когда в Москве публиковались его первые культовые повести. Так сформировалась его личность, его вера в идеалы советского строя — и одновременно разочарование в них, даже ненависть к ним. Отсюда и его многолетнее танго с советской империей, его выраженная идеино-эстетическая амбивалентность, близкая к раздвоению. И искушение политикой. Несмотря на горький урок семьи, особенно отца, его всегда тянуло к по-

литике — как Достоевского к карточной игре, и это так мешало его литературному по-прищу.

Распад Советского Союза в 1991 году застал его врасплох, и он долго не знал, как быть и что делать в складывавшейся ситуации. И став дипломатом, он мудро решил держаться подальше от мест, где большая история месила только одной ей ведомое тесто. Его творческое дело надолго застопорилось, он потерял огромную читательскую аудиторию фанатичных почитателей. Размылся его творческий масштаб. Расплывался голос, который раньше идеально соответствовал масштабу огромной империи, занимавшей одну шестую часть суши со ста восьмьюдесятью народами и пятнадцатью республиками. В которых, кстати, добровольно корпели целые роты, если не дивизии, критиков и литератороведов, которые умножали его славу, до мелочей разъясняли его тексты. Очень редко бывает, чтобы писатель одновременно являлся органическим продук-

Чингиз Айтматов на Иссык-Кульском форуме. 1997 год

том своего времени и своей культуры, пропускал через себя все перипетии развития общества и в то же время оставался в роли пушкинского пророка, в роли самого строгого судьи, а также свидетеля и оппонента. Если поискать среди самых крупных советских писателей XX столетия, чей жизненный путь и личная биография так близко совпали бы и отразили бы все трагические перегибы той эпохи, то лучшего примера, чем Айтматов, трудно было бы найти. Да, был Александр Солженицын, но он никогда не сочувствовал советской системе и при первой же возможности вызвал на дуэль огромную коммунистическую державу. Были Борис Пастернак и Анна Ахматова, но они тоже почти никогда не были слишком дружны и согласны с советской политической системой — червь сомнения их мучил с самого начала. Чингиз Торекулович с малых лет сильно верил в советскую власть, сочувственно относился к ней и в зрелые годы,

хотя его гениальная интуиция позволила ему еще в «Прощай, Гульсары!» (1967) ставить весьма острые вопросы и выносить очень суровые вердикты. Чего стоит выброшенный за борт, сокрушенный морально и опустошенный духовно, всеми забытый старый коммунист Танабай, все время мечтавший о мировой революции, но завершивший свой путь в полном одиночестве. А его осколенный, мучительно умирающий иноходец Гульсары, этот «человекоконь», кентавр, — образно-психологический двойник Танабая? Примерно такой же показалась для Айтматова историческая судьба истинного большевика в повести «Первый учитель» (1958), где учитель Дюйшен и забыт, и морально изможден, потерпев поражение в самых сущностных вопросах жизни, любви и человеческого счастья. Такой же предстает перед читателем его ученица-сиротка, одновременно его муз и боль — Алтынай, которая ищет, но не находит ответы на такие же фунда-

ментальные вопросы бытия. Нет никакого сомнения в том, что Айтматов был очень и очень многим обязан Советскому Союзу. Поэтому он его любил, гордился быть его гражданином, представлять за пределами страны и т.д. Огромные культурные масштабы этой супердержавы так соответствовали запросам его духовного мира, размаху его мысли и художественных общений, что жить в такой стране, олицетворять ее было для писателя великим благом. Именно поэтому гибель этой огромной евразийской империи, которая и вынесла Айтматова на своих мощных крыльях на широчайшие мировые просторы, переживалась писателем очень болезненно, о чем он так эмоционально и с чувством безысходности написал в своем прощальном романе «Когда падают горы (Вечная невеста)». Но развал советского государства, в лоне которого он вырос и стал одним из его самых знаковых людей, поставил писателя перед новой про-

блемой. Дело в том, что Кыргызстан, его малая родина, оторвался от державы, которую он считал своей родной, одним из первых, а Россия, другие тринадцать республик с их многомиллионными преданными читателями стали для Айтматова уже зарубежьем, пусть и близким. В итоге писателю все-таки пришлось примириться с произошедшим и в конце концов приводить к берегу родному. А писателю имперскому, как справедливо охарактеризовал Айтматова один литературный критик, Кыргызстан действительно был слишком малой площадкой, слишком узкой и тесной аудиторией. Сказанное, конечно, не значит, что Чингиз Торекулович не принял или внутренне отверг независимость Кыргызстана. Нет, прошло определенное время, и он все же примирился с действительностью, а через некоторое время вовсе превратился в патриота своей суверенной страны. А это было очень важно для молодой государственности, потому что его поддержка суверенитета Кыргызстана придала уверенность и надежду в первые годы государственного становления. Он успешно и очень достойно представлял нашу республику в Европе, своей личностью и знаковым именем символизировал Кыргызстан, сопереживал его неудачам и радовался, если был для этого повод. Он выучил текст нашего национального гимна, и я своими глазами много раз видел, как он поет вместе со всеми, и был этим очень горд.

То есть писатель эмоционально пережил все периоды истории СССР: его взлет и падение, годы сталинских репрессий и оптимистическую атмосферу 60–70-х. Но в 80-е он постепенно проникся либеральными западными ценностями. Как многие передо-

вые представители советской интеллигенции, он глубоко верил в ценности демократии, но – как и все они – не в состоянии был оценить колossalную человеческую цену тех кардинальных преобразований, последствия которых ощущимы и по сей день. Так закончил свой путь последний писатель империи, истинный патриот киргизской земли, философ и гуманист, певец и самый глубокий печальник ушедшей эпохи. Его последним идеино-политическим причалом, грустью и местью, болью и надеждой стала киргизская государственность, ее реальность и будущая судьба. В этом был весь Айтматов. Новый Айтматов. Его реальная жизнь. Конечная точка или последний причал его земной жизни. Его личной судьбы. Его сомнений и тревог. Так замкнулась впечатляющая дуга его уникальной биографии, вернувшись туда, откуда взошла.

Да, Айтматов, несомненно, украшал советскую державу, и недаром его называли писателем имперским, который – в этом-то вся соль – был этническим киргизом, сыном убежденного коммуниста, внуком кочевника, пишущим на русском, живущим в Москве и Бишкеке, ставшим послом СССР, а потом новой России в Люксембурге, а потом суворенного Кыргызстана в Брюсселе. Поэтому в его биографии запечатлелись мощный подъем и падение великой советской империи, трагический излом ушедшей эпохи.

Но самое поразительное то, что он свою скоротечную, почти случайную смерть как бы предугадал, косвенно описал в романе «Когда падают горы (Вечная невеста)», вышедшем всего за полгода до его внезапной кончины (2007). В романе Арсена Саманчина, главного героя произведения, кото-

рого предали все и в жизни и мыслях которого многое идет от самого писателя, автор видел стоящим перед сложнейшей дилеммой – жить или не жить, быть или не быть? И он погиб от случайной пули нелепо – и в то же время столь логично, даже желанно. Звучит парадоксально, но пуля эта была для Саманчина желанной, а физическая смерть – неизбежной. Параллели всегда очень рискованны, но тут невозможно не провести аналогию с великим романом Франца Кафки «Процесс», где герой умирает почти так же, как в романе Айтматова. То есть жизнь у него как бы теряет всякое содержание, смерть становится спасением и избавлением от этой экзистенциальной бессмыслицы, и когда его добивает конвой (он был подследственным), он почти благодарит его за это.

Конечно, между мирами и героями Кафки и Айтматова – огромная культурная дистанция. То же самое можно было бы сказать и о Хемингуэе, о Камю, с которыми исследователи очень любят сравнивать Айтматова. Но существует и безусловная общность, которая их всех объединяет. Это общность кризиса базовых человеческих ценностей, общность утраты смыслов, общность в понимании человеческой борьбы за себя, за идеалы, за жизнь, наконец. История XX столетия не одного только Айтматова заставила, «плача на коленях, восставать во гневе» (это его фраза), жить в бесконечной надежде, в то же время жестоко сомневаться в самых сущностных гуманистических ценностях, утратив прежние иллюзии. Для героев Хемингуэя важно не сдаваться, не закиснуть, поэтому его герои – одиночки, они борются в одиночестве и нередко предпочитают – как, впрочем, и сам писатель – смерть моральной капитуля-

Чингиз Айтматов и Аскар Акаев

ции. Камю же видел в жизни человека XX века истинное – буквально сизифово – благородство в борьбе, но видел и экзистенциальное отчаяние перед неразрешимыми вопросами бытия, поэтому и объявил, повторяя Шопенгауэра, что основной вопрос философии – это самоубийство. Но айтматовская философская дилемма – это дилемма несколько иного уровня. Это прежде всего вопрос этического спасения человека, спасения в человеке Человека, глубокая вера в него и в то же время отчаяние от того, что человек не способен подняться выше истории, преодолеть фактум, «изнасиловать судьбу», как однажды выразился тот же Хемингуэй. Поэтому история для Айтматова – это некий демиург, это тяжелый крест и одновременно плаха, великое благо и сущий ад. Это неуправляемая, движимая толпой и ее узокорыстными манипуляторами стихия, которая и возвышает человека до небес, и порой подавляет его и до неузнаваемости деформирует.

Фактически роман «Когда па-

дают горы (Вечная невеста)» получил своеобразным продолжением «Буренного полустанка», «Плахи» – экзистенциальным плачем по утраченной великой стране и ушедшей эпохе. Но мучительные поиски рухнувших иллюзий и утраченного времени, как и в одноименном романе Марселя Пруста, ничего хорошего не принесли, и в своем эпическом реквиеме в прозе онвольно или невольно пророчески предугадал уже свою судьбу. Предвидел собственный конец, описав кончину Арсена Саманчина, в образе которого легко узнается сам писатель. Предвидел – и это самое удивительное – близкую судьбу Кыргызстана, который он так любил и за который он очень тревожился, даже боялся – как казалось, без видимой на то причины. И в последнем романе он пророчески описал эти выстрелы (задолго до того, как они прозвучали в реальной жизни в 2010-м), эти убийства, предугадал террор, настоящий киднеппинг, взятых в плен заложников, власть тьмы и взбесившихся мырков, политизи-

рованных люмпенов. Роман получился грустным повествованием о том, как разрушилась Гора, как не сбылась Мечта. Осталась только Вечная невеста – свет его очей, закатные грэзы неостывшей души, последняя спасительная соломинка, но похожая уже на мистику...

Сначала он сам простился с Арсеном Саманчиным, сделав его своим литературным двойником, наделив его собственными чертами и оплакивая его кончину на страницах книги. Потом, спустя несколько месяцев, мы простились с ним самим.

А его кончина в 2008-м по сей день остается очень туманной и загадочной – если не сказать подозрительной. Прошло несколько лет, но о ней не утихают споры, и появляются все новые догадки и версии. Болезнь Айтматова в Казани, на родине его этнических предков по материнской линии, была действительно до странности скоротечной, внезапной. Словно его сразил меч Кассандры, будто его срочно позвала в иной мир некая судьба, свалила зловещая коса

смерти, поджидавшей, подстерегавшей его именно там. После не очень долгого недомогания он потерял сознание. Затем впал в кому и скончался. Как гласило заключение консилиума местных врачей, у него отказали обе почки, произошла полная дисфункция печени, случилась пневмония обоих легких, к тому же его организм поразил жесточайший септический шок. То есть весь его организм одномоментно отказался функционировать, а Чингиз Торекулович и слово не успел сказать своим близким. Которых, кстати, и не подпустили к нему. С ними не стали даже ничего согласовывать, когда потерявшего сознание писателя решили отправить самолетом не в Москву, а почему-то в немецкий Нюрнберг. Действительно, складывается впечатление, что он не умер, а погиб при весьма загадочных обстоятельствах.

Поклонники Айтматова часто спорят и гадают, откуда у него этот греческий, античный трагизм, из книги в книгу кочующие эсхатологические мотивы, этот, говоря по Фрейду, инстинкт смерти и явные пароксизмы безысходности, но в то же время и такой мощный всепобеждающий позыв жизни? Ответить на этот вопрос нелегко, но сделать некоторые предположения, думаю, можно. Да, это он сказал: «За все в жизни есть расплата, как за жизнь есть расплата смертью». Мысль, конечно, не нова, но в устах Айтматова, писателя очень успешного, к тому же советского, поэтому обязанного быть хотя бы «историческим оптимистом», она многим тогда показалась тривиальной, даже некоторой позой. Действительно, мысль о смерти его всегда очень сильно беспокоила, будоражила его пламенную и в то же время глубоко израненную с детства душу и никогда его не покидала.

Мощный позыв жизни со существовал с инстинктом смерти, обостренным чувством конечности века человеческого.

Не думаю, что он так боялся смерти, страшился перед ее неотвратимостью, как, например, Гоголь, сошедший из-за этого с ума, или считал ее основным вопросом бытия и философии, как Альбер Камю. Но он хорошо знал, что она может наступить в любую минуту, встреча с ней может быть за первым же углом. И смерть действительно встретила его так внезапно, буквально на пути, будто вылезла, выпрыгнула из-за угла, подмигивая хитро и заманивая в иной мир, говоря: «Пора уже!» – как черт у Фауста, как бесы у Пушкина, как Демон у Лермонтова.

Айтматов не оставил завещания, но оставил свои книги и ушел из жизни, как может уйти таинственный странник, как пушкинский Арион. О многом хотелось бы у него спросить, но, увы, не спросили, да и он бы не ответил. Но один эпизод из его внутренней жизни лично мне хорошо запомнился.

Дело было в 2007 году. Он в прямом эфире давал интервью «Голосу Америки», и журналист у него спросил: «Чингиз Торекулович, если бы была такая возможность, кому бы из тех, которых Вы хорошо знали и которые ушли в иной мир, Вы бы написали?» Незамедлительный ответ писателя был такой: «Я бы, пожалуй, написал Александру Трифоновичу Твардовскому». Это было удивительно. Человек захотел войти в некую связь с потусторонним миром. В эфире зависла тишина, и потом писатель задумчиво добавил: «Я бы хотел ему написать...» Журналист не унимался и продолжил вопрос: «Еще кому бы Вы написали, Чингиз Торекулович? Из ваших друзей, единомышленников?» Писатель

ответил: «Я бы еще написал Александру Николаевичу Яковлеву. Мы были очень близки и много и от души с ним общались по разным вопросам жизни. Было бы у меня о чем написать ему тоже и... спросить».

Так он завершил свою земную жизнь. И эта жизнь, эта судьба, эта удивительная биография пришла к своему логическому итогу. Только оплакивая его внезапную кончину, мы поняли, что эта удивительная эпохальная песнь, песнь этого великого столетия по имени Айтматов, увы, действительно допета. Что судьба этого человека, судьба этой удивительной личности была испытана до конца...

Когда умер Айтматов, кто-то очень метко сказал, что киргизы хоронят целую эпоху и едва ли не самого выдающегося соотечественника. В этом не было никакого преувеличения. Так ушел последний трубадур, заблудившийся в эпохах, ушел киргизский Арион, воспевший любовь и очарованный красотой сущего. И взгрустнувший при виде всех трагических несовершенств человека.

Мне часто вспоминается строчка из его давнего незавершенного произведения: «И в опустевшее поле выбегает белый скакун без седока...» Я до сих пор считаю, что Айтматов так и испарился, превратился в белое облако, ушел куда-то в неизвестность, впустоту инфинити и не вернулся больше. Он вознесся в небо, куда так часто устремлял свои взоры, а белый его скакун выбежал в опустевшее и осиротевшее поле уже без седока. Слышишь только пронзительное ржанье коня, и затем полная тишина, и опять ржанье, уходящее вдаль, отдающееся дальним эхом и медленно растворяющееся в бесконечности времени и пространства...

Владимир Кириллович Батурин –
доктор философских наук, академик РАЕН,
предприниматель

Достоевский: девять актуальных мыслей об **истинном развитии** России

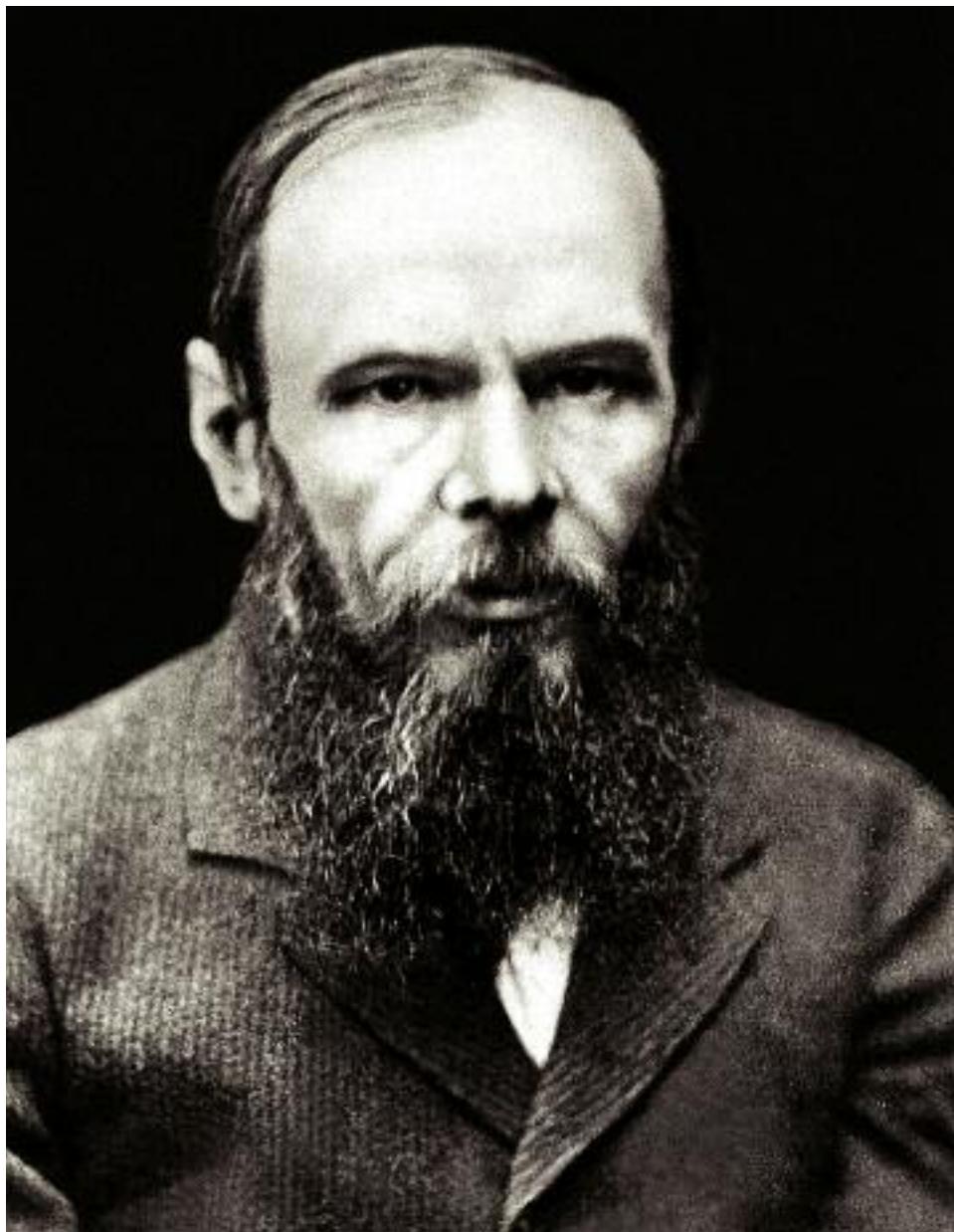
Pоссия последние 25 лет не просто топчется на месте, а стремительно падает вниз. Провалено абсолютно всё для настоящего и мощного развития страны. По отношению к народу России проводится политика самого настоящего геноцида — ведь ни один здравомыслящий соотечественник лет 30–40 назад не смог бы вообразить себе то, что сегодня творится в стране в качестве, увы, обыденной реальности... И тем не менее рано опускать руки, из этого губительного пике надо обязательно выходить. Еще есть возможности и время решить судьбу России не так трагично для нее, как за нас пытаются это сделать разного рода внутренние и внешние враги. Есть уже маленькие обнадеживающие сигналы и от сегодняшних властей страны — вот уже вполне официально заговорили о необходимости национально-освободительного дви-

жения для восстановления суверенитета страны, утраченного в начале 90-х. Все это хорошо, но поднимать Россию с колен надо грамотно и системно, для чего всем нам нужна прежде всего настоящая государственная власть, ибо только она способна такую машину внутренних и внешних проблем одолеть должным образом.

Но власть-то нужна именно настоящая. А понять, настоящая эта власть или нет, на самом деле чрезвычайно просто: следует лишь посмотреть, идет ли добровольно за ней народ, готов ли он за нее стоять горой, а если надо, то и умирать. Ведь настоящая русская формула управления из глубин нашей истории только одна: «Звать — не грозя». За собой звать, вести, управлять русским народом может только тот, кто для этого народа является истинным лидером, которому вовсе нет никакой нужды пользоваться силовым

или властным ресурсом для достижения единства активности субъекта и объекта управления. Истинное управление – органичное соединение власти и народа, буквально сметающее все на своем пути. Примеров этому в истории России великое множество: русское народное ополчение 1613 года, Отечественная война 1812 года, Великая Отечественная война 1941–1945 годов, всем известные подвиги СССР в развитии науки, образования, культуры, в освоении космоса. Во всех подлинных свершениях нашего государства общим признаком выступает именно единство народа и власти, их запредельная нацеленность на решение той национальной задачи, которую историческая эпоха ставит для России в качестве наиважнейшей.

Так какая же власть у России сегодня – она настоящая или нет? Для ответа на этот вопрос обратим свой взгляд на народ: он идет за нынешней властью? Очевидно – нет, поскольку в российском обществе царят апатия и пассивность, нежелание приближаться к решению политических вопросов даже в период обязательных избирательных кампаний – как федеральных, так и меньшего уровня. Народ хорошо видит, что нынешняя власть вовсе не озабочена решением наиважнейших задач, а занята исключительно сама собой – коррупцией, воровством, кумовством, показушными мероприятиями. К сожалению, и сегодня вполне справедливы слова Льва Толстого о наших чиновниках: «Нравственный добродетельный государственный человек есть такое же противоречие, как целомудренная проститутка, или воздержанный пьяница, или кроткий разбойник». За такую власть народ горой стоять не будет, тем более умирать. Зачем?! Все

Не поздно еще повернуть вспять от края пропасти и мерзости запустения – ведь у нас есть совершенно готовая к действию национальная философия развития России, гениально сформированная Федором Достоевским.

просто. Но именно эта простота трагична и катастрофична абсолютно для всех нас, ибо и такая власть, и такой народ обречены на полное свое исчезновение, а состояние их принципиальной враждебности и разлада – прямой путь в «Красную книгу» человеческих цивилизаций, где уже много исчезнувших стран и народов, но стоит ли туда торопиться?

Наиважнейшей национальной задачей сегодня является сохранение и подлинное раз-

витие России. О главной сути этой задачи лучше всего сказал наш философ Александр Зиновьев: «Хочу, чтобы народ, к которому я принадлежу, выжил в качестве исторически значимой величины в сложившихся беспрецедентно страшных условиях. И необходимое условие для этого – объективно-беспрощадное понимание насущной реальности». Выжить же в «беспрецедентно страшных условиях» Россия сможет только тогда, когда в каждом историческом движе-

Иллюстрация к заключительной сцене комедии «Ревизор» Николая Гоголя

И сегодня вполне справедливы слова Льва Толстого о наших чиновниках: «Нравственный добродетельный государственный человек есть такое же противоречие, как целомудренная пропитутка, или воздержанный пьяница, или кроткий разбойник».

нии обязательно будет следовать своей собственной философии существования и развития. Чужестраных вариантов миропонимания и устроения — от марксизма до либерализма — мы все уже наелись. В стратегической программе сегодняшнего дня — модернизация страны согласно национальной философии. Может быть, в том и трагедия наша, что нет необходимого господства мировоззренческих, ценностных — не только физических и экономических, но и метафизических — проектов, нет реализации настоящих, абсолютных целей. Именно это и создает губительные условия для прихода в качестве программ всякого рода концепций-карликов и концепций-разрушителей. Примеров, к несчастью, не счесть: Горбачев, Яковлев, Ельцин, Гайдар, Чубайс, Зурабов, Голикова, Сердюков. Несть числа разнужданным карликам, которым мы все позволили эти 25 лет кромсать и терзать плоть и дух России вместо ее дина-

мического и грамотного развития на основе своей собственной философии и национальных традиций и святынь.

И тем не менее не поздно еще повернуть вспять от края пропасти и мерзости запустения — ведь у нас есть совершенно готовая к действию национальная философия развития России, гениально сформулированная Федором Достоевским. Чего же не хватает? Мы об этом уже сказали выше — нет пока настоящей государственной власти. Но и она появится — рано или поздно, но обязательно появится, вспомним опять-таки хотя бы национально-освободительное движение, которое еще несколько месяцев назад трудно было представить.

Именно в ожидании настоящей государственной власти мы и попытаемся раскрыть суть идей нашего великого русского философа Достоевского, совокупность которых представляет настоящую и очень своевременную государственную программу ис-

тинного развития России. Итак, национальная идея русских, по Достоевскому, необычайно глубока и — с точки зрения философии развития — весьма перспективна. В чем же она? В неодолимой жажде! В жажде иной — совершенной — жизни, в жажде иного — совершенного — мира и вырастающей из этого неизмеримой по силе попытке творческого преображения данного в желаемое и взыскиваемое сердцем. Философ подчеркивал, что жизнь для русского человека всегда была полна сакрального, священного, мистического устремления, нацеленного на поиск «потаенного бытия», скрытого смысла вещей. В этом плане русский ценностный мир принципиально шире наличествующего бытия. Незначительные, обыденные задачи русскому человеку, как правило, не нужны. «Всё есть, а вместе с тем ничего нет», — чисто русское восприятие мира, когда человек хорошо видит нищету и растерянность голого pragmatизма и в своем идеально-типическом ценностном выражении устремлен в будущее, в бытие, где будет больше смысла, правды, абсолютной справедливости. Ему нужно достиче-

ние абсолютной цели — Царства Божия, где мудрость человеческая, преходящие ценности века сего есть, выражаясь словами Льва Шестова, «безумие пред Господом». Это означает необходимость идущего изнутри, глубинного преображения как индивидуального человека, так и целого социального строя с главной направленностью всех изменений к соборной, духовно-надежной гармонии. Чисто русская идея — единство людей, основанное на свободе и любви, единство как согласие личных свобод ради возможности раскрытия божественного начала в человеке.

Почему, например, так ненавистны русскому всякие современные «жуки-паучки», сотворенные безвременем 90-х олигархи, обнаглевшие от жадности чиновники, смехотворная и ничтожная богема, умеющая «шоколадно жить» в рыночных реалиях? Они — сплошь временщики, обыватели, люди вообще не из русского мира, занятые исключительно своими шкурными делами — всякими яхтами, золотыми унитазами, поверхностным заимствованием чужих идей и подражанием всегда и во всем. Им нет дела до преображения своей страны, они смешны и уродливы. России нужна другая элита, суть которой можно определить одним только словом — настоящая. Но ее пока нет. Пока...

Достоевский не считал русский народ идеалом, но полагал, что в нем, в отличие от духовно мертвого мира Запада (где новая религия золотопоклонничества полностью овладела разрушенным сознанием людей — «живых мертвцов»), светится еще идеал правды, добра и красоты. В мире, преклонившемся перед Зверем Апокалипсиса, в мире чистогана, утилитарной пользы, в мире отчужденности, «отъединения личности от це-

лого», духовного «химического распада» — в этом расколотом мире, по словам философа, «ко всечеловечески-братьескому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено». На Западе — царство антихриста, считал он, и призвание России — «сразиться с антихристом, то есть с духом Запада». Призвание, к сожалению, пока совершенно нами не исполненное.

Выделим девять главных мыслей Достоевского о философии развития России, целоцупное содержание которых вполне является собой полноценную и обоснованную государственную программу возрождения нашей Родины. Эту программу необходимо незамедлительно, с учетом, разумеется, современных мировых и отечественных реалий начать осуществлять настоящей государственной власти России.

Мысль первая. Чаще всего о главных причинах системного неблагополучия современной России говорят как о следствиях политических катастроф 1917 и 1991 годов. Такого рода представления слишком поверхностны и ошибочны. А каков диагноз российских проблем у Достоевского? Его замечательные прозрения на этот счет не только актуальны и глубоки, но и крайне необходимы для истинного развития нашей многострадальной Родины. Всё плохое в России, согласно его взорваниям, началось с Петра I. В письме к своему другу, выдающемуся русскому государственному деятелю, чьим советам следовали императоры Александр III и Николай II, Константину Победоносцеву, он писал: «Культуры нет у нас (что есть везде), дорогой Константин Петрович, — а нет через нигилиста, Петра Великого». Именно он, по мысли Достоевского, «расторг духов-

ное единство нации». Именно этот государь обрек «верхний культурный слой» на искусственное, фантастическое, можно сказать — пародийное, существование.

Мысль вторая. Таким образом, у истоков наших проблем и неурядиц стоит сам русский царь. Но затем эту мысль философ развивает и в своей предсмертной тетради он уже записывает: «Нигилизм явился у нас потому, что мы все нигилисты». Заметим: не отсюда ли проистекает отмеченная нами ранее атмосфера полного равнодушия большинства нынешних граждан страны, не испытывающих по этому поводу особых переживаний и сыновней боли? Не отсюда ли этот всеобщий нигилизм к судьбе страны, к ее великой культуре и сакральным ценностям?

Мысль третья. Возникает естественный вопрос: стоит ли вообще говорить о каком-либо возрождении и модернизации России, если все так ужасно и плохо? Какова позиция философа? Стоит — он с упоминанием и надеждой смотрел в будущее России, прежде всего как человек религиозного сознания. Об этом убедительно свидетельствует, например, эпиграф к его последнему роману «Братья Карамазовы», слова из Евангелия от Иоанна: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Иоанн 12:24). Слова эти выражают его надежду на грядущее обновление и процветание России (и всего человечества), «которое должно наступить вслед за всеобщим разложением и упадком». Правда, следует заметить, что здесь опять приведена эсхатологическая, религиозная аргументация, а не научно-доктринальная.

Мысль четвертая. Какую же Россию — по Достоевскому —

Густав фон Мардевельд. Петр Великий с чернокожим пажом. Около 1720 года

Именно Петр, по мысли Достоевского, «расторг духовное единство нации». Именно этот государь обрек «верхний культурный слой» на искусственное, фантастическое, можно сказать – пародийное, существование.

всем нам надо строить? В «Дневнике писателя» он говорит, что нам необходимо строить вселенскую Церковь, или «русский социализм», «цель и исход которого – всенародная и вселенская Церковь, осуществленная на земле, поколику земля может вместить ее». Что такое, по мысли философа, русский социализм? Совсем не то, что теперь понимается под этим термином. Русский социализм – это достижение такого нравственного состояния, «когда все будут поступать по совести», такого состояния, «ког-

да не будет двух нравственостей: для государства и для частного лица» (все это, как известно, обсуждается в келье Зосимы в романе «Братья Карамазовы»). Иначе говоря, концепция развития России у философа – вовсе не экономическая или политическая, как сегодня, а нравственная, этическая. Современные модернизаторы нашей страны и близко не подошли к истинному содержанию того, что необходимо сегодняшней России. Тысячу раз прав наш гений – на самом деле никогда и ничего не сдвинется с

мертвой точки в решении всех наших кричащих проблем, пока в российском государстве будут править бал разного рода ловкие ребята типа сердюковых, чубайсов, авенов, а в наших поселениях верховодить криминальные паханы – сплошные цапки, цапки, цапки... О какой программе развития России можно говорить в условиях всеобщего нравственного хаоса, в состоянии почти полного отсутствия собственной национальной культуры и при всеопоглашающем раздрое относительно неоспоримых отечественных ценностей? О каком благополучии может идти речь, если в нашем общем доме – сплошной пожар и кровавая война всех против всех?

Мысль пятая. По Достоевскому, главный инициатор и исполнитель развития России – это ее верховная власть, более того – самодержавие, которое должно стать орудием нравственного переворота. Подчеркиваю: нравственного – и никакого другого! Власть России должна быть безукоризненно нравственной, и только тогда она будет реальной властью. А одновременно воровать и при этом якобы править на Руси не получится – либо одно, либо другое. Главное здесь, по Достоевскому, – внести в исторические формы государственности и управления «внестороннее нравственное содержание». Так всё внешне просто, но как бесконечно далека власть современной России от этого именно нравственного содержания! На Руси главный деятель – власть, и формула русского управления: по совести, не грозя, вместе со всеми. Решение русского вопроса должно осуществляться прежде всего исключительно в этическом формате. Это значит, например, что Сердюков никак не может быть забыт и

прощен в своих разрушительных деяниях и тем более не может получить новую сытую должность. И таких безнравственных, крайне разрушительных для нашего государства, кощунственных примеров действий властей сегодня – великое множество.

Мысль шестая. Философ в «Дневнике писателя» высказывает очень важную формулу осуществления процессов развития России – исключительно постепенных, преимущественно внутренних, а не внешних, принципиально этических и нравственных, а не социально-экономических: «<...> сделаться человеком нельзя разом, а надо выделаться в человека. Тут дисциплина. <...> Мыслители провозглашают общие законы, то есть такие правила, что все вдруг делаются счастливыми, безо всякой выделки, только бы эти правила наступили. Да если б этот идеал и возможен был, то с недоделанными людьми не осуществились бы никакие правила, даже самые очевидные». О чем здесь сказано для нас? Мировое устройство – это прежде всего «выделывание» человека. Новое будущее достигается только тогда, когда, стремясь к идеалу человеческого обожжения, каждый будет стараться приблизить к нему самого себя. В социальных и прочих модернизациях необходимо сопряжение внутренних (личностных) и внешних (социальных) факторов человеческого поведения. По-другому ничего и никогда не получится – предупреждает Достоевский.

Мысль седьмая. Без всяких лишних слов ее смысл ярко выражен самим писателем: «Прежде чем проповедовать людям: “Как им быть”, – покажите это на себе. Исполните на себе сами, и все за вами пойдут. Что тут утопического, что тут невозможного –

не понимаю!» Комментарии, повторяем, здесь совершенно излишни – на контрасте можно только вспомнить о современной, с позволения сказать, элите.

Мысль восьмая. В самом начале этой работы мы говорили, что русский человек хорошо видит нищету и растерянность голого pragmatизма и немедленной пользы. У философа эта мысль выражена еще ярче: «Попробуйте-ка соединить людей в гражданское общество с одной только целью “спасти животишки”? Ничего не получите, кроме нравственной формулы: “Chacun pour soi et Dieu pour tous” (“каждый за себя – и Бог для всех”, фр. – В.Б.). С такой формулой никакое гражданское учреждение долго не проживет». И дальше: «Общественных гражданских идеалов, как таковых, как не связанных органически с идеалами нравственными, а существующих сами по себе, в виде отдельно половинки, таких идеалов <...> нет вовсе, не существовало никогда, и не может существовать!» Вот она – истина изнутри. Вот она – абсолютная философия развития России. И не только России, а всего человечества. Настоящее развитие – это восстановление нравственности, это жизнь всех по совести, и пока устремленность к этой цели не разовьется, другие проекты и проектиki – пустое занятие, суeta сует. Потому данная концепция является абсолютной.

Мысль девятая. До самого последнего исторического времени – до начала XXI века – мы все ищем и ищем нашу национальную идею. А она давно уже четко и гениально сформулирована Достоевским: «Стать русскими, во-первых и прежде всего. Если общечеловечность есть идея национальная русская, то <...> надо каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с

первого шагу всё изменится. Стать русским значит перестать презирать народ свой. <...> Став самими собой, мы получим, наконец, облик человеческий, а не обезьяний. Мы получим вид свободного существа, а не раба, не лакея».

Гений философа начертал всем нам гигантскую и абсолютную философию истинного развития России. Время, прошедшее после смерти этого великого патриота нашей страны, все наши трагические испытания только подтвердили и непрерывно подтверждают ее великую правоту. Настал час именно эту философию сделать программой реального возрождения России. Тогда и только тогда сможем мы, по уже упоминавшемуся Зиновьеву, сохраниться «в качестве исторически значимой величины в сложившихся беспрецедентно страшных условиях». Великий русский философ был оптимистом – хотелось бы, чтобы и в этой вере в свою страну и в свой народ он тоже был бесконечно прав. Но и нам всем нельзя плошать. Особенно в усилиях народа по скорейшему появлению в России настоящей государственной власти, которая, я убежден, девять великих мыслей своего пророка обязательно сделает девятыми принципами активных и успешных действий во благо Отечества.

Еще далеко не вечер, Россия! Еще можно и нужно за свое достойное будущее не только активно, но и обязательно победно бороться. У нас вполне есть для этого настоящая государственная программа обновления страны, власти и народа, построенная на отечественной философии развития, ярким и убедительным выразителем которой был, есть и всегда будет наш гений – Федор Михайлович Достоевский.

Ю.А. Борисёнок: «Сочинская Олимпиада станет доказательством того, что существует новая Россия, которая может даже в субтропиках провести зимние игры!»

Интервью кандидата исторических наук, главного редактора журнала «Родина», одного из авторов книги «История российского спорта» Юрия Аркадьевича Борисёнка первому заместителю главного редактора альманаха «Развитие и экономика» Дмитрию Андрееву

— Юрий Аркадьевич, спорт, точнее — большой спорт, в наше время — это всё — и большая экономика, и большая политика, и большой бизнес. И, увы, большой криминал. В случае с Олимпиадой в Сочи спорт в определенном смысле оказывается существенным общественнообразующим и государствообразующим феноменом. Вы являетесь одним из авторов фундаментального исследования по истории российского спорта. Поэтому начать наш разговор хотелось бы с такого вопроса: была ли в нашем прошлом — дооценном ли, доколониальном ли — такая же или хотя бы похожая, так сказать, спортомания, какую мы сейчас наблюдаем в связи с приближающейся Олимпиадой? Понятно, что такой, наверное, не было. А что было? Как вообще формировалось отношение к большому спорту в нашей стране?

— Большой спорт с том пониманием, в каком он существует сейчас, появился во второй половине позапрошлого века, точнее даже в 1890-е

годы. Именно тогда мода на занятия физкультурой привела к тому, что из популярного и во многом элитарного хобби спорт превратился в статусное зрелище, спортивные состязания стали массовыми общественными мероприятиями. На этой волне несколько спортивных энтузиастов из разных стран организовали в 1896 году в Афинах первые в современной истории Олимпийские игры, которые были представлены как возрожденное одноименное античное действие. Однако на самом деле общим у этих игр с играми древнегреческими было разве что лишь одно название. То, что возродилось в конце XIX века под вывеской олимпийского движения, как раз и явилось феноменом большого спорта как массового увлечения.

— Этот феномен, конечно, дал о себе знать сначала на Западе. А Россия на долго отстала в этой новой моде?

— Подобное массовое увлечение появилось на Западе и в Российской империи примерно одновременно. Хотя,

конечно, наша страна все-таки заметно отставала в распространении этого нового спортивного масскультта. Но тем не менее уже на играх 1900 года российские спортсмены попали в число 1330 участников соревнований, но каких-либо следов их реального присутствия на соревнованиях так и не нашлось. На Олимпиаде 1908 года в Лондоне борцы Николай Орлов и Александр Петров сумели завоевать первые в отечественной олимпийской истории медали — серебряные, а 30 октября 1908 года фигурист Николай Панин-Коломенкин выиграл и первое для России олимпийское золото. В 1912 году Россия приняла участие в V Олимпиаде в Стокгольме. К этому времени уже был создан Российской олимпийской комитет, а само участие наших спортсменов в Олимпиаде в Швеции стало восприниматься, в том числе и на самом «верху», как важное политическое событие. Ожидавшиеся там победы расценивались властью как достойный фон для двух больших патриотических юбилеев — 100-летия Отечественной войны 1812 года и приближавшегося в 1913 году 300-летия Дома Романовых. Но взять Стокгольм гусарским наскоком не удалось. Подготовка к играм велась хаотично, а круг потенциальных олимпийцев, как правило, ограничивался Петербургом, Москвой и спортсменами в офицерских погонах. В итоге — вполне естественный провал: ни один из членов сборной России не стал чемпионом, и с четырьмя медалями Петербург разделил с Веной 15-16-е места в неофициальном командном зачете. Общественность тогда метко окрестила олимпийские результаты России «спортивной Цусимой». Ну, а на следующей Олимпиаде мы оказались только через 40 лет. Конечно,

за это время спорт в нашей стране не просто достиг высот, которые и не снились первым российским олимпийцам. Он изменился качественно — стал действительно массовым благодаря соответствующей политике советского руководства, рассматривавшего спорт как важный элемент военной подготовки. Ведь чтобы дать отпор врагу, надо быть физически сильным и выносливым. Поэтому на Олимпиаду в Хельсинки в 1952 году мы приехали подготовленными неизмеримо лучше, нежели 40 лет назад.

— Удивительно, ведь 52-й год — это, можно сказать, пик послевоенного сталинского режима. Это также время уже довольно жесткого противостояния с Западом — холодная война в полном разгаре. И в такой обстановке мы едем на Олимпиаду. Почему советское руководство все-таки решило отпустить советских спортсменов в Хельсинки? Чтобы показать спортивную силу нашей страны?

— Ну, во-первых, Советский Союз приглашали на Олимпиады и в период между Первой и Второй мировыми войнами, однако в Москве после-

Уже в 1956 году, когда мы первый раз участвовали в обеих Олимпиадах – зимней в Кортина д'Ампеццо и летней в Мельбурне, – наш триумф был абсолютным. Никакие американцы и никакие другие зарубежные спортсмены не смогли составить Советскому Союзу конкуренцию в командном зачете.

довательно отказывались. Во-вторых, приглашали и на первые послевоенные Олимпиады – и зимнюю, и летнюю, – которые состоялись в 1948 году. Кстати, на момент приглашения холодная война еще не разгорелась в полную силу – а значит, и союзнические отношения с державами антигитлеровской коалиции не были забыты. Поэтому в принципе на какой-то остаточной волне настроя 1945-го советские спортсмены могли бы в них поучаствовать. Но этого не произошло – и на этот раз предпочли воздержаться. А вот через 4 года Сталин принимает прямо противоположное решение. И понятно почему – к 1952 году

противостояние с Западом уже достигло апогея, и вождю было важно нанести поражение нашим противникам хотя бы в спортивных состязаниях и тем самым продемонстрировать мощь державы. Чтобы лучше подготовиться к такому противостоянию, решили отказаться от участия в зимней олимпиаде в Осло – дабы особенно тщательно подготовиться к летним играм в Хельсинки. Вообще, надо сказать, что решение о возвращении в олимпийское движение принималось тогда на самом высоком политическом уровне, досконально взвешивались все плюсы и минусы, пристально оценивали шансы на победу в тех или иных видах спорта.

Результат советских спортсменов в Хельсинки был просто фантастический. Историки спорта до сих пор спорят, которая из сверхдержав – Соединенные Штаты или Советский Союз – была первой в командном зачете. Вообще-то, конечно, командный зачет – это неофициальный показатель, хотя всеми государствами и повсеместно принятый и разделяемый по умолчанию. Этот неофициальный показатель не имеет ничего общего с подходом собственно олимпийским, в соответствии с которым засчитываются лишь полученные спортсменами медали. А командный зачет предполагает дотошный подсчет завоеванных позиций вплоть до восьмых мест. Ну, правда, завоевать восьмое место на Олимпиаде 1952 года было не так уж и сложно – в отличие от нашего-то времени: конкуренция за 60 лишним лет возросла многократ-

но, особенно после того как Международный олимпийский комитет в 1986 и 1987 годах принял решения о допуске профессионалов на Олимпийские игры. Но вместе с тем командный зачет очень удобен, если рассматривать олимпийские итоги с точки зрения престижа страны. И уже в 1956 году, когда мы первый раз участвовали в обеих Олимпиадах — зимней в Кортина д'Ампеццо и летней в Мельбурне, — наш триумф был абсолютным. Никакие американцы и никакие другие зарубежные спортсмены не смогли составить Советскому Союзу конкуренцию в командном зачете.

— На этой Олимпиаде мы стали чемпионами даже по футболу!

— Да, потом мы повторили этот успех через 32 года на Олимпиаде в Сеуле в 1988-м, где советская сборная по футболу также получила золотые медали. С тех пор нашему футболу подобные результаты, увы, даже и не снятся. Но, правда, футбол или хоккей — это всего лишь одна медаль. Пускай чрезвычайно престижная, но одна. А для командного зачета важно суммарное количество медалей. И этот, так сказать, государственный подход к участию в Олимпиадах сохраняется и поныне, в то время как основной олимпийский принцип — главное не победа, а участие — у нас не работает. Мы, конечно, с интересом смотрим, как граждане Кении берут в руки лыжные палки и пытаются преодолевать ту или иную олимпийскую дистанцию или как выступают монгольские горнолыжники. Но себя мы в таком же качестве представить не можем — для нас по-прежнему исключительную роль играет престиж страны, который во что бы то ни стало нельзя уронить. Хотя в последнее время, особенно на зимних

Олимпиадах, у нас это получается все хуже и хуже. Да, можно назвать объективные причины неудач российских спортсменов.

— Вы имеете в виду плохое финансирование, слабую тренерскую квалификацию, недостаточную работу по ротации спортсменов — то есть нерегулярный приток в нашу олимпийскую команду талантливой молодежи?

— Да даже и не это — в конце концов, при желании подобные проблемы вполне решаемы и преодолимы. Я имею в виду действительно не зависящие от нас обстоятельства. К примеру, такое. После того как Олимпиады во второй половине 1980-х стали профессиональными, о чем я уже говорил, в число олимпийских соревнований, особенно зимних, включено очень много новых видов спорта. В Сочи разыгрывается 98 комплектов медалей, по большинству из которых у нас нет никаких шансов даже в принципе. Дело в том, что эти новые олимпийские виды спорта придуманы, как правило, не у нас, а в Северной Америке, причем обычно на неформальном уровне — скажем, студентами. Эти виды спорта становятся популярными — главным образом благодаря телевидению. Но опять-таки повторю — популярны они на Западе, точнее даже в Америке, а у нас ими никто не занимается. Поэтому когда такие виды спорта попадают в олимпийскую программу, мы не успеваем подготовить по ним конкурентоспособных спортсменов.

— Типа кёрлинга?

— Да нет, кёрлинг-то у нас как раз развивается. А вот на хаф-тайп мы смотрим как на экзотику. Да этот вид спорта и замышлялся как студенческая забава. Поэтому если подходить к сочинской Олимпиаде с позиции старых — в своей основе сталинских — стандартов

типа командного зачета, либо общего числа медалей, либо количества только золота, то она изначально обещает быть для нас... ну, не очень выигрышной. Да, очень бы хотелось верить в нашу громкую победу — тем более у себя дома. Но трезвый анализ возможностей российских спортсменов накануне Олимпиады не дает никаких оснований для такого оптимизма. По результатам выступлений на различных этапах Кубка мира по зимним видам спорта, который обычно предшествует Олимпиаде, видно за 3 недели до Сочи — а мы с Вами говорим в середине января, — что нам реально рассчитывать разве что на восьмое место в медальном зачете. Ну, максимум четвертое место можем получить по общему числу медалей, что наверняка не входит в планы организаторов Олимпиады — если иметь в виду поддержание государственного престижа России.

— Юрий Аркадьевич, я все-таки хочу еще раз вернуться к тому, с чего начал, — к нынешней спортомании. В последние десятилетия спорт стал очень ходовым, так сказать, товаром на медицинском рынке. Значит, на такой товар существует устойчивый спрос. Чем Вы объясняете подобный маркетинговый успех? Почему сегодняшний обычатель — как на Западе, так и у нас — не может себе представить свой день без трансляций с соревнований и даже без обычных новостных спортивных сводок?

— Дело в том, что в современном глобализированном и компьютеризированном обществе очень мало по-настоящему качественных зрелищ в режиме реального времени. Парадоксально, да? Казалось бы, технических возможностей для производства подобных зрелищ несравненно больше, чем прежде, но на рынке предложений почти сплошь

Хаф-пайп

В Сочи разыгрывается 98 комплектов медалей, по большинству из которых у нас нет никаких шансов даже в принципе. Дело в том, что эти новые олимпийские виды спорта придуманы, как правило, не у нас, а в Северной Америке, причем обычно на неформальном уровне – скажем, студентами. Эти виды спорта становятся популярными – главным образом благодаря телевидению.

ные фейки, примитивные поделки, придуманные забавы. И спорт на этом фоне остается одной из немногих территорий, где имеются именно та-

кие зрелища. Конечно, не надо обольщаться. В спорте есть и допинг, и договорняки, и разные другие закулисные игры. Это было всегда – и, по-

лагаю, останется впередь. Но тем не менее на сегодняшний день спорт является все-таки лучшим и наиболее конкурентоспособным зрелищным товаром. К тому же в ситуации, когда очередная мировая война уже представляется невозможной – хочется в это верить, – спорт создает возможности для выхода естественных для человека адреналиновых эмоций, но только в мирных сражениях и поединках – как для самих участников, так и – что гораздо более важно – для массового стороннего наблюдателя.

– Да, но мы еще помним те времена, когда спортивные баталии воспринимались как просто продолжение внешней политики, только другими средствами. В связи с этим вспоминаются наши легендарные сражения с канадскими хоккеистами. Или полное интриг противостояние Карпов–Корчной.

– Да, история спорта знает массу примеров тому. Не будем идти далеко – вспомним все ту же нашу первую – для СССР – Олимпиаду 1952 года. На ней наша футбольная сборная потерпела поражение от сборной Югославии. Было два матча. В первом мы сыграли вничью – 5:5. А вот во втором матче проиграли «злейшим врагам товарища Сталина», «натовским наймитам», «фашистской клике Тито–Ранковича» со счетом 1:3. Нетрудно догадаться, что по итогам Олимпиады были сделаны соответствующие оргвыводы – была разогнана лучшая на тот момент футбольная команда Центрального дома Советской армии.

– То есть обошлось без более серьезных последствий?

– Безусловно, 1952 год – время невегетарианское, но тем не менее более трагичных оргвыводов тогда не последовало.

– Весь наш небогатый опыт организации Олимпиад – я имею в виду летние игры 80-го

и предстоящие зимние в Сочи — предельно политизирован. Наши оппоненты и тогда чинили, и сейчас чинят нам массу препятствий. То есть и тогда, и сейчас проведение Олимпиады — это своего рода способ отстаивания наших geopolитических интересов.

— Да, большая политика была ощутимым фоном XXII летних Олимпийских игр 1980 года в Москве — она остается фоном и Олимпиады под тем же номером, только зимней, в Сочи. В этом смысле даже показательно сравнить обе Олимпиады. Впервые о возможности бойкота сочинской Олимпиады наши оппоненты заговорили уже через год после принятия решения о ее проведении в России — в августе 2008 года, когда произошли известные события вокруг Грузии. Если бы на дворе был 1980 год, то бойкот Олимпиады скорее всего стал бы свершившимся фактом. Но, к счастью, эпоха бойкотов Олимпиад по политическим мотивам закончилась. В 1980 году бойкот московской Олимпиаде был объявлен при практически аналогичных обстоятельствах — с формальной точки зрения, разумеется, — после ввода советских войск в Афганистан, что — по меркам того времени — было неоднозначным случаем вмешательства в дела другого государства. Но тогдашний президент США Картер решил сыграть на этом ради повышения собственных политических акций в преддверии предстоящей президентской кампании и выступил с инициативой бойкота московских игр. Но бойкот Картеру не помог — его не переизбрали. Зато его инициатива ударила по спортсменам стран, поддержавших бойкот, — они лишились возможности приехать в Москву и стать олимпийскими чемпионами или вынуждены были выступать под олимпий-

ским флагом вопреки позиции собственных властей. А ведь Олимпиады проводятся раз в четыре года, и век спортсмена небесконечен. Через четыре года уже с нашей стороны последовал симметричный ответ — при Черненко мы отказались ехать на Олимпиаду в Лос-Анджелес и не пустили туда наших восточноевропейских товарищей за исключением Румынии. Между тем сила советского спорта на тот момент была исключительной, и вполне возможно, что мы упустили шанс не просто выполнить сталинские установки насчет сбора медального золота, но сделать это на территории нашего главного противника. В конце концов, и в Москве, и в Вашингтоне осознали бесперспективность политики олимпийских бойкотов. И уже в годы перестройки Советский Союз принимает решение ехать на Олимпиаду в Сеул, хотя с Южной Кореей у нас тогда даже не было дипломатических отношений. И этот шаг Москвы тем более обращал на себя внимание, что с Соединенными Штатами дипломатические отношения у нас имелись, поэтому не ехать в 1984-м в Лос-Анджелес формальных поводов не было — кроме разве что желания отомстить этим проклятым империалистам за бойкот Олимпиады-80. Вместе с тем московская Олимпиада и с точки зрения ее организации, и с точки зрения достигнутых на ней спортивных результатов состоялась, несмотря на бойкот. Конечно, если бы в Москву приехали все те, которых не пустили их правительства, подчинившиеся решению Вашингтона, мы выиграли бы не 80 золотых медалей, а меньше — но не критически меньше. В любом случае сила тогдашнего советского спорта была бы доказана.

— Если брать сочинскую Олимпиаду — многое ли изменилось?

То, что большая политика и на этот раз дает о себе знать очень настойчиво, это очевидно. Но все же есть какие-то перемены — в стилистике, в тональности этой политической составляющей — по сравнению с Олимпиадой-80?

— Сейчас, безусловно, Олимпиады — как и спорт в целом — политизированы несравненно меньше. Точнее, большой спорт, конечно, остается политизированным, но просто многие из приемов его увязывания с большой политикой по умолчанию считаются недопустимыми, недостойными уважающих себя государств. Но какие-то подобного рода акции — менее масштабные и менее значимые — по-прежнему практикуются, никуда они не делись. Возьмем хотя бы язвительные публикации в британской прессе по поводу проведения Чемпионата мира по футболу 2018 года в России. Можно не сомневаться в том, что британские СМИ будут продолжать себя вести так же вплоть до 2018 года. Видимо, это просто такой стиль корпоративного поведения, типичное проявление характерной национальной манерности — пускай даже и во вред себе. Ведь хорошо известно, что Англия проиграла соревнование за право проведения футбольного первенства 2018 года во многом именно из-за сутичных публикаций британских спортивных журналистов о членах исполкома ФИФА. Если бы не эти публикации, то англичане вполне могли бы получить чемпионат 2018 года. Тем более что с 1966 года у них не было Чемпиона мира по футболу. Все-таки родоначальники футбола имеют право на такой праздник — самое главное в мире событие, связанное с этой игрой. То есть такого рода акции были и будут, а вот призыва к бойкоту Олимпиады больше не раздаются, даже со стороны

На Олимпиаде 1952 года наша футбольная сборная потерпела поражение от сборной Югославии. Было два матча. В первом мы сыграли вничью – 5:5. А вот во втором матче (на фото) проиграли «злейшим врагам товарища Сталина», «натовским наймитам», «фашистской клике Тито–Ранковича» со счетом 1:3.

Грузии – ее спортсмены приедут в Сочи.

– То есть большая политика по-прежнему присутствует в большом спорте – разве что подобный симбиоз стал несколько более, как сейчас любят выражаться, политкорректным. Но в таком случае впервые заявленный перед Олимпиадой в Хельсинки принципиальный советский подход к мировым первенствам как к мирным сражениям с нашими оппонентами действует и поныне? Только надо что-то подрегулировать, привести в соответствие с эпохой? Вообще если брать шире и не только в смысле внешнеполитического аспекта большого спорта, что в действующих сегодня у нас подходах к мировым соревнованиям – в том числе к Олимпиадам – нуждается в корректировке?

– Мне кажется, что сталинская установка на максималь-

ное количество медалей или на безусловную победу в неофициальном командном зачете должна быть снята как лозунг. Эта установка – своего родаrudимент эпохи, когда у нас было принято считать, что, как пел Визбор, «в области балета мы впереди <...> планеты всей». И хотя «в области балета» Россия по-прежнему на первом месте, от такой пропагандистской установки пора отказаться. Потому что очень часто спортивные неудачи тяжелы вдвойне, если накануне их наши медийные ресурсы, особенно телевидение, предрекали нам безусловную победу. Поэтому возьму на себя смелость сделать следующий осторожный прогноз. Исход сочинской Олимпиады будет положительным уже хотя бы потому, что не произойдет такого провала, какой случился на последних зимних

играх в Ванкувере, где мы смогли выиграть только 3 золотые медали и к тому же потерпели сокрушительное поражение в хоккее от канадцев. Такого в нашей спортивной истории не случалось уже довольно давно. А лучше Ванкувера – это уже хорошо, это уже подъем на новый уровень. Да и главное, что Россия получила возможность провести этот яркий мировой спортивный праздник.

– Второй раз в истории, после 34-летнего перерыва, мы снова принимаем у себя Олимпийские игры. Давайте сравним обе Олимпиады – в Москве и в Сочи – вот по какому критерию. В 80-м, безусловно, действовала, как Вы охарактеризовали, сталинская установка на получение нашими спортсменами максимального количества медалей и на первенство в командном зачете. Но вместе с тем явственно чувствовалась и другая установка – и по своему накалу она даже где-то превосходила первую, – а именно: провести Олимпиаду на высоком уровне, особенно в ситуации устроенного нам бойкота. Но

вместе с тем не только провести достойно, но и с максимальными результатами для себя. Сегодня, как мне кажется, очевиден перекос в сугубо организационную сторону: чтобы все прошло нормально, без каких бы то ни было эксцессов. Выиграть медали, конечно, хорошо бы, но главное – достойно справиться с миссией организатора Олимпиады. Это так?

— Да, я думаю, что в первую очередь – достойное проведение. И такая установка как раз является вполне оправданной. Тем более что 2014 год принципиальным образом отличается от 1980 года. Какое бы ностальгическое чувство мы ни испытывали по позднесоветской эпохе, наше общество тогда было закрытым и режимным. Давайте вспомним, чем сопровождалась Олимпиада-80? Высылкой из Москвы всех нежелательных элементов – алкоголиков, проституток, – вообще закрытием столицы для всех тех, для которых это только было возможным. Избавились даже от школьников и студентов, кроме задействованных в обслуживании игр. Всё это, конечно, совершенно замечательные с точки зрения сегодняшней повседневности факты. А вспомним знаковые атрибуты Олимпиады-80 – джем в миниатюрных упаковках, сок в маленьких пакетиках, финское масло и финский сервелат в нарезке, – которые потом москвичи и гости столицы доедали в течение нескольких месяцев. Сегодня, во всяком случае, эти и другие продукты не представляют собой дефицита, вокруг них нет никакого ажиотажа. И в этом плане жизнь изменилась кардинально. Да и само общество уже совершенно другое, и страна тоже совершенно другая. И вот уже в такой стране проведение Олимпиады выглядит чем-то естественным и нормальным. А 1980 год – это

чрезвычайное происшествие и для общества, и для власти – включая самого Леонида Ильича Брежнева, которому в его возрасте пришлось произнести речь на открытии Олимпиады на стадионе в Лужниках. Сегодня же – никакой чрезвычайности, а закономерное следствие того, что Россия сейчас – одна из ведущих спортивных стран. По крайней мере, на последних летних играх в Лондоне мы вошли в первую тройку, и этот результат отражает наше действительное положение в летних видах спорта. Что касается зимних видов, то здесь, как я уже сказал, в силу ряда причин мы неконкурентоспособны в целом ряде новых олимпийских соревнований, да и традиционные виды – лыжи, коньки – у нас не на самом высоком уровне. Поэтому соревноваться за золото мы можем только в очень ограниченном количестве зимних видов – хотя и очень зрелищных типа хоккея или биатлона. Поэтому, еще раз повторю, в Сочи для нас главное – это достойное проведение Олимпиады, а свои награды – реальные, по силам – мы и так получим. И пускай британские СМИ злопыхательствуют по поводу проведения у нас через четыре года мирового футбольного праздника – это их право, как и наше право – не придавать подобным выпадам никакого значения. Безусловно, у нас еще очень много чего можно и нужно критиковать, но главное, что за прошедшие после Олимпиады-80 34 года произошло качественное изменение нашей повседневности. Сочинская Олимпиада станет доказательством того, что существует новая Россия, которая может даже в субтропиках провести зимние игры.

— Когда сегодня пишут и говорят о негативных сторонах Олимпиады в Сочи, называют,

как правило, два фактора – террористическую угрозу и коррупцию. Я бы хотел поговорить о других теневых сторонах не только предстоящей Олимпиады, но и вообще мирового большого спорта. Во-первых, о допингах. Я, конечно, не профессионал, но мне кажется, что сегодняшний большой спорт – это соревнование не столько спортсменов, сколько возможностей стоящих за ними лабораторий по производству неопознаваемых допингов. Во-вторых, что Вы думаете о практике легионерства? Вообще насколько корректно покупать зарубежных спортсменов, а потом выставлять их победы как успех национального спорта?

— Легионеры – это всемирная практика. Во всяком случае, легкоатлеты из африканских стран приезжают, допустим, в Соединенные Штаты, в Великобританию, даже в Норвегию или Азербайджан и добиваются там иногда очень даже больших успехов, особенно в беге на длинные дистанции – на 5 и 10 тысяч метров. С некоторых пор и мы стали привлекать легионеров. У нас есть два известных «зимних» легионера. Один – это южнокорейский специалист по шорттреку, который сменил не только паспорт, но еще и имя и стал называться Виктор Ан. Он будет пытаться в этом достаточно сложном для нас виде спорта что-то выиграть в Сочи. Другой пример – россиянин американского происхождения Вик Уайлд, он выступает в соревнованиях по сноуборду и слалому. Он просто женился на нашей спортсменке, а потом и гражданство получил. Есть у нас еще такой Александр Глебов – горнолыжник из Словении, судя по фамилии – потомок русских эмигрантов первой волны. Однако подобная практика сменила гражданства не получила массового распространения, потому что сильные спорт-

При Черненко мы отказались ехать на Олимпиаду в Лос-Анджелес и не пустили туда наших восточноевропейских товариществ за исключением Румынии. Между тем сила советского спорта на тот момент была исключительной, и вполне возможно, что мы упустили шанс не просто выполнить сталинские установки насчет сбора медального золота, но сделать это на территории нашего главного противника. В конце концов, и в Москве, и в Вашингтоне осознали бесперспективность политики олимпийских бойкотов.

смены могут выйти на мировой уровень и в своих странах. А спортсмены среднего уровня на Олимпиадах очень редко показывают выдающиеся результаты, хотя и такое бывает. Вообще неожиданности на Олимпиадах – обычное дело.

– Да, но все эти три спортсмена уже не легионеры, если они сменили паспорта и стали гражданами Российской Федерации.

– Легионеров, то есть не сменивших своего гражданства, на Олимпиадах нет. В Олимпиадах спортсмены выступают только за свои страны – это установленная практика. В каких-то видах спорта сменить

спортивное гражданство просто. В каких-то это сделать сложно. В каких-то – вообще невозможно. А такие легионеры, о которых Вы говорите, у нас в основном в клубных командах – футбольных, баскетбольных и особенно волейбольных. В наши волейбольные клубы приезжают лучшие игроки мира. В футболе таких меньше. Особо в связи с этим надо упомянуть Контиентальную хоккейную лигу, в которой уже под 30 команд. Это очень перспективный международный проект, в котором легионеры играют видную роль.

– Ну, давайте теперь перейдем к допингу.

– Что касается допинга, то здесь вообще складывается просто фантастическая ситуация. По действующим ныне правилам окончательные итоги сочинской Олимпиады могут быть подведены только в конце февраля 2022 года. Да-да, не удивляйтесь, через 8 лет после окончания самой Олимпиады! То есть через одну Олимпиаду – и после окончания другой Олимпиады 2022 года. Мы даже сегодня пока не знаем, где будут эти игры 2022 года, потому что их столицу станут выбирать в 2015 году – за 7 лет до самой Олимпиады. А все дело в том, что пробы на допинг, взятые на Олимпийских играх, хранятся в течение 8 лет. И было уже несколько случаев, когда, например, в пробах чемпионов Олимпиады в Афинах 2004 года в 2012 году с помощью новых методов, неизвестных в 2004 году, находили запрещен-

Матч Канада–Россия в Ванкувере в 2010 году

ные препараты и лишали спортсменов медалей и чемпионских титулов. Да, в результате приходится проделывать кропотливую работу, переписывать спортивную статистику. То есть, иначе говоря, постфактум переписывать историю Олимпиады, на которой произошел подобный казус. Правда, у всех этих новых методик выявления допинга есть слабые места, которые вообще ставят под сомнение их результаты или даже более того – провоцируют вообще некорректные ситуации. Вот, например, есть такой знаменитый норвежский биатлонист Уле-Эйнар Бьёрндален. Ему сейчас 40 лет, и он собирается участвовать в сочинских соревнованиях. Так вот, этот самый Бьёрндален, который является таким же символом биатлона, как, допустим, Шумахер автогонок, имеет хроническое заболевание – астму. Но это не мешает ему до 40 лет бегать на лыжах с вин-

Исход сочинской Олимпиады будет положительным уже хотя бы потому, что не произойдет такого провала, какой случился на последних зимних играх в Ванкувере, где мы смогли выиграть только 3 золотые медали и к тому же потерпели сокрушительное поражение в хоккее от канадцев. А лучше Ванкувера – это уже хорошо, это уже подъем на новый уровень. Да и главное, что Россия получила возможность провести этот яркий мировой спортивный праздник.

товкой и показывать фантастические результаты. Но при этом Бьёрндален принимает разрешенные ему, но не разрешенные другим спортсменам препараты. Сам факт подобного рода исключения симптоматичен. Выходит, кому-то можно, пускай и по показаниям, а кому-то – нет. А может, тот, кому можно по показаниям, и результатов добивается именно в силу такого эксплуативного права? То есть вопросов по поводу допинг-контроля много. Кстати, Бьёрндален, как говорят, собирается завершить спортивную карьеру и заняться как раз борьбой с допингом.

– Он намеревается это сделать сейчас – после Сочи?

– Да. Но если этот человек будет заниматься борьбой с допингами, то вопросы все равно останутся. Он, бесспорно, великий спортсмен – но великий в том числе и благодаря своему заболеванию. Мы живем в эпоху самой настоящей гонки допингов. Когда была московская Олимпиада, да и вообще в 1980-е годы, такого и близко не было. Тогда существовали грубые виды допинга, на которых попадались, как правило, штангисты и легкокоатлеты. Сейчас же мы сталкиваемся с буквально чудесами химии и биологии. И в са-

мом допинг-контроле произошла, так сказать, производственная революция. Скажем, если в 1980 году проблема заключалась в том, что кого-то поймали, а кого-то не поймали, то в 2014 году всё совершенно иначе — есть идентифицируемые виды допинга, а есть неидентифицируемые. Пока, во всяком случае. Вот поэтому мы и будем ждать окончательных результатов сочинской Олимпиады еще 8 лет. А потом станем дезавуировать награды, если в пробах у кого-то из сочинских чемпионов будет найдено что-то доселе неизвестное и, несомненно, запрещенное. Приведу еще один пример. Знаменитый американский велогонщик Лэнс Армстронг всегда всех уверял, что никогда ничего не принимал. Потом выяснилось, что принимал, причем в фантастических количествах. Армстронга лишили всех завоеванных им спортивных титулов. Но как в итоге воспринимать его спортивную карьеру? Ведь в свое время он стал знаменитым во всем мире, а потом уже — постфактум — гораздо меньшее число людей узнали о том, что его лишили всех наград и титулов за употребление допинга. То есть у этой проблемы очень сложные и процедурный, и морально-этический аспекты.

— **Юрий Аркадьевич, Вы уже приводили пример с откровенно неспортивным противостоянием югославской и советской футбольных команд на Олимпиаде в Хельсинки. Можно вспомнить и другой случай аналогичного неспортивного поведения — знаменитую историю с кровью в бассейне во время соревнования по водному поло между венгерскими и нашими олимпийцами на Олимпиаде в Мельбурне в 56-м — по свежим следам венгерских событий. Но ведь и в Сочи ожидаются подобные политические демарши. Конечно, эти демарши будут**

более сдержанными, никто ни с кем драки устраивать не станет, но демарши от этого не утратят своей политической заостренности. Я имею в виду готовящиеся отдельными западными спортсменами и спортсменками демонстративные акции протеста против принятых у нас законов, якобы ущемляющих права сексуальных меньшинств. Например, некоторые спортсменки собираются покрасить себе ногти в радужные цвета...

— Нашим спортсменам никто не мешает появиться где-нибудь в майке с изображением очень нелюбимого американской властью Эдварда Сноудена. Мне кажется, это будет наш симметричный ответ на радужный лак для ногтей. Да и в конце концов, при всей остроте вопроса о сексуальных меньшинствах он находится где-то на периферии общественного сознания, причем не только у нас, но и на Западе, где подавляющее большинство населения составляют обычные нормальные люди, которым вся эта возня вокруг лиц с нетрадиционной ориентацией, наверное, не очень интересна. Конечно, без подобного рода пиар-битв в Сочи вряд ли обойдется. Там ведь даже какая-то специальная площадка для политических акций выделена. Но можно с полной уверенностью сказать, что никого за радужные ногти задерживать не будут.

— **Задерживать, понятно, никого не будет. Но вот стоило только Исинбаевой в прошлом году сделать в общем-то совершенно мягкое замечание по поводу радужных ногтей — мол, надо уважать законы страны, в которую вы приехали выступать, — как на нее посыпался целый шквал критики. Так что это еще вопрос — кого надо защищать: тех, у которых радужные ногти, или тех, которые делают им замечания.**

— Ну, в конце концов, мы ведь

живем в свободном обществе. Да к тому же, как мне кажется, Исинбаевой этот скандал не только не повредил, но и прибавил популярности во всем мире. В конце концов, не так уж много людей, которые интересуются женскими прыжками с шестом. А когда случился скандал, еще одна наша олимпийская чемпионка стала хорошо известной не только в России, но и на Западе. Если же говорить по сути вопроса, то любой человек — в том числе и олимпийская чемпионка — имеет право на высказывание собственного мнения, и ничего ужасного — даже с точки зрения западных ценностей — в этом нет. На Западе очень многие выступают против каких-то исключительных, особых прав для сексуальных меньшинств. Но все-таки, как мне кажется, не радужные ногти и не портреты Сноудена будут делать погоду в Сочи. Возможно, они и привлекут к себе внимание, но погоду делать точно не будут.

— **Юрий Аркадьевич, практически всё, о чем мы с Вами сейчас говорим, имеет самое непосредственное отношение к информационному сопровождению большого спорта, к медийной политике в этой сфере. Мы уже затронули вопрос о том, как многие наши оппоненты пытаются выставлять Олимпиаду в Сочи в негативном свете. Но вот как Вы оцениваете официальную информационную кампанию по освещению предстоящих игр? Что в ней стоило бы подрегулировать? Или всё нормально, эффективно и вполне конкурентоспособно на фоне непрекращающейся критики со стороны внешних и внутренних оппонентов?**

— Давайте опять-таки проведем сравнение с 1980 годом. Тогда Олимпиада стала из ряда вон выходящим событием, она мобилизовала всю страну. Поэтому все наши тогдашние СМИ усиленно формирова-

ли заранее утвержденный «сверху» канонический образ Олимпиады, формировали определенные ожидания этого события. Но всё это было в закрытом советском обществе. Сейчас всё иначе. Поэтому нет какого-то единого – обязательного для всех СМИ – шаблона, жесткой установки, как надо освещать предстоящую Олимпиаду. Другое дело, что, конечно, о каких-то деталях информационной политики следовало бы подумать лучше. Возьмем, например, эстафету олимпийского огня, которая для каждого региона, где она проходит, является выдающимся событием. Но вот нужно ли ежедневно на федеральных каналах делать репортажи об этой эстафете – об этом стоит подумать.

– То есть Вы считаете, что в репортажах о передвижении олимпийского огня по стране есть определенный перекос?

– Очень трудно сделать так, чтобы освещение эстафеты не было перекошенным. Просто хотя бы уже потому, что это очень длительная процедура. В 1980 году люди толпами выходили смотреть на бег с олимпийским огнем – они были уверены, что такое они могут увидеть лишь раз в жизни. Никто тогда – особенно после объявления бойкота – и не предполагал, что у нас когда-либо может пройти еще одна Олимпиада. Сейчас эстафета – повторю еще раз – это важное событие прежде всего для самих регионов. И это совершенно правильное решение, что олимпийский огонь проносят по всем регионам Российской Федерации, подчеркивая тем самым значимость каждого из них в составе нашей страны.

– Ну, а все-таки, если вернуться к вопросу об официальном освещении Олимпиады, не кажется ли Вам, что тем российским СМИ, которые стоят на государственнической позиции,

1980 год – это чрезвычайное происшествие и для общества, и для власти – включая самого Леонида Ильича Брежнева (на фото с главой МОК лордом Килланином), которому в его возрасте пришлось произнести речь на открытии Олимпиады на стадионе в Лужниках. Сегодня же – никакой чрезвычайности, а закономерное следствие того, что Россия сейчас – одна из ведущих спортивных стран.

следовало бы быть более зубастыми, более непримиримыми в отношении всей той агрессивной информационной кампании, которая ведется нашими недоброжелателями?

– К сожалению, у нас – как, впрочем, и во всем мире – СМИ падки прежде всего на сенсации, на «жареные» новости и факты. Это – закон информационного бизнеса, и ничего с этим не поделаешь. Если тот, кто занимается информационным бизнесом, хочет быть эффективным и конкурентоспособным, он обязан следовать этому закону. Отсюда и все эти разговоры о коррупции. Насколько они соответствуют действительности – отдельный вопрос. Я думаю, что масштабы коррупции, о которой говорится применительно к подготовке Олимпиады, неимоверно ги-

пертрофированы. А как же иначе? А то не получится сенсации. Интересно будет увидеть кратность такой гипертрофии, когда соответствующие органы после Олимпиады дадут собственную оценку нарушениям и злоупотреблениям, имевшим место на самом деле. Вот тогда и можно будет судить о подлинных масштабах коррупции. А когда президент Международной федерации лыжного спорта, член Международного олимпийского комитета Жан-Франко Каспер говорит, что третья часть средств, выделенных на подготовку Олимпиады, оказалась разворованной, то мне кажется, этот человек все же не обладает – даже приблизительно – достоверной и полной информацией. То, что в России есть коррупция, ни для кого не

У нас есть два известных «зимних» легионера. Один – это южнокорейский специалист по шорт-треку, который сменил не только паспорт, но еще и имя и стал называться Виктор Ан (на фото). Он будет пытаться в этом достаточно сложном для нас виде спорта что-то выиграть в Сочи. Другой пример – россиянин американского происхождения Вик Уайлд, он выступает в соревнованиях по сноуборду и слалому.

секрет. Но ее масштабы пускай оценивают компетентные органы, а не журналисты и не спортивные функционеры. Если же говорить о том, как будут освещаться сами игры, то здесь, вероятно, нас ожидает такая картина. В советское время в СМИ строго выдерживался определенный баланс между информацией о приоритетных и наиболее популярных видах спорта – футболе и хоккее – и рассказом об остальной спортивной жизни. Сейчас такого строгого баланса уже нет, но преимущественное внимание по-прежнему уделяется этим зрелищным играм. Если мы возьмем

какое-нибудь специализированное спортивное издание, то информацию об Олимпиаде мы там увидим далеко не на первом месте. Да что там говорить – ведь даже зимой, когда наступает естественный перерыв в футбольном сезоне, половина площадей всей печатной спортивной периодики по-прежнему отводится под новости этой игры. Пишут, например, что футболист Н. перешел в команду Б. и станет теперь в этом клубе получать столько-то. Этую же новость будут обсуждать и во время Олимпиады, хотя и не как первостепенную, – всё внимание сконцентрируется

вокруг того, что происходит в Сочи. Тогда-то мы с удивлением и узнаем, что в России, как оказывается, имеется собственная школа по какому-нибудь диковинному виду спорта. Нам даже компетентно или не очень компетентно объяснят, что это за люди – наши спортсмены в данном виде спорта, откуда они, как складывалась их спортивная судьба. Если же им удастся что-то завоевать, то это будет преподнесено как выдающийся успех отечественной школы этого вида спорта. Однако вся страна с удивлением впервые будет взирать на своего героя и запомнит его только в том случае, если он станет олимпийским чемпионом. А завершается Олимпиада – прекращается и массовый интерес к большинству олимпийских видов спорта. Вообще из зимних видов у нас сейчас популярен – помимо хоккея, конечно, – только биатлон, который телевидение всячески

РИА Новости

раскручивает и очень зрешищно показывает. В результате мы очень хорошо знаем не только известных биатлонистов, что естественно, но и тех, которые занимают места даже не в первой десятке. А вот наших лыжников, некогда славившихся своими спортивными подвигами, мы знаем уже заметно хуже. Это и понятно: после биатлона смотреть лыжные гонки достаточно скучно. Телезритель-то нынешний — человек искушенный. Около сотни телеканалов в обычной московской квартире, из которых десяток, а то и больше, составляют исключительно спортивные каналы, — это факт, который сегодня нельзя не учитывать. Поэтому освещение Олимпиады сейчас идет и будет идти по тем стандартам подачи информации, в соответствии с которыми работают современные СМИ. Вот в Советском Союзе была одна центральная спортивная газета, которая называлась «Советский спорт». Она и сейчас выходит — причем под тем же самым названием. Ну, это про-

Знаменитый норвежский биатлонист Уле-Эйнар Бьёрндален (на фото), который является таким же символом биатлона, как, допустим, Шумахер автогонок, имеет хроническое заболевание — астму. Это не мешает ему до 40 лет бегать на лыжах с винтовкой и показывать фантастические результаты. Но при этом Бьёрндален принимает разрешенные ему, но не разрешенные другим спортсменам препараты. Сам факт подобного рода исключения симптоматичен.

считанный рекламный ход, призванный подчеркнуть преемственность лучших традиций издания, которые уходят своим корнями в далекое советское прошлое. Собственно точно так же поступили и «Комсомольская правда» с «Московским комсомольцем». Так вот, «Советский спорт» по-прежнему издается, только, естественно, гораздо меньшим тиражом. В прежние времена тираж доходил до 5 миллионов 300 тысяч — и это при том что он был лимитированным. Если бы он не был лимитированным, то тираж далеко превысил бы тираж главной газеты — «Правды», — чего власть никак не могла допустить. Сейчас тираж ни одной спортивной газеты не пре-

ышает 250 тысяч. Это официально, то, что указывается в газете. А что уж там на самом деле — никто не знает, но поправки тут могут быть только в сторону уменьшения.

— Но все-таки главное сейчас не газеты, а телевидение и Интернет.

— Спортивные каналы у нас есть, причем не только семейства НТВ-ПЛЮС, за которые в большинстве случаев приходится платить. Есть, правда, там один канал, который доступен в мультиплексе, но из него всю картину не узнаешь. Есть спортивные каналы ВГТРК и два канала *Eurosport*, которые, насколько я знаю, принимаются практически на всей территории нашей страны. Поэтому телевизионного

Без пиар-битв в Сочи вряд ли обойдется. Там ведь даже какая-то специальная площадка для политических акций выделена. Но все-таки, как мне кажется, не радужные ногти и не портреты Сноудена будут делать погоду в Сочи. Возможно, они и привлекут к себе внимание, но погоду делать точно не будут.

спорта достаточно – чтобы его посмотреть, не нужно прилагать особых усилий. А если даже и за плату, то это совсем небольшие деньги, подъемные для людей даже не с самым большим достатком. Много спорта и в Интернете – есть сайты, на которых можно смотреть всё что угодно. В этом смысле Интернет, конечно, осуществил информационную революцию вообще – и в освещении спортивной жизни в частности. И не будет преувеличением сказать, что мы сегодня живем в условиях открытого информационного спортивного общества. Кстати, насколько я знаю, бесплатные интернет-трансляции Олимпиады предусмотрены, по

крайней мере, на территории Российской Федерации. То есть человек сможет сам выбирать, что ему смотреть – официальные каналы, где будет информационная «нарезка», соревнования в записи или в режиме реального времени. Сейчас все это очень и очень доступно. Даже 4 года назад, в 2010 году, во время Олимпиады в Ванкувере, таких форматов еще не было. Словом, те, которые не смогут попасть в Сочи лично, будут иметь возможность увидеть абсолютно всё – и даже гораздо подробнее и удобнее, чем с трибун спортивных объектов, – по телевизору или в Интернете.

– **Олимпиада-80 стала первым масштабным международным**

событием, проведенным в нашей стране после молодежного фестиваля 57-го. Между этими событиями – целая эпоха, 23 года. За это время Советский Союз сильно изменился. Поэтому вряд ли опыт подготовки и проведения молодежного фестиваля был как-то учтен и использован в 80-м. Но вот уже московская Олимпиада, похоже, задала определенную рамку и стилистику подобных мероприятий для всей последующей позднесоветской эпохи. К примеру, молодежный фестиваль 85-го по многим своим организационным моментам явился репликой Олимпиады-80. Но это всё – советское прошлое. А у России вплоть до Сочи не было опыта устроения чего-то подобного. То есть, готовясь к Сочи, всё делали с чистого листа?

– Почему не было? Только в прошлом году у нас состоялись два мероприятия олимпийского формата, которые

приковывали к себе внимание всего мира. Это, во-первых, прошедший в Москве Чемпионат мира по легкой атлетике. А легкая атлетика – это основа олимпийских видов спорта. И это спортивное событие сопоставимо по своему статусу с летней Олимпиадой. Между прочим, в былые времена ради мероприятия такого масштаба Москву бы изрядно почистили – ввели бы особый режим временного пребывания, всячески выдавливали бы москвичей из столицы – на дачи или на курорты, как-нибудь изолировали бы разных асоциальных элементов. Да, согласен, чемпионат был в августе, когда многие действительно на отдыхе, но никакие особые режимные ограничения на время его проведения не вводились, событие состоялось в условиях, как говорится, обычной московской жизни. Во-вторых, могу назвать Универсиаду в Казани, которая состоялась на очень высоком уровне и показала, что Россия способна проводить крупные международные спортивные соревнования не только в обеих своих столицах. Там же, в Казани, в 2015 году пройдет Чемпионат мира по водным видам спорта. А в 2018 году будет Чемпионат мира по футболу, который вполне может пройти в том же контролльном режиме, что и прошлогодний Чемпионат мира по легкой атлетике, когда не надо будет иностранным участникам получать наши визы. Об этом уже заявлено – и, думаю, тут никаких проблем не возникнет. И уж тем более невозможен возврат к советской практике – зачисткам городов, в которых проходит нечто крупное и международного уровня, как от местных жителей, так и от всех остальных. Да даже и сейчас, когда по вполне понятным причинам режим пребывания в Сочи заметно формализован,

Москва во время Олимпиады будет жить обычной жизнью. Терроризм – это сегодня общая угроза для всех цивилизованных стран, мы тут не исключение. Например, во время летней Олимпиады 1996 года в Атланте был совершен теракт, в результате которого были убитые и раненые. Американцы попытались минимизировать разговоры об этом событии, но оно же было, его не вычеркнешь. А вспомним самый громкий теракт на Олимпиаде – убийство израильских спортсменов в Мюнхене в 1972 году палестинскими террористами из группировки «Черный сентябрь». Да, Олимпиада – это такое событие, которое привлекает внимание всего мирового сообщества – в том числе, к сожалению, и террористического. Ну, а возвращаясь к разговору о значении советского опыта проведения масштабных международных мероприятий, хочу еще добавить, что оба молодежных фестиваля – и 57-го, и 85-го – все-таки были в совершенно другую эпоху. Поэтому их опыт вряд ли сегодня представляет какой-то интерес для организаторов сочинской Олимпиады. Да даже и между обоими этими фестивалями была большая разница. 57-й год – это всего лишь следующий год после XX съезда, а 85-й – уже начало перестройки. Пускай самое начало – но тем не менее. По крайней мере, совсем другое общество – во всяком случае, привыкшее видеть в Москве иностранцев, причем в немалом количестве.

– Когда в общественном сознании на протяжении длительного времени присутствует ожидание какого-либо события – неважно, какого именно: положительного или отрицательного, – по прошествии этого события общество существенно меняется. Происходит либо качественный скачок в развитии в

результате всеобщего восторга, либо наступает депрессия как следствие всеохватывающего разочарования, либо что-то другое. Ожидание Олимпиады-80 было ярким и поддерживалось всеми возможными тогда информационными средствами. Привело ли это ожидание к какому-то серьезному изменению советского общества? А что можно сказать про Сочи? Точнее, спрогнозировать – Олимпиада-то еще даже не началась. Что будет после ее завершения? Россия сейчас – это не СССР 80-го, нас ничем уже не удивишь. Но тем не менее мы 7 лет жили в ожидании этого события, и просто не может быть, чтобы оно прошло и никак не отразилось на состоянии общества.

– Мне кажется, что после Олимпиады ничего качественным образом не изменится. Да даже и после московской Олимпиады-80 ничего не изменилось, хотя тогда, между прочим, существовала связь – и довольно сильная – между большим спортом и массовой физкультурой. А сейчас массовой физкультуры вообще нет. Она требует немалых инвестиций, а в условиях рыночной экономики это не всегда возможно. Скажем так, организаторы тех или иных спортивных мероприятий отдельных корпораций вовсе не нацелены на то, чтобы из этих мероприятий вырастали будущие чемпионы. Система детско-юношеских спортивных школ разрушена. Поэтому вряд ли кто-то из наших сегодняшних детей или подростков, посмотрев репортажи из Сочи, побежит повторять подвиги российских олимпийских чемпионов. Эти времена давно прошли, а равнодушие общества кажется непреодолимым. Отсутствие единой и монопольной идеологии – даже такой, какой она была в пору Олимпиады-80 – не в самом своем цвету-

Сейчас эстафета олимпийского огня – это важное событие прежде всего для самих регионов. И это совершенно правильное решение, что олимпийский огонь проносят по всем регионам Российской Федерации, подчеркивая тем самым значимость каждого из них в составе нашей страны.

щем виде, — создает ситуацию, когда общество вообще пронять чем-либо очень трудно. Вот, кстати, парадокс: чем больше у нас разного рода трагических событий, тем равнодушнее наше общество. Конечно, возможен какой-то всплеск негативных эмоций — подобно тому, какая был после Ванкувера, когда устраивали «разбор полетов» по результатам нашего неудачного там выступления. Если нечто подобное произойдет и на этот раз, то, видимо, снова всё спишут на спортивных чиновников, которые плохо подготовили наших спортсменов к Олимпиаде. Хотя это будет совсем неправильно, потому что с точки зрения финансового обеспечения мы очень много по-

тратили на подготовку наших олимпийцев. Деньги были вложены, причем очень часто даже с горкой. Я бы, наверное, Ваш вопрос переформулировал иначе: станет ли Олимпиада событием в ряду других событий, которые делают нашу страну одним из центров мирового спорта? И на такой вопрос следует ответить положительно, тем более что в ближайшие годы у нас состоятся и другие крупные международные спортивные мероприятия, о которых мы с Вами уже говорили. То есть тенденция, похоже, уже однозначно вырисовывается — Россия становится ведущей спортивной державой, во всяком случае, в роли организатора масштабных соревнований. А вот уже из этого утверждения напря-

мую следует, что такие акции вообще перестанут восприниматься как что-то незаурядное, особенное, необычное. Мы привыкнем к роли хозяев международных праздников спорта.

— То есть Вы хотите сказать, что такая роль станет для нас чем-то заурядным, повседневностью?

— Именно так — стилем жизни, делом сугубо личного вкуса и своих собственных приностей и интересов. Ведь, например, таких людей, которым интересны все 98 пунктов олимпийской программы, просто нет. Я имею в виду не чиновников-организаторов Олимпиады, а зрителей. Во всяком случае, я таких не знаю. К тому же не будем забывать, что если летняя Олимпиада проходит в период массовых отпусков, то в феврале практически все работают и поэтому не смогут следить за происходящим в Сочи в полном объеме и будут довольствоваться новостными свод-

ками. Потом следует подчеркнуть еще один важный нюанс. Чтобы информация о том, что происходит в спорте, заняла свое адекватное — подчеркиваю, адекватное — место в повседневной жизни человека, чтобы ей можно было бы спокойно интересоваться — равно как и не интересоваться, спорт должен стать именно спортом, а не быть некой спортивной составляющей политики. Пока что мы наблюдаем совершенно противоположную картину: и для власти, и для ее критиков Олимпиада в частности и спорт вообще — это дополнительное, причем очень важное, пространство собственного пиара. Я уже не говорю о спортивных чиновниках, для которых Олимпиада явится просто тестом на их эффективность. В этом смысле весьма симптоматичны перемены в официальных заявлениях того же министра спорта Виталия Мутко. Раньше он все время говорил, что Россия выиграет Олимпиаду по всем возможным параметрам. Эти заявления есть в открытых источниках информации, в Сети, всё можно просмотреть и проверить. Но недавно он вдруг заявил, что лично он воспримет как успех четвертое место нашей сборной. Причем министр спорта не назвал параметров этого места — либо это командный зачет, либо общее число медалей. Поступил он так случайно или преднамеренно? Не знаю, но если исходить из здравого смысла и трезвого расчета, то, видимо, он имел в виду последнее. С преобладанием, допустим, бронзовых медалей, как это было в Ванкувере. Ближе к Олимпиаде вообще заговорили об отсутствии у нас медального плана...

— Плана? Значит, подознательно сталинский подход к большому спорту живет и побеждает...

— Нет, ну, это неизбежный условный критерий — ведь по каким-то параметрам нашим ответственным за спорт придется после Олимпиады определять ее результативность для российской сборной. Но даже если мы возьмем самый негативный вариант — мы не выигрываем ни одной медали, но вместе с тем проводим Олимпиаду на самом высоком уровне, — то это, безусловно, будет наша специфическая, особая, но все же олимпийская победа. В жизни страны это будет яркое и примечательное событие.

— Юрий Аркадьевич, а Паралимпийские игры — это сегодня уже обязательное дополнение к Олимпиадам и вообще к большому профессиональному спорту?

— Паралимпийский спорт тоже во многом профессиональный. И в нем тоже вращаются большие деньги, потому что, скажем, к инвалидам с различными заболеваниями должны быть приставлены люди, которые им помогают. Подобного рода мероприятия появились в мировом спорте сравнительно недавно — с 90-х годов прошлого века. И с тех пор после каждой Олимпиады проводятся Паралимпийские игры.

— А паралимпийские чемпионы мира по отдельным видам спорта проводятся?

— Есть, просто они значительно меньше освещаются. Да я уверен, что если бы не Олимпиада в Сочи, после которой там же пройдут Паралимпийские игры, то последние вообще не получили бы у нас такую широкую известность, как сейчас. Вот видите, Вы задаете вопрос, который говорит о том, что Вы мало что знаете о паралимпийском движении. И очень многие не знают. А сейчас Паралимпийские игры широко рекламированы — фактически как составная часть Олимпиады.

Повсюду я вижу рекламу не только самой Олимпиады, но и последующей Паралимпиады. Даже целый состав в московском метро оформлен рекламой Паралимпийских игр. Ну, а вообще Паралимпиада — это как бы результат проявления олимпийского гуманизма. Паралимпийские игры подчеркивают, что олимпийская семья состоит не только из здоровых атлетов, но еще и из людей с ограниченными физическими возможностями. Ведь многие из таких людей только спортом и живут — в смысле только через спорт и реализуют себя в социальном плане. Естественно, в паралимпийском спорте существует своя классификация. Между собой соревнуются люди, имеющие аналогичные ограничения по своим физическим возможностям. И конечно, паралимпийцы заслуживают несравненно большего уважения, чем обычные спортсмены. Ведь они не сломились, преодолели и продолжают преодолевать колоссальные жизненные трудности и при этом выступают на достаточно высоком профессиональном уровне. Хотя, конечно, признаюсь, смотреть соревнования паралимпийцев по телевизору порой нелегко. В то же время очень важно, чтобы эта гуманистическая тенденция — абсолютно правильная и необходимая — не дошла до абсурда. Скажем, чтобы не возникла традиция после Паралимпиады проводить какой-нибудь аналог Олимпиады для сексуальных меньшинств.

— Этого не будет, ведь эти меньшинства как раз не хотят изоляции. Они всячески доказывают, что они не просто имеют право на всё то, чем занимаются люди традиционной ориентации, но и способны делать это гораздо лучше «натуралов».

— Между тем существуют какие-то всемирные игры для

Во многих семьях до сих пор хранятся какие-нибудь тарелки, чашки, украшения и другие сувениры со стилизованной московской высоткой со спортивными кольцами или с хорошо нам всем знакомым мишкой. А сейчас, притом что сочинская символика смотрит на нас буквально отовсюду, я бы не сказал, что она пользуется такой же популярностью. Ничего страшного тут нет – просто спорт, пускай даже и олимпийский, превратился в нечто более утилитарное и менее громкое.

людей с нетрадиционной ориентацией. Но к ним Международный олимпийский комитет и олимпийское движение вообще не имеют никакого отношения.

– Уговарана ли сочинским талисманом – белому медведю,

зайцу и леопарду – такая же популярность, какую стяжал олимпийский мишка в 80-м?

– Конечно нет – и это совершенно нормально. Опять-таки повторю, что московская Олимпиада стала экстраординарным событием для нашей

советской действительности. И соответственно всё, что с ней было связано, априорно становилось популярным – и оставалось таковым еще долгие и долгие годы после 1980-го. И во многих семьях до сих пор хранятся какие-нибудь тарелки, чашки, украшения и другие сувениры со стилизованной московской высоткой со спортивными кольцами или с хорошо нам всем знакомым мишкой. А сейчас, притом что сочинская символика смотрит на нас буквально отовсюду, я бы не сказал, что она пользуется такой же популярностью. Но еще раз повторю: ничего страшного тут нет – просто спорт, пускай даже и олимпийский, превратился в нечто более утилитарное и менее громкое.

– Не праздничное, а повседневное.

– Совершенно верно.

– Юрий Аркадьевич, ну, а что будет в Сочи после Олимпиады? Как будут использоваться многочисленные спортивные объекты? В Москве, понятно, всё оказалось кстати после Олимпиады-80, всё задействовано в полной мере. Но Сочи ведь хотя и крупный город, но всё-таки далеко не Москва. И что Вы знаете об амбициозном сочинском проекте «Остров Федерации»? Лично я в последнее время ничего о нем не слышал.

– Я тоже ничего об этом не знаю. Но главная проблема мне все-таки видится не в судьбе «Острова Федерации», а в том, что значительная часть олимпийских объектов в Сочи, что называется, одноразового использования. Для этого города – пускай и крупного курортного города, пускай и нашей южной столицы, как стали в последнее время именовать Сочи, – просто не нужно такое количество спортивных объектов. Похоже, уже принято решение, что в Сочи будет базироваться хоккейный клуб Континент-

тальной хоккейной лиги — чтобы там Ледовый дворец «Большой» не простоявал. Но всё равно многие из олимпийских объектов придется либо демонтировать, либо хорошенько подумать и найти им применение.

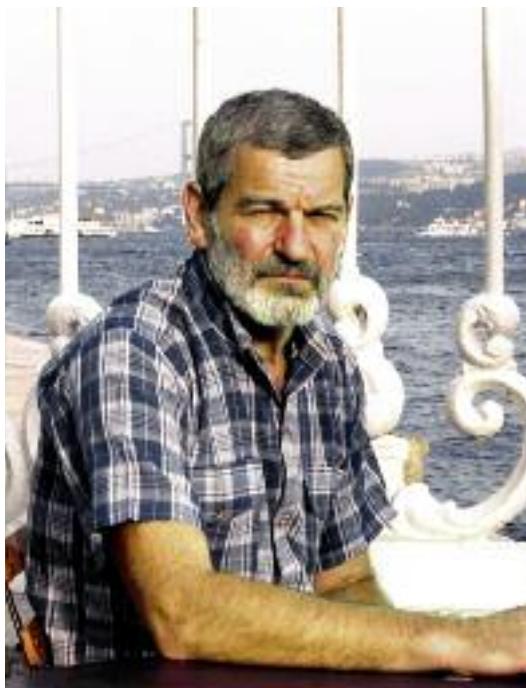
— Юрий Аркадьевич, и наконец, последний вопрос. Во время нашей беседы Вы неоднократно подчеркивали мысль, что все-таки главное отличие сочинской Олимпиады от московской Олимпиады в том, что тогда это было нечто феерически-фантастическое, а сейчас воспринимается как что-то обычное, повседневное, даже рутинное. Да, конечно, Сочи — это праздник спорта, но в общем-то — в оценке среднестатистического россиянина — всё обычно. И самое главное — очень далеко от его реальных повседневных забот. И вот на таком фоне после Олимпиады стоит ли ожидать какого-то изменения отношения такого среднестатистического россиянина к спорту вообще, к спорту как к зрелищу, к спорту как к политике, к спорту как к бизнесу — в том числе и теневому, к спорту как к собственным занятиям утренней гимнастикой? Или же мы молча, что называется, «проживем» Олимпиаду и будем дальше «живеть» казанское мировое первенство 15-го года и футбольный чемпионат 18-го?

— С 91-го года мы живем в совершенно другой стране. И любые спортивные события по всему миру нам не просто доступны — по телевидению или по Интернету, о чем мы уже говорили, — они в прямом смысле этого слова стали досягаемыми, так как любой гражданин РФ может лично побывать на любом спортивном событии в любой точке мира. И никто не станет ему чинить никакие препятствия. Другое дело, что далеко не всякий может себе это позволить по материальным сообра-

жениям. Но никаких политических препятствий больше нет. И таких людей, которые ездят на Олимпиады и мировые первенства по разным видам спорта, в нашей стране достаточно много. Как правило, это среднестатистические офисные менеджеры не самого субтильного телосложения. И когда они сбиваются в стаи, получается то, что произошло на Чемпионате Европы по футболу в Польше в позапрошлом году. Тогда российские и польские болельщики сначала бились в кровь, а потом ходили в соответствующем состоянии в обнимку по берегу Вислы и распевали «Катюшу» по-русски и по-польски. Но и драки, и последующие объятия мало изменили наши взаимоотношения. Общественное сознание, общественные пристрастия и интересы — вещь очень консервативная. Увы, надо признать, что в отношении спорта в восприятии наших соотечественников держатся устойчивые стереотипы. Значительная часть нашего населения никаким спортом и близко не интересуется. Да более того, не менее значительная часть граждан РФ не смотрят ни программу «Время», ни какие-либо другие информационные передачи. Аудитория интернет-пользователей весьма специфическая — я не скажу, что они просиживают в Сети ночи напролет из-за спортивных программ и спортивной аналитики. Я даже допускаю, что есть в России и такие, которые вообще ничего не слышали ни про какую Олимпиаду в Сочи. Но таких, разумеется, единицы. Поэтому, отвечая на Ваш вопрос, я хочу подчеркнуть главную мысль: в повседневном отношении среднестатистического россиянина к спорту Олимпиада не изменит ничего. Но это ни в коем случае не должно ослаблять поли-

тику государства, направленную на поддержание спорта как важнейшей стороны общественной жизни — пускай и не в смысле массовых занятий физкультурой, а в смысле восприятия информации о спорте, оценки на глазах формируемого статуса страны как одного из мировых центров большого спорта, превращения этого большого спорта в естественный и ограниченный элемент нашей повседневности. Если мы начнем разделять перечисленные мировоззренческие установки, то это уже будет значительный шаг вперед в деле формирования новых массовых стереотипов в отношении спорта. Конечно, быстрых результатов здесь ждать не стоит — для воспитания или коррекции общественных вкусов требуются значительное время и серьезные усилия. Но эти затраты в случае хотя бы минимального, хотя бы совсем относительного успеха принесут ощущимые результаты. Хотя бы подтолкнут людей к регулярным занятиям физкультурой. Я уже не говорю о том, что определенная мода на спорт — это сегодня непременное требование для нахождения в клубе ведущих мировых держав. В конце концов, глобализация — данность, с которой нельзя не считаться.

— Юрий Аркадьевич, благодаря Вас за очень обстоятельный и содержательный разговор на кануне Олимпиады в Сочи. Будем болеть за наших, будем надеяться на результаты — во всяком случае, лучше ванкуверских. А Вам хочется пожелать новых публикаций по истории отечественного спорта, которые — помимо сугубо просветительской функции — будут играть еще и важную воспитательную роль и все-таки не дадут нам окончательно скатиться к восприятию спорта как одной из многочисленных медийных повседневностей.

Александр Николаевич Белкин –
профессор кафедры архитектуры
гражданских и промышленных зданий
Московского государственного
строительного университета

Лужники: осторожно, реконструкция!

Реконструкция естественна для любой постройки, у каждой из которых три «жизни»: проектная – или виртуальная, потом строительная как реализация замысла и, наконец, главная и наиболее продолжительная – эксплуатационная. Вот тут-то рано или поздно и наступает необходимость реконструкции либо из-за физического износа конструкций, либо в связи с изменением функциональных требований. По меткому высказыванию о. Сергея Булгакова, «реконструкция здания подобна лечению человека – молодость не вернуть, но жизнь продлить можно, и на длительный период».

Однако когда речь идет о сооружениях значимых, отмеченных людьми и временем за их высокие художественные характеристики или памятные события, возникает тревожное чувство: как бы не испортили, не снизили качественный уровень. Ведь одно дело – реконструкция пятиэтажек с тесными кухнями и крошеч-

ными санузлами, которую надо проводить так же массово, как в свое время было организовано их строительство. Другое дело – Лужники. Олимпийский комплекс «Лужники», или, как он назывался раньше, Центральный стадион имени В.И. Ленина, был удостоен Ленинской премии 1959 года. Впервые Ленинская премия была присуждена за произведение архитектуры, ее лауреатами стали замечательные архитекторы Александр Власов, Игорь Рожин, Николай Уллас, Александр Хряков и инженеры Всеволод Насонов, Николай Резников, Василий Поликарпов. Ими был создан выдающийся ансамбль, основанный на синтезе архитектуры, садово-паркового и изобразительного искусств. Соответствие комплекса ландшафтным и градостроительным условиям, четкость сложной многоэлементной пространственной композиции, ясность ориентации в ней людских потоков, общность стилистики и художественная выразительность построек, скорость и качество строи-

тельных работ и многое другое были высоко оценены современниками.

Поликарпов вспоминал: «В солнечный весенний день 1954 года мы, группа архитекторов и инженеров, которым было поручено проектирование Центрального стадиона, поднялись на просторную асфальтированную площадь на Ле-

нинских горах. <...> Все говорило за то, что лучшего места, чем Лужники, для строительства стадиона и подобрать нельзя. Посудите сами: близость реки, масса зелени, чистый, свежий воздух – уже одно это обстоятельство имело значение для выбора территории будущего города спорта. <...> К тому же Лужники расположены

сравнительно недалеко от центра города и связаны удобными подъездными путями сообщения со всеми районами столицы. <...> Мне чудился гул трибун, выстрелы стартового пистолета, плеск зеленоватой воды, тугие удары по мячу».

Проектирование и строительство стадиона происходило в

сложный период изменения творческой направленности отечественной архитектуры. И это обстоятельство, воплощенное в архитектуре основных сооружений ансамбля, делает его памятником эпохи. «Всем своим материальным существом, значит, и художественным обликом, она (архитектура. – А.Б.) отражает материальный и художественный прогресс общества. Именно поэтому та же проблема наследия, которая никогда не может быть снята, не имеет ничего общего с мертвым каноном, эклектикой, грубым украшательством. <...> В поисках верной творческой направленности, свободной от стилизаторства и копирования обломов из архитектуры прошлых эпох, новаторски трактующей задачи архитектуры, нельзя не исходить из соответствующих условий места и времени <...> но ведущим началом должно быть

современное и будущее, но не прошлое», – писал Власов. За почти шесть десятилетий на стадионе происходило многое памятное несметному количеству людей разных поколений и разных стран. Список этот велик, но вот кое-что из него: 7 Спартакиад народов СССР (1956–1979 гг.), масштаб которых превосходил также проведенные здесь в 1980 г. XXII летние Олимпийские игры, VI в 1957 г. и XII в 1985 г. Всемирные фестивали молодежи и студентов, летняя Универсиада 1973 г., Игры доброй воли 1986 г., первые Всемирные юношеские игры 1998 г., чемпионаты мира и Европы по хоккею, мотогонкам на льду, конькобежному спорту, баскетболу, волейболу, спортивной гимнастике, самбо, единоборствам, пятиборью, легкой атлетике и другим видам спорта. Есть ли в отечественном и мировом спорте место, «намоленное» больше этого?

В 1957 г. здесь появились первые в стране группы общей физической подготовки и была разработана методика оздоровительных занятий с людьми среднего и старшего возрастов, распространенная затем по всей стране. Тогда же открылся Спортивный городок, в котором разместились детские секции и группы и стали проводиться соревнования для школьников. С 1958 г. в Лужниках базируется знаменитая Футбольная школа молодежи.

В 1962 г. были созданы группы по лечению детей, страдающих сколиозом, с помощью плавания и гимнастики. Не знаю статистики, но сколько же детей выращено здесь – не обязательно для мировых первенств, а просто для здоровой жизни.

Отдельная и значимая тема – концерты и массовые развлекательные мероприятия, проводившиеся в Лужниках в раз-

ные годы. Среди них трехдневный фестиваль «Рок за мир», фестиваль советско-индийской дружбы. Можно также вспомнить и Московский международный рок-фестиваль 1989 г., в котором приняли участие такие знаменитые коллективы и исполнители, как «Бон Джови», «Скорпионы», Оззи Осборн, «Скайд Роу», «Мотли Кру», «Синдерелла», «Парк Горького». Здесь состоялся последний концерт Виктора Цоя и группы «Кино». В Лужниках проходили выступления Майкла Джексона и «Роллинг Стоунз», а 9 мая 2010 г. был праздничный концерт, посвященный 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне.

На момент открытия в 1956 г. Центральный стадион имени В.И. Ленина состоял из Большой спортивной арены, Малой спортивной арены, Дворца спорта, бассейна и ряда

открытых спортивных площадок. За прошедшие годы прибавилось много сооружений, в том числе для проведения соревнований Олимпиады 1980 г. был построен универсальный спортивный зал «Дружба».

Предстоящая реконструкция спортивного комплекса в Лужниках не первая. В 1979–1980 гг. была проведена реконструкция Малой спортивной арены, в 2002 г. – Дворца спорта. В результате реконструкции Большой спортивной арены в 1996–1997 гг. она была обнесена хороводом из 72 стальных опор, несущих козырек – покрытие трибун. Давно и сложно идет конкурс на новую реконструкцию – для Чемпионата мира по футболу 2018 г. Диапазон предложений по поводу реконструкции – вплоть до сноса и нового строительства. Первоначальный облик сохранил только бассейн, конкурс на его масштабную ре-

конструкцию объявлен в январе 2014 г. Надо полагать, и здесь возможны крайние ликийвидаторские предложения.

И все-таки пока еще Лужники не утратили основных характеристик некогда выдающегося ансамбля. Новые, но искусственные реконструкции могут сохранить и даже усилить его специфические черты как произведения высокой градостроительной культуры – и обеспечить при этом соответствие современным техническим и функциональным потребностям. Для этого необходим комплексный подход к реконструкции ансамбля – при всех трудностях преодоления отношений между многими собственниками, раздербанившими Лужники – некогда общеноарное достояние вместе с народной памятью. Тогда ансамбль обретет заслуженный статус охраняемого народом объекта культурного наследия.

Дмитрий Александрович Андреев –

первый заместитель главного редактора
альманаха «Развитие и экономика»

Код Выдрина

— Дело движется, — говорит Гражданин. — К матери этих сукиных скотов-саксов, и с их кваканьем.

Ну, тут Дж. Дж. давай строить просвещенного барина и заправляет де мол возможны разные точки зрения, и люди отворачиваются от фактов и вспомните прием Нельсона, глядеть в трубу слепым глазом, и можно ли обвинять огульно целую нацию, а Блум ему вовсю подпевает про умеренность да похоренность да ихние колонии да ихнюю цивилизацию.

— Сифилизация, уж лучше сказать! — гремит Гражданин. — К матери их! Да разрази их всех в три слоя с покрышкой, этих тупых ублюдков! Ни в музыке, ни в литературе, ни в живописи, нигде у них ни хрена, одни жалкие потуги. Все, что у них из цивилизации, — это у нас украдено. Стадо гугниных выродков!

— Семья европейских народов, — О’Моллой вякает...

— Они никакие не европейцы, — режет Гражданин. — Я был в Европе с Кевином Игеном Парижским. Нигде в Европе никакого следа ни их, ни ихнего языка, если только в *cabinet d’aisance**.

А Джон Уайз говорит:

— Сколь многие цветы ничей не узрит взор.

А Ленехан, который слегка может по этой фене:

— *Conspez les Anglais! Perfide Albion!***

Джеймс Джойс «Улисс»

* Уборная (фр.).

** Презирайте англичан! Коварный Альбион! (фр.).

B

2007-м, когда я работал в журнале Виталия Третьякова «Политический класс», главный редактор как-то передал мне для публикации в очередном номере статью Дмитрия

Выдрина. Прежде мне доводилось слышать об этом киевском политологе и даже одно время депутате Рады, но никаких его работ я не читал. Очень хорошо помню, как я тогда открыл присланный файл,

приблизил пальцы к клавиатуре, чтобы сразу, как обычно — по мере продвижения по тексту, что-то править, и... пришел в себя лишь спустя какое-то время, после того как буквально проглотил весь материал. Статья, посвященная очередным предвыборным раскладам на берегах Днепра, была написана в духе политического детектива с элементами какой-то едва угадываемой потусторонней энigmatичности — нечто вроде «Семи дней в мае» Нивела и Бейли или «Выкрикивается лот 49» Пинчона. Но что совсем тогда сразило наповал меня — редактора-буквоеда, — так это то, что мои пальцы так и пролежали возле клавиатуры без движения: я не сделал ни одной правки, чего со мной никогда не бывает. Всегда приходится пускай что-то да подчищать — хотя бы стиль или пунктуацию. А тут — ничего: безупречный русский язык украинского политолога полностью купировал проявление синдрома редакторского зуда. После этого я еще несколько раз публиковал статьи Выдрина — и в «Политическом классе», и уже в «Развитии и экономике». А полтора года назад, наконец, познакомился с ним лично, и он подарил мне две свои книги, вышедшие относительно недавно, — «О политике упорно» 2010-го и «О политике бесспорно» 2011-го. У меня сразу возникло желание написать даже не рецензию на них, а некое развернутое размышление об обеих — в том числе еще и потому, что у нас манера, в которой работает Выдрин и которая представляет собой сплав аналитики и афористики, к сожалению, уже давно вышла из моды. (В таком стиле вообще мало кто писал. Навскидку могу вспомнить разве что того же Третьякова в бытность его главным редактором «Независимой га-

REVOLUTION CHE GUEVARA

«Эволюционер» — не тот, который свергает диктаторов, тасует политические режимы вместе с социальными системами, а тот, который задает новую стилистику. Характерный пример «еволюционера» — Че Гевара, создатель «стилистики воина-сибарита».

зеты», когда он издавал книги об «идиотизме российской политики», а также о том, что для нашей элиты является «нормой», а что — «патологией». Во всех нынешних «снобах» или

«русских пионерах» этот сплав уже гораздо более низкой пробы — удельный вес аналитики стремится к нулю, а афористика вытеснена жеманным эстетством.) Однако текучка

Выдрин считает, что «в каждой стране в определенный период возникает своя «обамомания». «Код Барака Обамы» заключается в грамотном использовании колоссального политического потенциала стиля. Сильный президент – это обязательно «стильный президент».

долго мешала осуществить этот замысел, и до книг Выдрина руки дошли только тогда, когда с конца прошлого года события на Украине стали автоматически попадать в разряд топовых новостей. И честно признаюсь – во многом именно вследствие этого.

Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что в настоящий момент мое намерение может выглядеть по меньше мере некорректным. Рассуждения об авторском утонченном и высококультуральном стече по поводу «политикума» кумистско-ющенковско-раннеянуровичской эпохи сейчас, когда на Украине началась самая настоящая гражданская война (сегодняшнее затишье ровным счетом ничего не значит), когда власть парализована и капитулирует перед боевиками, не скрывающими своей нацистской ориентации, могут показаться даже не абсурдными – а неэтичными. Да, согласен, считать так – правомерно. Однако правомерно и проти-

воположное мнение. У нас по умолчанию принято рассматривать аналитическую продукцию как скоропортящуюся, привязанную исключительно к ситуационной конъюнктуре, а следовательно, априори неспособную быть полезной потом. Но это мнение не только неправильное, но и лукавое. Точнее, оно лукавое – и потому насквозь лживое. В том, чтобы экспертные оценки воспринимались лишь в привязке к текучке, заинтересованы те, которые привыкли выдавать откровенную халтуру за высококлассную аналитику, получать свой навар, ловко оправдываться, почему в их рекомендациях или прогнозах что-то там «не срослось» или «не сложилось», и поскольку урывать новый заказ. Эти так сказать политологи, естественно, всегда с пеной у рта уверяют, что при объяснении текущего момента глупо зарываться в прошлое. И понятно, почему они поступают именно так. Просто из-за бо-

язни оказаться изобличенными в том, как топорно они объясняли это прошлое, когда оно было еще настоящим. А ведь всё должно быть как раз наоборот: к политологическим текстам – если, конечно, они серьезные, а не состряпанные левой ногой ради скорой наживы – необходимо возвращаться и после их написания, чтобы через представленную в них картину недавнего прошлого правильнее понимать настоящее. Книги Выдрина как раз такие. И неважно, что они о прежней Украине – а новая Украина при любом раскладе, даже самом оптимистичном, будет уже совершенно другой. Главное, что они объясняют, почему эта бывшая советская республика пришла к такой катастрофе, и показывают, что ее может ожидать далее.

Обстановка на Украине меняется стремительно, и очень возможно, что какие-то акценты приведенных ниже размышлений о книгах Выдрина утратят злободневность еще до того, как альманах выйдет из типографии. Но во-первых, если выпадение содержащихся в настоящем тексте мнений из обоймы актуальных, адекватных переживающей повестке комментариев произойдет к тому моменту, когда читатели откроют этот номер альманаха, то в этом нет ничего страшного. Важно, что на момент написания статьи те вопросы, которые в ней разбираются, активно обсуждаются в СМИ и блогосфере. А во-вторых – и это главное, – если те или иные экспертные оценки перестают вызывать интерес, потому что оказались неправильными, это одно. Но если они всего-навсего устарели, хотя и точно интерпретировали ситуацию на момент своего появления, это совсем другое. Надеюсь, что предлагаемое здесь комментирование Выдрина если и

покажется читателям архаичным, то именно вследствие явного ускорения политического времени на Украине. Что же касается неэтичности из трагического сегодня смотреть в довольно комичное вчера, нарисованное Выдриным в обеих книгах, то такое резонерство вряд ли вообще уместно. В конце концов, Шекспир, этот величайший политолог всех времен и народов, вел свою тайнопись, виртуозно используя стилистический потенциал как комедии, так и трагедии. Он свободно переходил от одного жанра к другому и снова возвращался к первому, проговаривая на языке комедии то, что не прозвучало бы так метко на языке трагедии, и наоборот. Скажем, поиграть с каббалистической премудростью ему было легче в «Венецианском купце», а вот разложить геополитический британский пасьянс – в «Макбете». (Я без всяких параллелей с Венецианской комиссией в ситуации очевидного переписывания украинской конституции, равно как и не провожу – с намеком на перспективы сохранения территориальной целостности Украины – никаких аналогий с многовековой проблемой Британии, которая имеет шанс разрешиться в этом году самым неожиданным образом, хотя понятен соблазн всё именно так и воспринять.)

О революции

Слова, особенно затасканные – например, «революция» и весь близлежащий к этому понятию набор однокоренных производных, – ужасно тоталитарны. Наросшие на них толкования и аллюзии не только мешают, но подчас даже не позволяют при их употреблении апеллировать к обозначаемым ими первозданным или хотя бы очищенным от напластований минувшего и текущего веков смыслам.

Но несмотря на это мы вынуждены использовать такие слова – за неимением других, по привычке, из-за нежелания усложнять собственную лингвистическую жизнь. И в результате оказываемся под их зомбирующим воздействием – начинаем воспринимать как единственно верные не только подновленные версии лексических значений этих слов, но и связанные с подобными модернизированными интерпретациями эмоциональные и оценочные состояния. К чему это я? А к тому, что надо совершить над собой усилие, чтобы назвать происходящее сегодня на Украине – как, впрочем, и случившееся там почти 10 лет назад – революцией. Существуют другие – более адекватные – определения обоих Майданов. Например, «переворот» или «выстраивание контура внешнего управления в режиме управляемого хаоса». Считаю необходимым обозначить свое отношение к такому логототалитаризму, но далее, не делая больше никаких оговорок, буду просто употреблять те же слова, что и Выдрин.

Итак, о революции. С одной стороны, похоже, сам политолог так до конца и не знает, что же это такое – украинская революция. То он заявляет, что настоящие революции делаются не «на майданах, на сценах и на концертных подиумах», а «на улицах, на баррикадах и в темных переулках». То говорит, что революция вовсе «не там, где создаются баррикады», а «там, где ломаются президиумы». С другой стороны, в таких разнотечениях можно, напротив, увидеть поиск адекватного описания украинских реалий. Напомню еще раз: говоря о революции, автор имеет в виду, конечно, события 2004-го. Но, видимо, еще задолго до начавшегося в ноябре прошлого года он чувствовал, что новая

революция будет разыгрываться по совершенно другому сценарию. Отсюда – и нашупывание тех реперных точек, при соединении которых общей линией внутри обведенного пространства и возникает территория революции. Арсенал «бархатного» сценария 2004-го пополнился. К «майданам», «сценам», «концертным подиумкам» добавились «улицы», «баррикады», «темные переулки». Да и сама революция оказалась совсем не «бархатной». Критерием того, что революция совершилась, понятное дело, является падение «президиумов» – но с этим, как оказывается, сложнее. «Президиум» может покинуть свою резиденцию и исчезнуть в неизвестном направлении. А потом с другого конца страны заявить о себе – как о действующем и никуда не девшемся. А вслед за этим переместиться в соседнюю страну и оказаться встроенным в сложную многоходовку. Выдрин как будто предвидел появление феномена блющающего «президиума», когда говорил, что эпикриз о революции как свершившемся факте можно дать лишь на обломках «президиума», против которого эта самая революция и затевалась. А нет обломков – нет и революции. Вернее, есть революция как процесс, но не как результат. Понятно, что такие обломки будут однажды найдены. Но когда? Вот и торопится нетерпеливый «политикум», проявляя при этом не свойственное ему никогда ранее единодушие, оформить свидетельство о политической смерти недосягаемого «президиума». Да, всё это очень по-нашему, по-русски – то есть по-украински. Здесь явно не работает классический революционный алгоритм, с такой вычурностью и явным любованием – как эталонным образцом – выписанный Выдриным. Этот

Когда Выдрин писал свои книги, на право называться «мачо украинской политики» претендовал лишь один политик: главная сенсация прошлых президентских выборов – Тигипко (на фото), неожиданно для всех занявший в первом туре третье место после Януковича и Тимошенко.

алгоритм – или, как его называет политолог, «код революции» – был найден им при посещении мемориала Симона Боливара в Каракасе. Который раз убеждаюсь, как вредно нам перемещаться в теплые края, где сиеста мутит рассудок и наш «острый славянский смысл» начинает давать сбои. Может быть, этот самый «код» и вычисляется по выведенной Выдриным формуле: три предательства (своих социального слоя, культуры и религии) плюс две потери (любимой женщины и денег – чтобы не мешали). Но только такой «код» явно неприменим к нашей действительности. Постсоветская неосословность, утвердившаяся на всем пространстве бывшего Союза и нагло застопорившая все мыслимые и немыслимые социальные лифты, сродни второму изданию крепостничества в раннее Новое время. И там и там невозможность вырваться из своего социально-

го слоя (причем, как это ни парадоксально, не только тем, которые снизу, но и тем, которые сверху) прекрасно уживается с рынком и рыночными отношениями, которыми охвачены и крепостные, и аристократы. О культуре и религии в нашем случае также говорить не приходится по причине их, ну, очевидной непервостепенности для всех акторов, претендующих на право называться революционерами. Об отказе от женщин (не только любимых, но и ситуационно используемых) и денег – вообще говорить смешно. И сам Выдрин, переносясь из прекрасного латиноамериканского далёка, вынужден при-

воина-сибарита». И пока на Украине не появятся такие «стилисты духа», как командант, которым хочется подражать во всем – вплоть до того, чтобы так же стильно «куриль сигары и носить набекрень береты», – до тех пор в стране не будет ни настоящей революции, ни настоящего лидера, без которого революция, как замечает Выдрин, «все равно что секс без партнера». (Вот наглядный пример лингвоталитаризма: под революцией автор понимает не нечто майданоподобное, а именно стилевые инновации, а между тем само слово, будучи произнесенным, уже начинает вести свою собственную игру! Ну, да ладно – обещал ведь выше не цепляться к словам.)

Правда, Пелевин, который своей книгой «Generation «П»» во многом и спровоцировал нынешнюю чегевароманию, оценивает команданте – точнее, моду на его имидж – гораздо сдержаннее. Писатель называет самого латиноамериканского героя, а также «символизируемый им бунт» «коммерческим клише», ведь мир, как считает Пелевин, «делает деньги на прямом бунте против себя». Поэтому, может быть, сигары и берет набекрень – это не более чем удачная рекламная находка, хорошо продуманный пиар-ход? Хотя так ли уж это принципиально, если подобное имиджевое решение окажется способным породить нового вос требованного временем лидера. Выдрин считает, что «в каждой стране в определенный период возникает своя «обамомания». «Код Барака Обамы» (который политолог расшифровал, как и «код революции») заключается в грамотном использовании колossalного политического потенциала стиля. Сильный президент – это, по мысли Выдрина, обязательно «стильный президент». В этом раз-

знать, что и революции, и контрреволюции на Украине делают люди с деньгами – только в последнем случае с очень большими деньгами. Может быть, олигархи инвестируют именно в революцию, а не в контрреволюцию вовсе не из-за недовольства «Семьей», как сейчас говорят на каждом углу, а всего-на-всего потому, что хотят элементарно сэкономить?

О политическом герое

Выдрин не революционер. «Код революции» по Боливару – это то, что сам политолог не приемлет. У автора свой герой, которого он называет «эволюционером». «Эволюционер» – не тот, который свергает диктаторов, тасует политические режимы вместе с социальными системами, а тот, который задает новую стилистику. Характерный пример «эволюционера» – Че Гевара, создатель «стилистики

гадка «обамомании», продолжавшейся на протяжении чуть ли не всего первого срока действующего американского президента.

И вот здесь политолог делает очень важное заявление. По его мнению, именно в жажде большого стиля кроется главная причина разлитого во всем украинском обществе запроса на политика-мачо. (Кстати, разлитого до самого недавнего времени – такой запрос довольно долго оставался питательной средой и для Евромайдана.) Но ведь по сути то, о чем говорит Выдрин, – это в условиях нынешней политики как реальной виртуальности просто более современный, более конкурентоспособный пиар-продукт. Тот же политгламур, но только несколько иной, со слегка измененной гаммой ароматизаторов и отдушек. А потому надуманные сетования автора в написанном им стихотворении о щемящей ностальгии по Че Геваре:

*Мы страшно устали терпеть и стремиться,
В гламур, как в асфальт,
закатали нас боссы.
Нам дали жратву и налили
бухало,
Но вынули сердце и срезали
косы.*

Правильнее было бы не сетовать, что закатали в гламур, а досадовать, что не в тот гламур, в какой хотелось бы: «В гламур – да не в тот – закатали нас боссы».

Когда Выдрин писал свои книги, на право называться таким мачо претендовал лишь один политик: главная сенсация прошлых президентских выборов – Тигипко, неожиданно для всех занявший в первом туре почетнейшее третье место после Януковича и Тимошенко. Тогда очень многие были готовы поставить на эту темную лошадку, в которой увидели будущего

президента-технократа, способного осуществить апгрейд власти и усилить сцепку востока Украины с ее западом. Подобные иллюзии лопнули, как мыльные пузыри, когда начался Евромайдан. Тигипко переосторожничал сам себя, пытаясь равноудалиться и от Януковича, и от оппозиции. Публично высказанное им намерение порвать с «регионалами» так и осталось всего лишь намерением. И на Евромайдане он не был замечен – вероятно, трезво оценил свою даже не нехаризматичность, а элементарную непубличность, которую – видно, по недоразумению – все эти годы после выборов 2010-го считали признаком технократизма. Со стороны всё это выглядело не взвешенностью и независимостью, а элементарной робостью и полной дезориентацией, чего политикам по определению не прощают, а политикам, с которыми связывают какие-то надежды, не прощают особенно.

Выдрин же с самого начала испытывал скепсис по поводу большого политического будущего Тигипко и припечатал этого «бронзового призера» выборов 2010-го убойным определением – «биментал». По мысли политолога, на Украине сегодня существуют два основных «ментальных субрегионов» – восточноукраинский и западноукраинский. «Сакральной столицей» первого является Донецк, второго – Львов. Восточноукраинский ментальный тип – это, условно говоря, «янычары», которые живут набегами, но совершенно не умеют ни обустраивать, ни защищать собственные территории. Западноукраинский ментальный тип – это «схронщики», озабоченные защитой своих многочисленных схронов и тайников, но не желающие вторгаться в чужие территории. Между субрегионами, считает Выдрин,

располагается «мегабиментальная» зона – Днепропетровщина. Ее представители «легко мимикируют» и «имитируют» характерные черты обоих субрегионов. Но делают это вполне искренне, превращаясь в активных проводников и «любой правящей идеологии», и «модного мировоззрения», и «любого восходящего тренда», и интересов действующей власти. То есть они биментальны по своей культурно-политической идентичности. В этом – как сила бименталов, так и их изъян: они поверхностны и никогда не укореняются в те смыслы, которым в данный момент служат. И Тигипко – выходец из Днепропетровщины – является ярким представителем бименталов. Он тяготеет к упрощениям и не обременяет себя необходимостью придумывать собственные идеи и лозунги, ограничиваясь лишь ловкой комбинаторикой чужих наработок. В то же самое время, как убежден Выдрин, «крупную личность, как и крупную рыбку, всегда тянет в глубину». И если Тигипко действительно захочет играть в большую игру с крупными ставками, его биментальность будет сильно мешать формированию собственного оригинального образа и стиля. Еще один политический дефект Тигипко – это его комсомольско-банкирское прошлое. Комсомольцы, ставшие затем успешными банкирами, привыкли решать дела, играя на человеческих слабостях – такого рода соблазнах. Это помогло бывшим комсомольским функционерам на первых этапах приватизации, но уже на стадии передела собственности и тем более конвертации собственности во власть такая «ставка на соблазны» явно проигрышна. Да, мачо – это соблазнитель по определению. Но какой именно мачо? Выдрин различает мачо под-

Для создания впечатления собственной брутальности одним политикам надо кричать, а другим – молчать. Кличко относится к последним. Для политика запутаться в имиджах – всё равно что для нелегала запутаться в легендах. И Кличко допустил этот фатальный промах.

линного («скрывает свою истинную силу, и его хочет народ») и мачо фальшивого («изображает чрезмерную силу и хочет народ сам», намекая, что Тигипко является именно последним).

Еще раз – всё это политолог писал задолго до Евромайдана. Но какой верной оказалась его характеристика, как тогда казалось, восходящей звезды украинской технократии! Насколько прозорливой явились оценка перспектив этого политика! «Тигипко тускл и аморфен во власти, – отмечает Выдрин, – и вообще не виден – в оппозиции». Да, при очень сильном желании сквозь слишком розовые очки можно было бы принять тускость за преднамеренно культивируемую неброскость технократа, а аморфность – за гибкость и готовность взять на себя функции своего рода менеджера по обеспечению политических

компромиссов. Но вот пифийский выкрик политолога о том, что в оппозиции наш герой «вообще не виден», можно истолковать только однозначно и прямолинейно: «не виден», потому что его там не было раньше и нет сейчас – примазываться к сегодняшним триумфаторам-пенкоснимателям уже поздно. Это как в 1991-м с выходом из КПСС. Если ты положил партбилет на стол до вечера 21 августа, то есть до возвращения Горбачева из форосского заточения, то ты герой, демократ, и с тобой можно иметь дело. Если после – то ты жалкий перевертыш, двуличный приспособленец, и нечего тебе рассчитывать на лакомые должности. Ну, во всяком случае, так тогда преподносилось...

Сформулировав проблему массовых страстей по мачо, Выдрин убил сразу трех зайцев. Во-первых, он точно вы-

числил сам тренд. Во-вторых, показал, что тот, в ком все уже готовы были признать мачо, таковым на самом деле не является, что он не настоящий, а фальшивый мачо. Наконец, в-третьих, – и это самое главное – следующий всплеск «обамомании» политолог – напомню, это было написано в 2011-м – предрек «через 2-3 года», то есть срок исполнения этого прогноза точь-в-точь совпадает с Евромайданом, который по сути – если развивать авторскую мысль – и явился кастингом кандидатов в мачо.

По крайней мере, так он начинался. Еще задолго до Евромайдана стало казаться, что новым «мачо украинской политики» станет Кличко. Да и Выдрин в книге, изданной в 2011-м, намекал на соответствующий имиджевый потенциал боксера – кстати, еще задолго до того, как о лидерских перспективах Кличко заговорило экспертное сообщество. Автор сказал об этом в связи с Тигипко и по поводу исключительных политических возможностей стиля, который «всегда побеждает силу» – «как Кличко несомненно победит Валуева». Но с началом Евромайдана очень быстро выяснилось, что и Кличко – точно такой же дутый мачо, как и Тигипко. Образ мачо затрещал по швам, как только Кличко стал пробоваться на роль народного трибуна Евромайдана. У Выдрина есть интересное замечание, касающееся поведенческих стереотипов полярных украинских ментальных типов: «“Донецкие” вместе, даже когда они молчат. А “львовские” вместе, только когда они кричат». Перефразируя этот афоризм применительно к лидеру УДА-Ра, можно сказать, что для создания впечатления собственной брутальности одним политикам надо кричать, а другим – молчать, по крайней

мере, на публике. Кличко относится к последним. Для политика запутаться в имиджах – всё равно что для нелегала запутаться в легендах. И Кличко допустил этот фатальный промах. Выступая перед Евромайданом, он, точно университетский профессор – а никак не народный вождь, косился на айпад – кабы чего не забыть, кабы в нужном месте поставить смысловое ударение, а в другом месте – выдержать паузу. При подписания акта о безоговорочной капитуляции Януковича в присутствии забугорных гарантов Кличко жал руку все еще пока президенту – а потом суетливо оправдывался перед массами за это рукопожатие. Мачо так не поступает. Мачо всегда должен источать абсолютную уверенность в себе, какую бы глупость он ни совершал или ни говорил.

Не лучшим образом обстоят дела и у двух других кандидатов в мачо – Яценюка и Тягнибока. Что касается Яценюка, то Выдрин еще в «Политическом классе» едко высмеял его предвыборный имидж прошлой президентской кампании, когда вся Украина оказалась завешанной рекламными плакатами, на которых этот политик был изображен в камуфляже, ну, совсем не вязавшемся с его внешностью. По этому поводу политолог тогда съехидничал: «Какой ты, на фиг, танкист!» – именно так должна ответить девушка ухаживающему за ней молодому человеку, когда узнает, что он вовсе не бравый военный, каким он хотел ей казаться, нацепив камуфляж, а отличник из музыкальной школы. И даже если такой отличник из музыкальной школы все-таки вскарабкивается в премьерское кресло, он от этого не становится «танкистом», или – иными словами – мачо.

Для вящей убедительности мачо ко всему прочему не-

обходим еще и определенный лоск и даже – позволю себе дополнить Выдрину – в какой-то мере дендилизм – разумеется, в политическом измерении. У обоих названных выше членов евромайданного «триумвирата» в той или иной мере эти качества еще проглядывают. Но ими напрочь обделен третий «триумвир» – Тягнибок. Между тем для мачо одной лишь харизмы крутизны недостаточно – тут требуется определенная огранка. Тот же залихватски заломленный берет или со вкусом раскуриваемая сигара. Толпа уважает лидера не только за то, что он смелый и решительный, но и за то, что он другой выделки. А с этим у вожака «Свободы» совсем плохо.

И вот тут впору сделать два принципиальных вывода о сегодняшней ситуации на Украине.

Вывод первый – даже неинтересный из-за своей бесспорности. Можно сколь угодно со своименным экспертузу сообществу профессиональным смаком анализировать «перехваченный» телефонный разговор Нуланд с Пайеттом и с затаенным дыханием наивного конспиролога наблюдать за осуществлением содержащегося в этом разговоре «предсказания» о премьерстве Яценюка. (Воистину прав Выдрин, считающий, что «в гербы всех “оранжевых республик” должны быть включены мобильные телефоны», подобно тому как в гербах некоторых государств, «возникших революционным путем», имеются «калаши».) Можно в пробковой непотопляемости Кличко завороженно углядывать проявления самостоятельной игры Германии на Украине – даже в пику Соединенным Штатам. Но морфология Евромайдана этим не исчерпывается. Большая geopolитика – вещь занятная, но явно недостаточная для

понимания украинской «февральной революции». Тут нужна еще и сфокусированная оптика политической антропологии – типа «кода Обамы». Сквозь такую оптику многое видится четче и точнее. Вывод второй. Очередная украинская революция уже неспособна остановиться и продолжает набирать темп. И судя по всему, революционные массы мачо уже больше не хотят. То, что они хотели мачо в самом начале Евромайдана, – однозначно. Бессспорно и то, что его еще продолжали хотеть в ходе крещенских столкновений в Киеве. Но вот когда в середине февраля в столице стали стрелять по-настоящему, похоже, появился запрос на новых героев. Выше я уже сказал, что даже Тягнибок никак не тянет на мачо. А о всяких оборотнях типа Яроша и подавно говорить не приходится. Эта нечисть, точно ожившая химера с дома Городецкого, уничтожающая – пока что – памятники и глямящаяся под телекамерами над прокурорами, – вот он, новый культурный герой, пршедший на смену мачо, трикстер украинского Февраля 2014-го. Революция – а особенно революция победившая – всегда пьянят массы, которые в угаре начинают принимать за ангелов сущностей из низшего астрала. А когда угар проходит и наступает тяжкое похмелье, уже не получается отыгрывать обратно... Удивительно, но почти одновременно с наступлением развязки Евромайдана в российский прокат вышла новая экранизация гоголевского «Вия» Олега Степченко. Причем очень даже евроориентированная экранизация – как по постановке, имеющей мало общего с оригиналом, так и по съемочной команде. Случайно ли это? Как гласит одна политическая мудрость (в коллекцию нашему автору-по-

литафористу), совпадение — это просто чай-то неразгаданный сценарий.

О любви и ненависти

Выдрин пишет озорно и ёрнически. Нешадно поддевает всех подряд своими убойными характеристиками. Но делает это в общем-то беззлобно. И лишь в единственном случае у него не получается скрывать своего предельно негативного отношения к одной из персон «политикума». Эта персона — Тимошенко. «Триумвиры» показали, что годятся разве что на роль парламентеров между Евромайданом и Банковой. Тимошенко же, выйдя из заточения, сразу продемонстрировала президентские амбиции. Можно согласиться с высказываемыми сейчас суждениями, что добиться этого ей будет нелегко: мол, кровь свою не проливала, к старому коррумпированному режиму причастна, и вообще никто еще не списывал со счетов Кличко, а то и кого-то еще из других записных кандидатов в президенты. Но вместе с тем нельзя не видеть и того, что за пределами Украины, в том числе и у нас, очень многие — и притом влиятельные — лица считают, что из пока не определившейся обоймы участников ближайших выборов иметь дело можно только с Тимошенко и лишь она сумеет уберечь государство от распада. Поэтому тем более важными представляются оценки, данные Тимошенко Выдриным. Эти оценки — серьезное предупреждение всем тем, которые торопятся в объятия георгиевской Майдана-2004, экс-премьера и вообще Матери «Отечества» (последнее слово в данном случае можно употреблять как в кавычках, так и — как, наверное, хотелось бы самой Тимошенко — без оных). Но обо всём по порядку.

В последнее время много говорят о том, что Евромайдан по-

хоронил специфическую — договорную — модель украинского режима. Суть этой модели заключается в том, что в нынешних границах Украины просто не может возникнуть настоящего авторитаризма, потому что власти ради сохранения целостности государства постоянно приходится поддерживать хрупкий баланс между совершенно разными в культурном отношении востоком и западом страны. А значит, все реальные политические субъекты постоянно вынуждены обо всем друг с другом договариваться. О такой договорной государственности — «украинской демократии» — пишет и Выдрин. При этом строе, считает он, за демократию выдается «некий симулятор», например, потасовки в Раде, конкуренция кланов и групп влияния, периодические отставки Кабмина, выборы как своеобразный Юрьев день — смена хозяев и не более того, а также прочие элементы сугубо внешнего ребрендинга. Политолог прав — менялся дизайн режима, а его договорная основа оставалась незыблевой. И что характерно, эта модель сохранилась даже после Майдана-2004. Сначала — в сочетании слабого, но упрямого президента, вечно оппозиционных ему правительства и решавшей свои проблемы Рады. Потом — в более пастельном рисунке: протеообразный президент, не мешавшие ему министры и по-прежнему озабоченная обеспечением собственных интересов Рада. Судя по всему, именно в этом направлении (ну, конечно, в идеале, а не в том, что получалось на практике) автору видится — вернее, виделся, когда он об этом писал несколько лет назад, — и путь к решению «главной проблемы Украины», которая заключается в «создании нового механизма самоидентификации».

Однако ни Евромайдан, ни тем более оборотни-боевики не заинтересованы в сохранении такой договорной демократии. Первыми эту жесткость и недоговороспособность нового режима почувствовали на себе «триумвиры», последовательно работавшие — причем даже в кульминационный момент революции — в старой парадигме. Они преуспели на ниве регулярных сверок часов с Януковичем, но никак не в консолидации ресурса собственной влиятельности. (Предупреждал же мудрый Выдрин в своем «кодексе для оппозиции»: «Не бойся никого и ничего, кроме времени».) И в результате не стали вождями революции, которая на самом деле была направлена не против режима Януковича, а против этой самой договорной модели. (Да, «триумвиры» по-прежнему мелькают где-то на передовой, а Яценюк даже занял премьерское кресло и может в нем остаться и после выборов, если на них победит Тимошенко. Но подобные бонусы и даже благоприобретения и роль вождей революции — несопоставимые вещи.) Но в таком случае новые киевские власти должны понимать, что из сложившейся ситуации только два выхода: либо сохранение договорной специфики украинской государственности — и тогда шанс удержать страну в существующих границах, либо никаких «договорняков» — и как результат неминуемый распад территории бывшей советской республики.

О подобной угрозе — появлении влиятельного, но недоговороспособного политического субъекта, из-за которого застопорится процесс своеобразного, но тем не менее все же реального диалога, — писал несколько лет назад и Выдрин, но только он подразумевал под таким субъектом

Киев. Февраль 2014-го

Кадр из фильма Олега Степченко «Вий»

Тимошенко, которая, победив на выборах 2010-го, установила бы диктатуру и тем самым ликвидировала бы «украинскую демократию». Честно говоря, когда я — еще задолго до террора, устроенного боевиками с Евромайдана, — прочитал сценарий утверждения диктатуры этой хрупкой женщины с нарочито национальной прической, то счел, что политолог преувеличивает. Ну, какая диктатура в договорном государстве? Сама природа «украинской демократии» не позволит появиться диктатуре. Или это будет уже не договорное государство — а значит, уже и не Украина в ее нынешних очертаниях. Если договорная государственность — это нечто устойчивое, самовоспроизводящееся, более или менее стабильное и прогнозируемое, то диктатура на Украине — это исключительно транзитный режим. Его транзитность может быть длиннее или короче, но она, вне всякого сомнения, конечна, ибо неизбежно приведет к прекращению существования прежней Украины. «Особенность Украины в том, что ее нельзя ни расколоть, ни объединить», — считает Выдрин, но это утверждение справедливо именно для режима «украинской демократии». Только откажись от этой дого-

Революция всегда пьянит массы, которые в угаре начинают принимать за ангелов сущностей из низшего астрала. Удивительно, но почти одновременно с наступлением развязки Евромайдана в российский прокат вышла новая экранизация гоголевского «Вия» Олега Степченко.

войной основы — и никакого труда не составит ни расколоть, ни заново в иной конфигурации и новых границах объединить раскололшиеся части. Поэтому вызывают недоумение мнения некоторых — и весьма статусных — московских экспертов, что, дескать, на Украине всё так или иначе утрясется после прихода Тимошенко. Ну, будет режим несколько более оранжевый и антироссийский, чем при Ющенко, но в целом, мол, Юля вполне предсказуема: жестко стелет — а спать-то в итоге всё равно будет мягко. Подобные прогнозы смешны. Тот, кого изберут 25 мая (или во втором туре), — неважно, кто станет этим победителем: Тимошенко, Кличко или кто-то другой, — будет просто обязан действовать с оглядкой на оборотней. Если в 2004-м сработал описанный Выдриным украинский способ подавления восстания — «когда власть вдруг возглавляет восставшие массы» (да и восстали ли они тогда самостоятельно, без подсказки сверху?), то сейчас происходит всё наоборот — корич-

невый сегмент Евромайдана диктует власти свои условия. А значит, договорной демократии каюк при любом раскладе президентской кампании. Да, теперь я вижу — мой скепсис в отношении тревожного прогноза Выдрина был легкомысленным. Политолог еще несколько лет назад предвидел вероятность того, что происходит сейчас на наших глазах, только в несколько иной аранжировке. Приди Тимошенко к власти в 2010-м, и коллапс договорной модели случился бы не из-за фашистов в черных балаклавах в коридорах Банковой, а в силу личностных особенностей победительницы. Комплекс зданий на Банковой и в этом случае был бы оккупирован — разве что несколько иной публикой: к новоизбранному президенту тут же выстроилась бы очередь желающих продемонстрировать свою лояльность — как образно замечает Выдрин, в приемную президента переселилась бы вся политическая элита Украины. Политолог детально объясняет, почему это случилось

Первыми жесткость и недоговороспособность нового режима почувствовали на себе «триумвиры». И хотя они по-прежнему мелькают, а Яценюк (на фото) даже занял премьерское кресло, подобные бонусы и роль вождей революции – несопоставимые вещи.

бы. Он делит украинскую элиту на две группы. Первая, которая больше, – это «монетофаги». Для них целью являются деньги, а власть – лишь средство, с помощью которого такая цель достигается. Вторая группа – неизмеримо меньшая – «кратофаги», для которых главное – власть, а всё остальное – только инструменты обретения власти. Тимошенко по приведенной классификации – типичный и ярко выраженный «кратофаг». Причем из всех «кратофагов» она – наиболее исступленная, буквально одержимая, готовая на всё ради власти как таковой. Сегодня совершенно очевидно, что политолог был абсолютно прав, характеризуя Тимошенко подобным образом. Тюрьму, в которую она попала уже после выхода книг Выдрина, следует рассматривать как сознательный выбор экс-премьера – в качестве весомой инвестиции в свой

имиджевый капитал на будущее. Не надо быть глубоко посвященным во все тайны Банковой, чтобы понимать элементарную истину: если фигура такого масштаба села в тюрьму – значит эта фигура сама того захотела и по каким-то своим соображениям отвергла многочисленные варианты более мягкого – и может быть, даже оплачиваемого – ухода из политики. Тимошенко ясно осознала непреложный закон: тюрьма для политика – это уникальная возможность ощутимо поднять рейтинг за государственный счет. Мотающих срок у нас – в смысле на пространстве, где говорят по-русски, – традиционно жалеют. Если, конечно,

что олигарх на самом деле, по словам отдельных осведомленных лиц, и отбыл в лагере 10 лет, оппоненты Кремля и подавно ставят ему в заслугу. Однако Тимошенко в представлении Выдрина – вовсе не утонченный «кратофаг» с налетом рузвельтовского аристократизма. Она – олицетворение вульгарности, под которой следует понимать апелляцию к примитивным – чуть ли не на уровне инстинктов – хтоническим чувствам любви и ненависти. По первым публичным выступлениям Тимошенко после освобождения видно, что эти особенности ее политического поведения не только не исчезли, но стали еще более агрессивными.

О проигравших

Тимошенко относится к политике не как к бизнес-проекту, а как к чему-то сакральному, самоценному. Она, считает Выдрин, – «общенациональный лидер кратофагов», а «в политике политик всегда побеждает бизнесмена». Этую аксиому, по словам политолога, упорно не понимают оппоненты Тимошенко, особенно «регионалы» во главе – тогда еще, когда автор об этом писал, – с Януковичем, являющиеся олицетворением «монетофагов». А ведь победить «кратофага» может только другой «кратофаг», но никак не «монетофаг». Но это стратегически – а тактически вполне возможна и обратная комбинация, которая и произошла в 2010 году. Главный электоральный конфликт последней президентской кампании Выдрин усматривает не только в персональном противостоянии Тимошенко и Януковича, сколько в столкновении двух типов сознания – «вульгарно-пошлого» в лице первой и «монетарно-утилитарного», персонифицированного вторым. И победил тогда Януко-

вич именно потому, что на тот момент «монетарно-утилитарный» тренд был восходящим. «Монетофаги» почувствовали, что это их игра, — и одержали верх.

Однако в политике неоспоримое достоинство легко может обернуться неисправимым недостатком. Еще в самом начале президентства Януковича Выдрин указывал на ахиллесову пяту нового режима — ту самую пяту, которой он в конце концов и споткнулся о Евромайдан. Придя к власти, считал политолог, «монетофаги» будут по-прежнему уповать на тренд, с помощью которого они одержали победу, хотя не факт, что сам этот тренд останется неизменным. Весь пафос затянутой Януковичем кампании по отказу от евроинтеграции сводился к сугубо прагматической стороне вопроса — это скажется на материальном благосостоянии граждан. Но тренд к тому моменту уже был иным, о чем наглядно свидетельствуют об разность и риторика Евромайдана, а также тот факт, что на этот раз — в отличие от 2004-го — радикалы оказались на первых ролях. А там, где стилистика смерти и борьбы на уничтожение становится основополагающей, «монетарно-утилитарный» тренд по определению не может доминировать. Он уступил лидерство тренду «вульгарно-пошлому» — правда, заметно мутировавшему: если переборщить с насыщенностью оранжевого цвета, он может превратиться в коричневый. Этого не понимают или по каким-то причинам не желают понимать наши упомянутые выше эксперты. Еще один изъян «монетофагов» — это их «комплекс неполноценности, связанный с публичностью». К сожалению, Выдрин не развил дальше эту исключительно важную мысль. И даже понятно, почему политолог оборвал себя на полуслово,

ве, — потому что затронул свою любимую тему политического стиля, в которой он как рыба в воде, и решил не топтаться лишний раз на том, что и так ясно. Ясно ему — но, похоже, не до конца ясно другим. Вернее, очень многие интуитивно чувствуют, что собака всех неудач «регионалов» зарыта именно здесь, но при этом на вербальном уровне объясняют свои ощущения довольно косым образом: мол, коррумпированы, понимаешь, сверх всякой меры — оттого и неяркие, не-привлекательные. Хотя такое объяснение не выдерживает критики. А кто не коррумпи-

Тимошенко в представлении Выдрина — вовсе не утонченный «кратофаг» с налетом рузвельтовского аристократизма. Она — олицетворение вульгарности, под которой следует пониматьapelляцию к примитивным — чуть ли не на уровне инстинктов — хтоническим чувствам любви и ненависти.

рован? Кто пробрался на политический Олимп в белых перчатках? Потом на то они и «монетофаги», чтобы деньги делать. В противном случае они были бы не «монетофагами», а лузерами, неспособными улавливать никаких трендов. Дело тут в другом, и то, что ясно Выдрину, стоит еще раз подробно проговорить.

В начале 90-х в некоторых московских закрытых и не слишком закрытых экспертных салонах очень любили сравнивать переживавшиеся тогда фазы конфликта разных ветвей власти с хрестоматийными этапами Французской революции. И — если использовать такую аналогию — все ждали термидор. И дождались — притом что узрели наступление термидора не в главных его проявлениях, а во второстепенных, производных. Возрождение государства, уставшего, подобно матросу Железняку, от роли ночного сторожа, в экономику, усиление социальной риторики, а под-

час даже и практики, попытки — более или менее успешные — навести порядок или хотя бы просто договориться с криминально-олигархическим бизнесом — да, всё это термидор — но термидор, что называется, оболочечный. Ядро же этого термидорианского переворота составляло возвращение старой партийно-нomenklaturnой стилистики власти. Вернулся не старый строй, а старый стиль и, конечно, не в прежнем виде, а подновленный, но при этом по сути своей ничуть не изменившийся. И вовсе не потому, что он такой уж эффективный и не-заменимый — будь оно так, не случилось бы в нашей истории маразматической перестройки. А потому, что за все годы радикальных постсоветских перемен так и не сложилась какой-либо более или менее действенной альтернативы этому стилю. (Стилистика митинговая и стилистика воровская в принципе не могут стать стилистикой госу-

Индивидуальный экспертный почерк Дмитрия Выдрина (на фото) всегда легко узнаваем. И «код Выдрина» наподобие «кода да Винчи» будоражит пытливость всех тех, которые искренне хотят докопаться до ответа на вопрос: как на самом деле делается политика?

дарственной власти.) Именно поэтому термидор победил на всём пространстве бывшего Советского Союза. Даже в каком-то смысле в маргинальной Прибалтике, хотя в ней, разумеется, в меньшей степени. Разве что в центральноазиатских республиках термидора не случилось — так как там не было якобинской диктатуры. Да и вообще ничего не было — всё осталось на своих местах, кроме Киргизии — да и то с большими оговорками. А во всех остальных странах — даже в неспособной определиться с собственной идентичностью Молдавии, даже в заросшей розами Грузии — термидор в том или ином виде имел место.

Можно долго говорить о том, что собой представляет эта слегка модернизированная советская стилистика, но главная ее черта — это некоммуникабельность. Термидорианцы

просто не умеют говорить, они логофобы — боятся сказать не то и не так и делегируют право голоса — в прямом смысле этого слова — своим начальникам. Последние — так как они сделаны из того же теста — тоже не умеют и не любят говорить, но им это делать приходится в силу их положения, и получается неказисто и кургузо. Иногда это пикантно, всякого рода «черномырдинки» даже придают определенный шарм, но у логофобов такого добра с избытком. Получается очень уж переперчено. Поэтому по аналогии с легендарным определением, брошенным четверть века назад на первом Съезде союзных народов демократом Афанасьевым, — «агрессивно-послушное большинство» — тер-

мидорианское большинство можно назвать неагрессивным (этого сейчас не требуется), в целом послушным (хотя и не всегда), но главное — молчаливым. Вот в чем выражается кризис публичности «регионалов», о котором пишет Выдрин. Коммуникативная революция прокатилась по всей планете. Способность самовыражаться, преподносить себя, транслировать свои мысли — вживую или в соцсетях — это сегодня, пожалуй, самое необходимое условие политической выживаемости. А у «регионалов» с этим, ну, мягко говоря, не всё в порядке. Я даже не про украинский, с которым у многих не лады, это то как раз прокатывает, а про наш обычный родной «язык постсоветского общения». Конечно, везде есть свои исключения — например, тот же Царёв, — но ведь исключения лишь подтверждают правила.

Логофобия в сочетании с «монетофагией» — это гремучая смесь посильнее «коктейля Молотова». Она способна скрушить любую политическую силу — просто подорвать ее изнутри, дезориентировать, размагнитить, превратить в идеальную среду для выращивания собственных будущих могильщиков. Неужели память настолько коротка, что мы забыли печальную участь КПСС, страдавшей точно таким же синдромом? А ведь это было еще только в самом начале глобальной коммуникативной революции, которая тогда протекала гораздо медленнее и неуверенее, чем сейчас.

Стилевая ущербность приводит к порочной практике. Выдрин — правда, по другому поводу, говоря об избирательной стратегии «регионалов», — называет такую практику «максимальной минимизацией рисков». Однако подобная поведенческая установка проявляется не только в их избирательных технологиях. Она намного шире, это вообще политический стиль «сине-белых». В России аналогичную позицию назвали бы «здравым консерватизмом», «установкой на стабильность», «стремлением обеспечить максимальную прогнозируемость развития политической ситуации», «здравым недеянием»... ну, тут уже один шаг до своеобразного политического даосизма. Смысл данной стратегии очевиден — делать как можно меньше каких бы то ни было движений, дабы не порождать этими движениями новые вызовы — любая неожиданность или непредвиденность способна помешать разумеренной «монетофагии». Не исключено, что в какие-то периоды такая стратегия выглядит оправданной. Но это сугубо оборонительная стратегия. Если хочешь максимально минимизировать риски, то

нечего и думать о наступлении — удержать бы оборону без особых потерь. Вот почему «креативный» Евромайдан переиграл логофобов, на которых держался режим Януковича! Как это ни парадоксально, ориентация на «максимальную минимизацию рисков» позволяет легко разворачиваться на 180 градусов и торопливо предавать и своего прежнего лидера, и вместе с ним самих себя. Но за подобный разворот кругом придется расплачиваться, и самым дорогим — собственным политическим будущим. А это уже «максимальная максимизация рисков».

Об одном выученном уроке

Рисуя оптимальную для Украины картину разделения властей, Выдрин — помимо общих, красивых, в общем-то и так понятных слов о президенте-стратеге и ответственных парламентариях — утверждает: стране нужен премьер, «который не мечтает быть президентом». Для Украины, трое из четырех президентов которой сумели обрести высший пост именно благодаря заработанному в премьерском кресле реноме — я уже не говорю о гораздо большем количестве глав Кабмина, вожделениям коих не суждено было исполниться, — указанный элемент разделения властей, видимо, является самым важным. Среди постсоветских украинских руководителей правительств немногие просто сидели на хозяйстве, занимались повседневной управлением прозаикой и не использовали премьерский ресурс для пиара в видах будущих президентских кампаний, сознательно приняв на себя тяжкую и непопулярную социально-экономическую ношу второго и при этом никогда не помышляя стать первым. Подавляющее большинство ее премьеров в той или

иной степени обязательно грезили повышением. В трех случаях это сбылось, в остальных — нет. Но сама по себе премьерская установка подняться со второй ступеньки на первую прочно укоренена в «политикуме». (Украина — это ведь не Россия, где всё шиворот-навыворот и президенты становятся премьерами!) И на таком фоне казус Азарова был чуть ли не единственным исключением из правила. Пускай по неизбежности — он никогда не был бы принят украиноязычной Украиной, — но тем не менее. После того как под дулами автоматов боевиков прошел торг по поводу состава технического кабинета, новый глава правительства, хотя сам и не технический, а очень даже политический «триумвир», поспешил заявить о своем неучастии в президентских выборах. В том, что он об этом мечтает, пускай и без всякого шанса на успех, сомневаться не приходится: ведь так всё складывалось замечательно — да вот патронессу не вовремя освободили!.. То есть Азаров, Яценюк — неужели новая традиция? Хотя какая разница — традиция-то, может, и новая, только и государство тоже, как я уже говорил выше, станет совсем другим. Но тем не менее, выходит, что этот урок от Выдрина власть, видимо, усвоила.

Наконец, о самом Выдрине

У политолога имеется одно очень интересное замечание по поводу «трех уровней экспертного могущества». На первом уровне находятся те, которые способны «убедительно и смело описать существующую проблему». Уровнем выше стоят эксперты, умеющие «представить правдоподобную и элегантную модель решения проблемы». И выше всех оказываются формулирующие «сценарий аль-

тернативной реальности, в которой данная проблема просто не существует». На котором из уровней сам автор? Мне кажется, что где-то между вторым и третьим. Если бы не Евромайдан со всеми своими последствиями, то, наверное, точно был бы на третьем. Просто книги, о которых шла речь, — из другой эпохи. Можно, конечно, занимаясь своего рода ретроспективной политической футурологией, что я пытался делать в этой статье, доказывать применимость прежних объяснительных конструкций и для эпохи Евромайдана и того времени, которое наступило после «февральской революции». Хотя есть узлы — воспользуюсь этим солженицынским понятием, — в которых уязвимость моих интерпретаций Выдрина прозрачна — и прежде всего для меня самого. Поэтому, конечно же, политологу следовало бы подтвердить свою квалификацию эксперта третьего уровня — выпустить новую книгу, уже по следам произошедших перемен. Будут цензурные сложности на Украине — это можно осуществить в России, тем более что читать и изучать этого автора чрезвычайно полезно и нашему эксперенному сообществу. Но вместе с тем очевидно и другое. Индивидуальный экспертный почерк, манера политического письма Дмитрия Игнатьевича всегда легко узнаваемы. Они — заметный феномен постсоветской аналитической мысли. Можно даже говорить о существовании своего рода «кода Выдрина» — будоражащего наподобие «кода да Винчи» (но никак не «кода Обамы», с которым всё предельно ясно) пытливость всех тех, которые искренне хотят докопаться до ответа на вопрос: как на самом деле делается политика?

28 февраля 2014 года

COLUMN OF THE FOUNDERS

Mikhail Baidakov, Sergey Belkin

Holistic development – 4

The publisher and the editor-in-chief of the literary miscellany continue to structure the idea space evolving in the development problem context. In the introductory text they assert that Russia should create a new development paradigm the main point of which can be expressed by the formula – integrity in diversity. This paradigm can be productive for the development of not only Russia but the whole world.

EDITORIAL COLUMN

Dmitry Andreev, Sergey Belkin

Opening issue – 6

The article designates the issues covered by the authors engaged in preparing a regular issue of the literary miscellany. By announcing the articles to be published the editor-in-chief of the literary miscellany and the deputy editor-in-chief make the materials presented complete structurally and in terms of the meaning as a whole.

PHILOSOPHY OF DEVELOPMENT

Vladimir Kurashov

What is Russia? Philosophic Perspective – 12

Vladimir Kurashov thinks over the key issues of the Russian way of life – patriotism, nationalism, love for country and the national idea. He singles out the features specific to the Russian mentality including continuous exploration of the meaning of life or philosophical meditativeness with a pronounced tendency for metaphysical contemplation. The author highlights the importance of the spiritual unity of the nation for Russia's stability and national security. He concludes that Russia is a country of continuous exploration of the meaning of life by the nation and almost continuous reformation initiated by the government.

Vladimir Maliavin

Dear Land and Upcoming Universality – 26

Vladimir Maliavin reflects upon the forms in which the nation manifests its distinctive character and national identity in the age of globalization and nihilism. The author proposes to consider as a subject of research the forms of the phantom reality manifestation in culture and its embracement by individual and social mind. He believes that such work will be gracious for Russia as in the context of accelerated capitalist development and weakening ideological suppression the Russians will vigorously conjure "dear ghosts" from the nonbeing and Russia's representations will rapidly multiply.

Sergey Belkin

Non-Russian Russian and Russian non-Russian – 48

The editor-in-chief of the miscellany refers to the currently politicized topic – Russian national identity. The author shows the futility of the discussion of this topic in an academic manner. He believes that this problem only gets a chance of constructive resolution only when it becomes part of a more general problem – the formulation of creative goal-setting

for the whole society. Any other way to help Russians to deal with their self-identification, not only will not succeed, but will be destructive to them and thus, given the role of Russians to the society and the country as a whole.

DEVELOPMENT POLICY

Alexander Rahr

The latest “Petersburg Dialogue” forum gave a new impetus to Germany-Russia relations – 60

Alexander Rahr's article was written on the occasion of the XIII “Petersburg Dialogue” forum of civil societies of Germany and Russia held in Kassel early in December 2013. The forum focused on exploring opportunities for improving relations between Germany and Russia. The author highlights the reasons behind Germany's failure to achieve real rapprochement with the European Union, on the one part, and post-communistic Russia, on the other part, over the last 25 years. He believes that nowadays conditions have taken shape for improving significantly the relations between Europe (including Germany) and Russia.

Aleksandr Yarkov

Russians and Islam: compatibility problems and mutual survival in Siberia – 64

Aleksandr Yarkov proves that Siberia gained unique experience of conflict-free coexistence of Orthodox and Muslims. This experience sharply contrasts with the experience of Orthodox-Muslim relations in the North Caucasus, which throughout the century and a half after the end of the Caucasian War continue to be strained. However, there are some problems in Siberia. In particular it is in this macro-region emerged a phenomenon of Muslims with Russian ethnic origin, who often become adepts of radical forms of Islam.

Interview with Evgeny Fiodorov

“Russia will immediately become power number one provided it breaks free of external control” – 80

A member of the State Duma, a member of the United Russia fraction and a member of the State Duma Committee for Budget and Taxes, Evgeny Fiodorov dwells upon the need to remove from the effective Constitution of the Russian Federation a number of provisions which, in his mind, make the country a non-sovereign state. The interviewee also focuses on other aspect of the present day – the West-dependent-state of Russia – and specifies the ways for the Russian Federation to win back the status of a fully sovereign participant in the world politics.

DEVELOPMENT THEORY

Evgeny Balatsky

Technology and Institutes: Closing the Loop of Interrelationships – 96

Evgeny Balatsky views the global system wherein technology and institutes stand out as the development determinants. The article shows that the principal law of development, i.e. transformation of physical risks into social risks, has a reverse effect – transformation of social risks into physical ones. The author discusses the impact of the phenomenon of economic growth and demographic factors on this process and outlines the new development model based on the reduced population size.

Igor Gundarov

On the culture of governance by quality of life criterion – 106

Article by Igor Gundarov substantiates the necessity of turning the concept of “quality of life” into evaluation criterion for practical politics. The author explains this concept in details. Then he gives concrete suggestions to embed it as an essential item to statements of the existing power system. The final part of the article shows the practical effect on the development of the country that can be achieved by such a correction to the existing control mechanisms.

HISTORY OF DEVELOPMENT

Karen Swassjan

History of the Templars. In memory of a deserted temple – 114

Karen Swassjan represents the main milestones of the Templars history and describes their massacre at the beginning of the 14th century in detail. The author points to the inability to understand the phenomenon of Templars, to understand the causes of their conflict with the French king and evaluate the truth and fiction in the charges brought to the Order based only at academic historical studies. Karen Swassjan demonstrates the opportunities provided for historical reconstruction by going beyond the source, reference to the social and cultural codes of the era and accounting to the features of the human psyche. The article is dedicated to the 700th anniversary of the execution of the head of the Templars Jacques de Molay in March.

CULTURE AND DEVELOPMENT

Boris Mezhuev, Aleksandr Neklessa, Sergey Cherniakhovsky

Attempted Flight from the Olympus, or the Inhabited Island of Russia – 130

The talk between Boris Mezhuev, Aleksandr Neklessa and Sergey Cherniakhovsky on the occasion of the release of Alexey German's film “Hard to Be a God” based on the same name novel by the Strugatsky brothers. The experts dwell upon various aspects of the fantasy authors' writing including representation of the Soviet times reality in the most famous works and the fantasy writers-envisioned scenarios of the future of Russia and the world future on the whole.

Osmonakun Ibraimov

The Cross and the Scaffold. Chingiz Aitmatov as the Last Writer of the Empire – 152

The profile by Osmonakun Ibraimov represents Chingiz Aitmatov in the context of the era. The boom and collapse of the great Soviet empire were stamped in Aitmatov's biography. The writer took to heart all periods in the history of the USSR. As stated by Ibraimov, the key philosophical problem raised by Aitmatov in his works is ethical salvation of a human being, salvation of the human principle in a human being, deep belief in a human being and at the same time frustration that a human being is not capable of overtaking history and overcoming the doom.

Vladimir Baturin

Dostoevsky: nine actual thoughts about the true development of Russia – 160

Vladimir Baturin, starting from Dostoevsky statements about the power of the Church, nihilism, peculiarities of Russia's development of national idea, and other topics, considers

the problem of development retrospectively. Author did serious work to think up on how to adapt the ideas of the writer systematized by him to the challenges of modernity. The main challenge is to identify the constants through our history and explain on their basis, the very special way in which Russia is developing.

SPORT AND DEVELOPMENT

Interview with Yuri Borisionok

“The Olympic Games in Sochi will be yet another testimony to the existence of new Russia that is able to hold Winter Games even in the subtropics” – 166

A candidate of historical sciences, the editor-in-chief of “Rodina” (Motherland) magazine, one of the authors of the book “The History of Russian Sports” tells about participation of the Russian Empire and the Soviet Union in the Olympic Games and dwells upon the key issues of modern Russian sports. The interviewee highlights various aspects of the elite sports representation in mass media.

Aleksandr Belkin

Luzhniki: Caution – renovation! – 186

Aleksandr Belkin gives a brief history of the main Moscow Luzhniki sports complex. He talks about how the decision to build it here in the bend of the Moskva River was made. The article quotes fragments of the memoirs of persons who designed and implemented this large-scale construction. The essay lists the most interesting sports and cultural events held at Luzhniki Stadium during less than 60 years of sports village, including the Moscow Olympics of 1980.

POSTANALYTICS

Dmitry Andreev

The Vydrin Code – 190

Dmitry Andreev analyzes the books of the political scientist Dmitry Vydrin in the context of the political crisis in Ukraine. The article shows to what extent the analysis of forces distribution between the key groups of the Ukrainian elite performed by the political scientist a few years ago has manifested itself in the present-day crisis. The author tries to figure out if Vydrin’s analytical findings can help predict further development of political confrontation in the Ukrainian society.

ANNOTATED TABLE OF CONTENTS

Annotated Table of Contents in English – 204

ANNOUNCEMENT

Results and Perspectives – 208

Founders of the literary miscellany sum up the issue’s materials and announce the main themes of the following issue.

Итоги и перспективы

Завершая прошлый номер, мы писали, что собираемся приступить к теме, которую можно обозначить словосочетанием «культурная политика». Спортивная — точнее, олимпийская — статья — это не только наша дань Олимпиаде в Сочи, но и приближение к разговору о культуре, о такой ее форме, как спортивное зрелище.

В следующем номере альманаха мы планируем развить тему культурной политики — но при этом постараемся поднять планку разговора. Указом президента Владимира Путина 2014 год объявлен Годом культуры. С одной стороны, это очень важное и правильное решение. К сожалению, культуре в нашей стране не везло на протяжении нескольких последних десятилетий, в течение которых она неизменно рассматривалась как нечто вторичное — по сравнению с выполнением очередного пятилетнего плана или ударным строительством рынка — и, следовательно, опекаемое, что называется, по остаточному принципу. Поэтому если на самом высоком уровне принимается решение о приоритетном внимании к этой сфере — пускай хотя бы в рамках некой годичной программы мероприятий, — то это уже хорошо. Но с другой стороны, решение президента не может не вызывать определенной тревоги. И вот почему. Очень велика вероятность того, что мероприятия Года культуры сведутся к открытию новых музеев и выставок, к ремонту библиотек и выделению субсидий на пополнение их фондов, к театральным фестивалям и другим шагам подобного рода — то есть к тому, что на уровне обыденного восприятия и чиновничьего сознания, собственно, и считается культурой. Да, всё это культура — но культура в определенном смысле производная от неких фундаментальных, основополагающих смыслов, мотиваций, ценностных представлений и целевых установок, национальной идентичности — словом констант, формирующих жизненный мир как отдельного человека, так и общества в целом. И такие константы нужно созидать, выстраивать и организовывать, поддерживать в режиме непрекращающегося функционирования. Будут смыслы, ценности и цели — будут и библиотеки с книгами, и театры со зрителями, и музеи с посетителями, и многое другое, являющееся следствием, результатом, итогом этих смыслов, ценностей и целей. А не станет таких констант — опустят библиотеки, донельзя опишутся репертуары театров, закроются из-за отсутствия посетителей музеи.

Поэтому объявленный Год культуры мы рассматриваем как удачный повод завести разговор о том, с чего надо начинать и как вести настоящее системное фундаментальное культурное строительство. Замах, конечно, весьма амбициозный — по пальцам можно пересчитать такого рода попытки, бывшие в нашем прошлом, когда властью ставилась задача просто создать совершенно новый культурный мир. Это христианизация Древней Руси. Это — несколько столетий спустя — создание пространства Святой Руси, переросшей затем в Московское царство. Это культурный перелом Петра, приведший к появлению империи. Это, наконец, великий коммунистический эксперимент минувшего века. В каждом из перечисленных примеров создание литературных и архитектурных памятников — хотя бы и гениальных — становилось не причиной, а следствием, не условием, а итогом культурного строительства, которое перекодировало на новый лад самые глубины общественного сознания. И всякий раз начало такого культурного строительства провоцировалось кризисом, определенной исчерпанностью прежней господствовавшей культурой модели, ее неспособностью обеспечивать дальнейшее развитие — а значит, сохранение национальной идентичности.

Сегодня мы переживаем во многом аналогичный кризис — только таящий в себе еще более серьезную угрозу. Если прежде деструктивные процессы могли тянуться десятилетиями — и на протяжении всего этого времени оставалась возможность осознать наступающую угрозу и принять решения по ее нейтрализации, — то сейчас сроки неминуемо сжались. В нынешнем глобальном мире ослабшая идентичность вмиг может быть «съедена» другой идентичностью — более эффективной и конкурентоспособной. Поэтому времени для долгой раскачки просто нет. Власть осознала, что настоящее созидание новой России надо начинать с культуры, — и наша задача приложить максимум усилий для того, чтобы направить разворачивающуюся общественную дискуссию о культуре сразу в нужное русло.

Учредители

миллениум банк^{зАО}

миллениум банк^{зАО}

Приближаем к цели.

www.kbmil.ru

www.devec.ru

интернет-портал
«Развитие и экономика»